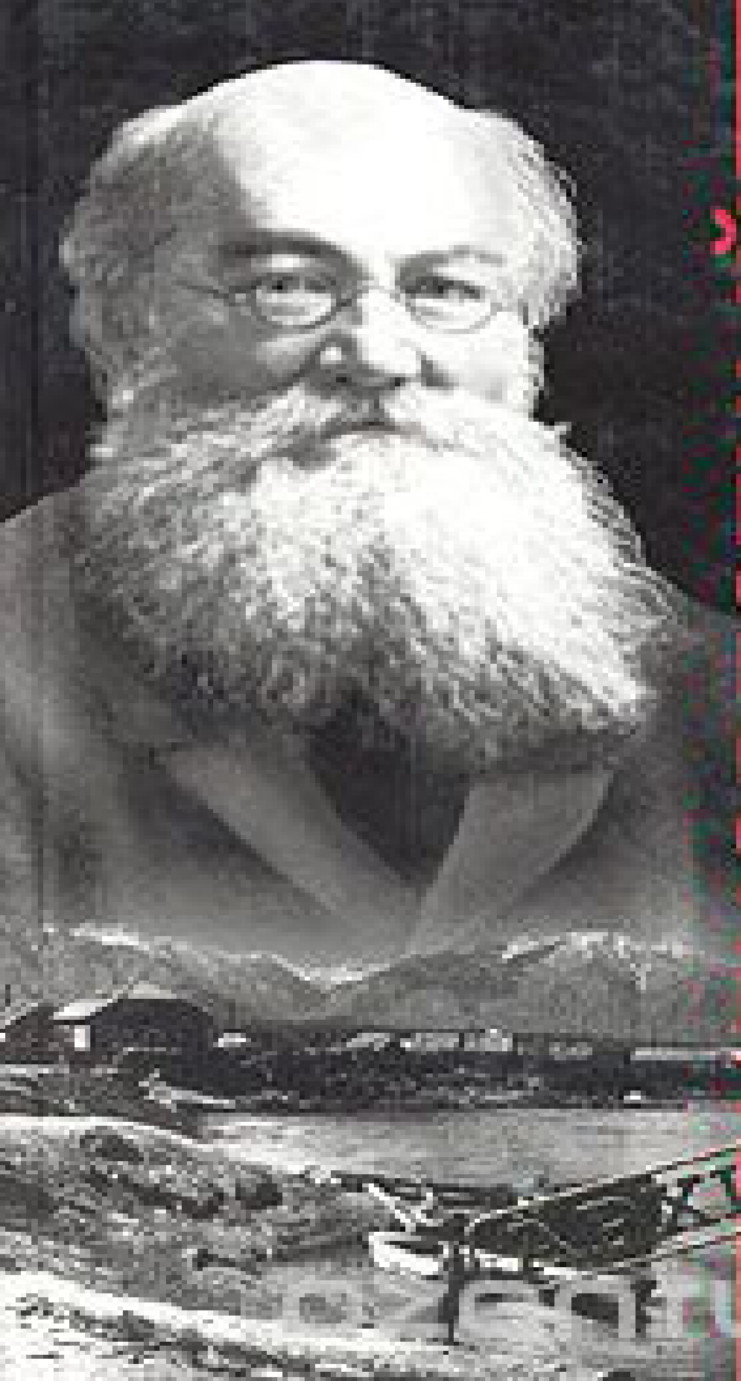

Вячеслав Маркин

Неизвестный Кропоткин

1842–1921 гг.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Петр Алексеевич Кропоткин… Еще несколько десятилетий назад перед этим именем преклонялись лучшие люди России и мира. Так случилось, что постепенно его имя стало забываться. «Не тот ли это Кропоткин - теоретик анархистов, которому удалось совершить невероятный по дерзости побег из Петропавловской крепости?» - спрашивают иногда.

Да, тот. Но к этому необходимо добавить - ученый-энциклопедист, философ мирового значения, путешественник-первооткрыватель, революционер, который проповедывал идеи общества без принуждения и насилия на основе взаимной помощи как фактора эволюции; стал основателем ряда наук геолого-географического цикла, разрабатывал теорию Ледникового периода, сотрудничал в Британской энциклопедии, познакомил США с русской литературой; кто предсказал неизбежность установления диктатуры, если придет к власти одна партия, и решительно возражал в письмах к Ленину против организованного большевиками «красного террора».

И еще - замечательный, редкого обаяния Человек - «белый Христос, идущий из России», как сказал о нем Оскар Уайльд. Каждый, прочитавший эту книгу, убедится, насколько идеи Петра Алексеевича Кропоткина во многом оказались созвучны нашему времени.

-
- Почему неизвестный?
- Часть первая. Начало жизни
  -
  - I . Двадцать первых лет
    - Рюриковичи на Пречистенке
    - Монаршая милость
    - Среди книг
    - В Пажеском Его Величества.
    - 60- е годы -время реформ
    - «Я выбрал Амур…»
    - П. А. Кропоткин
      - Из «Записок революционера» 1
      - Из переписки с братом Александром 1
  - II. Сибирский реформист
    - Путешествие из Петербурга в Иркутск
    - Воздух Сибири
    - Есаул - по особым поручениям

        - Волны Амура.
        - П. А. Кропоткин.
            - Из сибирского дневника 1
            - Из писем к брату Александру
    - III. Последний землепроходец
        - Искатель новых путей
        - Через Большой Хиган
        - Вверх по Сунгари - в Китай
        - В Саяны
        - Три тысячи верст по горной тайге
        - Прощание с Сибирью
        - П. А. Кропоткин
            - Из писем брату Александру
            - Письма из Олекминско-Витимской экспедици
            - Путешествие по р. Лене
            - Из Записок революционера 1
- Часть вторая. Служить науке или обществу?
    - I. В мире научном
        - Воздух Петербурга
        - Впервые о сибирском оледенении
        - Научный обозреватель
        - В Императорском географическом
        - Секретарь отделения
        - П. А. Кропоткин.
            - Из «Записок революционера» 1
    - II. Радость открытия
        - Отчет- монография
        - План полярной экспедиции
        - По финским и шведским озам
        - П. А. Кропоткин.
            - Из «Записок революционера» 1
            - Из переписки
    - III. Выбор свободы
        - Что делать?
        - У бакунинцев в Швейцарии
        - «В тесной семье друзей…»
        - Не по Нечаеву…
        - Триумф в науке и… арест
        - Узник крепости
        - О великом оледенении.
        - Освободительный побег
        - П. А. Кропоткин
            - Об идеале будущего строя (1874) 1

- Часть третья. Идеалы и действительность
  - I. Под чужим именем
    - Через Норвегию - в Англию
    - Спасительный журнал «Nature»
    - В центре Европы
    - Анархизм - философия природы
    - Псевдоним раскрылся
    - Русско- швейцарский «Бунтовщик»
    - Под прицелом «Священной дружины»
    - Во французской тюрьме Клерво
    - П. А. Кропоткин.
      - Из «Записок революционера» 1
      - Из переписки
    - П. А. Кропоткин
      - Из книги «Речи бунтовщика» (1885) 1
  - II. И современная наука
    - Русский политэмигрант
    - За океан
    - Переход в новый век
    - Диалог со Львом Толстым
      -
      - Из статьи «Какой должна быть география?» (1885)1
      - Из статьи «Послеледниковые изменения климата» 1 (1894)
      - Из статьи «Полярный бассейн Фритьоф Нансен» (1897) 1
      - Из книги «Идеалы и действительность в русской литературе» 1 (1901)
      - Из статьи «Лев Толстой - художник и мыслитель» 1 (1898)
  - III. Государство или общество?
    - Государственная власть
    - Анатомия революции
    - В начале века
    - Миром «правит» взаимная помощь
    - П. А. Кропоткин
      - Из очерка «Нравственные начала анархизма» (1890-1907) 1
      - Из книги «Завоевание хлеба» (1900-1906)
      - Из переписки
- Часть четвертая. Четыре последних года
  - I. Возвращение
    - Антимилитарист

        - Прощание с Англией
        - «Серебряный князь революции»
    - II. Новая реальность
        - «Обращаюсь и к правым, и к левым…
        - «Хоронят русскую революцию»
        - «Дмитровский отшельник»
        - Федерализм и кооперация.
        - Диалог с Лениным
        - Этика человечности
        - Самый последний год
        - П. А. Кропоткин.
            - Взаимная помощь в современном обществе 1
            - Послесловие к русскому изданию книги «речи бунтовщика» 1 (1919)
            - Из предисловия к книге «Завоевание рынка» *
            - Из переписки
        - Так что же делать? (1920)
        - Свидетельства современников
        - И снова на рубеже веков
- Даты жизни и деятельности П. А. Кропоткина
- Указатель имен
- Список сокращений
- Об авторе

В. А. МАРКИН

НЕИЗВЕСТНЫЙ КРОПОТКИН

Почему неизвестный?

Темный, заснеженный в зимнюю пору город Дмитров раскинулся на холмах Клинско-Дмитровской гряды, оставленной древним ледником морены. От Москвы - около ста километров. В труднейшие в послереволюционной России 20-е годы XX века здесь, на Кооперативной улице, в деревянном доме, окруженном садом, живет Петр Алексеевич Кропоткин, очень хорошо известный - не только в России, но и во всем мире. Его книги можно найти в различных странах: тысячи их экземпляров изданы на многих иностранных языках. Почти полвека назад он совершил побег из России, где был заключен в Петропавловскую крепость за участие в кружке молодежи, занимавшейся проведением просветительских занятий с рабочими в Петербурге. А за границей ему снова пришлось «отбыть срок» за пропагандистскую деятельность - во французской тюрьме. Тогда он был уже известен как крупнейший после Прудона и Бакунина теоретик анархизма (*безвластие* - так буквально переводится с греческого это слово).

Убежденный в возможности существования безвластного, безгосударственного общества, исключающего принуждение и насилие, Кропоткин посвятил множество статей и книг раскрытию своих взглядов. Но он всегда оставался и ученым редкого в истории науки энциклопедического склада. Самая популярная его книга, написанная в эмиграции и изданная во многих странах, если не считать прекрасные мемуары *«Записки революционера», - «Взаимная помощь как фактор эволюции».* Он был автор первой изданной вне России книги по истории русской литературы и профессионально написанной *«Истории Великой Французской революции»,* а также множества работ по географии (в том числе классической книги *«Исследования о ледниковом периоде»*), книг и статей по геологии, биологии, философии, экономике, педагогике, всех, касающихся России, статей в Британской энциклопедии…

Кропоткин - один из старейших революционеров в России, автор первой народнической программы, он же - потомственный князь, да еще из самого древнего на Руси рода Рюриковичей.

После Февральской революции он возвратился на родину, и теперь в Дмитрове вместе с женой и дочерью выращивает на четырех грядках огорода картошку и капусту, посещает собрания дмитровских кооператоров и заседания географов-краеведов в местном музее. Ведь Кропоткин - хорошо известен географам и геологам как исследователь природы Сибири и создатель теории

ледникового периода. Среди писем, которыми завален его стол, - приглашение заведовать кафедрой географии в Московском университете, сообщение об избрании его почетным членом Географического музея в Петербурге, предложение Шведской младосоциалистической партии снова эмигрировать из России, ввиду его отрицательного, как стало известно, отношения к установившейся в России большевистской диктатуре и бедственного материального положения в охваченной голодом стране. Он отказывается. Остается в Дмитрове.

…Петр Алексеевич, князь Кропоткин, склонился над заваленным книгами и газетами столом в маленькой комнате, служащей ему и спальней, и кабинетом. Он отложил в сторону проспект задуманной им большой географической работы «Ледниковый и Озерный периоды» и написанную им по настоянию жены и дочери записку, анализирующую положение дел в России, под названием «Что же делать?», которую потом будут рассматривать как *«политическое завещание Кропоткина»* , и целиком погрузился в работу над вторым томом «Этики»; ее он считал особенно важной именно в это время. Чуть больше двух месяцев оставалось до той ночи с 7 на 8 февраля 1921 года, когда перестанет биться его сердце. А 13 февраля Москва будет хоронить его с такими почестями, каких не удостаивался еще в молодой Советской России пока еще никто. Вторым будет «вождь мирового пролетариата» Ленин. Через три года.

Похоронная процессия, в которой участвовало несколько тысяч человек прошла по Пречистенке мимо Штатного переулка - по Большой Царицынской улице (ныне - Большая Пироговская) на Новодевичье кладбище. По постановлению Моссовета улица и переулок стали Кропоткинскими. Потом, уже в 50-х годах, так же назовут станцию метро (бывшую «Дворец Советов»). Теперь восстановлено прежнее название Кропоткинской улицы - Пречистенка, но еще остались свидетельства высокого общественного значения этого имени - город Кропоткин в Краснодарском крае (бывший Романовский Хутор), поселок Кропоткин в Бодайбинском районе Иркутской области - бывший прииск Тихонозадонский, из которого он отправился в свою самую значительную первооткрывательскую - Олекминско-Витимскую экспедицию. Тогда ему было 24 года, и жизненный путь только начинался. Там, где он прошел сам или куда проникла его мысль, остались другие географические названия: горный хребет Кропоткина на юге Патомского нагорья в Восточной Сибири, вулкан Кропоткина в Саянах, ледники Кропоткина на трех арктических архипелагах - Шпицбергене, Земле Франца-Иосифа и Северной Земле, наконец, гора в

Антарктиде.

В декабре 1992 года Международной конференцией в Москве, Петербурге и Дмитрове отмечено 150-летие со дня рождения Петра Алексеевича Кропоткина, а совсем недавно, в феврале 2001 года, когда миновало 80 лет со дня его смерти, портрет Кропоткина, сопровождавший посвященные ему статьи, можно было видеть во многих центральных и периферийных газетах нашей страны (да и в других странах).

До сих пор ссылки на его научные труды встречаются в публикациях географов, геологов, биологов, историков, литературоведов. В то же время он признан идейным лидером сохраняющихся в разных странах мира групп анархистов, непримиримых противников государственной власти и капитализма. Совсем недавно имя Кропоткина мелькало в сообщениях информационных агентств о столкновении полиции в Германии и Англии с противниками глобализации экономики, основанной на эксплуатации слаборазвитых стран.

Все это, как названия городов, улиц, горных хребтов, ледников, станции московского метро, вроде бы свидетельствует о широкой известности Кропоткина, но тем не менее эта незаурядная, противоречивая и в то же время гармоничная, во многом уникальная, личность остается неизвестной в целом. Знающие о нем как об ученом, зачастую плохо представляют себе его философские, экономические, политические взгляды. Философы же и историки, разбирающиеся во всех нюансах теории безгосударственного общества, никак не связывают ее с естественно-научной работой П. А. Кропоткина, не прекращавшейся им на протяжении всей жизни. Собственно, из понимания им природы как системы бесчисленного множества взаимосвязей и взаимозависимостей и родилась его теория. Она многих отпугивает, но, главным образом, из-за непонимания того, что, развивая анархическую, или как часто он говорил, анархо-коммунистическую идею, П. А. Кропоткин следовал течению, возникшему на заре человечества и сопровождавшему всю его историю, как естественная альтернатива очень мощному государственному направлению.

Два противостоящих друг другу стремления, принимая разные формы, существовали всегда. Власть, называя себя государством, стремилась к максимальной концентрации, к неограниченному подчинению себе, народные массы, образуя общество, пытались преодолеть ограничения и получить возможность самостоятельно строить свою жизнь. Упрощенное понимание этой системы сводило все к борьбе организации (ее носитель - государство) и хаоса, создаваемого многообразием

общественных интересов.

В природе процессы самоорганизации обнаружены физиком Ильей Пригожиным, положившим начало во второй половине XX века новой науке - синергетике. Ученый-естествоиспытатель, Кропоткин увидел новую мощную творческую, созидательную силу - самоорганизацию в обществе, рождаемую именно многообразием интересов. Кропоткин открыл саморганизацию в общественной жизни. Хотя на начальном этапе своей деятельности (очень недолго) он, увы! допускал использование для победы революции вооруженной борьбы и террора, но затем всю жизнь оставался решительным противником каких-либо форм насилия. И его анархизм не был апологией хаосу и разрушению. «Он был революционер, - говорил о нем датский литератор Георг Брандес, - но редко встречаются такие мягкие революционеры», а Оскар Уайльд назвал его «белым Христом, идущим из России».

Архив П. А. Кропоткина чрезвычайно обширен, несмотря на то, что он уничтожал документы, которые относились к революционной деятельности, и рекомендовал своим корреспондентам так же поступать с его письмами. Например, настойчиво советовал не хранить его письма, могущие принести неприятности, в случае, если они попадут в руки полиции, своей переводчице М. И. Гольдсмит, которая, к счастью, не последовала этому совету, благодаря чему их многолетняя переписка с Кропоткиным сохранилась почти полностью.

Самое большое собрание кропоткинских архивных материалов находится в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В специальном фонде П. А. Кропоткина сосредоточено более 6 200 единиц хранения (5 описей), кроме того, отдельные документы обнаруживаются в других фондах (П. Л. Лаврова, А. Ф. Керенского, Н. В. Чайковского, Б. Л. Бурцева, Л. М. Тихомирова, С. П. Мельгунова, Н. В. Кончевской, З. К. Арборе-Ралли, В. Л. Теплова и др.). Часть кропоткинских документов хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Литературном музее Л. Н. Толстого (ЛМТ), Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, Государственном музее современной истории (б. Музей Революции), в Дмитровском краеведческом музее. В Санкт-Петербурге специальный фонд П. А. Кропоткина сформирован в Архиве Русского Географического общества, отдельные документы имеются в Государственном Литературном институте РАН (Пушкинский Дом), Архиве Российской Академии наук (АРАН) и в Национальной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Они, по-видимому, остались также

в архивах ряда городов Европы (Лондона, Амстердама, Брюсселя, Женевы, Парижа, Лиона) и, очевидно, Америки (он дважды посетил США и Канаду, а его единственная дочь долгое время жила в США и умерла в Нью-Йорке в 1968 г.).

Далеко не все архивные материалы изучены, хотя уже создана достаточно обширная «кропоткиниана». Библиография его научных и публицистических работ содержит более 2000 наименований не менее, чем на 20 языках мира. И по сей день издаются его произведения и книги о нем как в России, так и в других странах (в США, Канаде, Великобритании, Франции, Нидерландах, Болгарии, Польше).

В этой книге вы найдете достаточно подробную биографию Петра Алексеевича Кропоткина и фрагменты из его произведений, дающие представление о широте диапазона его творчества, хотя это лишь незначительную часть того, что им написано.

Часть первая. Начало жизни

I . Двадцать первых лет

Рюриковичи на Пречистенке

Район в центральной части Москвы, между улицами Арбат и Пречистенка, носивший общее название Старой Конюшенной и неофициальное - Сен-Жерменское предместье Москвы (по аналогии с Парижем), считался издавна аристократическим. Здесь находились особняки, принадлежавшие потомкам некогда знатных семейств. Большинство из них утратили свое величие, но княжеские и графские титулы сохранили. В одном из этих особняков родился 27 ноября (9 декабря по новому стилю) 1842 года Петр Алексеевич Кропоткин. Об этом сообщает установленная на доме 26 по Кропоткинскому переулку, соединившему Пречистенку с Садовым кольцом, памятная доска с барельефом работы скульптора С. А. Меркурова. Напротив - печально известный Государственный научный центр судебной психиатрии имени В. П. Сербского. Через него прошли многие диссиденты советских времен, а в самом доме, где до 1940 года существовал музей П. А. Кропоткина, расположилось теперь Посольство Палестины. Дом в переулке (до 1921 года назывался Штатным) хорошо сохранился. Внешне он совсем не изменился с тех пор, как его хозяином 140 лет назад был князь Алексей Петрович Кропоткин, отставной генерал-майор, владевший тремя имениями в Калужской, Рязанской и Тамбовской губерниях. Ему принадлежали тысяча двести крепостных. Этот вполне заурядный помещик необыкновенно гордился своей родословной, из которой выходило, что он потомок легендарного Рюрика, основателя первой царской династии на Руси.

Знаменитый князь Игорь, убитый покоренными им древлянами в 945 году, был сыном Рюрика, предводителя викингов из Упсалы, приглашенного на Русь, в Новгород, «править и володеть». Потомки его сына киевского князя Святослава Игоревича - князь Владимир, в 988 году крестивший Русь, его сын Ярослав Мудрый и внук Владимир Мономах. Мстислав Удалой - последний в роду киевский князь. С девятого поколения рюриковичей, с князя Ростислава, началась «ветвь» князей смоленских. Один из них - Дмитрий Васильевич, умерший в 1470 году, прозван был за свой трудолюбивый характер Кропоткой. При нем упразднено Смоленское княжество, и дети его получили фамилию Кропоткиных. В начале XVII века, в смутное время, был в их роду бунтарь, ходивший с войском

Лжедмитрия против московского боярства, за что попал в немилость у царей Романовых. Большинство же Кропоткиных служили воеводами-стольниками в разных российских городах - от Нарвы до Сургута.

Петр Алексеевич Кропоткин был рюрикович «в тридцатом колене». Его дед Петр Николаевич, участник войны 1812 года, вышел в отставку поручиком и обвенчался с княжной Прасковьей Гагариной, брат которой, Иван Гагарин, большой любитель театра, женился вторым браком на великой русской актрисе, бывшей крепостной, Екатерине Семеновой. Брат отца, Дмитрий Петрович - литератор, переводчик, поэт - сотрудничал в популярных журналах «Библиотека для чтения» и «Сын Отечества».

Петр Николаевич поселился в рязанском имении Урусове и купил села с крепостными в других губерниях. Три из них по наследству достались Алексею Петровичу. Ближайшее к Москве - имение Никольское в Мещевском уезде Калужской губернии служило своего рода летней резиденцией княжеского семейства.

Алексей Петрович Кропоткин как штабной офицер участвовал в русско-турецкой войне; и хотя получил орден Анны и золотую шпагу, особыми заслугами не отличился. Потом принимал участие в подавлении Польского восстания 1831 года. Там, в Варшаве, он познакомился с дочерью командира корпуса генерала Николая Семеновича Сулимы. Екатерина Николаевна Сулима стала его женой. Это была высокая, стройная девушка, с темно-карими глазами и густыми каштановыми волосами. Очень живая, артистичная. Свадьба состоялась в королевском дворце Лазенки, а посаженым отцом невесты был командующий армией, усмирявшей восстание, грозный генерал Иван Паскевич.

Род, с которым породнился Алексей Кропоткин, по-своему был знатным и древним. Наиболее известного его представителя - украинского гетмана Ивана Сулиму, боровшегося за независимость Украины от Польши, четвертовали в 1635 году в Варшаве. Его потомок, отец Екатерины Сулимы, - генерал, герой Бородинского сражения, не пожелал служить у всемогущего временщика Аракчеева и добровольно отправился в «почетную ссылку» в Сибирь, став генерал-губернатором в Западной, а потом в Восточной Сибири.

«В то время такой пост считался более прибыльным, чем золотой прииск; но мой дед возвратился из Сибири таким же небогатым человеком, каким отправился туда. Он оставил своим трем сыновьям и трем дочерям лишь маленькое наследство. Когда я в 1862 году поехал в Сибирь, то часто слышал его имя, произносившееся с большим уважением. Чудовищное воровство,

царившее тогда в Сибири, с которым мой дед был не в силах бороться, приводило его в отчаяние»1.

1 Кропоткин П. А. Записки революционера.- М. Л.: Academia, 1933. - С. 13 (далее по тексту: Записки).

Там, в Сибири у Екатерины Николаевны и Алексея Петровича Кропоткиных родилось четверо детей. Для двоих сыновей Сибирь станет важнейшим фактом их биографии. Но не довелось Екатерине Николаевне вырастить своих детей. Она заболела чахоткой и на тридцать пятом году жизни умерла, когда старшему сыну Николаю шел двенадцатый год, дочери Елене - одиннадцатый, сыну Александру было пять лет, а Петру - всего три с половиной…

Он ощутил духовное влияние матери, когда ее уже не было, и потом смог откровенно сказать: *«Все мое детство перевито воспоминаниями о ней»* 2.

2 Там же, С. 14.

Находка в кладовой бумаг матери - произвела на мальчика сильнейшее впечатление. Это были дневники, которые она вела в Германии, где лечилась на водах, тетради с запрещенными цензурой русскими стихами, в том числе повешенного Николаем I декабриста Кондратия Рылеева, нотами, французскими драмами, поэмами Байрона, собственными стихами и акварелями… Екатерина Николаевна была разносторонне одаренной женщиной, восприимчивой к прекрасному. Вот как писал о ней спустя много лет ее младший сын - в «Записках революционера»: *«Моя мать, без сомнения, для своего времени была замечательная женщина… Все знавшие ее любили ее. Слуги боготворили ее память… Не знаю, что стало бы с нами, если бы мы не нашли в нашем доме среди дворовых ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дети… Ее не было, но память о ней носилась в нашем доме, и когда я теперь оглядываюсь на свое детство, вижу, что обязан ей теми лучшими искорками, которые запали в мое ребяческое сердце»* 3.

3 Там же.

Всю свою долгую жизнь Кропоткин возил с собой портрет матери, и он всегда висел над его рабочим столом.

Отец был совсем иной… И отношения детей с ним, в особенности сыновей, были непростыми. Через два года после смерти первой жены отец женился снова - на дочери адмирала Черноморского флота М. Карандино. Обстановка в семье сильно изменилась. Мачеха не считала нужным заниматься «не своими» детьми, особенно когда родилась ее дочь Полина. Из дома исчезло все, что могло напомнить ее предшественницу. Рассчитали и заменившую детям мать - добрую старушку-немку

мадам Бурман. Такое поведение взрослых еще более возвышало в глазах детей светлый образ их покойной матери.

В это время старший брат Николай уже учился в Московском кадетском корпусе, сестра Лена - в Екатерининском институте в Петербурге. Домой они приезжали редко. Дома оставались пока только Саша и Петя, целиком предоставленные гувернерам. Тогда и возникла необычайная дружба двух братьев Кропоткиных, разница в возрасте которых была немного больше года. Старшим был Александр.

«С ним мы выросли, с ним мы сроднились. С ним и после мы были вместе до тех пор, пока судьба не разбросала нас по тюрьмам и ссылкам. Чтобы учить нас, приставили дорогого француза-гувернера мосье Пулэна и наняли задешево русского студента Н. П. Смирнова. Во многих домах в Москве были тогда французы-гувернеры, обломки наполеоновской великой армии. Пулэн тоже принадлежал к ней и только что закончил воспитание младшего сына романиста Загоскина… Отец мой, не колеблясь, пригласил Пулэна за высокую по тому времени плату - 600 рублей в год…» 1

1 Записки, С. 16.

Монаршая милость

Судьба братьев сложилась по-разному, хотя отец готовил их, как и старшего сына Николая, исключительно к военному поприщу. Избежать этой же участи Петру помог счастливый случай. Почти как в сказке, ему выпала вдруг царская милость.

То были годы правления императора Николая I, начавшегося с жестокого подавления бунта офицеров-декабристов. Пятеро были повешены, а остальные заговорщики отправлены на каторгу, в Сибирь. Такое начало определило характер всей эпохи. Никогда, ни до, ни после этого времени, государственность в России не чувствовала себя столь могучей, уверенной, незыблемой. Это было время господства иерархии власти, чиновников и жандармов, палочной дисциплины, жестокой цензуры, подавления всякого свободомыслия, и в результате глубокого разложения общества - апофеоз - поражение в Крымской войне. Николаевская эпоха…

В 1847 году, отбыв ссылку, покинул родину Александр Герцен. В конце 1849 года произошла расправа с участниками кружка М. В. Буташевич-Петрашевского*, обсуждавшего утопические идеи Фурье. Готовившийся расстрел кружковцев был в последнюю минуту заменен каторгой. Среди подвергнутых наказанию - молодой писатель Федор Достоевский.

*См. указатель имен в конце книги.

Детские годы Петра Кропоткина пришлись как раз на это время.

В конце 1850 года, в ознаменование 25-летия царствования Николая I в Благородном собрании Москвы на Малой Дмитровке (ныне Дом Союзов на Пушкинской улице) давали грандиозный бал. Верноподданное дворянство «второй столицы» устроило для царской семьи представление в костюмах всех народностей, входящих в состав Российской империи. Генеральше Назимовой, которая когда-то была дружна с Екатериной Николаевной, надлежало явиться на бал в одеянии персидской царицы в сопровождении восьмилетнего сына, одетого в такой же богатый наряд. Но перед самым балом он заболел, и генеральша обратилась к юным Кропоткиным. Для Александра костюм оказался мал, а семилетнему Пете пришелся впору. Так он попал на царский бал, определивший его судьбу.

Дети представляли шестьдесят губерний России, и у каждого ребенка был в руке жезл с гербом одной из них. Петя, одетый в восточного вида костюм, с поясом, украшенным драгоценными камнями, держал герб Астраханской губернии. Нужно было склонить губернские гербы перед самодержцем. Но тут дядюшка Пети, литератор Дмитрий Гагарин, одетый тунгусом, поднял мальчика на руки и поставил на платформу перед царем, которому захотелось поближе рассмотреть забавного в своем наряде «астраханца».

Его усадила рядом с собой императрица Александра Федоровна, женщина добрая, страдавшая от грубости супруга-солдафона. Петя, устав от грандиозного зрелища, заснул, положив голову ей на колени. Пока он спал, царь распорядился: пусть князь Кропоткин учится в пажеском корпусе.

Попасть в привилегированный Его Величества корпус считалось большим счастьем. По окончании его открывались блестящие возможности: карьера при дворе, в гвардии или на дипломатическом поприще. Надо только подрасти, а будущее Петру уже обеспечено неожиданно снизошедшей на него монаршей милостью.

Мог ли император тогда предполагать, что милый мальчик в меховой шапке и восточном костюме, юный князь Рюрикович станет врагом самодержавия, да еще - страшно подумать - анархистом, отрицателем власти. Не ведал этого, конечно, и сам «баловень судьбы».

Среди книг

Первые знания по школьной программе, как принято в

дворянских семьях, были получены дома. Гувернер-француз Пулэн, познакомил детей с основами французской истории, географии и грамматики, а успехи в разговорной речи были столь значительными, что братья вскоре стали даже «думать по-французски». Студент юридического факультета Московского университета Николай Смирнов занимался с детьми русской грамматикой, литературой, а заодно и арифметикой. Ему обязаны братья обретением еще в детстве литературного вкуса. Они хорошо знали и любили произведения Пушкина, Гоголя, Некрасова и под их влиянием занялись собственным литературным творчеством. Целыми днями мальчики просиживали за сочинением стихов и рассказов. Составляли из них ежедневную домашнюю газету «Дневные ведомости», а затем - ежемесячник «Временник». Главным автором этих изданий был Петр, хотя он больше тяготел к научной тематике, в то время как у Александра рано проявилось поэтическое дарование.

Конечно, домашняя издательская деятельность развивалась под впечатлением от журналов, которые выписывал отец. Каждый месяц приходил «Сын отечества», не отличавшийся большим разнообразием материалов: в нем публиковалась «придворная хроника» и высочайшие рескрипты: поздравления, «пожалования» орденами, производство в звание, увольнения от должности. Но Алексею Петровичу хотелось, чтобы дети, особенно Петр, которому предстояло стать пажем, тоже увлеклись этой атрибутикой. Их же больше интересовали такие разделы в журнале, как «известия с Кавказа», где шла война с горцами, «новости ученого мира», литературные произведения. В «Сыне отечества» часто печатались «патриотические драмы» Нестора Кукольника, исторические романы Загоскина, переводы, например, романа популярного Эжена Сю «Мисс Мери». Все, что читали братья, отражалось в их домашнем журнальном творчестве.

Впервые из «Сына отечества» узнал Петр Кропоткин о долгом, но очень интересном пути из Москвы в Иркутск, о реке Обь, «едва ли имеющей соперниц на земном шаре», о «прекрасной науке» геологии. А в журнале «Московитянин» он прочитал о великом немецком географе Александре Гумбольдте*, к которому ездил в Берлин молодой русский путешественник Петр Семенов* перед тем, как отправиться в азиатский поход, в неведомые «Небесные горы» - Тянь-Шань. С этим человеком доведется Кропоткину сотрудничать в будущем.

Рано возник у Петра интерес к путешествиям, географии и геологии. Не случайно он переписал во «Временник» вступительную лекцию московского профессора по физической

географии. По-видимому, она принадлежала известному метеорологу А. Ф. Спасскому, первым описавшему климат Москвы. Но главную роль в развитии интереса к природе сыграли ежегодные выезды на лето в имение Никольское Калужской губернии. Здесь, близ уездного старинного города Мещевска, на берегах тихой реки Серены, провели братья немало счастливых дней.

Да и сам переезд был увлекательным путешествием. Как только начинал бурно таять снег, и вниз по Сивцеву Вражку и другим переулкам устремлялись шумные потоки воды, начинались сборы, очень нелегкие: ведь надо отправить большую семью, человек двенадцать, да еще полсотни дворовых с детьми, все необходимые кухонные и домашние вещи. А до имения - 250 верст…

Сначала выходил в путь обоз дворовых: вверх по Пречистенке, по направлению к деревянному тогда Крымскому мосту и Калужским воротам. Княжеская семья трогалась дня через три-четыре в шестиместной карете и тарантасе. За пять дней добирались до Никольского, проезжая Подольск, Малый Ярославец, Тарутин, Калугу. По дороге догоняли обоз, который двигался совсем уж медленно: дворовые шли рядом с нагруженными доверху телегами все две с половиной сотни верст пешком. Когда ночевали в Малом Ярославце, Пулэн всегда водил детей на историческое Бородинское поле, подробно рассказывал о знаменитом сражении в сентябре 1812 года.

Особенно любил Петя отрезок пути в семь верст за Калугой до перевоза через речку Угру. Дорога пролегала через громадный сосновый бор на песках, в которых утопали лошади и экипажи, поэтому все шли пешком. Петя обычно уходил один далеко вперед. Он очень любил вековой сосновый бор: *«В этом лесу зародилась моя любовь к природе и смутное представление о бесконечной ее жизни»* 1, - вспоминал он.

1 Там же, С. 32.

А с искусством его впервые познакомили, как ни странно, дворовые барского дома. Отец, как и многие помещики в те времена, завел крепостной оркестр. Первой скрипкой его был полотер Тихон. Когда по воскресеньям взрослые отправлялись в церковь или в гости, а домашние наставники получали отпуск, в парадной зале под скрипку крепостного «виртуоза» затевались танцы и игры всей многочисленной княжеской челяди. Это делалось тайно, и дети никогда не выдавали слуг, даже если в результате этих невинных проказ что-нибудь из обстановки залы оказывалось разбитым или поврежденным.

Незабываемое впечатление производили на маленького Петю

балаганы, устраивавшиеся на улицах и площадях города в дни масленицы. Затем возник интерес к театру. Прославленную балерину Фанни Эльслер, приехавшую на гастроли в Москву, смотрели в Большом театре всей семьей. Балет «Гитана, испанская цыганка» попробовали даже воспроизвести на домашней сцене. Так же копировались дома «Федра» Расина и другие спектакли Малого театра. Мальчиком видел Кропоткин великих актеров Малого Михаила Щепкина, Прова Садовского, Михаила Шумского - в «Ревизоре» и «Свадьбе Кречинского». Петя был еще очень мал, но посещения театра сыграли свою роль в формировании его личности, да так, что потом, в Сибири, он всерьез подумывал о выборе актерской профессии.

Но время шло. Александр поступил в Московский кадетский корпус, видеться братья стали только по праздникам, хотя корпус был в семи верстах от дома. С Петром занимался теперь учитель немец Карл Иванович, восторженно относившийся к Шиллеру. Воспоминания о матери, добрейшая мадам Бурман, словоохотливый Пулэн, прогрессивно мыслящий студент Смирнов, дворовые музыканты, театры Москвы, журналы, выписывавшиеся на дом - вот атмосфера, в которой рос мальчик. Самую незаметную роль в его детской жизни играли отец и мачеха, а самую значительную - общение с братом Сашей. Их тяга друг к другу усилилась от того, что встречи стали редкими.

Одиннадцати лет Петю определили в Первую Московскую гимназию. Образованная из Главного народного училища, созданного в Москве Екатериной II, гимназия в 1854 году отметила свое пятидесятилетие. К юбилею был расширен круг дисциплин: дополнительно введено преподавание ботаники, зоологии, минералогии, анатомии. Гимназия занимала солидный трехэтажный дом у Пречистенских ворот, принадлежавший князю Г. С. Волконскому, напротив тогда еще только строившегося Храма Христа Спасителя. Но у гимназии была и своя церковь, с молитвы в которой начинался каждый учебный день.

Преподавание основных предметов было в значительной степени формальным и иногда шло, как вспоминал Петр, «самым бессмысленным образом». Например, он очень любил географию, хорошо ее знал. Но когда однажды учитель географии дал задание скопировать лист атласа, на котором была изображена Англия, и Петр принес тщательно выписанную, изящно раскрашенную карту - настоящее «художественное произведение», то получил двойку. За излишнее усердие…

Первая Московская гимназия была все же солидным учебным заведением. Здесь еще до Кропоткина учились историки М. П. Погодин и С. М. Соловьев, драматург А. Н. Островский. И

преподавали в ней талантливые учителя. Законоведение вел юрист по образованию, замечательный поэт, один из удивительных русских людей Аполлон Григорьев, в те годы ведущий критик популярных журналов «Московитянин» и «Отечественные записки».

В «Московитянине» Петр прочитал восторженный отзыв Григорьева о первых комедиях Островского, в которых он прежде всего увидел народность в высоком значении этого слова. Рассуждая об этом понятии, Григорьев подчеркивал, что под народом понимает «собирательное лицо, слагающееся из черт всех классов народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных, слагающихся не механически, а органически…» Эти размышления, несомненно, запали в душу юного Кропоткина, которой трудно было избежать двойственности. С одной стороны, мальчик знал, что он знатного рода, князь, с другой, для него не было ближе людей, чем дворовые, которые полностью находились во власти отца, часто несправедливого к ним, и которые с такой любовью вспоминали его мать. Потом он будет удивлять многих своей способностью понимать людей разных классов и сословий, умением находить с ними общий язык, опираясь на общечеловеческие ценности. Конечно, всю жизнь шло формирование его отношения к людям, но первый толчок душа получила в детстве.

Студент Николай Смирнов продолжал вести домашние уроки. Часто они состояли просто в чтении новинок литературы. А кое-что и переписывали от руки. Например, «Горе от ума», второй том «Мертвых душ» Гоголя, запрещенные цензурой стихи Пушкина, Лермонтова, А. К. Толстого. Читали вместе поэму Рылеева «Войнаровский», переписанную Сашей в кадетском корпусе специально для брата. С чувством религиозного благоговения проходили мимо дома Герцена в Сивцевом Вражке, а на Никитском бульваре - мимо дома, в котором болел и умер Гоголь. «Сивцев Вражек с его бурным ручьем, несшимся весной, во время таяния снегов, вниз к Пречистенскому бульвару, не знаю почему, всегда представлялся мне центром студенческих квартир, где по вечерам ведутся между студентами горячие разговоры обо всяких хороших предметах», - вспоминал он в письме, написанном в 1914 году.

Ожидание перемен витало тогда в российских столицах. Их необходимость ощущали уже многие. Главное, что должно произойти и о чем говорят все - отмена крепостного права. Петр жил среди крепостных своего отца. В московском доме - 50 слуг, в селе Никольском - 75, более тысячи крепостных в трех губерниях. Добрый, чуткий, впечатлительный от природы Петя каждый день

наблюдал, как отец обращается со своими слугами, не считая их за людей, называя «хамовым отродьем», не останавливаясь перед тем, чтобы собственноручно избить кучера, наорать на ключницу, послать неграмотного настройщика Макара с запиской, чтобы дали ему сотню розог. На всю жизнь запомнил Петр Кропоткин, как он весь в слезах выбежал в темный коридор, желая поцеловать руку униженному Макару, а когда тот сказал ему, не то с упреком, не то вопросительно, что будет он таким же, как его отец, воскликнул с горячей убежденностью: «Нет, нет, никогда!»

Одно из важнейших впечатлений детства - Крымская война против Турции, в союзе с которой в 1854 году выступили Англия и Франция. На эту войну шел из Кадетского корпуса брат Николай. Вернувшись с фронта, он стал пить. Отец, обнаружив эту склонность Николая, отдал его в монастырь: сначала он жил во Владимире, потом перевелся в Киево-Печерскую лавру, а в 1862 году, когда ему было 28 лет, сбежал из монастыря и исчез навсегда.

Серьезным событием была и смерть Николая I в 1855 году, совпавшая с поражением России в Крымской войне. Кончилась эпоха деспотизма. От вступившего на престол Александра II русское общество ожидало проведения давно назревшей крестьянской реформы. Но ее подготовка затягивалась.

Тем временем для Петра Кропоткина подошел срок поступления в Пажеский корпус.

В Пажеском Его Величества.

1857 год. На пятнадцатом году жизни Петр едет в Петербург, где его во исполнение воли Николая I зачисляют в Пажеский корпус, самое привилегированное в то время учебное заведение, основанное Екатериной II для пополнения рядов своей гвардии. За 100 лет корпус окончили такие известные в российской истории люди, как писатели Федор Толстой и Александр Дружинин, Александр Радищев и Павел Пестель. Пажами были фельдмаршалы И. Ф. Паскевич, герой войны в Болгарии генерал И. В. Гурко, граф Н. Н. Муравьев-Амурский…

Петр стал одним из 150 воспитанников, принятых в самый младший, пятый класс. Учиться предстояло пять лет. Шестнадцать лучших учеников выпускного, первого класса, производились в камер-пажи императора и получали, таким образом, возможность приобщиться к дворцовой жизни. В корпусе господствовала атмосфера подчинения младших старшим воспитанникам (чем-то похожая на современную «дедовщину»), процветали рукоприкладство и доносительство. Но проявившаяся

в общественной жизни страны с началом царствования Александра II тенденция к либерализации стала заметна и в корпусе. Пришли новые преподаватели, и среди них два университетских профессора - историк И. С. Шульгин и литератор В. И. Классовский*, автор популярных книг «Теория и мимика страстей», «Помпея и открытие в ней древностей», «Мысли о воспитании». Первая же лекция профессора Классовского потрясла всех. Небольшого роста, стремительный в движениях, учитель словесности, русской грамматики и литературы, он давал своим ученикам значительно больше, чем от него требовалось. Спустя много лет Кропоткин вспоминал, что Классовский умел «связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу».

Классовский заметил выдающиеся способности Петра Кропоткина и настойчиво советовал ему поступить после окончания корпуса в университет. «Вы будете славой русской науки», - говорил он ему. Действительно, у Кропоткина проявился интерес к науке. И с самого начала этот интерес был разносторонним.

С большой теплотой вспоминал Кропоткин выезды в летние лагеря в Петергофе. Там занимались топографическими съемками, которые доставляли ему «невыразимое удовольствие». И вот что его привлекало: «Независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи…»

Пригодился гимназический опыт в рисовании географических карт. Петр снабжал всех своих одноклассников маленькими карточками-шпаргалками, так что составился целый миниатюрный атлас.

Другая самостоятельная работа была сделана по физике. Преподаватель физики Чарухин предоставил Кропоткину право составить по конспектам своих лекций большую часть нового учебника. С таким же энтузиазмом он занялся и химией, организовав с четырьмя одноклассниками нечто вроде лаборатории, в которой ставились самые опасные опыты.

Еще на втором году учебы в корпусе Петр увлекся историей. Он даже составил для себя по записям лекций и учебникам свой собственный курс по истории раннего средневековья. А когда его глубоко интересовал какой-то частный вопрос этой истории, он проявлял большую настойчивость, добивался разрешения пользоваться столичной Публичной библиотекой, куда воспитанники средних учебных заведений не допускались. Здесь

он работал с первоисточниками, написанными на старофранцузском и старонемецком языках.

Вот пример, который относится к его социологическим увлечениям, впервые также проявившимся в годы учебы в Пажеском корпусе. Во время летних каникул брат Саша, занимавшийся тогда политэкономией, посоветовал Петру сделать статистическое исследование ярмарки Мещевского уезда, ежегодно проходившей в селе Никольском, чтобы определить ее оборот. И Петр проделал эту достаточно серьезную работу.

Ярмарка собиралась в Никольском в июле, в день Казанской божьей матери, в храмовый праздник местной церкви. Накануне площадь, обычно пустынная, кипела жизнью. Сооружался наскоро длинный ряд навесов, лавки для разного мелкого товара. В земле вырывались ямы для походных кухонь, готовивших щи и кашу для всей ярмарки: и для продавцов, и для покупателей. А тем временем по дорогам, ведущим к Никольскому, брел скот, грохотали телеги и возы, груженные нехитрым товаром: глиняной посудой, бочками с дегтем, домотканными холстами, ситцем, пенькой, нитками, лентами, платками, сапогами, хлебом, пряниками… В каменном сарае был оборудован трактир, рядом - три новых кабака. И после торжественного молебна ярмарка открывалась.

Юный Кропоткин, в котором многие крестьяне узнавали молодого барина, с тетрадкой обходил всех приехавших торговать и записывал «привоз» - сколько какого товара поступило. А потом так же тщательно спрашивал всех, какая выручка получена. Так сложился определенный баланс торговых операций. Можно было делать какие-то выводы. И вот главный: *«…здравый смысл и способность быстрого русского крестьянина, выяснившиеся мне в эти два дня, произвели на меня глубокое впечатление».* И еще один вывод сделал юный Кропоткин из своего общения с крестьянами на Никольской ярмарке. Он обнаружил дух равенства, присущий крестьянскому миру в отношениях с кем бы то ни было: *«Никогда я не наблюдал в русском крестьянине того подобострастия, ставшего второй натурой, с которым маленький чиновник говорит о своем начальнике или лакей о своем барине»* 1. Кропоткин возвратился в Петербург с первым научным социально-экономическим исследованием «Ярмарка в Унцовске», зашифровав название реального уездного Мещевска.

1 Записки, С. 73-74.

Столичное окружение приобщало к культуре. Юноша посещал оперы, вернисажи и очень много читал, пользуясь богатой библиотекой сестры Елены, жившей с мужем-юристом Н.

П. Кравченко неподалеку от корпуса. Ему особенно близки были тогда стихи Некрасова и романы Тургенева, статьи Чернышевского и Добролюбова, печатавшиеся в журнале «Современник». Все это были «властители дум». Большинство пажей проходили мимо этих идей. Но ум юного Кропоткина их воспринял.

Успешный опыт домашнего «самиздата» Петр решил перенести в Пажеский корпуС. Перейдя в третий класс, он задумал издавать рукописную газету под названием «Отголоски из корпуса». Сделал два номера. Каждый переписал в трех экземплярах и рассовал по столам тех, в ком чувствовал единомышленников. В этих листках утверждалось, что России нужна конституция, обличались непомерные расходы царского двора и злоупотребления чиновников. К счастью, корпусное начальство так ничего и не узнало. А друзья уговорили Петра не продолжать крамольное издание: дело могло кончиться намного хуже, чем просто заключение в карцер.

Воспитанник Кропоткин был склонен к философствованию и размышлениям. Огромное впечатление произвело на него чтение в подлиннике «Фауста» Гете. Он знал многие страницы наизусть. Особенный восторг вызывал монолог в лесу, в котором говорится о величии природы: «ты дал мне в царство чудную природу, познать ее, вкусить мне силы дал…» Потом он вспоминал:

«Бесконечность вселенной, величие природы, поэзия и вечно бьющаяся ее жизнь производили на меня все большее и большее впечатление. Никогда не прекращающаяся жизнь и гармония природы погружали меня в тот восторженный экстаз, которого так жаждут молодые натуры. В то же время у моих любимых поэтов я находил образцы для выражения той пробуждающейся любви и веры в прогресс, которой красна юность и которая оставляет впечатления на всю жизнь…» 1

1 Там же, С. 69.

Двоюродная сестра Варя Друцкая доставала для него «Полярную звезду», издававшуюся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне. Альманах назван так же, как и издававшийся декабристами. На его обложке изображены профили пяти повешенных 14 декабря 1825 года декабристов. Этот запрещенный журнал вызывал страшное волнение. В нем - настоящее…

Уже в юношеские годы ощущал он неразделимую связь природы и общества.

Все события общественной и культурной жизни, новинки литературы обсуждались братьями в переписке, завязавшейся между ними, как только Петр уехал в Петербург. Они писали друг

другу едва ли не каждый день. Их не по-детски серьезные письма свидетельствуют об огромной внутренней работе. Это было общение двух душ, двух умов, двух формирующихся личностей, очень близких и очень разных.

Александр чувствовал себя более взрослым и покровительствовал брату. Он был менее эмоциональным, в большей степени склонным к рационализму, чем Петр. В письмах тех лет чувствуется определенное лидерство Александра, его стремление при случае наставлять младшего брата; свои же возможности он оценивает очень высоко. А Петр, бесконечно любя брата, с ним соглашался, признавая огромное воспитывающее влияние, которое тот на него оказывал. По существу, так оно и было: *«Саша сильно опередил меня в развитии и побуждал меня развиваться. С этой целью он поднимал один за другим вопросы философские и научные, присылал мне целые ученые диссертации в своих письмах, будил меня, советовал мне читать и учиться…»* 1

1 Там же, С. 67.

Петр Алексеевич писал это в своих мемуарах уже в зрелом возрасте абсолютно искренне: он никогда не обижался на брата, даже когда тот бывал несправедлив к нему.

Переписка формировала их мировоззрение. В письмах братья обсуждали проблему выбора жизненного пути. «Человек должен иметь определенную цель в жизни», - писал Саша, упрекая брата в неопределенности его стремлений, в частой смене интересов, в желании объять необъятное. Помогая самообразованию брата, Александр, сам очень стесненный в средствах, покупал и посылал ему книги преимущественно научного содержания.

«Теперь я не могу без изумления вспомнить громадное количество книг, иногда совершенно специального характера, которое я тогда прочитал по всем отраслям знания…» * Серьезную философскую литературу читали они в подлинниках - на английском, французском, немецком. В письмах мелькают имена Марка Аврелия, Монтескье, Гюзо, Бланкй, Фогта…

Александр в эти годы особенно любил поэзию, сам сочинял стихи, а Пете посылал в письмах переписанные им стихотворения и даже целые поэмы Лермонтова, А. К. Толстого, Огарева, Веневитинова и других поэтов. «Читай поэзию, от нее человек становится лучше», - писал он в одном из писем.

Прежде всего брату поведал Петр о своем желании уехать по окончании корпуса в Сибирь, поступить в Амурское казачье войско. Они в нескольких письмах обсуждали эту тему.

«Годы 1857-1861 были, как известно, эпохой умственного пробуждения России» 2, - писал Кропоткин. А публицист Н.

Шелгунов выразился поэтично: «Точно небо открылось над нами и куда-то потянуло вверх и вширь…»

2 Записки, С. 86.

В 1860 году вышла на русском языке книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов», свершившая подлинный переворот в науке. В своей переписке братья Кропоткины уже давно вели дискуссию на темы биологической эволюции. По поводу статей московского биолога, по существу предшественника Дарвина в России, К. Рулье, Александр написал брату несколько писем-размышлений об изменчивости видов и проблеме наследственности, вовлек его в дискуссию, ставшую для Петра началом одного из важнейших направлений последующей его научной деятельности. Дарвиновская теория надолго заняла едва ли не центральное место в письмах братьев.

Начало 60-х годов характеризовалось небывалым прежде оживлением русской журналистики. Наибольшего тиража - более 7000 экземпляров - достиг в 1861 году журнал Н. Некрасова и И. Панаева «Современник». Раздел «Политика» вел Николай Чернышевский, «Иностранные известия» - Михаил Михайлов с участием Шелгунова. Переводились на русский язык и выборочно печатались в журналах книги «История цивилизации в Англии» Генриха Томаса Бокля и «О свободе» Джона Стюарта Милля, в которой, в частности, утверждалось, что «всегда вредно увеличивать правительственную власть без крайней к тому необходимости… Никто так не способен управлять каким-либо делом, как те, которые лично заинтересованы в этом деле». Далеко не случайным был интерес к этим книгам у русских интеллигентов.

60- е годы -время реформ

В Пажеском корпусе было принято: лучший ученик старшего класса получал звание фельдфебеля, что давало ему право пользоваться преимуществами офицера. Но главное, тем самым он становился камер-пажем императора, а это означало частое появление во дворце и непосредственно рядом с всероссийским самодержцем - на больших и малых выходах, балах, приемах, парадных обедах. Помимо того, каждое воскресенье фельдфебель должен был лично докладывать государю на разводе, что «по роте все обстоит благополучно». Неблагополучием считался только немыслимый в этих стенах бунт.

Кропоткин первым учеником был с самого начала, но в фельдфебели производить его не спешили: полагали, что он слишком мягок по характеру и не сможет обеспечить дисциплину

в роте. И все же в 1861 году Кропоткин был назначен фельдфебелем и камер-пажем. Благодаря этому Петр смог близко познакомиться с придворной жизнью и лично с Александром II, которого в то время боготворил, видя в нем реформатора и освободителя крестьян. Он был готов в случае покушения на царя закрыть его своей грудью. Но в результате наблюдений за дворцовой жизнью, за «августейшей семьей» и самим Александром постепенно стал тускнеть этот ореол, утрачивались иллюзии насчет реформаторской деятельности императора.

Однажды Петр стал свидетелем того, как царь прошел мимо, не обратив никакого внимания на бросившегося ему в ноги с прошением старого крестьянина. Следовавший за императором Кропоткин представил себе, с каким трудом добрался крестьянин до этого царского выхода, и взял прошение, хотя камер-паж не имел права этого делать. Царь был очень недоволен.

Сразу же после смерти Николая I началась своеобразная «оттепель». Заключение мира, разрешение издания до сего времени запрещенных произведений Пушкина и Гоголя, предоставление права всем газетам освещать политические события, снятие ограничений на поступление в университеты, разрешение посылать за границу для совершенствования в науках молодых ученых, - все это произошло в первые два года правления Александра II, вступившего на престол в 1855 году.

Возвращаясь после подписания Парижского мира 1856 года, Александр выступил перед дворянством Москвы с речью, в которой сказал: «Лучше уничтожить крепостное право сверху, нежели ждать того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Царю хотелось, чтобы инициативу проявили сами дворяне: «Прошу вас, господа, обдумать, как бы провести все это в исполнение», - обратился он к ним. Эти первые шаги вызвали восторженную реакцию передовой русской интеллигенции.

В марте 1861 года Положение об освобождении крестьян России от крепостной зависимости было обнародовано.

Отношение братьев к реформе 1861 года, отменившей крепостное право, было вполне определенным: они ее приветствовали и видели в ней первое звено целой цепи реформ, которые привели бы российское общество к подлинному обновлению, демократизации, включению в число цивилизованных стран Европы, однако очень скоро стало ясно, что это было не совсем то, чего ожидали и интеллигенты-радикалы, и сами крестьяне. Положение усугубило желание царя задним числом угодить дворянству: Александр оставил при себе многих николаевских советников, поручил проведение реформы в

жизнь тем людям, которые зарекомендовали себя ярыми крепостниками.

Крестьяне ждали от царя-батюшки «полной воли» и всей земли. Они почувствовали себя обманутыми - не царем, в которого беззаветно верили, а дворянами-помещиками, исказившими, как им думалось, принятое решение.

Более тысячи поместий той весной были охвачены крестьянскими волнениями. Это не были бунты, хотя кое-где они назревали. Чаще всего крестьяне собирались лишь для того, чтобы разобраться в царском манифесте, где они хотели увидеть то, чего там не было. Но власти были напуганы этим движением, им казалось, что возможно появление нового Пугачева. И они даже его нашли.

На фоне общего крестьянского недовольства произошло событие, обозначившее крутой поворот во взаимоотношениях между самодержавной властью и разночинной интеллигенцией, принявшей на себя долг защиты интересов народа.

А случилось вот что. В селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии крестьяне собрались перед домом единственного на всю округу «грамотея» Антона Петрова, который читал им Положение об освобождении крестьян, да так, что выходило, что в самом-то деле помещики «украли волю». Крестьян собралось много - тысячи четыре, а может быть, и шесть тысяч. И хотя никаких беспорядков они не устраивали, Александр II распорядился прислать войска. Граф Апраксин, возглавивший усмирение крестьян, направил в село две роты солдат. Было дано четыре залпа по безоружной толпе крестьян. И результат - 90 убитых (включая 40 человек, умерших от ран в больнице). Произошло это в апреле 1861 года, через полтора месяца после опубликования Положения об освобождении крестьян. Весть о беспощадном расстреле прежде всего достигла, конечно, Казани, которая была тогда в России третьим по значению университетским центром. Студенты заказали панихиду по «невинно убиенным». С речью на ней выступил их любимый преподаватель истории Афанасий Прокофьевич Щапов. Полубурят, учившийся в Иркутской бурсе, а потом в Казанской духовной академии, он решил посвятить себя русской истории. Но как настоящий интеллигент, не мог не откликнуться на события в селе Бездна. О погибших крестьянах Щапов сказал, что они пали искупительными жертвами деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу, а закончил речь словами: «Да здравствует демократическая конституция! Она нужна России, а также широкое и вечное самоуправление и саморазвитие!»1

1 Щапов А. П. Собр. соч. - Иркутск, 1937. - Т. 2, С. 9.

На доносе казанского губернатора о произошедшей панихиде Александр II начертал: «Щапова необходимо арестовать», что и было исполнено. После освобождения А. П. Щапов еще несколько лет проработал в Петербурге, сотрудничая в журналах и газетах. Но потом все же был отправлен в бессрочную ссылку в Иркутск, где и встретился с Кропоткиным, на которого взгляды Щапова оказали значительное влияние.

В мае того же «года освобождения крестьян» произошла первая серьезная забастовка рабочих на чугунолитейном заводе в городе Лысьва Пермской губернии. Около 500 рабочих потребовали повысить оплату труда. И здесь власти решили прибегнуть к помощи войск.

Радикальная часть интеллигенции воспринимала ситуацию в стране как предреволюционную. Все шире распространялось убеждение в том, что мирным путем из кризиса не выйти - неизбежна революция.

Летом 1861 года стали появляться нелегально отпечатанные прокламации, распространявшиеся преимущественно студентами, которые с февраля были свободны, поскольку власти закрыли университеты столиц на восемь месяцев.

Первая прокламация «Великоросс» содержала обращение к «образованным классам России» и призывала «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний». «Великоросс» выступал за конституцию, за учредительное собрание, против несовершенства крестьянской реформы, за предоставление свободы Польше. Арестован был распространитель листков молодой отставной офицер Владимир Обручев. Составители же найдены не были. В начале сентября появилась другая прокламация- «К молодому поколению», отпечатанная в Вольной русской типографии Герцена в Лондоне. Ее составили известный публицист Н. В. Шелгунов и поэт Михаил Михайлов. Защищавшая идею особого пути России, не повторяющего капиталистическое развитие Запада, она недвусмысленно призывала к революции. Михайлов, доставивший тираж (6000 экземпляров) в Россию и начавший его распространение, был арестован. Поэт и публицист, получивший широкую известность благодаря серии статей о роли женщин в семье и обществе, полностью взял на себя авторство прокламации и был приговорен судом к шести годам каторги и вечному поселению в Сибири. Это была одна из первых жертв репрессий Александра II наряду с расстрелянным по приговору военно-полевого суда Антоном Петровым и крестьянами, погибшими в селе Бездна.

Шелгунов, уйдя со службы, выехал с женой вслед за

Михайловым в Нерчинский округ, где был потом арестован и заключен в Петропавловскую крепость. С ним, как и с Михайловым, Кропоткин встретится в Сибири.

В русском переводе появилось тогда немало сочинений выдающихся мыслителей Запада. Огромный успех имела книга Людвига Бюхнера «Сила и материя». Она буквально овладела умами молодежи, пробудила в ней духовные силы. Под влиянием этой книги они последовали призыву Герцена, провозглашенному им в конце 1861 года по случаю закрытия университета: «В народ! К народу! - вот ваше место, изгнанники науки». Впрочем, массовое движение «в народ» началось лет через десять после этого призыва.

Осенью студенческие беспорядки прошли в Москве. 12 октября состоялось столкновение студентов с полицией около гостиницы «Дрезден». Ему предшествовали сходки, на которых обсуждалась петиция государю, демонстрация на могиле демократически настроенного профессора Грановского, походы с требованиями к попечителю учебных заведений и к генерал-губернатору, аресты…

Среди получивших телесные повреждения и арестованных во время схватки у гостиницы оказался Александр Кропоткин, только что поступивший в университет. Узнав об аресте брата, который длился недолго, Петр немедленно приехал в Москву. Спустя тринадцать лет ситуация как бы повторилась: арестован был Петр, и брат примчался издалека, чтобы помочь ему, но на этот раз дело неожиданно приняло трагический оборот для Александра…

«Я выбрал Амур…»

Настала весна 1862 года - время окончания Пажеского корпуса. Выпускники могли воспользоваться правом выбора места службы, наиболее перспективного для дальнейшей карьеры. Кропоткину было поручено обойти всех со списком «вакансий»: Кирасирский Его Величества полк, Преображенский, Конногвардейский…

Что же выбрать ему? Он мечтал учиться в университете. Но в этом случае нельзя было бы рассчитывать на помощь отца, который и слышать ничего не хотел о выборе сыном невоенного пути. Не исключалось и поступление в Артиллерийскую академию, где можно было получить неплохое физико-математическое образование. Но в душе рождалось совсем иное желание.

Тогда много писали о новых землях на крайнем востоке

Сибири, освоение которых началось после заключения в 1858 году Айгунского договора с Китаем. Появились и научные труды исследователей Дальнего Востока, которые читал Кропоткин. Описания величественной природы края, примыкающего к Амуру, одной из крупнейших рек мира, увлекли его. И еще он думал о том, что если записаться в недавно образовавшееся Амурское казачье войско, штаб которого находился в Чите, то наверняка можно будет забыть об этой опостылевшей придворной парадности и заняться настоящим полезным делом.

Итак, он принял решение поступить на службу в Амурское казачье войско и вызвал этим недоумение всех своих товарищей, уже примерявших гвардейские мундиры. А в казачьем войске - форма самая невзрачная. Корпусное начальство было совершенно сбито с толку. Ведь Кропоткин был первым учеником, и вдруг - отказ от всех перспектив, пред ним открывающихся. Тем более что начальник корпуса получил телеграмму от отца: «Выходить на Амур запрещаю. Прошу принять нужные меры».

Воля отца значила в этом деле много, но случай помог…

Первым событием, вызвавшим репрессии в 1862 году, оказался неожиданный демарш тверского дворянства. В феврале этого года дворяне Тверской губернии на собрании приняли обращение к царю, в котором утверждалось, что осуществление намеченных реформ «невозможно путем правительственных мер», даже если будет проявлена полная готовность правительства их осуществить. Тверские дворяне потребовали для реального проведения реформ «собрания выборных от всего народа без различия сословия».

Это письмо вызвало гнев Александра II, к тому же среди подписавших обращение были два брата государственного преступника Михаила Бакунина, которому только что пребывание в крепости заменили ссылкой в Сибирь. По высочайшему распоряжению дворяне-«бунтовщики» были заключены в Петропавловскую крепость, а потом сосланы.

Еще одно событие оказалось по своим последствиям очень значительным - петербургские пожары в холодном мае 1862 года. Они начались в нескольких районах на Большой и Малой Охте, потом на Лиговском проспекте, достигнув апогея 20 мая грандиозным пожаром в центре города: загорелся Апраксин двор, занимавший с примыкающим к нему рынком обширное пространство между капитальными зданиями министерства внутренних дел, государственного банка, Публичной библиотеки и Пажеским корпусом. Огонь бушевал, грозя перекинуться на Публичную библиотеку и уничтожить пол-Невского проспекта. На счастье, не было ветра, а не то все здания, к которым примыкал

рынок, были бы уничтожены. После того, как удалось отвести опасность от банка, центром борьбы с огнем стал Пажеский корпуС. Пажи приняли участие в тушении пожара. Петр был едва ли не самым активным из них. Всю ночь, до четырех часов утра, полыхал огонь. А на другой день фельдфебель Кропоткин провожал великого князя Михаила, приехавшего с обходом корпуса. Узнав о том, как юноша вел себя на пожаре, Михаил решил поддержать странный его выбор - «выход на Амур», пообещав снабдить высочайшей протекцией: «Я напишу о тебе генерал-губернатору и попрошу оставить тебя при штабе». Это покровительство снимало возражения отца. Теперь с ним можно было не считаться и ехать, даже вопреки ему.

Пожары были, несомненно, «на руку» правительству, рассчитывавшему значительную часть общества настроить против тех, кто ожидал более решительных действий на пути демократизации.

Сразу же по городу поползли слухи о поджигателях. Ими в правительственных кругах называли распространителей прокламаций. Полиция организовала усиленные поиски, которые ни к чему не привели: арестованных пришлось выпустить за отсутствием доказательств. В кругах же либеральной интеллигенции складывалось мнение о том, что поджоги организованы властями, чтобы иметь повод для усиления репрессий. И действительно, это усиление произошло.

П. А. Кропоткин

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 9-103.

Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мере на посторонний взгляд, в этом Сен-Жерменском предместье Москвы. Утром никого нельзя было встретить на улицах. В полдень появлялись дети, отправлявшиеся под надзором гувернеров-французов или нянек-немок на прогулку по занесенным снегом бульварам. Попозже можно было видеть барынь в парных санях с лакеем на запятках, а то в старомодных - громадных и просторных, на высоких, висячих рессорах - каретах, запряженных четверкой, с форейтором впереди и двумя лакеями на запятках. Вечером большинство домов было ярко освещено; а так как ставни не запирались, то прохожие могли любоваться играющими в карты или же танцующими. В те дни «идеи» еще не были в ходу; еще не пришла та пора, когда в каждом из этих домов началась борьба между «отцами и детьми», борьба, которая заканчивалась

или семейной драмой, или ночным посещением жандармов. Пятьдесят лет назад никто не думал ни о чем подобном. Все было тихо и спокойно, по крайней мере, на поверхности.

В этой Старой Конюшенной родился я в 1842 году; здесь прошли первые пятнадцать лет моей жизни. Отец продал дом, в котором родился я и где умерла наша мать, и купил другой; потом продал и этот, и мы несколько зим прожили в наемных домах, покуда отец не нашел третий, по своему вкусу, в нескольких шагах от той самой церкви, в которой его крестили и отпевали его мать. И все это было в Старой Конюшенной. Мы оставляли ее только, чтобы проводить лето в нашей деревне.

Первые смутные воспоминания. Наша мать умерла от чахотки. Ей было всего тридцать пять лет. Прежде чем покинуть нас навсегда, она пожелала видеть нас возле себя, ласкать нас, быть на мгновение счастливой нашими радостями; она придумала маленькое угощение у своей постели, с которой уже не могла более подняться. Я припоминаю ее бледное, исхудалое лицо, ее большие, темно-карие глаза. Она глядит на нас и ласково, любовно приглашает нас сесть, предлагает взобраться на постель, затем вдруг заливается слезами и начинает кашлять… Нас уводят.

Я хорошо помню Крымскую войну… Обычный ход общественной жизни в Москве не был нарушен происходившей тогда великой борьбой. В деревне же, напротив, война вызвала очень подавленное настроение. Рекрутские наборы следовали один за другим. Мы постоянно слышали причитания крестьянок. Народ смотрел на войну, как на божью кару, и поэтому отнесся к ней с серьезностью, составлявшей резкий контраст с легкомыслием, которое я видел впоследствии в военное время в Западной Европе.

…Н. П. Смирнов, в то время уже окончивший университет (вторым кандидатом, первым был Б. Н. Чичерин, известный впоследствии профессор Московского университета), поступил в Гражданскую палату писцом на семь рублей в месяц. Возвращаясь из палаты, он часто покупал мне у Александровского сада, у букиниста, брошюрки о войне, и из этих брошюрок, которые я берег как «библиотеку», я узнавал о подвигах севастопольских героев.

Мне шел тринадцатый год, когда умер Николай I. Поздно вечером 18 февраля городовые разносили по домам бюллетени, в которых возвещалось о болезни царя и население приглашалось в церкви молиться за выздоровление Николая. Между тем царь уже умер, и власти знали про это, так как Петербург и Москва были соединены телеграфом. Но так как до последнего момента ни

слова не было произнесено о его болезни, начальство сочло необходимым постепенно «подготовить народ». Мы все ходили в церковь и молились очень усердно.

На другой день, в субботу, повторилось то же самое. Даже в воскресенье утром вышли бюллетени о состоянии здоровья царя. Лишь в полдень от слуг, возвратившихся со Смоленского рынка, мы узнали про смерть Николая I. Когда известие распространилось, ужас охватил как наш, так и соседние дома…

Помещики ждали ежеминутно бунта крепостных - новой пугачевщины.

В это время на улицах Петербурга интеллигентные люди обнимались, сообщая друг другу приятную новость. Все предчувствовали, что наступает конец как войне, так и ужасным условиям, созданным «железным тираном». Говорили о том, что Николай отравился… Истина, однако, раскрылась постепенно. Смерть произошла, по-видимому, от слишком большой дозы возбуждающего лекарства, принятого Николаем.

…Когда я читал донесение о сдаче Севастополя, о страшных потерях, которые понесли наши войска за последние три дня перед сдачей, мы все плакали. Все ходили после этого как если бы потеряли близкого человека. При известии же о смерти Николая никто не проронил слезы. Такое чувство было не у нас одних…

В августе 1857 года пришла моя очередь поступить в Пажеский корпус, и мачеха повезла меня в Петербург. Мне тогда было почти пятнадцать лет. Уехал я из дому мальчиком; но человеческий характер устанавливается довольно определенно раньше, чем обыкновенно предполагают, и я не сомневаюсь в том, что несмотря на отроческий возраст, я в значительной степени тогда был уже тем, чем стал впоследствии. Мои вкусы и наклонности уже определились.

…К концу зимы я попросил Беккера (учителя немецкого в корпусе.- В. М.) дать мне «Фауста». Я уже читал его в русском переводе; прочитал также чудную тургеневскую повесть «Фауст» и теперь жаждал узнать великое произведение в подлиннике.

- Вы ничего не поймете в нем, - сказал мне Беккер с доброй улыбкой, - слишком философское произведение.

Тем не менее он принес мне маленькую квадратную книжечку с пожелтевшими от времени страницами. Философия Фауста и музыка стиха захватили меня всецело. Начал я с прекрасного, возвышенного посвящения и скоро знал целые страницы наизусть. Монолог Фауста в лесу приводил меня в экстаз, особенно те стихи, в которых он говорил о понимании природы: «Могучий дух, ты все мне, все доставил… Ты дал мне в царство чудную

природу… Ты научил меня собратий видеть В волнах и в воздухе, и в тихой роще…»

И теперь еще это место производит на меня сильное впечатление. Каждый стих постепенно стал для меня дорогим другом. Есть ли более эстетическое наслаждение, чем чтение стихов на не совсем хорошо знакомом языке? Все покрывается тогда своего рода легкой дымкой, которая так подобает поэзии…

Первая лекция В. И. Классовского явилась для нас откровением. Было ему под пятьдесят; роста небольшого, стремителен в движениях, сверкающие умом и сарказмом глаза и высокий лоб поэта. Явившись на первый урок, он тихо сказал, что не может говорить громко, так как страдает застарелой болезнью, а потому просит нас сесть поближе к нему. Классовский поставил свой стул возле первого ряда столов, и мы облепили его, как рой пчел.

Он должен был преподавать нам грамматику, но вместо скучного предмета мы услыхали нечто совсем другое…

Конечно, мы не все понимали и упускали глубокое значение многого, но разве чарующая сила учения не заключается именно в том, что оно постепенно раскрывает пред нами неожиданные горизонты? Мы еще не постигаем вполне всего, но нас манит идти все дальше и дальше к тому, что вначале кажется лишь смутными очертаниями… Одни из нас наваливались на плечи товарищей, другие стояли возле Классовского. У всех блестели глаза. Мы жадно ловили его слова… В сердцах большинства кипело что-то хорошее и возвышенное, как будто пред нами раскрывался новый мир, о существовании которого мы до сих пор не подозревали. На меня Классовский имел громадное влияние, которое с годами лишь усиливалось…

Западная Европа и, по всей вероятности, Америка не знают этого типа учителя, хорошо известного в России. У нас же нет сколько-нибудь выдающихся деятелей… в области литературы или общественной жизни, которые первым толчком к развитию не обязаны были преподавателю словесности. Во всякой школе, всюду должен был быть такой учитель. Каждый преподаватель имеет свой предмет, и между различными предметами нет связи. Один только преподаватель литературы, руководствующийся лишь в общих чертах программой и которому предоставлена свобода - выполнять ее по своему усмотрению, имеет возможность связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу. В России эта задача, естественно, выпадает на долю преподавателя русской словесности.

То же самое следовало бы делать при преподавании естественных наук. Мало обучать физике и химии, астрономии и метеорологии, зоологии и ботанике. Как бы ни было поставлено преподавание естественных наук в школе, ученикам следует сказать о философии естествознания, внушить им общие идеи о природе, по образцу, например, обобщений, сделанных Гумбольдтом в первой половине «Космоса».

Философия и поэзия природы, изложение метода точных наук и широкое понимание жизни природы - вот что необходимо сообщать в школе ученикам, чтобы развить в них реальное естественно-научное мировоззрение. Мне думается, что преподаватель географии мог бы всего лучше выполнить эту задачу.

Лучшее время наступало, когда кончались экзамены; до выступления в лагери у нас… имелся почти месяц, совершенно свободный, а затем, по возвращении из лагерей, мы были опять свободны целых три или четыре недели. Те немногие из нас, которые оставались в училище, пользовались тогда полной свободой и отпуском в любое время. В корпус мы возвращались только есть и спать. Я работал… в публичной библиотеке, ходил в Эрмитаж и изучал там картины, одну школу за другой, или же посещал казенные ткацкие фабрики, литейные, хрустальные и гранильные заводы, куда доступ всегда открыт. Иногда мы отправлялись компанией кататься на лодках по Нее и проводили белые ночи - когда вечерняя заря встречается с утренней и когда в полночь можно без свечи читать книгу - на реке или у рыбаков на взморье.

Из посещения фабрик я вынес… любовь к могучим и точным машинам. Я понял поэзию машин, когда видел, как гигантская паровая лапа, выступавшая из лесопильного завода, вылавливает бревно из Невы и плавно подкладывает его под машину, которая распиливает ствол на доски; или же смотрел, как раскаленная докрасна железная полоса, пройдя между двумя цилиндрами, превращается в рельс.

Музыка тоже играла важную роль в моем развитии. Она являлась для меня еще большим источником наслаждения и энтузиазма, чем поэзия. В то время русская опера почти еще не существовала; но то был период расцвета итальянской оперы. В Петербурге она была чрезвычайно популярна…

Весь Петербург делился на два лагеря: на поклонников итальянской оперы и на завсегдатаев французского театра, где уже тогда зарождалась гнилая оффенбаховщина, через несколько лет заразившая всю Европу. Наш класс тоже разделился на два лагеря, и я принадлежал к итальянцам. Нам не позволялось

посещать кресла или галереи, а ложи в итальянской опере разбирались за несколько месяцев до начала сезона по подписке, в некоторых домах абонементы передавались даже по наследству. Нам оставалось, таким образом, пробираться в оперу по субботам на верхнюю галерею, где мы скучивались «в проходе» и парились как в бане. Чтобы скрыть бросающиеся в глаза мундиры, мы должны были стоять даже там, несмотря на духоту, в застегнутых черных ватных шинелях с меховыми воротниками. Удивительно, как никто из нас не схватил воспаления легких, в особенности, если вспомнить, что мы, разгоряченные овациями нашим любимцам, простаивали потом подолгу на улице, у театрального подъезда, чтобы еще раз поаплодировать им. В то время опера каким-то странным образом связана была с радикальным движением. Революционные речитативы в «Вильгельме Телле» или «Пуританах» всегда вызывали шумные овации, немало смущавшие Александра II. А в шестом ярусе, в курительной и на подъезде собиралась лучшая часть петербургской молодежи, объединенная общим благоговением к благородному искусству.

Летом мы вступали в лагерь, в Петергоф, вместе с другими военными училищами петербургского округа…

Я понял тогда, как много в военное время зависит от духа армии и как мало можно сделать путем одной дисциплины, когда от солдат требуется больше, чем среднее усилие. Одной дисциплиной нельзя привести усталый отряд к определенному часу на поле битвы. Лишь энтузиазм и доверие могут в подобные минуты заставить солдат сделать невозможное. А для успеха на войне постоянно приходится выполнять «невозможное». Как часто впоследствии вспоминал я этот наглядный урок в Сибири, где во время научных экспедиций нам тоже приходилось все время выполнять невозможное.

Фронтовое учение и маневры отнимали, однако, лишь небольшую часть лагерного времени. Мы много занимались практическими съемками и фортификацией. После нескольких предварительных упражнений нам давали буссоль1 и говорили: «Снимите план этого озера или парка с его дорогами. Измеряйте углы буссолью, а расстояние шагами»… Мне эта съемка доставляла невыразимое удовольствие. Независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи, оставили глубокий след в моей памяти. Была интересна и сама работа. Когда я впоследствии стал исследователем Сибири, а некоторые из моих товарищей - исследователями Средней Азии, мы оценили, какой хорошей подготовительной школой послужили нам корпусные съемки.

1 Буссоль - геодезический прибор для определения магнитных азимутов - углов между магнитным меридианом и направлением на предмет.

В середине мая 1862 года, за несколько недель до нашего производства, наш полковник сказал мне:

- Кропоткин, приготовьте список выпускных. Сегодня его нужно будет отослать великому князю.

Я взял список воспитанников нашего класса и стал обходить товарищей. Каждый знал очень хорошо тот полк, в который поступит. Большинство щеголяло уже в саду в офицерских фуражках своего полка. Нам предоставлялось право выйти в любой гвардейский полк с первым чином или же в армейский с чином поручика…

…Я уже давно решил, что не поступлю в гвардию и не отдам свою жизнь придворным балам и парадам. Пошлость светской жизни тяготила меня. Я мечтал поступить в университет, чтобы учиться и жить студенческой жизнью. Это значило бы, конечно, порвать окончательно с отцом, который мечтал совсем об ином, и перебиваться уроками. Тысячи студентов живут так, и такая жизнь меня нисколько не страшила. Но как сделать первые шаги в новой жизни? Через несколько недель я оставлю корпус и должен буду обзавестись своим платьем, своей квартирой. Мне неоткуда было взять даже те небольшие деньги, которые понадобятся для начала… Таким образом, на поступление в университет не было надежды, и я давно думал об артиллерийской академии. Это избавило бы меня на два года от фронтовой лямки; а в академии, кроме военных наук, я мог бы изучать математику и физику. Но в Петербурге тянул уже ветер реакции. В прошлую зиму с офицерами академии обращались как со школьниками. В двух академиях тогда были беспорядки, и в одной из них, инженерной, все офицеры, в том числе один мой большой приятель, вышли из академии.

И все более и более я останавливался на мысли о Сибири. Амурский край тогда только что был присоединен к России. Я читал об этом Миссисипи Дальнего Востока, о горах, прерываемых рекой, о субтропической растительности по Уссури; восхищался рисунками, приложенными к «Уссурийскому путешествию» Маака, и мысленно переносился дальше, к тропическому поясу, так чудно описанному Гумбольдтом, и к великим обобщениям Риттера, которыми я увлекался. Кроме того, я думал, что Сибирь - бесконечное поле для применения тех реформ, которые выработаны или задуманы. Там, вероятно, работников мало, и я легко найду широкое поприще для настоящей деятельности.

Из переписки с братом Александром 1

1 Переписка Петра и Александра Кропоткиных. - М. - Л.: Academia, 1932. - Т. 1.

Март - апрель 1858 г.

Петр : «…Теперь о России. Я с жадностью слежу за всеми нововведениями, жду многого от царствования Александра II, но много, много нужно устранить и потом приниматься за эмансипацию. Теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся теперь в скором времени, и, авось, мы доживем до того, что увидим Россию наряду с прочими европейскими государствами; многое, многое нужно будет переменить теперь, чтоб вышло что-нибудь порядочное. Что за роскошь при дворе! Собирают неимоверные пошлины, чтобы содержать неимоверно обширный двор…»

Александр: «…Я здесь читаю Искандера (Герцена - В. М.), 1-й № «Колокола», 1-й № «Полярной звезды» (1857) и его «Прерванные рассказы». Как хорошо, даром, что много желчи. Через него можно получить самые верные известия обо всем, что делается на Руси…

…Ты говоришь - «Разрушают старую систему: новая еще не создана. Предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили» - вроде этого. Позволь же тебе сказать: для того, чтобы на месте старой системы создать новую, разве возможно иначе поступить, как не разрушить сперва старую…

Крепостное право есть главное и основное зло, начало всех злоупотреблений, всего, что только есть дурного в России; не уничтожив его, нельзя приняться ни за какие коренные и даже немного важные реформы».

Петр: …Я действительно необдуманно выразился: «предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили». Я повторил мнение других, но все-таки я размышлял об этом, очень интересовался этим, и вот что я подразумевал под самым главным: Самодержавие… Положим, Александр имеет очень добрые намерения, я уважаю его, но разве он не делает и вреда. (Конечно, сам он не виноват, виноваты предшественники его). Посмотри, каковы финансы в России?…Не лучше ли прежде сократить расходы, реже ездить на охоту, меньше держать лакеев, а потом освобождать крестьян… Сократить расходы, постепенно вести дела к уничтожению самодержавия, а вместе с этим уничтожить крепостное право, а уничтожать его одно… не то же ли это, что подготовлять бунт. Впрочем, быть может, нельзя иначе переменить правительство, как силою народа, но мне кажется, что можно, ведя дела

постепенно, самому ограничить свою власть… Тут не нужно вовсе отрекаться от власти, а только ограничить ее, нужно только породить в себе сознание, что он не умнее всех, т. е. общего народного голоса…

Май 1858 г.

Александр: …Ты очень поверхностно рассмотрел вопрос о том, что «уничтожили крепостное право, самодержавие осталось»…Конечно, конституционное правление полезно только в стране развитой. Россия же только начинает развиваться; развития она достигнет, когда все классы ее населения будут более или менее образованы, - что без свободы для народа невозможно.

Январь 1859 г.

Александр: …Я мельком упомянул о необходимости изучать естественные науки: уверься в этой истине. Философия без естественных наук в основе есть нелепость. Как можно решать такие вопросы, какие теперь, например, волнуют нас, без знания законов природы. Политические науки также осознали необходимость положить в своей основе естествоведение. На историю, экономический быт народов открывается совершенно новый взгляд, который мы с тобой можем теперь только чуять. Теперь будет очень легко заниматься естественными науками, тем более, что ты хорошо знаешь математику. Разумеется, естественные науки имеют свои несовершенства… Мы стоим еще у порога изучения природы, в естественные науки не введен элемент философии. Они ограничиваются, по большей части, наведением, перечислением. Но уже занялась заря новой эпохи…

Февраль 1859 г.

Петр: …Твое письмо ясно указало мне, что нужно мне заняться естественными науками, я решительно не имел о них никакого понятия, кроме каких-нибудь поверхностных сведений. Надо заняться…

Апрель 1859 г.

Петр: Ты разгадываешь причину, по которой он (отец) мне советует выйти в статскую службу. Он потому только советует мне это, что именно из Пажеского корпуса он рассчитывает, что хорошо выйду. У нас выпускают 10-м классом и многие (большая часть) выходят в министерство иностранных дел, на это-то он и рассчитывает. «Там дорога блистательная, говорит он: поедешь за границу, что всего лучше для твоего здоровья, и т. д.»

…Наконец я добился билета в Петербургскую публичную библиотеку, хотя и нельзя там бывать пажам, но они не знают, кто я. Посоветуй мне, что читать, редкостью книги не затрудняйся…

Июль 1859 г.

Александр: Я не могу признать за разумом того высокого значения, которое видят за ним, например, Искандер и, верно, - Шеллинг. Я не вижу никакого положительного доказательства тому, что мозг наш есть орудие, созданное природой, что мышление есть необходимое дополнение природы, крайнее звено ее саморазвития и т. п. И, во-первых, потому не верю во все это, что оно бездоказательно и что даже неизвестно, есть ли точно человек венец сознания…

Петр: …Я заметил, что очень несведущ в философии, - я с ней знакомился урывками, из твоих писем. Поэтому мне часто встречаются слова, которые я не могу понять… Мне необходимо начать свое знакомство с философией…

Август- октябрь 1859 г.

Александр: …Если ты точно хочешь заняться философией, я тебе посоветую, пожалуй, с чего начать. Науку хорошо бы изучать, да и должно, в том порядке, как я изложил выше, только поставить физическую географию прежде сравнительной анатомии, да изучив сначала астрономию и высшую математику.

…В последнее время я решаю, брат, великие вопросы. Это об отношении бытия к мышлению. Что есть знание? В каком отношении оно находится к природе? Какое его значение? Скоро ли доберусь я в этом деле до конца, не знаю, но тогда познакомлю тебя со своими мыслями об этом предмете. Это, может быть, важнейший вопрос философии; Кант решил его в пользу неабсолютности (т. е. относительной достоверности) человеческого знания; это я без него знаю, но тут еще дальше надо вести дело: какое значение имеет сама критика разума; какое значение имеет самосознание и т. д. Жду с нетерпением «Критики чистого разума». Она, верно, на многое обратит мое внимание, да поможет и сообразить свои мысли.

Декабрь 1859 г.-февраль 1860 г.

Петр: Ты пишешь между прочим, что к чему историку примешивать политические теории, - довольно просто и ясно изложить события, - я с тобой не согласен, этого очень мало. Историк должен показать причины и последствия событий, он должен сказать, имело ли такое событие благодетельное последствие или нет, и, говоря про это, он должен изложить, на чем основывается он при этом разборе, - вот уже причины излагать свои политические убеждения и доказать их, а если бы ты ограничил историю одним перечислением фактов, это вышла бы летопись, не больше, а в истории должен быть прагматизм, т. е. изложение причин и последствий; историк должен показать, почему такой-то действовал так, вот его политические убеждения.

Кроме того, он должен сказать, ошибалось ли разбираемое лицо или нет, т. е. разобрать отношение его убеждений к понятиям этой эпохи, в которую он жил…

Не знаю, до чего я так дойду со временем, меня интересует и желание получить практическое воспитание, и естественные науки, и история по временам затрагивает меня. На чем же я остановлюсь? Неужели ни на чем? Более и более убеждаюсь я в неспособности понимать философские книги; да и лень одолевает… Обломовщина? Избави бог. Зато вдвое более прежнего полюбил я поэзию, и никогда стихотворения не могли доставить мне такое удовольствие, как теперь. Все это, однако ж, ничто. Я чувствую, как вредит мне корпус, он убьет во мне последнее, что было хорошего!

Часто задаю я себе вопрос, что из меня выйдет? Не так давно еще я мечтал сделаться историком… теперь вполне убедился, благодаря тебе, в своей полной неспособности к этому. С естественными науками я очень мало знаком, мне кажется, что я мог бы ими заниматься. Наконец, математика довольно интересует меня теперь и, по отзыву решительно всех учителей в корпусе, я способен к математике, задачи, над которыми другие ломают себе голову по нескольку часов, мне достаются очень легко. Быть может, естественные науки сделаются моим главным предметом. Но, конечно, я считаю себя способным предаться науке, и меня тянет возможность в будущем уметь прилагать свои знания к делу, посвятить себя сельскому хозяйству, промышленности; сельское хозяйство теперь нужно улучшить. Системы обработки у нас, ты можешь убедиться в этом на деле, устарели, - вот обширное поприще. Конечно, для этого я считаю необходимым первоначальное образование, и поступление в университет есть мое первое желание, впрочем, все это такие мечты…

Я замечаю, что эта нелепая корпусная атмосфера вредно действует на меня, - пошлеешь с каждым днем… Скверно.

Я не теряю надежды достигнуть вольного гражданства. Я должен быть в университете; иначе я выйду необразованным. Я должен получить общечеловеческое образование, конечно, я не мечтаю быть ученым, но при моем невежестве при выходе из корпуса я не могу быть полезным членом обществу, итак, повторю мое давнишнее решение, я буду в университете, я никогда не изменял этого решения, не знаю, почему ты говоришь как о решенном, что я не хочу в университет.

Я писал о приложении естественных наук к сельскому хозяйству под влиянием различных впечатлений. Теперь скажу тебе, что не могу еще решить, на какой факультет пойду, может

быть, на факультет естественных наук… это выяснится со временем, тогда решу, когда буду поступать. Я знаю только наверное, что буду всячески стараться попасть в университет, а потому благодарю тебя за совет выйти в гвардию.

Февраль 1860 г.

Александр: …Но зачем мне быть студентом: а) чтоб пользоваться лабораториями, обсерваториями, музеями, лекциями? Всем этим я могу пользоваться и будучи сторонним слушателем… Чтоб стать кандидатом? Но зачем мне быть кандидатом?… На ученые степени я смотрю как на м. б. вырождающийся пережиток из остатков средневекового университета, желать кандидатства, воображая, что оно много поможет при отыскании места домашнего учителя - вряд ли умно.

Я получу скоро из Москвы… «Основы геологии» Лайеля*, которые очень советую тебе прочесть.

Март 1860 г.

Петр: Каждый человек, мне кажется, должен быть специалистом по какой-нибудь части, вот почему я и писал - общечеловеческое образование, т. е. такое, которое должен получить всякий, а вовсе не общее, ты меня не понял. Конечно, за общим не следует идти в университет! Вот почему я должен быть в университете.

Потом всякий должен быть полезным членом обществу, - конечно, не требуется, чтоб он так собою пожертвовал, чтоб ходил босиком, - а должен по мере сил… полезно трудиться на каком-нибудь поприще, а не то, что ему кажется полезным деспотизмом, так стараться вести деспотизм. Нет, от него требуется, по-моему, не более как честное исполнение своих обязанностей…

Теперь книги по части естественных наук сделались для меня насущною потребностью, как прежде исторические…

Август 1860 г.

Александр: …Сейчас думал: вся моя жизнь сцепление размышлений - и только; я человек мысли, но не дела, потому моя жизнь решительно лишена всякого интереса: разве только моя борьба с обстоятельствами. Но других событий - нет. Потому-то я в тупик встаю, что еще написать тебе. Была пора, мы жили одной умственной жизнью, горела наша переписка; теперь не то: мы разошлись умственно, ты отстал от меня в том, что некогда занимало нас обоих. Не о чем писать, нить порвана… Ты отстал, ибо не склонен к умозрениям. Но предвижу я вновь шествие рука об руку: пора готовиться Руси к свободе!… я уже начинаю понемногу волноваться! Тут мы, надеюсь, не разойдемся. Может быть, близко время, когда интересы народа найдут во мне

участие, равное с интересами науки. Будь это хоть мечта.

Сентябрь 1860 г.

Петр: Вот еще чем я намерен позаняться и о чем хочу с тобой посоветоваться. Математика интересует меня, химия, сколько она мне немного известна, тоже интересна; я хочу поступить в Артиллерийскую академию… Итти в университет… но не рассчитываю я на себя на поприще ученого, профессора и т. д., наконец, мне хотелось бы быть сколько-нибудь полезным…

Я обращаюсь к тебе за советом, как ты об этом думаешь; напиши мне. Ты знаешь, что мне хотелось бы предпочтительно заняться сельским хозяйством, но, впрочем, мы переписывались об этом. Прощай. Пока писать нечего; но не забудь твоих слов про шествие рука об руку. Припомнишь их когда-нибудь, - во мне будет верный товарищ.

Сентябрь - ноябрь 1860 г.

Александр: Твое желание поступить в Артиллерийскую академию очень похвально: замечу, однако, что вряд ли достигнешь путем, который выбираешь, целей, которых добиваешься. Деньги достаются очень и очень не легко тем, кто кончил курс в Артиллерийской академии. Управлять заводом - идеал почти недостижимый. Вообще - путь, тобой выбираемый, отнюдь не ведет к целям, которые тебя прельщают.

…Что до твоего предложения прислать мне денег: отказ. Я из собственного своего эгоизма прошу тебя не присылать; ты настолько меня любишь, что удовлетворишь моему эгоизму; поверь, что мне в сто раз приятней видеть тебя в относительном довольстве, чем себя. У тебя, брат, и так-то нет ничего. А ты готов снять для меня хоть рубашку. Спасибо тебе, мой друг; прими за правило: твоему брату приятней знать, что у тебя есть деньги…

…Я счел бы себя наисчастливейшим в мире, если б был знаком с Лавровым. Конечно, это невозможно. Лавров - Петр Лаврович*, полковник и читает в Артиллерийской академии механику.

… Скажу прямо: я не верю в тебя; корпус почти погубил тебя. С горьким, горьким чувством думаю я теперь о тебе; чем ты стал, мой милый, милый Петя? Что есть в тебе, кроме внешнего лоска? Я всегда был предубежден против первых учеников; очень редко выходят из них порядочные люди науки. Я слишком люблю тебя, чтоб выносить такое сознание равнодушно. Повторяю, сердце сжимается иногда о тебе. Гордая самоуверенность проглядывает у тебя… Ты человек не науки! Наука не для тебя; научное поприще так тернисто, что только страстная любовь и верность к науке может поддержать на нем человека…

Февраль 1861 г.

Петр: …Ты, может быть, спросишь, что я делал все это время после праздников? - немного. Хотя и работал как лошадь. Я не хотел не исполнить обещания, хотел кончить перевод и кончил, работая целый день, ничего почти не читал, только занимался математикой и переводил. Эту неделю всю исключительно посвящу математике…

Февраль 1961 г.

Александр: Не хочется верить, что не настанет для нас пора лучшей жизни; только не с низших классов может начаться резня, как думают; все надежды свои я полагаю на дворянство, потому что оно одно сколько-нибудь находится под влиянием мысли о лучшей жизни, более правильной.

А может и то быть, что Александр II сам примет на себя инициативу в деле политического улучшения; нечего и говорить, что то было бы лучше: обеспеченнее, спокойней.

Март 1861 г.

Петр: …Что, тебе, брат, сказать обо мне, немного есть что рассказывать. Занятия математикой идут обычной чередой. Химией занимаюсь также постоянно, время от времени, когда появляются финансы, занимаемся опытами в нашей маленькой лаборатории. Свободное время посвящаю музыке. Сегодня я урвался из корпуса в концерт, и… наслаждался, слушая, например, глубоко прочувственное трио Глинки из «Жизни за царя», сколько в нем родного, близкого сердцу, выплаканного, как и во всех русских мотивах.

Как в Москве приняли освобождение крестьян?… Народ везде с восторгом встречает царя, но только у всех недоумение какое-то. «Что ж мы, вольные, говорят, или как?», и в этом роде.

Сентябрь 1861 г.

Александр: …Здесь, брат, у нас в университете черт знает что делают, не то что у вас. Никакого единодушия - ничего…Выкинем какой-нибудь скандал, чтобы закрыли университет. Закрытие нескольких университетов авось подействует на Александра…

Напиши немедленно и подробнее, что делается теперь в Петербурге.

Октябрь 1861 г.

Петр: Письмо твое получил вчера, но не отвечал вчера, потому что некогда было.

Вот что у нас делается.

Ничего хорошего, - везде подлость, мерзость, гадость. В понедельник на прошлой неделе, кажется, было сборище студентов университета. Университет закрыт.

…Начали хватать студентов, ловить всех, кого вздумается агентам тайной полиции. По всему городу ходят патрули,

разъезды, в частях стоят команды, полки в готовности выступить, караулы усилены. Беспрестанно встречаем жандармов командами… Студентов переловлено до трехсот. Но они не унывают нисколько, всякого встречаешь с веселой физиономией… Общество им сочувствует…

Февраль 1862 г.

Петр: …Мне припомнилось, что я писал где-то: «хоть бы на Амур отправиться». Теперь я думаю об этом, ведь на Амуре тепло… потом я люблю поездки, переезды, путешествия, если хочешь. Мне доставляет большое удовольствие видеть новые места.

Потом мы с тобой трактуем, что негодны мы ни к какой деятельности, но ведь я этого еще не испытал, годен или я ли нет: мне кажется, на что-нибудь да гожусь… Одно плохо - далеко… Вообще надо будет подумать об этом, поразузнать о климате Амурского края, о растительности, природе и жизни. Наконец, о лицах, с которыми пришлось бы служить…

Я жду с нетерпением нового романа Тургенева «Отцы и дети». Ведь Рудин, Лаврецкий, эти типы Тургенева уже отживают свой век, их оттеснило новое поколение. Каким-то он его представляет?

Прощай. В июне увидимся на несколько дней…

Март 1862 г.

Александр: Как можешь уже догадаться, ехать на Амур я не советую тебе; прошу даже тебя не ехать туда. На Амуре ты можешь только хандрить и мучиться еще более, чем в Москве и Петербурге. Золотой месяц наслаждения новизной пройдет быстро. Только естествоиспытатель может ощущать в себе неумолкаемую любовь к природе, наслаждаться ею ежедневно, ежечасно… Простое созерцание наскучит быстро; для обыкновенного смертного любовь к природе возможна только перемежающаяся, в воспоминании, или же в сердце, как любовь к родине…

Март 1862 г.

Петр: …Ты говоришь, обдумай свои потребности и тогда решишь и т. д. Но ты знаешь, пожалуй, не хуже меня мои потребности, - я не раз тебе высказывал их и на словах, и в письмах: мне желательно, чтоб мне не мешали заниматься тем, чем мне вздумается заниматься, т. е. читать, писать, думать, а для этого нужно свободное время, и нужно, чтоб обстоятельства, обстановка не мешали…

…Говорят, даль, а я говорю, нет, близко, смотря откуда считать, вольно вам брать за центр Питер, а я возьму Тихий океан, мне это решительно все равно, - я запасусь книгами, и мне

будут высылать книги, выбор книг я могу поручить тебе же. Нужны деньги - да, но Амур так мало знаком, узнать его так хлопочут… я убежден, что стоит предложить свои корреспонденции «Современной летописи» и примут с удовольствием, платить будут тебе. Преимущество на стороне Амура. Потом есть много мелочей, на которые можно тебе кое-что заметить, хоть бы о наслаждении природою. Это для меня так важно, я так наслаждался всегда природою, и это наслаждение так всегда на меня действовало, что будь сегодня хорошая погода, я лучше работаю, лучше себя чувствую, после нескольких минут наслаждений природой я на два дня веселее. Вообще замечу, что ты об Амуре имеешь самое смутное понятие, что если бы ты познакомился покороче, то м. б. немного иначе смотрел бы на это. Я более и более убеждаюсь, что ехать на Амур мне лучше, чем здесь оставаться в Академии.

Март 1862 г.

Александр: Право, не знаю, что написать тебе об Амуре. Не знаю, отчего, но я твердо убежден, что ты не раз помянешь меня, если уедешь туда. И я верю своему чутью; оно у меня очень развито и вряд ли когда обманывало меня… Так поверь хотя моему чутью, Петя. Не езди на Амур, не связывай себя, не езди даже на два года. Что ты захочешь вернуться, в этом я убежден.

Май 1862 г.

Петр: Саша, вопрос о выпуске решился окончательно, я еду на Амур. Почему? Ты знаешь…

Я надеюсь устроиться на Амуре довольно хорошо… Ты спросишь, что же я там буду делать? Да на первых порах хоть то, что собирался и здесь сделать, выучить английский язык, буду заниматься кристаллографией, изучать дальше математику, если не наскучит, но вообще я уверен, что без дела сидеть не буду… Я выбрал Амур.

II. Сибирский реформист

Путешествие из Петербурга в Иркутск

Вступая в новый этап своей жизни на двадцатом ее году, Петр Кропоткин начал вести дневник, написав на обложке тетради: «От Петербурга, через Москву и Калугу до Иркутска».

24 июня 1862 года в поезде Николаевской железной дороги он сделал первую запись: *«Наконец-то навсегда выбрался из Петербурга. Пода, давно пора…»* А в письме к брату вспоминает строчки из стихотворения Николая Огарева, в котором настойчиво повторяется слово «Свобода». Именно ощущение свободы переполняло его душу. И ничто уже не могло остановить это стремление в даль, к неизведанному. Оно стимулировалось уверенностью в том, что там, в Сибири, найдет свое место, сможет быть полезным обществу.

«Да, я радовался, уезжая из Петербурга. Чего мне было там жалеть? В Петербурге мне было жаль оставлять только одно здание - Большой театр. Сколько дивных, приятных, грустных, веселых минут я провел там!…»

Театром и оперой, в частности, Кропоткин был очень увлечен. Он сам неплохо пел, предпочитая именно оперные арии. Колоссальное впечатление произвела на него опера М. И. Глинки «Жизнь за царя», и после ее прослушивания он написал заметки «О русской опере».

В Москве зашел в редакцию «Московских ведомостей» и договорился с одним из редакторов этой газеты П. М. Леонтьевым, что будет присылать из Сибири письма для публикации в воскресном приложении «Современная летопись». Гонорары он просил передавать брату, оставшемуся без определенных занятий после исключения из университета за участие в беспорядках. Леонтьев охотно принял предложение молодого князя, уже имевшего небольшую, но серьезную публикацию в петербургском «Книжном вестнике». Там выпускник Пажеского корпуса напечатал рецензию на статью известного литератора радикального направления Н. В. Шелгунова, опубликованную в «Современнике», в которой была изложена работа Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Только одно условие выдвигал будущий автор писем из Сибири - не ставить в подписи под статьями его княжеского титула. Кичиться своим аристократическим происхождением он не собирался. Правда, потом, находясь в эмиграции, он вынужден

был смириться с тем, что английские редакторы подписывали его статьи только так - prince Kropotkin.

29 июня Петр выехал из Москвы в калужское село Никольское, где прошло детство и где его ждал отец с последней надеждой на то, что сын останется, образумится и не поедет на далекий Амур. Надежда его была связана с семнадцатилетней дочерью богатого соседа-помещика Лидией, которую, казалось, Петр полюбил. И действительно, им овладели сомнения: не поселиться ли в имении, не отдаться ли семейному счастью? Вместо трех дней, как предполагал, он прожил в Никольском почти месяц. Но колебания преодолел, и 27 июля покинул калужскую землю, продолжив путь на восток.

С грустными мыслями ехал он в поезде, переполненном пассажирами, спешащими на открывающуюся вскоре Нижегородскую ярмарку.

И вот - Владимир, город славной русской истории. *«Не чувствуя усталости, я тотчас по приезде пошел гулять по Владимиру. Городок оригинальный, весь невелик, но на горах, и горы - с преогромными оврагами…»* Петр старается записывать свои впечатления, помня об обещанных «Московским ведомостям» письмах.

От Владимира в Нижний строится железная дорога, но поезда еще не идут. Приходится ехать в тарантасе по ухабистым лесным дорогам. На пути старинные села: Боголюбово, Павловские Дворики, Вязники… В Нижнем Новгороде, конечно, первым делом - на ярмарку, не совсем еще открывшуюся. А вечером - в театр, на «Макбета». Играл знаменитый чернокожий трагик Айра Олдридж, приехавший из Лондона. Гастролировал по всей России и везде имел триумфальный прием.

Запись в дневнике: *«Вчера я был в Кремле, отыскивал древнее лобное место, с которого Минин сзывал Русь к обновлению, и странно, не нашел, никто не знает… На высоком месте Кремля поставлена беседка. Что за вид! Виднеется слияние Оки и Волги, на этом мысу - ярмарка; обе реки уставлены судами, целый лес мачт перед глазами… Вся ярмарка как на ладони, а там, вдали, пологие берега Оки и Волги, вода стоит местами… Что за даль, ширь!… Я долго, долго любовался видом, едва отошел».*

Люди занимали молодого путешественника не меньше, чем ландшафты и исторические памятники. Вот он разговорился с хозяином гостиницы, вчерашним крестьянином, не имеющим никакого образования, но начитанным и выписывающим такие серьезные журналы, как «Русский вестник», «Современник». Разговор с портным, который шил ему чехол на чемодан, тоже заставил задуматься. Бывший крепостной поведал, что изобрел не

более не менее, как перпетуум мобиле.

А когда шел по мосту через Оку, глубокую грусть навеяла песня гребцов на судне, похожая на стон: *«Что-то очень дикое, очень возмущающее душу, наводящее грустную думу, бессильную злобу, желчную задумчивость…»* - записывает он в дневнике. И чем дальше едет в глубь России, тем чаще возникает ощущение своей отчужденности от народа и чувство сострадания к нему. Спустя два-три года, усиленное новыми впечатлениями, это чувство выльется в осознанное неприятие существующих общественных отношений.

Вятская губерния, Кама… В Елабуге Кропоткин впервые столкнулся с таким явлением, которому потом, спустя шесть лет, посвятит статью в «Санкт-Петербургских ведомостях». В ней он расскажет о вреде чрезмерных рубок леса, приносящих сельскому хозяйству огромный вред. Увидев впервые, как безжалостно вырубают лес в Елабуге, он не успокоится даже и в Сибири, где поистине океан леса.

В Сарапуле его занимало, почему этот небольшой городишко имеет такую узкую устойчивую специализацию: все сапожники. Объяснялось все просто: во-первых, избыток кожи, конской и козлиной, а затем - удобен сбыт по Каме и Волге. Это - явный интерес Кропоткина к экономическим связям, пробудившийся, как мы знаем, еще в детские годы в уездном городке Мещевске.

Перед Екатеринбургом - степной просмотр: великолепная земля, буквально черная, и села тянутся иногда более чем на версту.

…Трясет в тарантасе по холмам уральским, укачивает, в сон бросает. И вдруг денщик Петров говорит: «А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли?» Это граница. На высшей точке главной горной цепи Урала стоит вдоль дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне - «Европа», на другой - «Азия».

Всего 34 года назад мимо этого столба проехал Александр фон Гумбольдт, полгода путешествовавший по России. Началась Сибирь. Что он знал о ней? Да, в общем-то, немало. Знал о дерзком прорыве в Сибирь казачьего атамана Ермака и о подвиге казаков-землепроходцев, прошедших через всю громадную страну, достигших Тихого океана и берегов Америки, поставивших свои деревянные крепости - остроги среди тайги и гор, на берегах неведомых рек и озер, начавших освоение бескрайней земли сибирской.

Крупнейшие фигуры вырисовываются в истории познания необъятных просторов Сибири в XVIII веке. Например, Витус Беринг, дважды пересекший со своим грандиозным обозом всю

Сибирь до восточной оконечности - Камчатки, откуда отправился на поиски Америки, открыв пролив, разделяющий два континента. Или участник экспедиции Беринга Степан Крашенинников, составивший первое описание «земли камчатской». А имена бесстрашных подвижников Великой Северной экспедиции, продолжавшейся десять лет, - братьев Лаптевых, Семена Челюскина, Степана Малыгина и других - увековечены на берегах Северного Ледовитого океана.

Пророческие слова Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью», на столетие определили понимание передовыми деятелями русского общества места Сибири в жизни страны. Исследование ее природы, этнографии, археологии считалось почетной задачей. Изучение природы Сибири и Дальнего Востока, развернулось с новой силой в середине XIX столетия. В 40-50-е годы его проводили горные инженеры, землемеры, местные жители - энтузиасты, в большинстве - ссыльные. Многое сделали декабристы, особенно Иван Якушкин и Николай Бестужев, организовавшие регулярные метеорологические наблюдения, изучавшие флору и фауну края.

Большой вклад в изучение Сибири и Арктики внес российский академик Александр Федорович Миддендорф*, отправившись в путешествие в 1842 году. Снаряженная Gетербургской Академией наук, его экспедиция в значительной мере предопределила характер lальнейших исследований в Сибири, а двухтомный труд «Путешествие на север и восток Сибири», вышедший спустя десятилетие, стал образцом комплексного научного обобщения. Продолжив сверх программы экспедицию в бассейн Амура, Миддендорф дал, по его словам, «картину всего Амурского края, которая бросила новый свет на эту страну».

В 1855 году географ Н. Г. Меглицкий совершил путешествие по Амуру, собрав большую коллекцию растений. В том же году начала работать академическая сибирская экспедиция, в которой математик Леопольд Шварц руководил составлением карты, а геолог Фридрих Шмидт проводил геологические исследования. Эта экспедиция выполнила широкую программу. Она получила много новых данных по геологии, горному рельефу, растительности и животному миру. А кроме этого исследовала пеструю этнографию края и экологические условия жизни населения.

Все эти исследователи продолжили работу первых казаков-землепроходцев, им тоже приходилось преодолевать громадные территории, на которые еще не ступала нога ученого, а то и вообще человека. Таким же «земплепроходцем» суждено было

стать Кропоткину, хотя, приближаясь к месту своей службы в Восточной Сибири, он этого даже не предполагал.

«Да, странное впечатление должна производить Сибирь на каждого приезжего, как бы он ни был предубежден против нее, - писал Кропоткин из Томска в воскресном приложении к «Московским ведомостям». - С самого детства все мы наслышались про эту страну, как про место ссылки, про какую-то низменную покатость к Ледовитому океану, только на юге плодородную, а то всю покрытую болотами и тундрами, и привыкли представлять ее себе чем-то диким, пустынным…

Но, проезжая по бесконечным хлебородным степям Тобольской губернии, я с удивлением вглядывался в окружающее и задавал себе вопрос: отчего всем нам знакома только та безотрадная Сибирь с ее дремучими тайгами, непроходимыми тундрами, дикою природой-мачехой, где случайно заброшенный человек из сил бьется, чтобы прожить кое-как, а между тем всем нам так малознакома та чудная Сибирь с ее богатыми, необозримыми лугами, - где наметаны сотни стогов сена, да каких, каждый с порядочную избу, - с ее бесконечными пашнями, где рослая пшеница так и гнется под тяжестью огромных колосьев, где чернозем так жирен, что пластами ложится на колесах… где природа-мать и щедро вознаграждает за малейший труд, за малейшую заботливость? Отчего? Или оттого, что мы знаем Сибирь только как страну ссыльных, или оттого, что при природной беспечности кто и знает ее, то лишь для себя, а с другими не делится сведениями? Не знаю, не берусь решить, но со своей стороны заявляю только замечательное богатство проеханных мною южных округов Тобольской губернии. Земли самого чудного качества здесь много, слишком много…»

Первым сибирским городом была Тюмень: город деревянный, с «грязными до невероятия улицами». Но Кропоткин обратил внимание, что «в мещанских плохоньких домиках живут очень порядочно, зажиточно, читают, и читают довольно много».

Всего ночь в Тюмени. И тотчас - дальше. Вдоль дороги болота, поросшие березняком. Но они уступают место лугам и вот уже переходят в большие поля черноземной Минусинской котловины. Райская земля…

…26 августа Кропоткин выехал из Томска, а через четыре дня прибыл в Красноярск. Здесь впервые возникли на горизонте настоящие горы - заснеженная цепь Саян. И дорога пошла неровная - с холма на холм. Множество очень быстрых рек пересекали ее - через них приходилось переправляться на веслах. На склонах гор - крестьяне, корчующие пни, распахивающие землю. И необъятная тайга вокруг.

«Наконец, 5-го сентября увидел я воды Ангары; через несколько времени на другом ее берегу засерели и забелели домики и дома Иркутска…

Вот и все, вот и все трудности».

Написав так, Кропоткин хотел опровергнуть укоренившиеся в Петербурге и Москве представления о необычайно тяжелой дороге в Сибирь. «Подумайте, пять тысяч верст только до Иркутска! Пять тысяч верст!» - говорили ему в столице с выражением почти ужаса всего месяц назад. И вот они позади, все пять тысяч верст.

«Летом путь от Москвы до Перми и считать нечего,- в неделю вы доберетесь до Перми без малейшей усталости, но до Иркутска останется еще 3800 верст… Однако, во-первых, нужно вспомнить, что срок, даваемый правительством для того, чтобы доехать до места службы в Восточной Сибири - шесть месяцев - позволяет ехать не спеша, даже с большими расстановками; а, во-вторых, 3800 верст, при хорошей сибирской езде, не так страшны, как кажутся. Я, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, - дожди и слякоть, сопровождавшие меня на большей части пути, как вам известно из моих прежних писем, несмотря на то, что употребил более семи суток на ночевки и остановки в городах, проехал это пространство в четыре недели. И я поручусь, что при такой езде дорога никого не утомит: человек удивительно свыкается со всем, следовательно, и с тряскою в экипаже, а пять-шесть ночевок в значительных городах дают возможность вполне отдохнуть после четырех-пяти дней непрерывной езды.

Что до скуки в дороге, то человеку наблюдательному, едущему в первый раз в Сибирь, нечего ее бояться, - на пути представится много интересного».

Любознательность Кропоткина, открытость для внешних впечатлений была, конечно, необычайной. Долгая дорога, во время которой удалось узнать много нового и получить обильный материал для работы мысли, была для него истинным праздником. Собственно, на пути в Восточную Сибирь и родился Кропоткин-путешественник, географ, естествоиспытатель. В сравнительно небольшой период времени - оно как бы прессуется в дороге - обилие впечатлений преобразует человека. В тот момент, когда возникли за Ангарой дома Иркутска, Кропоткин был уже не тем, кто всего шесть недель назад выехал из родового имения в Калужской губернии. Он был подготовлен дорогой к новой деятельности.

Воздух Сибири

Крупнейший в те времена город Сибири Иркутск по европейским масштабам был совсем невелик (всего 22 тысячи жителей). Но после месячной скачки путника почти по безлюдному пространству он произвел впечатление: несколько каменных домов, церкви, довольно много гуляющих на улицах, множество одноместных экипажей - оживленный по-столичному город.

Переехав через Ангару на пароме, Кропоткин направился в гостиницу «Амур» - название напоминало о цели путешествия, которая, впрочем, была еще очень далека. Именно здесь, в Иркутске, на триумфальных воротах, поставленных генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Муравьевым-Амурским, выведено четко: «К Великому океану». Хотя до океана - почти как до Петербурга.

Граф Н. Н. Муравьев-Амурский навсегда оставил о себе память. Ведь он отстоял за Россией Амурский край, которым петербургские власти готовы были пренебречь (так же, как они откажутся от Аляски и русской Америки в 1868 году). Он укрепил позицию России на Тихом океане и приступил к освоению почти ненаселенной территории вдоль Амура, расположив на протяжении более трех с половиной тысяч верст цепь казачьих станиц, в которых расселил не только казаков, но и своей волей освобожденных каторжников и ссыльных.

Деспот и тиран, в чем его особенно яростно обличал ссыльный декабрист Д. И. Завалишин, он, тем не менее, еще в 1846 году, за пятнадцать лет до отмены крепостного права, подал Николаю I записку с предложением освободить крестьян от крепостной зависимости, а когда в его распоряжение сослан был опаснейший государственный преступник Михаил Бакунин, создал ему прекрасные условия для жизни, которыми тот и воспользовался, чтобы бежать из Сибири в Америку. Муравьева тут же отозвали в Петербург.

Хотя и крут был Муравьев, но все же из числа преобразователей. А до него Сибирь страдала от произвола ее губернаторов долгие годы, начиная с князя Матвея Гагарина, казненного за злоупотребления властью и казнокрадство, и кончая предшественником Михаила Сперанского генералом И. И. Пестелем (между прочим, отцом повешенного в 1825 году декабриста Павла Пестеля).

Генерал- губернатор Сперанский был первым реформатором в Сибири в 1819-1821 годах, вселившим надежды на обновление ее управления. С надеждой на возрождение «духа Сперанского» и ехал в Сибирь Кропоткин, определяя свою главную задачу: «Быть полезным…»

Едва устроившись в гостинице, он идет доложить о своем прибытии и попадает на большой прием, который устраивает нынешний губернатор Сибири Михаил Семенович Корсаков. Генерал очень прост, демократичен, одинаково любезен со всеми и не подтверждает традиционно сложившееся в России представление о самовольном и грозном «губернском хозяине». А вот в добровольный приезд выпускника Пажеского корпуса в Сибирь не поверил, хотя не стал допытываться, что да как - не его это дело…

Начинал Корсаков службу в Сибири чиновником особых поручений при Муравьеве четырнадцать лет назад. В 1849 году встречал судно Геннадия Невельского «Байкал», впервые прошедшее в устье Амура. Оттуда тысячу двести верст верхом проскакал за двенадцать дней. И на Камчатке побывал - основал там Петропавловский порт в Авачинской бухте. Корсаков продолжил дела, начатые Муравьевым; поощрял развитие земледелия на Амуре, организовал постоянное пароходное сообщение, закончил строительство телеграфной линии от Петербурга в Иркутск. «В 1862 году высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной…, чем администрация любой губернии в Европейской России», - к такому выводу пришел Кропоткин.

В Сибири дела гражданские вершили офицеры: на них лежало множество обязанностей, по сути, чиновничьих. Им приходилось постоянно быть в разъездах по необъятной губернии, а «фрунтовой службы» не было вовсе.

Девятнадцатилетнему юноше все это было по душе. Здесь вольно дышится. Еще бы - даже в гостиной губернатора свободно обсуждаются крамольные статьи Герцена, критикуется политика правительства и высмеиваются разного рода слабости членов августейшей семьи, включая самого императора.

Петр Кропоткин приехал в Сибирь через год после того, как оттуда, из ссылки, совершил побег Михаил Бакунин. О нем было известно, что он дворянин и офицер, лишенный всех дворянских привилегий за антиправительственную пропаганду за границей. Участвовал в баррикадных боях в Дрездене в 1849 году, за что был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением, но через два года передан русским властям. Семь лет провел в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Там написал для Николая I ложно-покаянную «Исповедь»; прочтя ее, царь заменил тюрьму вечной ссылкой в Сибирь. И вот на пятом году сибирской жизни Бакунину удалось незамеченным сесть в Николаевске на американский пароход… Официальный Петербург терялся в

догадках, почему побег оказался возможным. Разговоров было много…

Главное, что и Муравьев, и Корсаков покровительствовали бунтарю, увлекшему их проектом отделения Сибири от России, с образованием своего рода сибирских «соединенных штатов».

Пройдет десять лет, и Кропоткин назовет себя приверженцем Бакунина, а затем в мировом революционном движении он фактически займет его место как ведущий теоретик анархизма, правда, особого, «кропоткинского» направления. Когда он ехал в Сибирь, то не мог и предполагать такого развития событий. Не рассчитывал, впрочем, он и на то, что из Сибири вернется ученым-естествоиспытателем. Думал лишь об участии в проведении реформ административной системы, о самообразовании, о знакомстве с огромным, богатейшим и неосвоенным краем.

Есаул - по особым поручениям

Быстро пролетели первые три недели в Иркутске. Помощник Корсакова, молодой генерал Болеслав Казимирович Кукель, занимавший пост военного начальника штаба казачьего войска и губернатора Забайкальской области, собирался возвращаться в свою «вотчину», в ситу, и предложил ехать с ним Кропоткину, которому предстояло служить в штабе. Звание он получил - есаул, а должность - чиновник по особым поручениям.

Выехали из Иркутска вечером. На берегу Байкала предстояло переночевать, чтобы утром сесть на пароход. Уже стемнело, когда подъехали к Байкалу, но видно было, что горы вплотную подошли к воде, оставив лишь узкую полоску берега, усыпанного галькой. Горы сплошь покрыты лесом, сбросившим по осени листву, и прорезаны узкими крутосклонными долинами.

Утро открыло великолепный вид: только что выглянувшее солнце окрасило в нежный розовый цвет туман, окутавший горы. На вершинах ослепительно блестел снег, тоже розоватый в лучах невысокого солнца.

…Когда пароход отошел, стало видно, насколько прозрачна вода озера - дно просвечивало, хотя глубина сразу же резко возрастала. Байкал на удивление был спокоен, и трудно было поверить, что еще накануне он неистово бушевал, а вышедший на сутки раньше пароход должен был прятаться в бухте, за утесами.

Через семь с половиной часов высадились на восточном берегу озера, откуда предстоял путь в Читу через широкую Братскую степь по ровной дороге, ярко освещенной солнцем, сияющим в безоблачном небе.

Областная Чита едва ли была похожа на город, но Кропоткин узнал, что еще до 1851 года здесь, в широкой степи, при слиянии рек Читы и Ингоды, была лишь деревушка, состоявшая из нескольких двориков. Пока Кропоткин не подыскал себе квартиру, Кукель предложил ему поселиться в своем доме. Они быстро стали друзьями, и Петр, как более молодой, оказался под сильным влиянием незаурядной личности Кукеля. *«Я попал в славное семейство»,* - писал он в дневнике.

Новому офицеру штаба было поручено сделать описание открывшейся в день его приезда первой Забайкальской выставки промышленных и сельскохозяйственных товаров - очень важного в жизни края события. Описание было отпечатано в Чите отдельной брошюрой. Ее Кропоткин отправил в Петербург, в Русское Географическое общество, где таким образом впервые о нем узнали.

Однажды осенью Кукель вызвал к себе Кропоткина и показал циркуляр из Министерства внутренних дел, в котором просили собрать всевозможные сведения о положении тюрем, сообщив мнение относительно необходимости реформ… «Вы знаете, какая масса дел у нас на руках,- обратился к нему Кукель,- и за эту работу положительно некому взяться. Горное ведомство, которое заведует каторжными тюрьмами Нерчинского округа, совсем не отвечает на наши запросы. Не возьметесь ли вы за это?»

Кропоткин пытался было отказаться, ссылаясь на молодость и полное незнакомство с «предметом сим», не предполагая, что знакомство состоится, но Кукель настоял, обещая помощь опытных людей.

Уже из разговоров с чиновниками горного ведомства в Чите стало ясно, что произвол и деспотизм начальников нерчинских каторжных тюрем не имеют пределов. В этом представилась возможность убедиться: эпидемии цинги каждый год уносят сотни арестантов; тюремные здания - сырые, холодные, набиты заключенными сверх меры; людей держат на голодном пайке, а работать заставляют из последних сил. Кропоткин посетил несколько этапов - многомесячный путь пешком из Перми в Забайкалье тысяч мужчин и женщин, часто с детьми, представился ему немыслимым издевательством над человеком. В силе оставался указ Николая I от 1845 года, согласно которому арестантов можно было наказывать плетьми от пяти до шести тысяч ударов, а также приковывать к тачке на срок от одного до трех лет. Только через год, в апреле 1863 года, были официально отменены публичные наказания кнутом и клеймение преступников.

Население Забайкалья часто страдало от произвола местных

начальников. Когда Кукелю стало известно о невероятном беззаконии, творимом заседателем Верхнеудинского земского суда, было решено отправить Кропоткина для расследования. Приехав в Верхнеудинск, Кропоткин обнаружил, что ретивый заседатель, возомнивший себя властелином края, грабил крестьян. Под розги попадал любой неугодны. Заседатель держал без срока в остроге тех из привлеченных по уголовным делам, кто отказывался дать ему взятку. У этого самодура и взяточника были всесильные покровители и в Иркутске и даже в Петербурге, поэтому Кукелю справиться с ним было непросто. Требовалось собрать убедительные факты о его произволе. Этим и занялся Кропоткин. Две недели он прожил среди крестьян. Запуганные, они не сразу шли на откровенные разговоры. Но молодому общительному бородачу удалось заслужить их доверие - собранные Кропоткиным материалы оказались убийственными для зарвавшегося чиновника, и он принужден был подать в отставку. Правда, через несколько месяцев в Чите с возмущением узнали, что вскоре его назначили исправником на Камчатку, где возможностей «развернуться» было еще больше, чем в Забайкалье. Все же выдворение его из Сибири в 1862 году было первой своего рода политической победой Кропоткина, убежденного, что на всех ответственных должностях должны стоять люди честные и преданные своему делу.

Осенью 1862 года в Чите все ждали известий о том, что в Петербурге будет объявлена конституция, проекты которой давно разрабатывались специальной комиссией, учрежденной Александром II. И хотя до сибирских городов новости доходили с опозданием на полтора, а то и два месяца, к концу октября, когда пришли столичные газеты от начала сентября, в которых о конституции не было ни слова, стало понятно, что обмануты даже самые умеренные ожидания. Сибирь далеко от столицы, и начатая Кукелем деятельность по созданию проектов реформ продолжалась, когда в центре все уже прекратилось. Вместе с помощником забайкальского губернатора полковником К. Н. Педашенко, адъютантом военного округа А. Л. Шанявским) основавшим впоследствии народный университет в Москве (и страстным патриотом Сибири Н. М. Ядринцевым Кропоткин активно работал над проектами реформ тюрем, системы ссылки и городского самоуправления.

Кукель верил в конечную победу справедливости: правительство вернется к реформам. «Мы живем в великую эпоху: работайте, милый друг», - говорил он Кропоткину.

Очень полезными для Кропоткина оказались беседы с декабристами Завалишиным и Горбачевским. Довелось

познакомиться и с «новой волной» политических ссыльных. Вторая командировка по поручению Кукеля была связана с отбывавшим каторжные работы за составление прокламации «К молодому поколению» Михаилом Михайловым, революционным поэтом и публицистом. В 1861 году он был приговорен к шести годам каторги, и сослан на рудники, близ Нерчинского завода. Забайкальские власти разрешили очень слабому здоровьем Михайлову оставаться в тюремном госпитале, а Кукель позволил ему жить у брата, горного инженера. Но в столицу полетел донос, и в Читу прибыл для расследования жандармский генерал. Его решили ненадолго задержать в Чите, соблазнив удачами в карточной игре, пока Кропоткин съездил к Михайлову и предупредил его о необходимости на время вернуться в тюремный госпиталь. Все было сделано наилучшим образом, никаких репрессий не последовало, и жизнь Михайлова хоть на какой-то срок была продлена; он умер от чахотки в августе 1865 года.

Для Кукеля подобное благодеяние не прошло даром: в столицу было отправлено тайное донесение. И вот самым важным в почте, поступившей в феврале 1863 года, оказалось письмо Кукелю, предписывавшее ему сдать дела и немедленно ехать в Иркутск и дальше - в Петербург.

«Восхитительная личность», - записал о Кукеле в своем дневнике Кропоткин. Рядом с ним можно было жить и плодотворно работать, надеяться на перемены к лучшему. Но восторжествовал донос - велика его сила в самодержавной стране.

С отъездом Кукеля разрушилась та атмосфера «вольнодумства», формированию которой несомненно содействовал и он сам, и выписываемый им из Лондона «Колокол», и две иркутсткие библиотеки: Вагина и Шестунова. В вагинской библиотеке действовал настоящий оппозиционный клуб, где собирались, чтобы обсудить прочитанное, выписывал Вагин до полусотни разнообразных журналов и газет. Но, видно, всему приходит конец.

Провожать Болеслава Кукеля собралось почти все читинское общество. Проехали до первой станции, за сорок верст. Возвращались грустные, зная, что губернатором будет человек далеко не либеральный и карьерист. Выработанные в спорах и многомесячном труде проекты реформ отправили в Петербург и больше ничего о них не слышали. Да это и понятно: в 1863 году произошло восстание в Царстве Польском, газеты были переполнены сообщениями о «польском деле», о жестокостях подавления «мятежа». Какие уж тут реформы…

18 февраля брат Александр написал из Москвы: «Как хорошо,

что ты в Сибирь вышел… Осталось бы тебе либо самому убить себя, либо попросить, чтобы тебя расстреляли» - вся гвардия была послана на усмирение восставшей Польши. Александр, тяжело переживая это событие, думает о том, чтобы самом отправиться в Сибирь, просит брата подыскать ему место. Петр с радостью поддерживает - зовет приехать летом. А сам убеждается, что без Кукеля нечего ему делать в Чите и возвращается в Иркутск, чтобы весной принять участие в ежегодном сплаве барж с продовольствием для казачьих страниц на Нижнем Амуре.

С весны 1863 года юный Кропоткин начинает путешествия по Восточной Сибири и Дальнему Востоку. А зимой, в начале года, он сильно увлекся самодеятельным театром: играет в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись», в водевиле «Любовный напиток» и в других спектаклях. И настолько удачно, что в письмах к брату он задается вопросом, не избрать ли артистическую карьеру? Александр категорически возражает, считая, что «актерство убивает истинное чувство». На это Петр отвечает: *«Разве актер не так же точно творит, как и сам писатель?»*

Да, именно потребность в творчестве заставила его принять активное участие в составлении проектов реформ, а затем отдаться актерскому искусству. В то же время Кропоткин не оставляет мыслей о занятии наукой, жалеет о том, что уходит время, а он так и не получил систематического образования. *«Математика меня особенно интересует не сухою стороной, а живою в теориях, в приложениях к той науке, которая не переставала меня интересовать - астрономии»,* - читаем мы в одном из писем к брату. И тут же звучит почти отчаяние: *«Мой прежний идеал- серьезные научные занятия - приходится разбить на мелкие осколки…»*

«Осколки» склеила сибирская природа. Именно она становится источником его научного творчества: *«Какая прелесть жить среди девственной тайги, никем не тронутой природы! Сознавать, что… до тебя здесь не было цивилизованного человека, что ты первый пришел сюда и, забираясь в самые глухие дебри, на клочках бумаги рисуешь карту этой неизвестной местности и как бы приобщаешь ее к культурному миру».* Неожиданно для себя он оказался обладателем тех качеств, которые необходимы исследователю: наблюдательности и, что особенно важно, способности находить связи между явлениями природы, создающими то единство в многообразии, о котором писал Гумбольдт. *«Сказать по правде,* - признается он брату, - *если мне и придется оставить Сибирь, то сделаю это я не без сожаления - страна хорошая и народ хороший».*

Волны Амура.

Очень кстати оказалась представившаяся возможность участвовать в амурском сплаве. Баржи с продовольствием каждый год сплавлялись вниз по течению Амура. Дело в том, что казачьим семьям, расселенным вдоль великой реки, предписано было сеять то же, что сеяли в России. Но амурский климат требовал к себе особого подхода. И на первых порах очень нелегко пришлось крестьянам в низовьях Амура. Весенние сплавы выручали их: ими доставляли продовольствие, которым казаки сами себя полностью обеспечить не могли.

Удача сплава в значительной мере зависела от погоды. Весна 1863 года выдалась на редкость дождливой. А в июне Кропоткин отправился вниз по Амуру с караваном барж помощником начальника сплава майора Малиновского. Даже неделя сплошных дождей имела для амурских новоселов-хлебопашцев самые неприятные последствия. Героических усилий требовала подготовка пашни. Да и можно ли назвать пашней клочок земли между пнями, который вскапывали лопатами? А селились охотно, прельщенные общениями освобождения на шестнадцать лет от податей и на шесть - от рекрутчины.

Путь в низовья Амура начинался на Шилке, в Сретенской гавани, где строились баржи. Утром 17 июня миновали селение Бликин, где форма гор наводит Кропоткина (пожалуй, впервые в Сибири) на мысль о воздействии на них древних ледников: склоны долины срезаны почти вертикально, отчего она становится похожей на корыто. А дальше, ближе к Сретенску, пошли пейзажи, напоминающие южнорусские степи…

Самая первая попытка сплава оказалась неудачной: дала течь баржа, на которую было погружено около пяти тысяч пудов соли. Кропоткин решил было, что не его это дело - сплав. Но вскоре все же пришлось снова этим заняться: ему приказано было снарядить в Сретенске баржу с мукой и догнать караван, ушедший вперед.

На барже - команда из десяти человек. Благополучно прошли самое опасное на Шилке место - устье реки Черной, отмеченное подводной скалой: в это лето вода стояла высоко. Но тут же, попав на песчаную косу, баржа села на мель. Пришлось ее разгружать, вычерпывать воду, а потом грузить вновь.

Нужно было догнать основной караван. Кропоткин взял почту, сумку с деньгами и отправился с тремя гребцами в крытой почтовой лодке. Гребцы - из бывших штрафников, которых Муравьев распределил по казачьим семьям «сынками» (это еще одно его «мероприятие» по созданию земледельческого населения в Приамурье). Большая часть «сынков» не прижилась в семьях;

они скитались по городам и станицам, занимаясь случайной работой, не брезгуя и грабежами. Первоначально не без опаски поглядывал на своих гребцов Кропоткин, не спал ночами, сидя на руле. Но постепенно убедился, что у прогнанных сквозь строй бездомных бродяг не возникает даже и мысли о грабеже, что можно бы отобрать у безоружного офицера его почтовую сумку, а самого сбросить в воду…

Вот горы отодвинулись от берегов, растворились в дымке. Амур вышел на равнину. По обеим его сторонам, за рядами лозняка - широкое приволье заливных лугов. Одна за другой попадаются на пути станицы: Покровская, Свербеева; древний городок Албазин с деревянной церквушкой и почтой, известный по кровавым столкновениям казаков с даурами. Все станицы строятся вблизи леса, с краю прибрежных сосняков, каждая образована рядами небольших, в два окошка домиков…

«Горы словно стушевываются, отходят вдаль; они придут потом, но уже не такие высокие, не такие крутые, не будут спирать реки в узенький проход между утесами и каменьями; трава гуще и выше, больше лозняка, больше сорных трав, высоких, густых; приволье видно… Вот станица, на вид недурна, видно, что жилье заселяется. Народ выходит на берег, казаки в кучке посиживают у магазина…»

Утром 14 июля пришли в Албазин: *«Ниже по Амуру - станица за станицей, луга и пашни, кое-где рубят лес и сплавляют в Благовещенск. А Амур все шире и шире, уже версты две в ширину, а то и больше… По обеим сторонам могучего водного потока идут богатейшие луга, прерываемые лесистыми сопками, и нет дороги иной, как по Амуру, а дорога по Амуру очень непостоянная, - она хороша в большую воду, а случается, что пароходное сообщение прекращается в июле, тогда уж худо: тянутся на лодках вверх; груза уже доставлять невозможно».*

В будущем году он отправится в Китай, чтобы найти срезающий излучину Амура путь.

Через четыре дня - Благовещенск, а за ним начался нескончаемый дождь, сопровождаемый холодным встречным ветром. Пять дней до Хабаровки, мимо огромных, богатых станиц Екатерино-Никольской, Михайло-Семеновской, Иннокентьевской, Константиновской - *«хорошие пашни, хорошие луга, живут хорошо…»*

Наконец, горы. Хребет Большой Хинган: « *Амур сперт горами и уже не разливается на десятки протоков, а идет одним узким руслом…»*

Пожалуй, именно встреча с Большим Хинганом пробудила в Кропоткине страстное желание заняться исследованием природы

Сибири и Дальнего Востока. Вот что он записал тогда в своем дневнике:

«Появление таких высоких гор на протяжении каких-нибудь двухсот верст, после которых начинается тундристая гладь и ширь, действительно замечательно. Расследовать эти горы: направление главной цели, геологическое строение, растительность, вглубь, а не лишь только по берегам Амура, было весьма интересно, и, должно быть, были бы полезные результаты. Наши же ученые не отваживались проникать в глубь Хингана и удивлялись только богатствам, представляемым им по берегам Амура…»

Хабаровка (нынешний Хабаровск. - В. М.) - большое селение с казармами и торговыми заведениями. Купцы застроили своими красивыми домами и лавками целую улицу, которую так и назвали - Купеческой. Самый большой дом - фактория Амурской компании. Здесь центр соболиной торговли. *«Хабаровка - при устье Уссури, и потому сюда приходит вся уссурийская растительность. Там есть утес над очень крутым изгибом Амура. Утес высокий и замечательный… Вид с него великолепен: волны бьют об утес и шумят внизу, вправо виден Амур огромным прямым плесом, только островки виднеются по краям, влево - Усссури, впадающая в Амур; острова, горы на горизонте, Хабаровка, рассыпавшаяся по горе, почерневшая церковь, баржи на рейде…»*

Выехали из Хабаровска в сильный дождь, под завывание ветра: *«Такая буря выла, такие были валы, что мы должны были уже уйти в самую речку. У берега обдавало нас постоянным дождем, - это волны бросали такие брызги. Скука, холод, все промокло, сырость доходит до самых костей».* И так день, другой, третий…

Баржи должны были уйти вперед, но прошли два дня в быстром плавании под парусом, а река пустынна. Наконец, заметили у крутого берега несколько бревен.

Было очевидно, что баржи погибли во время бури. Ветер непременно должен был пригнать их к крутому берегу, и не избежать им разбиться о скалы. Если погибли сорок барж с грузом в сто двадцать тысяч пудов, то неминуем голод на Нижнем Амуре.

А узнать о судьбе барж ничего нельзя - телеграфа нет еще на Амуре. Между тем нужно, не дожидаясь конца непогоды, что-то предпринять. Кропоткин спешит в Читу сообщить о произошедшем и организовать, пока не закрылась навигация, новый транспорт. Уже, конечно не дойти до низовьев реки, но, может быть, удастся хотя бы сложить продовольствие в верховьях, чтобы спустить вниз весной по первой воде.

Три тысячи верст… Сначала - в лодке с гребцами, которые менялись в деревнях через каждые тридцать верст. Лишь бы до Хабаровска доплыть, а там можно сесть на пароход…

Тайфун не утихал. Особенно опасны были широкие протоки, из которых ветер гнал высокие валы. Против них, казалось, никак не устоять утлой лодчонке. Она взлетала и затем стремительно падала вниз. У крестьян-гребцов лица белели от страха. Но юный кормовой - мальчик лет пятнадцати - искусно лавировал между волнами, которые все же захлестывали лодку. Воду едва успевал вычерпывать молодой чернобородый офицер, так торопившийся, никак не желавший переждать бурю…

И вот место крушения: разбиты сорок четыре баржи. Попытались спасти груз, но под штормовым ветром это было невозможно. Лишь небольшую часть груза удалось вытащить. Около ста тысяч пудов ушло на дно Амура…

Поплыли дальше. А через несколько дней лодку догнал пароходик. Как выяснилось, несчастный капитан в приступе белой горячки выпрыгнул на днях за борт. Пароход остался без начальства. Матросы и пассажиры, увидев офицера в лодке, да еще с солидной бородой, обрадовались и стали просить его принять капитанство. Пришлось согласиться - кому-то надо стоять на мостике. Кропоткин этот случай приводил потом как пример того, как можно иной раз обойтись и без начальства.

Но пароход движется слишком медленно, и Кропоткин выбирает путь короче: выходит на берег и отправляется верхом по таежной тропе через дикий Газимурский хребет. Это была, по сути, его первая, хотя и очень небольшая таежная экспедиция. Впервые он пересек хребет, поднялся на перевал. Преодолел триста верст трудного пути.

…И вот Кропоткин уже в Иркутске. Неделю ему дали отдохнуть и отправили с отчетом в столицу.

В Петербурге его ни в чем не винили, но пожелали удостовериться, что баржи в самом деле погибли, а не разворованы. Военный министр Милютин просил высказать свои соображения, как лучше в будущем организовать снабжение Нижнего Амура.

Мнение Кропоткина было неожиданным: «В низовья доставлять провиант лучше морем: из Японии или Америки. И лишь на среднее течение Амура - из Читы на баржах, которые следовало бы отправлять в сопровождении буксирных пароходов». Петербургские чиновники мнение выслушали, но все оставили по-прежнему. А «гонец» отправился в обратный путь. Зимой дорога проще. И той же «курьерской скоростью» Кропоткин добрался до Иркутска за девятнадцать дней. В среднем - по

триста верст в сутки…

Несколько дней провели в Иркутске. И опять - в Читу. На этот раз через Байкал, пароходом из Лиственничной по еще не совсем очистившемуся от льдин озеру в селение Посольское. Расстояние - около ста верст.

Первым владельцем байкальского пароходства, как выяснил Кропоткин, был купец Решетников. Он подарил все свои суда вместе с постройками пристаней казне. Но государству дело показалось невыгодным, и пароходство снова перешло в частные руки. Все купил за 44 тысячи рублей виноторговец Хомиков и организовал через Байкал перевоз почты, импортируемого из Китая чая и арестантов. Каждую неделю к берегу славного моря подходят колонны узников человек по двести, и Хомиков, перевозя их, получает около трех рублей за каждого.

Все это записал к себе в дневник необычайно любознательный казачий есаул…

П. А. Кропоткин.

Из сибирского дневника 1

1ГАРФ. ф. 1129, оп. 1. ед. хр. 36.

Особенность Восточной Сибири: большое количество политических преступников. С ними обходятся с замечательным уважением везде. Всюду они приняты, и приняты прекрасно. Муравьев особенно любил их. Но, говорят, Корсаков далеко не тот, трусит, что особенно выказалось на Михайлове. На него сердятся за бегство Бакунина, вот он и боится.

Какую разительную противоположность представляет Енисейская губерния от Западной Сибири! Теперь, напр(имер), я еду по прекрасному шоссе, вырыты везде канавы для стока воды в горах, прочные славные мосты, шоссе на славу…

Теперь расскажу про дорогу от Красноярска до Иркутска. Что за дорога! Великолепнейшее шоссе, особенно по Енисейской губернии. Один клочок, верст более 300, отвратителен в Нижнеудинском округе, - дорога тянется тайгою, которая представляет унылый и жалкий вид: на сотни верст лес выгорел, лежат громадные пни деревьев, обугленные на поверхности, торчат, как мачты, тонкие прямые стволы обгорелых лиственниц, голые, без ветвей, почернелые сверху донизу, краснеют сосенки с почерневшим комлем. И погибли так целые леса после весеннего пожара: вместо красного леса растет уже береза, тоненькая, худенькая и образует местами непроходимую чащу…

Под Красноярском тянулись все горы - грядами видны на

горизонте, изредка только высятся отдельные конусообразные вершинки над главным хребтом… За этими горами потянулась тайга на несколько сот верст, прерывающаяся только местами; тут приютилась деревушка, а там опять тайга, однообразная, грустная, дикая, безлюдная… Перед Иркутском опять шоссе, опять горы, но небольшие, рек приходится переезжать очень много, и все очень быстры, быстрее всех Ангара под самым Иркутском. Она, говорят, оригинально замерзает - снизу, т. е. лед тонет. Наконец, 5-го в 2 часа (5 суток от Красноярска) приехал в Иркутск, - почти дома.

Когда я подъезжал к Иркутску, была славная погода, - солнце жарило. Ангара несла с неимоверною быстротою свои голубые воды; на другом берегу ее показался Иркутск, забелел дом генерал-губернатора, показался какой-то монастырь, несколько церквей, деревянные домики. Мы проехали Иннокентьевский монастырь…

Иркутск довольно большой город, и в нем можно найти почти все нужное; нужда сделала из него далеко не то, что остальные губернские города. Но он еще многим отличается от других - менее чопорности в обращении у чиновных лиц.

На другой день по приезде я представился Корсакову. Было довольно много народа; я едва не опоздал, не зная, что он принимает всех вместе, впрочем, народа слишком много, чтобы принимать порознь. Он обращается со всеми очень любезно, просто. На другой день я, обедая у него, еще более убедился, что он порядочный человек… например, вот эти слова: «Скажите, Кропоткин, по правде, за что вас сюда назначили?» Я посмотрел прямо в глаза. «Как за что? Меня никто не назначал, я сам записался». - «Нет, что ж, если бы даже и так, то мы очень рады; там этому, может быть, не довольны, если вы либерально поступали и говорили, а здесь мы этому очень рады, напротив, пускай побольше присылают».

Что же до службы, то служба офицеров здесь совсем другая, чем где-либо. Недаром крестьянин зовет офицера чиновником; действительно, здесь на офицере лежит множество гражданских обязанностей, и различие между чиновником и офицером только в мундире. Затем фронтовой службы вовсе нет…

Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека! Очень порядочная в журнальном отношении. Здесь получается до 50 журналов и газет русских, польских, французских и немецких. Приходите в комнату и читайте, ничего не платя. Кроме этой публичной, есть еще частная, откуда берутся журналы и книги для чтения; там тоже есть читальная комната, с платою 10 коп. за вход. Тоже народа довольно…

Я еще разузнал про библиотеку Вагина. Оказывается, что там был в свое время просто оппозиционный клуб, из которого исходили разные уличные демонстрации против правительства, не самого Муравьева, а его приближенных. Там, говорят, и теперь собираются не только читать, но и болтать, и собирается всякого рода служащий народ; тут можно, говорят, наслушаться многого…

Чем дольше живешь, тем больше убеждаешься в том, что Иркутск далеко ушел от русских губерний. Здесь множество отдельных кружков, которые живут так, как им нравится. Кружки эти очень разнообразны, начиная, с картежного, кончая высшим, либеральным вполне, например, около Кукеля.

А Кукель… всегда говорит, например, одну из своих любимых мыслей: «Всякое насилие есть мерзость, давайте свободу»… При Кукеле читается «Колокол», который получается очень исправно, не разрозненными нумерами, а всем годом. Встречается ли это в губерниях Европейской России?

Сегодня утром я был у Завалишина - личность не из обыкновенных - есть много хороших начинаний, неглуп. Он страшный враг Муравьева, деспотизма в его управлении…

Шилка красиво течет между гор, берега живописны, а под Бликином удивительно безобразные горы, все отрогами, срезанными почти вертикально - не ледниками ли давнего времени? Зато за Бликином к Сретенску виды лучше, напоминает Россию, только степная растительность разнообразнее, лилейных побольше. Ирисы торчат из воды и подле воды, очень красиво.

…Амурский широкий, расплылся весь, острова да острова, покрытые то тальником, то мелким леском. Дождь и скверность, команда мокнет, ворчит и припоминает все старые счеты. Некоторые по 3 года не получали ничего из казны, т. е. ни жалованья, ни одежды.

Утром я переехал через Селенгу. Селенга - широкая река, течет в горах; горы круто падают с левого берега к реке, состоят из сланцев, растрескавшихся на большие ромбоэдры; пласты наклонные перемешаны с крупным песчаником, мелким хрящем, потом снова сланцы, темно-дикого или красноватого цвета. Вскрытие ее, как большей части сибирских рек (кроме Ангары), происходит постепенно. Целый плес тронется и начнет его ломать, лед разбрасывает по берегам…

Братская степь тянется, в горах все же снег виден, только меньше, да и вообще после диких гор селенгинских стало как будто теплее. В степи всегда хороша дорога…

Где та польза, которую я мог бы приносить? И что же мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны, по крайней мере. И с каждым

днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою, нищенскою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях, которые терпят христиане в Турции, - боль, слезы просятся. Как помочь, где силы? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут, вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им - и что же я делаю, чем приношу?…

Из писем к брату Александру

Кама, 3 августа 1862 г.

Что, брат, сказать про то, каковой показалось мне Сибирь? Обманула! Ведь с детства учат нас про сибирскую тайгу, про тундры, про степи, и мы при слове степи рисуем себе Сахару с ее песками. А тут выходит совсем наоборот. До Тюмени еще и несколько за Тюменью тянутся безотрадные болота: едешь по гати, а кругом густая, высокая трава, но не суйся в нее - сгинешь, так и втянет в тину. По болоту растет мелкий березняк, пересохший большей частью. А за Тюменью начинается благодать, да какая! - чернозем, какого я никогда еще не видал, тучность почвы такая, что трава растет в поле в аршин вышины, да густая такая, что муравью кажись не пролезть, камыши ли в болоте, - так-таки и видна их сила, рослость. А хлеба, овса такие, какие едва ли в Тамбове родятся. Страна богатая, каждый крестьянин пашет по 25-40 десятин, и какие урожаи! Везде довольство, скота много, корм дешев и человеку также дешево жить. Вот, брат, какова Сибирь!… Дивная страна!…

Я спешу кончить… Амур и льды на горизонте. Прощай.

Томск, 25 августа 1862 г.

Что за дивная, богатая страна Сибирь, я еще еду не самым югом. Что же на юге, если и здесь так богато! Вот где со временем образуется самостоятельное государство, кто знает, может быть, на новых началах. Богатейшая страна…

Август 1863 г., около Хабаровска.

Плыву я по-прежнему на катере. Спокойно и хорошо, сплавной работы никакой нет, работаю над «своим» да разъезжаю по станицам, чтобы что-нибудь написать про них, это еще отнимает несколько времени. Страшная жара, а вентиляции, как в палатке, так и в комнате, нельзя устроить, а потому иногда до изнеможения доходишь; ночью работать тоже нельзя,- комаров боишься, а они летят на огонь… Я написал и сегодня отправил с попавшимся навстречу пароходом - до Благовещенска - письмо второе Леонтьеву о реках Иногде и Шилке, об Амуре пишу, скоро примусь переписывать, но письмо недлинное, три листа. Гершеля кончил только теперь первый том, и тут беда: второй в чемодане,

а чемодан на лодке, которая должна была итти с нами, но отстала и пропала без вести, нагонит, пожалуй, не раньше Николаевска, я уже читаю *«Kosmos»* Губмольдта, 2-й том, да перевожу арифметику Серре. Я взялся за это дело с одним офицером в Чите. Напечатаем через Сеньковского, будет 10 печатных листов. Если удастся, то дело будет очень хорошее, пустим, конечно, по своей цене. Ведь наши арифметики черт знает что за мерзость! У Серре великолепно изложена теория чисел и сокращенные методы над приближенными числами…

Меня очень интересовало бы знать, как, в каком произведении Спиноза говорит, что так как все в мире происходит вследствие вечных законов, что нечего и винить человека за то, что он поступает так, а не иначе, и поэтому как будто отвергает понятие нравственности. Так. Но отчего нравственный поступок доставляет нам удовольствие? Отчего большинство находит в нем что-то хорошее? Оттого, что так привыкли смотреть? Но откуда явился такой взгляд на нравственный поступок? Мне кажется, оттого, что в нем есть *Красота* - т. е. простота и стройность в отношении тех законов, вследствие которых он произошел. Отчего же созерцание красивого создания, наслаждение им возбуждает в нас охоту поступать нравственно? Ведь создание-то красиво только вследствие простоты соотношений тех математических законов, по которым оно построено (доказано для архитектуры, музыки, живописи). Я выражаюсь коротко, почти намеками, потому что уверен, что ты поймешь. А то скоро свидимся, потолкуем…

Качка, просто писать нельзя, такая буря, катер так и прыгает себе по волнам, а по Амуру волны большие, вроде морских, платье попадало с вешалок.

Февраль 1864 г.

…Сегодня я получил «Азию» Риттера и пять карт этого края, т. е. ни одного лешего туда не носило, ходили с Цурухайтуя на Пекин, но прямо на Айгун никто не ходил, и для исследований никто не забрел в этот угол. На картах китайских все нанесено чрезвычайно нелепо и безобразно, так что я не могу составить себе даже приблизительного понятия о том, как пойду, по каким рекам.

Из Цурухайтуя мы выйдем в первых числах мая, для этого мне придется перебраться в Забайкалье по последнему льду на Байкале, т. е. в половине апреля. А потому скоро - прощай, Иркутск.

III. Последний землепроходец

Искатель новых путей

Приятно было вернуться из холодного официального Петербурга в насквозь промороженный, но ставший родным Иркутск. Это был мир, который уже вошел в душу и вытеснил из нее прежний петербургский. Хотелось здесь жить, работать, путешествовать, надеяться на то, что жизнь в Сибири будет строиться все-таки по-иному, нежели в России европейской.

Еще в Петербурге созрело решение заняться исследованием сибирской природы. Он побывал в Географическом обществе, а в Главной физической обсерватории взял приборы для проведения метеорологических наблюдений и топографической съемки - термометры, барометры, буссоль; привез с собой, хотя этого ему никто не поручал.

Он добросовестно готовится к путешествию, изучая гербарий, собранный на Амуре русским географом Ричардом Мааком за 20 лет до него, коллекции горных пород Иркутского музея, отчеты Сибирской академической экспедиции. Большую помощь ему оказал полковник А. Х. Фитингоф, хорошо разбиравшийся в горных породах. Через много лет, в 1919 году Кропоткин вспомнит добрым словом этого пожилого скромного офицера, которому обязан был первыми знаниями по геологии, так пригодившимися вскоре. И еще Кропоткин встретился в Иркутске с опытным петербургским геологом Федором Богдановичем Шмидтом, немецким географом Рудольфом Бастианом, совершавшим кругосветное путешествие, в котором он собирал материал для своей книги «Человек в истории», а потом и с американским геологом итальянского происхождения Рафаэлем Пумпелли. По его совету Кропоткин послал в итальянский географический журнал заметку о Байкальском землетрясении 1862 года. Это была первая зарубежная публикация Кропоткина. Вслед за ней он поместил статью о наблюдении полярных сияний на Байкале в английском журнале «Nature»; позже появится публикация в немецком научном журнале. Таким образом, еще в 60-х годах Европа узнала о Кропоткине-географе.

По приезде в Иркутск Петр Алексеевич был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Вскоре Сибирский отдел Русского географического общества, созданный под покровительством Кукеля, избрал его действительным членом.

И вот ему дано первое серьезное поручение - организовать экспедицию в Маньчжурию. Ее цель секретная: разведать кратчайший путь между Забайкальем и Благовещенском через китайскую территорию; «срезать» излучину Амура, благодаря которой расстояние удлиняется не менее чем на шестьсот верст. Быть может, удастся потом договориться о строительстве дороги совместного русско-китайского пользования - так решило начальство, обеспокоенное тем, что скот, закупаемый у маньчжур для Благовещенска (до двух тысяч голов ежегодно) очень дорого обходится. Его выгоднее во всех отношениях приобретать у своих же казаков на юго-восточной границе Забайкалья. Удобная дорога для перегона скота через Маньчжурию позволит сэкономить казне около тридцати пяти тысяч серебром в год.

Из казаков-охотников был составлен торговый караван, а предводителем его назначен есаул князь Кропоткин, отправляющийся в путь под именем купца Петра Алексеева. Кропоткин не без удовольствия согласился сыграть роль купца теперь уже не в пьесе Островского, а в жизни.

«…Я поспешил воспользоваться таким прекрасным случаем ознакомиться с этим уголком земного шара, где не была еще нога европейца…», - вспоминал он вспоследствии .

Через Большой Хиган

Очень скоро холмистая степь по берегам притока Аргуни - реки Ган сменилась заросшими лесом предгорьями, и верст через сто путники вышли на дорогу к городу Мергену. Тут караван вступил в центральную часть горного массива Большой Хинган, ограниченного с востока пустыней Гоби. По мере подъема все более зелеными становились пади, по которым бежали ручьи в реки Малый и Большой Хайлар, образующие Аргунь. Кругом - тишина: ни людей, ни зверей. Место дикое, сумрачное. Но в общем-то, болота не такие топкие как в Тобольской губернии, - под заболоченным слоем кони находят твердую почву из песка и гальки.

Потом спуск, приведший в ущелье, в котором разместился орочонский табор и остановились передохнуть солдаты-дауры, шедшие на границу. После короткого отдыха пошли веселее. Да и ландшафт резко изменился: *«Исчез уже дикий характер гор западного склона: лиственница, сохраняясь еще на северных скатах гор, на южных уже уступала место более легкой, изящной зелени дубков, черной березы и орешника. Сперва деревья эти слабо заявляли свои права, появляясь кустарниками на солнцепеке, а потом уже заняли все скаты гор, оставляя только берега речек*

тальниковым, ивовым и тополевым кустарникам» 1.

1 Кропоткин П. А. Дневник. - М. - Пг., 1923. - С. 26.

Удивительно было, почему эти благостные земли не использованы даурами для земледелия. Ответ дала сама природа. В начале июня перед самым восходом солнца хватил мороз. Все-таки горы…

Поднявшись на высокую пологую возвышенность, Кропоткин отобрал образцы вулканических пород, ранее не известных в этом районе. Здесь, на западном склоне лесистого хребта Ильхури-Алинь, обнаружились несомненные признаки вулканических извержений. Он увидел отчетливо выраженный вулканический конус, вокруг которого были разбросаны куски лавы. Во всей Восточной Азии пока еще никто не находил потухших вулканов, и сам Гумбольдт, большой поклонник вулканизма, уверенно отрицал его в этой части Азии.

Почти десять лет назад немецкий географ просил Семенова (в будущем Тян-Шанского) привезти с Тянь-Шаня образцы вулканических пород. Семенов не смог исполнить эту просьбу: вулканов там не оказалось. Кропоткин же отобрал в Маньчжурии более сотни геологических образцов. Сделано важное географическое открытие.

Через несколько дней стали попадаться одна за другой маньчжурские деревеньки. Это уже бассейн Амура.

Наконец из-за тальника блеснула река Нонни, приток Сунгари, с чистой, прозрачной водой. Доплыли до города Мергена. А там пологий, плоский берег весь заполнен народом, высыпавшим посмотреть на бородатых белолицых пришельцев с севера.

Необычайно живописной была эта толпа встречающих. От нее отделилась лодка, в которой прибыл чиновник, пригласивший купца Алексеева к китайскому амбаню (управителю) этого населенного в основном маньчжурами города. Встреча с ним произошла, правда, лишь на следующий день - он сам пришел в лагерь русских и милостиво разрешил торговлю. Она завязалась на всех углах Мергена, размерами с небольшой российский уездный городок.

Результаты были не так уж блестящи - все-таки заочно было трудно учесть все потребности мергенцев (откуда их было знать?). Но цель ведь не в этом. На другой же день под покровом темноты караван покинул Мерген, направившись по почтовому тракту на восток, к городу Айгун, расположившемуся на берегу Амура.

В результате похода удобная трасса для скотопрогонной дороги была найдена. Дорога будет проложена значительно

позже, в конце века; маршрут Кропоткина используют при строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). А потом, в 1945 году, по его пути пройдут советские войска, преследуя отступающую Квантунскую армию.

Географическое общество России присудило молодому исследователю Дальнего Востока за хинганский поход - первую, по сути, его экспедицию - Малую золотую медаль. И в отчетном докладе на годичном собрании Географического общества в Петербурге его глава П. П. Семенов высоко оценил экспедицию, назвав ее «героической».

«Теперь дорога проложена; остается только пожелать, чтобы по ней ходили каждый год: тогда можно будет надеяться, что дорога всего в 650 верст до Цурухайтуя от Благовещенска, которую мы с обозом и табуном прошли в 16 дней без труда, - чтобы эта дорога, говорю я, не заглохла, а всегда была доступна…» 1

1 Там же.

Вверх по Сунгари - в Китай

Когда в начале августа 1864 года брат Александр, наконец, приехал в Иркутск, Петра в городе не было. Он получил назначение в экспедицию, организованную генерал-губернатором М. С. Корсаковым на пароходе «Уссури» с целью исследования возможности судоходства по реке Сунгари и использования ее как торгового пути.

С тех пор, как Петр принял самостоятельное решение и отправился на восток, невзирая на отговоры абсолютно всех, даже самого близкого ему человека - брата Саши, он стал быстро меняться - взрослел, становился более уверенным, независимым. У него была цель. Она его окрыляла.

Иное дело Александр. Совсем недавно еще наставлявший брата, он жалуется теперь: *«Я до того далеко отстаю от идеала, который живет во мне, что больно… Бессилие мешает мне даже стать просто порядочным человеком, трудовым человеком на личную пользу».*

Братья как бы меняются местами. Теперь Петр успокаивает Сашу: *«Ты смотришь на себя неверно… ты честная, благородная душа, что бы ты там ни толковал… Знаешь ли ты, сколько раз ты будил меня этим, знаешь ли ты, что ты меня плакать заставлял, заставлял оглядываться на самого себя? Что ты меня делал лучше!…»*

Петр особенно настойчиво зовет брата приехать в Иркутск как можно быстрее. Но он медлит, ссылаясь то на отсутствие

денег на дорогу (отец упорно отказывает в помощи), то на работу над большим философским трактатом «Бог перед судом разума». Александр Кропоткин задумал его как научное обоснование атеизма, включив в это сочинение главу поистине всеобъемлющую: «Общее описание мира». Одновременно он заканчивает под влиянием только что появившейся книги Дарвина большую рукопись «О происхождении видов» и посылает ее Петру.

Когда Александр прибыл в Иркутск, ему представилась возможность познакомиться с Сибирью в лучшее время года, летом. Но все же она его не очаровала так, как Петра два года назад. В дневнике он отметил: «Да, неприветлива Сибирь. Здесь невозможен комфорт (в благородном, цивилизованном смысле этого слова)». Александр с иронией воспринял Иркутск и его музей, в котором с таким удовольствием работал Петр Они встретятся позже, а сейчас Петр плывет по реке Сунгари, крупнейшему притоку Амура…

Прямая цель этого рейса - дипломатическая: нужно отвезти дружеское послание генерал-губернатору провинции Гирин с целью налаживания добрососедских отношений и оживления приграничной торговли. Дипломатическую миссию выполнял ургинский консул, а сопровождавшие его лица - председатель Сибирского отдела географического общества Арсений Федорович Усольцев, два топографа, доктор А. Н. Конради и Петр Кропоткин в качестве историографа - должны были заняться исследованием реки, протекавшей в краях, совсем еще неизвестных. Надо было нанести ее на карту и провести обычный в те времена комплекс исследований: собрать образцы горных пород, гербарий, выполнить метеорологические наблюдения.

Нащупать фарватер на «нехоженой» реке было не так просто, и много раз небольшой пароход буквально «царапал дно», продвигаясь чрезвычайно медленно. Только после слияния с притоком Нонни река стала полноводнее. Через несколько недель на рейде Гирина был брошен якорь. Меньчжурские власти, однако, отнеслись с подозрением к визиту из соседней страны переодетых, как они догадались, военных.

Укрепление дружеских связей, пожалуй, так и не было бы достигнуто, не случись неожиданное: разворачиваясь, чтобы идти обратно, пароход сел на мель. Власти, опасавшиеся, как бы русские не остались зимовать, прислали на помощь команду в двести человек. Китайцы залезли в воду и приготовились объединить свои мускулистые силы, чтобы освободить плененный корабль. Вдруг один из русских - им был Кропоткин - тоже соскочил в воду, схватил багор и сильным красивым голосом

затянул «Дубинушку». Китайцам это необыкновенно понравилось. Все дружно взялись за дело и быстро сдвинули с мели проход. Совместный труд под пение «Дубинушки» сделал то, чего не достигло официальное послание. С простым народом были установлены самые теплые отношения. Это был опыт «народной дипломатии» - в обход бюрократии. Такими же дружескими встречами сопровождался весь обратный путь парохода.

Поход был закончен, и 18 января 1865 года Кропоткин доложил о его результатах на заседании Сибирского отдела РГО, думая уже о новой экспедиции.

В Саяны

В начале 1865 года в Иркутск пришел очередной номер петербургского журнала «Северная пчела». Прошлогодний, но для иркутян - свежий. И все обратили внимание на заметку о грандиозном водопаде на сибирской реке Оке, который, впрочем, сам автор статьи не видел, но предполагал, что это самый большой в мире водопад: вода падает со скалы высотой сто сажен.

На одном из заседаний Сибирского отдела Географического общества порешили отправить в Саяны, в Тункинскую котловину, небольшую экспедицию во главе с Кропоткиным: узнать, существует ли сей водопад, измерить высоту падения воды в нем, составить подробное описание, а заодно осмотреть и сделать точные рисунки древних надписей на береговых скалах над Окой, которые видел там сотрудник Сибирского отдела РГО.

В этих краях уже побывал англичанин Томас Аткинскон, архитектор и живописец, построивший знаменитую готическую церковь в Манчестере. В Англии вышли две его книги о Сибири, но о гигантском водопаде в них - ни слова.

Отдел отпустил на поход около 100 рублей. Предполагалось, что поездка займет месяца полтора, но все были уверены, что наблюдательному Кропоткину этого времени хватит для того, чтобы увидеть немало нового и интересного. Не сомневался и сам путешественник, окрыленный успехом маньчжурской экспедиции.

И вот в путь! К Байкалу, а потом на юг. И с первого же дня - внимание ко всему, что встречается на пути, будь то горные породы, деревни и их жители, занимающиеся в Прибайкалье хлебопашеством, сбытом пеньки и лесосплавом. В непроходимых лиственничных лесах, покрывающих заваленные камнями довольно плоские вершины гор, по долинам ручьев и у берега Байкала в середине мая еще цветет багульник; здесь прохладней, чем в Иркутске - с гор и с Байкала постоянно дует холодный ветер.

Болотистая падь приводит к небольшому хребту, за ним - ручей Ильчи, на который стоит обратить особое внимание. Здесь побывал географ Меглицкий и предположил, что именно в верховьях реки Иркут был некогда исток Ангары, вытекающей ныне из Байкала.

Но у Кропоткина, внимательно всматривающегося в окружающий ландшафт, хранящий тайны далекого прошлого, возник вопрос: а не впадала ли река Иркут гораздо раньше, чем образовался исток Ангары из Байкала, прямо в озеро? Уже потом Иркут промыл себе русло в ущелье Ильчи, «отвернулся» от Байкала и стал впадать в Ангару - город Иркутск как раз расположился в месте слияния двух рек.

Очень странным, неестественным показался излом теперешнего Иркута у впадения в него ручья Ильчи. Распределение пород в речных долинах и их высотное положение тоже заставляет усомниться в том, что Иркут был истоком Ангары. Кропоткин сделал, наконец, свое предположение, которое будет подтверждено только через много лет: Иркут действительно некогда впадал в Байкал и не был истоком Ангары.

За Иркутом, через который переправили экспедицию буряты, расположилась Тункинская котловина, окруженная цепью овальных холмов. В одном из них - подобие вулканического кратера. Кропоткин спустился по веревке в кратер-пещеру с ледяным полом. Во льду - изобилие газовых пузырьков. Итак, снова вулкан. В том районе, где его, по представлениям геологов, быть не должно. Несколько десятилетий спустя этот вулканический конус в Саянах получил имя Кропоткина.

Все беднее и беднее становится растительность вверх по Иркуту, и с заснеженного перевала открывается высочайшая в этих горах вершина Мунку-Сардык. Кропоткин измерил на ее склоне высоту снеговой линии. В Саянах этот важный показатель был получен впервые.

Как жаль, что нет времени как следует поработать в верховьях Иркута! Геолог, который придет сюда специально и потратит несколько месяцев на изучение этих мест, обнаружит много любопытного.

Выйдя на водораздел между Иркутом и Окой, образованный куполовидным горным массивом Нуху-Дабан, будущий создатель ледниковой теории впервые встретился с до блеска отполированными скалами, изрезанными параллельными царапинами. И тогда возникла мысль, которая не будет оставлять его долгие годы: не следы ли это некогда двигавшихся по здешним долинам ледников, исчезнувших несколько тысячелетий

назад?

На Кропоткина большое впечатление произвела книга английского физика Дж. Тиндаля «Альпийские ледники», только что появившаяся на русском языке. В ней речь шла о том, что горные ледники когда-то были длиннее, выходили на равнины. Слышал он и о швейцарском ихтиологе Аггасице, увлекшимся альпийскими ледниками. Находя валуны из горных пород далеко на равнине, он предположил, что льды занимали в прошлом громадные пространства низменностей. С ним не соглашались многие авторитеты в геологии и географии. Знаменитый английский геолог Чарлз Лайель считал, например, что валуны разнесены на большие расстояния плававшими в обширном холодном море льдинами. Это - «дрифтовая» гипотеза. Кропоткину она казалась сомнительной.

Гораздо легче было бы разобраться во всем этом, если бы довелось увидеть хоть один настоящий современный ледник, из тех, о существовании которых рассказывали в Географическом обществе в Петербурге Петр Семенов и Николай Северцов, путешествовавшие в горах Туркестана. Там, на Тянь-Шане, определенно было замечено, что в прошлом уровень снеговой границы понижался. Наверное, и в Саянах можно установить то же. Но нет времени на экскурсию к далекому Мунку-Сардыку, со склонов которого спускаются ледники.

На водоразделе, за полосой горной тундры - страна альпийских озер. Похоже, что уровень воды в них значительно понизился со времени их образования, и они продолжают высыхать. Не общее ли это явление для Центральной Азии, а может быть, и для всего северного полушария? И эта мысль, впервые возникшая в саянской экспедиции, будет развита Кропоткиным в последующих его работах.

На вершине гольца Бутогол расположился Алиберов графитовый прииск. Как раз в год рождения Кропоткина, в 1842-м, крестьянин Кобелев добыл там и доставил на Иркутский солеваренный завод тридцать пудов графита, который был смешан с известняком и песком, и на Тельминской фабрике его признали негодным для производства огнеупорных горшков. Но француз Алибер, понимавший, что графит незаменим для карандашей, купил прииск за триста рублей и в 1847 году начал его оборудовать по всем правилам. Суровые природные условия победили французского предпринимателя, и вот теперь, через 18 лет, Кропоткин нашел прииск совсем заброшенным.

Впрочем, для него предприятие Алибера оказалось небесполезным. Метеостанция, устроенная на вершине гольца при строительстве прииска, получила ценные сведения о

температуре воздуха и направлении ветра на высоте 2100 метров - едва ли это не первые данные в России с такой высоты.

Наконец, показался среди гор Окинский караул: ветхая казарма, окруженная развалившимся частоколом, амбар и часовня. Жили здесь четверо служилых казаков и две семьи промышленников, поселившиеся несколько десятков лет назад. А вот и надписи клинообразно-сердцевидной формы на известковом утесе, сделанные красной и малиновой краской. Они свидетельствуют о том, что люди жили в верховьях Оки с незапамятных времен. Так появилась археологическая страница будущего отчета: рисунки со скалы перешли в полевую тетрадь. Рядом с ними - зарисовки каких-то старинных построек из валунов. Описание быта кочевников Саян, их одежды, домашней утвари, обычаев составило этнографический отдел отчета.

Недалеко от селения - водопады. Но, конечно же, не те, о которых читали в газете. Легенда о «Саянской Ниагаре» была развеяна. Высота стены, с которой низвергается вода в Оку, - не более десяти метров. И струя не внушительная: едва наполнит в полминуты сорокаведерную бочку.

Возвращаясь в Иркутск, Кропоткин прошел по долине Оки до Зиминского, богатого села, обязанного своим благосостоянием чайной торговле с Китаем. Раскинулось оно при впадении реки Зима в Оку (ныне город Зима). Описание Зиминского - последний аккорд экспедиции. Продолжалась она недолго, но результаты ее значительны и разнообразны. Это признали коллеги по Сибирскому отделу Географического общества, перед которыми в конце года Кропоткин выступил с отчетом.

Через три года отчет о походе в Саяны опубликовал в Иркутске Сибирский отдел Русского географического общества. А Кропоткину предстояла еще одна экспедиция в Сибири.

Три тысячи верст по горной тайге

Одним из первых очагов освоения природных богатств Сибири стал в середине XIX столетия район Ленских золотых приисков. Еще в 1849 году начали работать Спасский и Вознесенский прииски. А с 1863 года Ленское товарищество приступило к эксплуатации россыпных месторождений в долине реки Ныгри. В этом же году было обнаружено золото в бассейне Витима, правого притока Лены. Добыча золота непрерывно расширялась. И скоро на приисках в летнее время стало скапливаться до нескольких тысяч рабочих. Однако снабжать всем необходимым этот удаленный район было трудно. Скот, например, приходилось гнать через непроходимую тайгу и болота

из Якутии, с Вилюя, где его и так было мало. Гораздо удобнее был бы путь с юга - из южно-забайкальских степей. Обеспокоенные золотопромышленники обратились в Сибирский отдел Русского географического общества с просьбой о помощи в изыскании к приискам пути, которым можно было бы доставлять скот и товары, и пожертвовали на это изрядные суммы.

Топограф А. Ф. Усольцев первым прошел с глазомерной съемкой через обширную и очень сложно устроенную горную страну, преграждавшую путь на север. Он впервые сообщил о монолитном и величественном хребте Кодар. Через узкие его ущелья эвенки вывели Усольцева в Чарскую котловину. Но маршрут Усольцева обогнул прииски с востока, а главное, он оказался очень трудным, непроходимым для больших караванов.

Было предпринято еще несколько попыток проникнуть к приискам, но все были неудачными и, как писал потом Кропоткин, способствовали тому, чтобы удерживать от дальнейших попыток. Тем не менее Кропоткин, уже зарекомендовавший себя как хороший организатор научных походов, охотно принял предложение промышленников, которое давало ему возможность совершить путешествие в не исследованную пока область Сибири.

Экспедиция получила название Олекминско-Витимской, поскольку прошла через горную страну, образующую водораздел притоков реки Лены - Витима и Олекмы.

К отряду был прикомандирован топограф В. И. Машинский для проведения глазомерной съемки. Он освободил, таким образом, Петра Алексеевича от «геогностических исследований», как тогда говорили. По инициативе Кропоткина в экспедицию включили молодого (ему тогда было всего 19 лет) учителя Иркутского военного училища Ивана Полякова, свои первые шаги в науке сделавшего под руководством Кропоткина. Золотопромышленники с научным составом согласились, присоединив к нему еще скотопрогонщика П. Чистохина с двумя бурятами, чтобы запомнить путь, который будет найден. Кроме того, в отряде - два вожака-тунгуса и 4 конюха - всего 13 человек. Под вьюками (из которых главную тяжесть составляют 67 пудов сухарей) идут 30 лошадей и для них 9 запасных - всего 52 лошади.

Проанализировав имевшиеся крайне скудные материалы, Кропоткин решил идти не с юга, а с севера - напрямую через гольцы к устью реки Муя, а не огибать огромную горную территорию, как это пытались сделать его предшественники. Этот путь Кропоткин выбрал, познакомившись с примитивной «картой», нацарапанной на бересте эвенком Павлом Максимовым,

вобравшей, быть может, вековой опыт таежных кочевников. Они ходили этим путем. Значит, пройти можно.

Кропоткин решил, что экспедиция должна непременно иметь научные результаты, поэтому взял с собой барометр и термометры, горный компас, буссоль, шагомер. Поляков запасся ружьем и всем нужным для изготовления чучел птиц и зверей, собирания насекомых и растений. Продовольствием и лошадьми обещали обеспечить золотопромышленники на своей «резиденции».

Кропоткин выехал из Иркутска 9 мая 1866 года, а на следующий день вся экспедиция собралась на берегу Лены, в селе Качуг. Здесь погрузились в плоскодонную большую лодку - паузок, на котором основная группа медленно поплыла вниз по Лене.

Кропоткин с Поляковым, с первого же дня начав исследование берегов, сначала плыли в почтовой лодке, используя частые остановки для осмотра обнажений горных пород и сбора геологических образцов. Кропоткин внимательно присматривался к немногим прибрежным поселениям. Русские крестьяне, несмотря на неблагоприятные условия, освоили хлебопашество на берегах Лены, используя как подспорье скотоводство, охоту и рыболовство. Кропоткин исследует этнографию, экономические связи и хозяйственный уклад бурят и эвенков, населяющих долину Лены. И ухитряется еще работать над переводом с английского «Геологии» Дж. Пэджа, который они взялись сделать вместе с братом.

Геологические исследования берегов Лены были очень важны. Мнения Меглицкого и Миддендорфа относительно возраста песчаников, слагающих берега Лены, сильно расходились - на десятки миллионов лет.

Решив выяснить истину, Кропоткин начал с добросовестных, очень детальных описаний обнажений пород. Известняки Миддендорф считал более молодыми, чем красноцветные песчаники. Но Кропоткин установил, что это не так - известняки подстилают красноцветы, они, несомненно, древнее. Он обратил внимание и на новейшие образования ленской долины, которые могли бы помочь выяснить вопрос о ледниковом периоде в Сибири, а также на следы обитания первобытного человека по ее берегам. *«Издавняя заселенность Азии, обилие пещер в ленских известняках - все заставляет думать, что в них могут встретиться факты для разъяснения темных вопросов о временах младенчества человеческого рода»,* - напишет он в отчете об экспедиции.

Диапазон интересов, проявившихся у Кропоткина в самом

начале Олекминско-Витимской экспедиции, очень широк: от геологии до антропологии. Он регулярно ведет метеорологические наблюдения, а кроме того, собирает сведения по этнографии и экономике.

В последние дни мая вся экспедиция собралась в Крестовской резиденции Ленского товарищества. Сформированный здесь вьючный караван из полусотни низкорослых якутских лошадей за восемь суток прошел по таежной тропе около трехсот верст и пересек бассейн реки Большой Патом. Кропоткин назвал эту довольно мрачную местность Патомским нагорьем.

Горная страна, сложенная известняками, поверх которых разбросаны явно «инородные» валуны, снова обратила мысль Кропоткина к далекому ледниковому периоду. Он находил немало следов древних ледников и в районе приисков, где рабочим приходилось взрывать валуны, мешающие разрабатывать шахты. Их слагают породы, не встречающиеся в долине. Несомненно, что принесены они с дальних гор. Какими силами?

Ни реки, ни морские течения, ни плавучие льдины не могли этого сделать. Только ледники. Древние, уже исчезнувшие, которые покрывали некогда большую часть Восточной Сибири. В одном из писем к брату Петр сообщает: *«…Писал, между прочим, опять о следах ледникового периода, которых я все ищу здесь. Неужели климатические условия Европы и Америки не распространились на Азию?»*

Чтобы судить о климате прошлого, надо знать современные климатические условия. Пока о климате Сибири практически нет данных. Но вот оказалось, что на Вознесенском прииске его управляющий на протяжении восьми лет ведет наблюдение температуры воздуха и направления ветра.

День и ночь, не разгибаясь, Кропоткин переписывал данные этих наблюдений, а потом сравнил показания термометра со своим, точным, ввел в данные поправки и снабдил нового наблюдателя, которым стал местный врач, подробной инструкцией. Особое внимание он просил обратить на направление ветров, на связь с ним температур воздуха. Он собирался проверить свои предположения, возникшие еще во время экспедиции в Саяны, о переносе в Сибирь теплого и влажного атлантического воздуха на больших высотах. В нем он видел причину характерной для Сибири зимней инверсии температуры воздуха, когда при подъеме в горы становится теплее.

2 июля экспедиция вышла с Тихоно-Задонского прииска и углубилась в тысячеверстную тайгу, имея с собой лишь берестяной рисунок эвенка.

За рекой Вача в светло-лиловом тумане выступили скалистые горы Ленско-Витимского водораздела. Медленно караван взобрался на вершину мрачного горного массива, сложенного глубинными кристаллическими породами и укутанного непроглядной вековой тайгой.

Витим широко разлился после весеннего снеготаяния и дождей, и переправа была нелегкой - два дня ушло на нее. С большим трудом перевели на другой берег лошадей. А там пошли прямо на юг, пересекая монолитный, почти нерасчлененный, суровый и неприступный хребет, названный Кропоткиным Северо-Муйским.

Каждый день - тяжелые переходы: то в гору, то вниз - в долину. Шли медленно. Кропоткин то и дело останавливался, записывал, зарисовывал, ехал дальше и продолжал думать, покачиваясь в седле.

Наледи, часто пересекавшие ручьи Патомского нагорья, оказались самым серьезным препятствием на пути. Лошади скользили по облизанному водой льду. Лучше было спускаться в холодную до судорог воду, чем карабкаться по этим миниатюрным ледникам.

Переход, занявший четыре месяца, был нелегким. Пересекли обширную горную территорию, очень сложно устроенную. Отдельные элементы ее, на первый взгляд совсем не связанные друг с другом, оказались единой горной страной, которую Кропоткин назвал Олекминско-Витимской.

Спустившись с Южно-Муйского хребта, двинулись по болотистой равнине Витимского плоскогорья. К югу растительность становилась менее угнетенной, она как бы расправлялась. Видимо, связано это с постепенным уменьшением заболоченности. В низкорослом березняке появились отдельные могучие экземпляры лиственницы, прочно укоренившейся в тонком слое талой почвы над плитой вечной мерзлоты. Но вот болота сменяются забайкальскими степями, склоны холмов становятся суше, обнажаются от леса, широко расстилаются луга, пересекаемые неглубокими прозрачными речками.

На этот участок маршрута уже была карта, но если ей верить, на пути должна была бы встать могучая стена Станового водораздела. Решив, что хребет пересекает весь материк, казаки-землепроходцы, открывавшие в XVII веке Сибирь, назвали его «Необходимым Камнем». Однако Кропоткин установил: *«Станового хребта не существует и этим громким именем называется размытый водами уступ, которым обрывается плоскогорье в долину реки Читы»* 1. Лишь очень небольшим повышением (чуть больше тысячи метров над уровнем моря)

отмечен водораздел между водами Северного Ледовитого и Тихого океанов. И хотя Кропоткин не видел восточного продолжения Станового водораздела, интуиция его не обманула. Гигантского червеобразного хребта от Монголии до Чукотки, нанесенного на карту первыми землепроходцами, не существует.

1 Зап. РГО. СПб, 1873, т. 3, С. 406.

8 сентября внушительный караван - более полусотни лошадей - вошел в Читу. Путь для прогона скота из бурятских степей на Олекминские прииски был найден. Через тридцать лет появился проект использования этой трассы для строительства железной дороги Бодайбо - Чита, а уже в конце XX века начались изыскания по строительству автомобильной дороги из Бодайбо на станцию Таксимро Байкало-Амурской магистрали.

Если проект осуществится, дорога частично пройдет по пути кропоткинской экспедиции 1866 года.

Но главный, важнейший итог этого путешествия для Кропоткина был в том, что оно помогло ему найти ключ к общему строению гор и плоскогорий Восточной Сибири. *«Нашей главной задачей было пройти,* - писал Кропоткин. - *А удастся собрать богатый научный материал или нет - это был уже вопрос второстепенный… Впрочем, кое-что, не лишенное интереса, удалось-таки собрать; важно уже то, что нам удалось заглянуть в этот неведомый край и пересечь это нагорье во всю его ширину»* 1.

1 Там же.

«Кое- что» -это глазомерная съемка на протяжении 3000 верст, позволившая существенно исправить карту обширной территории, около 400 «сроков» метеорологических наблюдений, включавших в себя измерение атмосферного давления, температуры воздуха, направления и силы ветра, облачности, состояния атмосферы; это описание геологических обнажений на берегах Лены и разрезов ледниковых отложений на Патомском нагорье, в районе Ленских приисков и на Витимском плоскогорье; это зоологические сборы И. С. Полякова: 40 видов млекопитающих и 107 видов птиц; это, наконец, оригинальные идеи и обобщения, изложенные в необычайно обширном «Отчете об Олекминско-Витимской экспедиции», который будет издан через семь лет.

Результаты экспедиции произвели большое впечатление на географов, признавших в молодом князе-есауле своего коллегу.

А пока «герой похода», неожиданно показавший удивительные способности полевого работника-естествоиспытателя, думал над тем, чтобы расстаться с Сибирью, может быть, лишь на время. Его не покидала мысль о том, что

нужно продолжить учебу в университете: пока он считал себя самоучкой. К тому же его все меньше удовлетворяло положение военного чиновника. Оно, хотя и предоставляло возможность заниматься исследованием природы, но не освобождало от таких обязанностей, которые расходились с заложенными с детства демократическими убеждениями.

Конечно, он не предполагал, что уже очень скоро покинет Сибирь. Но произошло событие, ускорившее принятие решения.

Прощание с Сибирью

Осенью 1866 года совершили побег ссыльные поляки, работавшие на строительстве Кругобайкальской дороги. Туда сразу же направили войска - отряд под командой полковника Лисовского. Мысль о том, что могут послать его, и он, как офицер, вынужден будет подчинится, мучила Кропоткина. Он написал брату с прииска Серафимовского; когда экспедиция приближалась к Чите: *«Здесь мы узнали о польском возмущении за Байкалом, отряд Лисовского у меня как бельмо в глазу, тебя не посылали ли? Скверность могла выйти. Этакая мерзость»* 1. К письму он сделал приписку: *«…прочти циркуляр царя о нигилистах, - мешкать дольше нельзя, авось пригодимся на что-нибудь»* 2. Циркуляр предписывал «выкорчевывать» распространившиеся среди молодых людей критические, нигилистические настроения.

1 Переписка… Т. 2. - С. 199-200.

2 Там же.

В России термин «нигилизм», предполагающий отрицание привычного, общепринятого, получил распространение после появления в 1862 году романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Нигилистами стали звать всех, кто высказывал какие-либо критические суждения в отношении существующего порядка вещей, отказывался от суеверий, предрассудков и лицемерия, преклоняясь перед одним авторитетом - разумом. Принципы нигилистов - предельная искренность, неприятие лжи, пропитавшей общественную жизнь.

Противоречие между действительностью и идеалом больно ранило души молодых людей. Достижения науки в то же время демонстрировали безграничную силу человеческого ума. И появилась вера, столь же неистовая, как и вера в Бога, в то, что силой своего ума человек может привести действительность в соответствие с идеалом, освободив униженных и обездоленных от всего, что мешает им быть равными людям благополучным и счастливым. Через 70 лет философ Н. А. Бердяев оценит это как

«вывернутую наизнанку православную аскезу…»

Представление в том, что мир нужно исправить - тоже из религии («мир во зле лежит, в грехе»). Отсюда и высокие нравственные требования, предъявлявшиеся нигилистами к себе, неприятие разрыва между мыслью, словом и делом. В этом смысле братья Кропоткины, отказавшись от армейской службы, поступили как нигилисты.

Александр, выйдя в отставку, сразу же уехал, а Петр остался до весны, чтобы закончить свои географические дела и выступить с отчетом об экспедиции на заседании Сибирского отдела Русского географического общества.

Весной 1867 года он попрощался с Сибирью, оставив Иркутску «на память» еще одну свою работу: вместе с инженером Зотиковым Кропоткин изготовил сейсмограф и перед самым отъездом провел его испытание. Вся гарнизонная артиллерия прошествовала мимо здания Сибирского отдела, производя «сотрясение почвы», зафиксированное новым прибором. Этот прибор оказался совершенно необходимым Иркутску, уже однажды сильно обеспокоенному землетрясением на берегу Байкала в канун 1862 года.

В пасхальную ночь, под гром праздничной пушечной пальбы, переехал Кропоткин Ангару по еще прочному льду и выехал на Московский тракт. Сибири было отдано почти пять лет жизни и, как он признает потом, лучших лет. Прежде всего он стал профессиональным исследователем природы.

Сибирь дала Кропоткину понимание жизни и, что особенно важно, как жизни природы, так и жизни общества. Становление этого понимания обнаруживается прежде всего в письмах к брату, самому близкому человеку.

П. А. Кропоткин

Из писем брату Александру

Благовещенск, июнь 1864 г.

Только что я приехал сюда, как получил твое письмо, пересланное мне из Иркутска. Надеюсь, что и между моими не будет большого промежутка.1 июня я был уже в Айгуне, это китайский город на Амуре, в 30 верстах от Благовещенска. Путешествие кончено, и кончено так удачно, как никто из нас и не думал…

Прошли мы очень хорошо, препятствий никаких, китайские власти даже слишком много чести оказывали… Ехали мы нескоро - верст по 30-40 в день. Поднимались со светом, ехали шагом. Я

все время делал глазомерную съемку, т. е. буссолью определял направление пути, а часами число пройденных верст, и на каждой точке зачеркивал на скорую руку, на глаз нанося окрестную местность… Из всего составится самая приблизительная карта пути, которая кое в чем поправит карты, ныне имеющиеся. Кроме того, я собирал камни в тех местах, где были обнажения горных пород. Конечно, я бы мог собрать гораздо больше того, что я собрал, если бы не делал съемки и мог бы больше отлучаться от дороги. А то доводилось брать то, что на дороге попадалось. Собрал около 120 экземпляров горных пород, которые с подробным каталогом, может быть, дадут возможность составить геологический обзор местности. Кроме того, подтвердилось существование потухших вулканов, вопреки теории их приморского происхождения; предполагалось, что их нет внутри материка. Теперь я наверно утверждаю, что они есть в Ильхури-Алине (хребет, параллельный Амуру). Меня поразила первая сопка; вгляделся - вулкан, отрезной конус с кратером, ныне рассыпающимся, на одной стороне от прорыва набросаны камни; я подъехал - вулканический туф. Везу образцы. К сожалению, о растительности могу сказать очень немного, а гербарий собирать нельзя было…

Николаевск-на-Амуре, июль 1864 г.

Хотя это письмо я сам повезу с почтой до Хабаровска, но пишу потому, что хочется писать, хочется сказать тебе приятные новости…

«Вы историограф Сунгарийской экспедиции». Я от души поблагодарил Корсакова за это назначение, мне так хотелось на Сунгари. Я еду. Корсаков не едет - и отлично, торопить не будет. Едут астроном, топограф, переводчик и один полковник. Я выучусь делать определение широты и долготы. Буду собирать, что могу, вероятно - немного, так как пойдем на пароходе…

Какая досада, что я не застал Корсакова в Благовещенске! Я побывал бы в море, сходил бы на остров Сахалин. Жалко, но авось не уйдет. Зато нас весело покачало при входе в Николаевск, пароходишко маленький, так и прыгает, но стоять все же было можно.

Иркутск, февраль 1856 г.

Дела идут по-старому, интересно было только одно обстоятельство - на прошлой неделе,- это знакомство с американцем*, который был здесь проездом в Америку из Китая. Славный господин, я познакомился с ним у Аносова. Через пять минут мы шли вместе в Отдел просматривать собранные мною горные породы. К сожалению, оказалось, что едва ли по ним можно составить себе понятие о геологическом строении страны,-

вероятно, что все это - жилы, проходящие сквозь самые породы. Не может же быть, чтоб на пространстве 700 верст были все гнейсы, граниты да порфиты. Таким образом, американец не нашел ничего в подтверждение или отрицание своим предположениям об маньчжурском каменноугольном бассейне. Только маленькое сомнение в его существовании. А ему это интересно, так как он проехал южную окраину Гоби на довольно значительном протяжении, а у меня восточная.

На другой день мы были у Аносова. Американец показал мне карту Китая, по которой шел, напечатана эта карта в Пекине, - очень интересные вещи о водных путях показывает карта. Только неизвестно - правда ли. Опять поразила нас несметная масса работы, к которой способны эти люди. Это сети карт и геологических профилей, сделанные в 87 месяцев, которые он прожил в Пекине. Наконец, сколько ему сделали по его указанию! Один китаец перечитал 8000 томов Государственной географии, чтоб извлечь оттуда показания о минералах Китая. Потом свел все это в общую карту. Часа полтора резали мы по полу на корточках, наконец кончили, уложили все. Пустились в разговоры. Дошло и до Юга и Севера1. С увлечением стали говорить. Семь лет не был дома, теперь приедет и прямо на войну, говорит он, и, конечно, думает, что северяне выиграют…

1 Имеется в виду Гражданская война в США 1861-1865 гг.

Крестовская резиденция, июнь 1866 г.

Ну- с, господа, добрались мы до Крестовской, кончили, следовательно, плавание. Мы здесь уже четыре дня, а я почти не выхожу из дома, раз только ходил до ближайших обнажений, -все сидел и писал. Настрочил листах на трех письмо в (Сибирское) отделение (РГО), исправил остатки Пэджа и написал на 6-ти листах письмо для «Биржевых ведомостей»…

Читал я о книге Кинэ2 об революции. Вопрос очень важный, насколько революция может считать себя вправе прибегать к безнравственным мерам. Что последнее нравственность должна осудить, хотя бы оно делалось во имя самых нравственных начал, по-моему, бесспорно…

2 Имеется в виду книга Эдуарда Кине «Революция», в которой французский историк размышляет над тем, почему революции обычно не приводят к торжеству идеала свободы.

Безнравственные поступки деморализуют само общество… Но с другой стороны, если принять только нравственные меры, как единственно позволительные во время революции, возможна ли будет какая-либо вообще революция когда-либо? Ведь там сила. Как же ты силу поборешь иначе, как не безнравственной мерой, т. е. силой же, а тут и пошли военные хитрости, штурм ночью и т. д.

Ясно, что приходится брать средний путь, назвать не совсем безнравственной меру - в сущности безнравственную, но где же тогда критериум? Один критерий остается - полезность и вредность для большинства в настоящем и будущем, - везде этот критериум для определения нравственного поступка. Да и какой другой может быть? Воспитание, инстинктивное отвращение, но ведь как мы себя переделываем? Во всем мы стараемся избавиться от инстинктивных побуждений и либо заменяем их побуждением, имеющим разумное основание, либо отрешаемся от них. Для меня лично это самый сильный довод…

Письма из Олекминско-Витимской экспедиции

Б. А. Милютину 1

1 Борис Алексеевич Милютин - редактор газеты «Сибирский вестник», издававшийся в Иркутске в 1864-1868 гг.

Милостивый государь, Борис Алексеевич.

Бывши в нынешнем году по поручению Сибирского отдела в экспедиции, снаряженной для отыскания скотопрогонного пути между Олекминским и Нерчинским округами, и зная, что многие интересуются ходом нашей экспедиции, я написал в Распорядительный Комитет 6 писем, в которых излагал ход наших занятий и набрасывал очерки той страны, по которой мы проезжали.

Эти письма не были напечатаны в свое время, но полагая, что читателям Вашей газеты небезынтересны будут те сведения, которые И. С. Поляков и я сообщили об этой малоизвестной стране, и не надеясь раньше, как через несколько месяцев, обработать привезенные нами материалы и составить подробный отчет, я решаюсь послать Вам этим письма.

При этом я изложу сначала вкратце цель экспедиции.

В настоящее время золотые прииски Олекминской системы снабжаются скотом из Якутской области, преимущественно из Вилюйского округа. Так как этот скот проходит около 1000 верст по отвратительной таежной дороге, то обыкновенно он приходит на прииск в очень жалком виде, и мясо обходится довольно дорого.

Доставку экспедиции до Тихонозадонского прииска приняло на себя Ленское товарищество, которое довезло нас до Крестовской резиденции на па“возке, а оттуда до прииска на своих лошадях…

Попытки золотопромышленников найти удобный скотопрогонный путь в Забайкалье были неудачны, например, Ленское товарищество снаряжало даже экспедицию, которая

думала идти через Нечатку и Лемберт, но вожак бросил ее, не дойдя даже до Нечатки.

Поэтому г-да золотопромышленники, именно Ленское товарищество, Витимское товарищество К. Трапезникова, обратились в Сибирский отдел с предложением взять на себя исследование этого пути и пожертвовали для этой цели 1500 руб. Впоследствии эта сумма оказалась недостаточной…

Сибирский отдел поручил эту экспедицию мне, прикомандировавши для ботанических и зоологических изысканий И. С. Полякова, а для съемки Генеральный штаб назначил Топографа г-на Машинского…

Путешествие по р. Лене

Если большие реки, служащие главными сплавными путями, везде имеют громадное значение для края, в котором они протекают, и для местностей, которые они между собой связывают, то почти нигде это значение не было и не есть до настоящего времени так велико, как в Восточной Сибири. Редкость населения, трудность сообщений везде, где бы вы ни отклонились хотя бы на несколько десятков верст от больших трактов, особенно в гористой стране; хребты, заросшие непроходимыми в полном смысле слова лесами; болотистые, мшистые пади, везде, даже в южной полосе Восточной Сибири, где только повыше поднимаются горы, - все это, вместе взятое, клонит к тому, чтобы, помимо промышленного значения, увеличить значение рек для Восточной Сибири. Летом они служат сплавными путями, зимой - единственным возможным трактом для сообщений между крайне отдаленными местностями. Таков в особенности Лена, как река, текущая с юга на север, из страны населенной и хлебородной - в дичь, в тайгу, и через тайгу - в тундру, в Якутский край, не производящий для себя хлеба, в Олекминский округ где промыслы, производящие сотни пудов золота, снабженные тысячами рабочих и лошадей, поглощают громадное количество хлеба и всевозможных продуктов, доставленных из Иркутска или Иркутской губернии. И не одни рабочие и их управляющие прокармливаются продуктами, доставляемыми по Лене, - даже лошади и те кормятся овсом и сеном, доставляемыми по той же реке…

Оставляя в стороне вершины Лены, образующейся из многих ручьев, вытекающих из распадков Байкальского хребта, - вершин, посещаемых большей частью только зверовщиками, - я скажу о ней несколько слов с того места, где она примыкает к «тракту», где выезжают к ней из Иркутска, - с Качугской пристани,

служащей местом отправления значительной части всех продуктов, сплавляемых по Лене.

Довольно быстро проплывши по Лене до устья большого ее притока Витима, я, конечно, принужден буду ограничиться немногими замечаниями, сделанными почти налету…

Добираясь до С. Качуга, находящегося на 240 верст к северу от Иркутска, проезжая по превосходной луговой плоской возвышенности, называемой Кубинской степью и населенной бурятами хлебопашцами, торопясь ко времени ярмарки, бывающей в Качуге около 9 мая, во время отправления барок и павозков, - человеку, впервые приехавшему в Сибирь и не присмотревшемуся к ее промышленности, можно было бы ожидать встретить в Качуге что-нибудь вроде оживленной торговой пристани, широкую реку, машины для нагрузки, - вообще жизнь, и жизнь одушевленную, особенно если вспомнить о громадности края, снабжаемого всеми на Иркутской губернии.

Ничуть не бывало: вы едва замечаете ничтожную реку - Лену, через которую медленно ползет самолет1; у одного берега плавают какие-то четырехугольные ящики, назначение которых не сразу угадает новичок; у другого - несколько десятков павозков в виде утюгов, на которых развиваются флаги и происходит мелочная торговля; на берегу - несколько тюков с товарами и тарантасы купцов, несколько десятков лавчонок, из которых в каждой можно найти все: кремни, сапоги, сахар, свинец, красные товары и пр. и пр.

1 Так называли в XIX в. паромы на реках.

Число барок, отправляющихся собственно из Качуга, незначительно, я насчитал тут не боле 30 барок и от 40 до 50 купеческих павозков. Но кроме этих павозков, отплывает от вершин Лены значительное число других барок, строящихся и нагружающихся в деревнях ниже Качуга, в Верхоленске, а также по рекам, впадающим в Лену, - Илг и Кут, куда хлеб преимущественно доставляется из долины Ангары, более богатой хлебом, чем долина Лены…

Барки строятся чрезвычайно неуклюже из обтесанных топором досок; самая форма их четырехугольная делает управление ими чрезвычайно неудобным, да к тому же и средства передвижения невелики: сила 7-10 человек, владеющих двумя длинными веслами, кормовым и носовым…

Павозок - это род барки в виде утюга… Он поднимает от 1200 пудов груза. Выйдя на те места, где Лена уже достаточно глубока, павозки и барки счаливаются по две. Так и плывут уже в нижнем течении.

Кроме этих посуд для перевозки тяжестей, существуют два

парохода, из которых один ходит по Витиму, а другой - по Лене…

Как только прибудет весенняя вода, все эти посуды, четырехугольные, пятиугольные, и утюгообразные, пускаются вниз по Лене; зевать не приходится, а то, упустивши весеннюю воду, пришлось бы ждать коренной, происходящей от таяния снегов и от летних дождей. В 1866 году весенней воды не было, и все эти посуды стояли на местах…

Берега Лены считаются страною гористою. Хотя оно не совсем правильно в физико-географическом отношении, так как в верхнем течении долина Лены просто углублена в высокое плоскогорье, в котором Лена промыла себе узкую щель, а побочные речки размыли себе глухие узкие пади, - но в разговорном языке оно справедливо. До Киренска вы плывете по узкой долине, над которой с обеих сторон высятся, часто вертикальные, утесы и большей частью крутые склоны гор, заросшие густыми хвойными лесами; вдоль берегов, с перерывами тянется узкая полоска наносов, тоже заросшая лесом - сосною, елью и лиственницей; местами попадаются острова, заросшие преимущественно тальником, также негодные для хлебопашества…

Хотя и принято считать Сибирь неисчерпаемым источником относительно леса и зверя, но, как все истощается при чрезмерном пользовании, так точно и зверь… Количество зверя заметно убывает, выживающие особи уходят все глубже и глубже в хребты и леса: подальше от населенных местностей…

Доставив на лодке приезжего, гребцы спешат сейчас же вернуться домой, зная, что раньше как в день не успеют сделать перехода, если только прибыла вода и «взыграли» речки. А нужно видеть, как они «играют»! Речку, которую вчера переходили посуху, сегодня со страшным трудом можно переехать вброд пешком; вода сбивает коня, которого приходится переводить на веревке; на дне вода ворочает громадные каменья, готовые ударить по ногам коня, который, идя до половины брюха в воде, едва держится на ногах…

Для того, чтобы дать полное понятие о производительности ленской долины, нужно бы, во-первых, дать больше цифр, но официальные ненадежны, а для собирания неофициальных нужно больше времени, чем то, которым я располагаю; во-вторых, надо бы сказать о слюдяном промысле на Витиме, об извозничестве, но как я пишу не статистическое обозрение долины Лены, то довольствуясь этими беглыми заметками, полагаю, что они могут дать некоторое понятие о великой реке, а также показать, сколько мы имеем в Сибири под боком у себя неисследованного, о чем желательно бы иметь более точные сведения.

29 мая прибыли мы в С. Витимское на устье Витима - небольшое село со множеством кабаков для обирания рабочих, возвращающихся с промыслов и служащее пребыванием нескольких лиц, торгующих всю жизнь с якутами и тунгусами; тунгусы уже бороздят Лену в берестяных лодках, в лицах русских виден якутский или тунгусский тип, но, остановившись ненадолго, мы поплыли дальше до «резиденции» золотопромышленников ленского товарищества Крестовской, откуда я и пишу настоящее письмо…

Тихонозадонский прииск на р. Ныгри, 26 июня 1866 г.

С 12 июня мы находимся в долине Ныгри, притока Вачи, на Тихонозадонском прииске Ленского товарищества. На днях пришли кони, предназначенные под экспедицию, находившиеся на Крестовской резиденции, и через несколько дней мы отправляемся в путь. Но прежде всего я вам скажу несколько слов о наших занятиях на пути до приисков и на приисках.

От Крестовской резиденции до Тихонозадонского прииска мы проехали 8 дней, сделавши в это время 250 верст, так как ехать тише было бы неудобно по многим причинам: пришлось бы отнимать и задерживать лишних людей и лошадей Ленского товарищества, взявшего на свой счет перевозку экспедиции до приисков; съемка же, сделанная по поручению Ленского товарищества чертежником Жаровым, была сделана, как говорили нам, довольно тщательно и с промером, то я решился не делать съемки на этом протяжении, а проехать его наскоро. При этом имел в виду, что наша съемка от прииска пересечет Витим в его низовьях и свяжется либо с каким-нибудь из астрономических пунктов г-на Шварца на Витиме, либо с его съемкою.

…Удаляясь от Лены, вы скоро вступаете в глухое лесистое предгорье, известняки постепенно становятся более и более кристаллическими, а потом скоро исчезают, сменяясь метаморфическими сланцами, преимущественно глинистыми гнейсами и гранитами. С этим вместе постепенно меняется и весь характер страны, покатости становятся круче, пади глубже, речки быстрее несутся и ворочают большие каменья, там и сям выступают отроги хребтов, забирающиеся за пределы вертикального распространения древесной растительности. Наивысшие точки мы встретили в вершинах, они образуют как бы часть цепи, идущей с ю.-з. на С.-в., высокий гребень которой еще белеет снегами, впрочем, вообще эти горы не поднимаются высоко; переезжая гольцы, если не самые высокие, но зато превосходимые немногими частями другого гребня, я нашел их всех приблизительно ровными, около 1450 метров… Только один

гранитный голец… как бы центр местного поднятия, возвышался еще метров на 300 над этими гольцами, но он составлял исключение, другие же вершины были почти все одинаковой вышины и невысоко поднимались над общим уровнем горной страны.

Но в этих гольцах вы не видите ни зубчатых вершин, ни каменистых гребней и т. п… как будто по циркулю вычерчены их контуры…

Шестидесятый градус широты на азиатском материке, при высоте от 600 до 900 метров и более, дает себя заметить в громадных наледях, накопляющихся по некоторым речкам. Простираясь во всю ширину пади, они тянутся иногда на несколько верст при средней толщине от 1,8 до 2 м… и доходят местами до 2,5 м… Вспомнив при этом, что на Ныгри, например, от наледи в 4,8 м едва осталось теперь 1,4 м, мы должны будем принять, что наледи к концу зимы достигают громадной толщины - до 9 м и это на протяжении 6-8 квадратных верст, даже и более, если не принимать в расчет небольших перерывов, успевших образоваться к началу июня.

По всему этому пространству мы не встретили никакого населения, кроме зимовщиков на зимовьях Ленского товарищества, зимой посещаемых чрезвычайно смелыми медведями. Тунгусы либо удалились, оттесняемые приисками, их жизнью и заведениями, либо принуждены были окончательно изменить свой образ жизни и род занятий и поселились ближе к приискам. Прежде при открытии приисков эта тайга изобиловала зверем не говорю уже о диких сев(ерных) оленях, но и соболя, и белки водилось множество; шум, рубка леса, прокладывание дороги, вырубка больших пространств, разъезды - все это было причиной удаления зверя. Вместе с этим прииски дали новые заработки тунгусам. Теперь они возят сено, на доставку которого заключают подряды, перевозят зимой на оленях тяжести, нанимаются вожаками. Если бы все это распространилось равномернее между тунгусами, то, быть может, вполне бы заменило звериный промысел, но, к сожалению, оно не так. Чтобы обеспечить себе доставку определенного количества сена, золотопромышленники заключают подряды с одним тунгусом, а тот, в свою очередь, раздает работу другим, причем, как везде, ему достается львиная часть дохода, прочие же остаются батраками, т. е. одни богатеют, обзаводятся домом, всеми принадлежностями русского быта, другие остаются в том же жалком положении, худшем еще потому, что теперь находятся в зависимости от отдельных личностей.

Впрочем оставляя этот предмет, о котором подробнее буду

говорить впоследствии, когда лучше познакомлюсь с тунгусаим, буду продолжать далее.

Дорогой нам часто подолгу приходилось ехать тайгой, обнажений не видно, отлучаться же в сторону версты за две при густоте леса почти невозможно, а потому трудно составить себе понятие, какие породы залегают на этих пространствах. Часто для определения залегающей в данной местности породы приходилось пользоваться россыпями, которые если и дают понятие о том, из чего состоит данный кряж, зато не дают никакого понятия о взаимном расположении частей. Впрочем, я полагаю, что удастся составить петрографическую карту проеханной нами местности не очень подробную и не лишенную пробелов.

Время, проведенное на Тихонозадонском прииске, я посвятил изучению аллювия и разысканию возможных следов ледникового периода, вопрос, на который снова навело меня несколько явлений, тем более, что отсутствие следов ледникового периода в северо-восточной Азии всегда казалось мне довольно странной аномалией. Но хотя я и собирал все относившиеся до этого вопроса данные, тем не менее все-таки не мог дойти ни до какого положительного, определенного результата. Впрочем, я полагаю, что вам вообще не безынтересно будет выслушать беглый обзор фактов.

Во время наших переездов мы поднимались на довольно высокие гольцы, спускались в глубокие, разделяющие их пади, и я нигде не видел явных следов ледников. Правда, поверхности этих гольцов совершенно округлены, сглажены, а выходов на поверхность гранитов или гнейсов, на которых могли бы сохраниться следы ледников, и не видно даже, но где же делись бы морены, если бы они были отложены ледниками? Сколько я ни вглядывался, я нигде не находил их, а трудно предположить, чтобы все морены непременно были смыты реками. Если есть на гольцах какое-либо указание на следы ледников, то это выбоины в виде котлов глубиною до 3 дециметров и около 0,5 м в диаметре, попадающиеся в довольно твердых гнейсах, но опять, с другой стороны, размеры их слишком ничтожны.

В других местах заставляли задуматься размеры, формы и положение некоторых валунов…

На Сергиевском прииске (по р. Хомолхо) я был удивлен, найдя тут обилие больших камней, имеющих одну или две поверхности как бы отполированные, исцарапанные и изборожденные (это были преимущественно черные мелкокристаллические известняки и глинистые сланцы со слегка округленными углами)…

Вообще замечу, что борозды, попадающиеся на валунах, бывают большей частью все параллельны… нигде нет двух взаимно перпендикулярных борозд. Не есть ли это следы сдвигов, - думал я. - Едва ли, так как борозды бывают на плоскостях, пересекающихся под различными углами, и даже в таком случае следуют одному общему направлению.

Указывая на эти факты, которые… могут быть истолкованы и помимо действия ледников, я все-таки полагаю, что на них следовало бы обратить побольше внимания.

Съездивши на Вознесенский прииск, я попросил живущего там доктора К. А. Эйсмонта взять на себя вести в течение лета метеорологический журнал; он охотно взял на себя это труд, так что во время нашего пути (до конца августа) будет наблюдаться высота барометра, к которой можно будет отнести мои наблюдения во время пути. Тут же я нашел очень ценный материал - журнал, веденный с сентября 1858 г. по настоящее время г-ном управляющим этими приисками М. С. Игнатьевым…

Это, конечно, весьма полезный материал, особенно при недостатке сведений о стране от Киренска до Якутстка…

Т(аким) о(бразом), мы отправляемся на Мую, но если бы из Сибирского отдела было заблаговременно написано г-ну Киренскому, земскому исправнику, с просьбой приискать вожаков, то, конечно, мы имели бы уже вожака с Бомбуйко, старшине легче приискать знающего вожака, чем частному человеку; между тем витимские тунгусы, я твердо убежден в этом из разговоров с витимскими жителями и тунгусами, бывали на Эмурчене или знают тунгусов, живших на Ципе, которые бывали там. Мы же имеем вожака, взятого не из коренных витимских, а, скорее, из здешних, которые хорошо знают олекминскую систему, но не витимскую.

21 июня получена здесь почта из Иркутска от 7 июня и из Петербурга от 5 мая; между тем все-таки не получены мною инструменты.

Серафимовский прииск, 22 августа 1866 г.

Пишу вам с Серафимовского прииска, куда мы добрались вчера после 50-дневного странствования по тайге. Оказывается, т(аким) о(бразом), что ваше предсказание сбылось; на устье Муи мы нашли тунгусов, возвращавшихся после сенокоса в наши края, к Баунту; из расспросов я убедился, что вместо того, чтобы делать крюк к востоку, к устью Бомбуйко, гораздо удобнее будет сделать другой небольшой крюк к западу (в верстах 80) и выйти на дорогу, по которой постоянно ходит скот из Читы…

Вы извините меня, если я не буду теперь подробнее писать про проеханный нами путь; вкратце не расскажешь, и пришлось

бы исписать несколько листов…

Из 600 (приблизительно) верст, пройденных нами, можно насчитать только три действительно худых места: 1) - это подъем на голец в вершинах Чепко (в 20 верстах от Тихонозадонского прииска), подъем, который, как оказалось впоследствии, можно миновать, идя по Джегдалату и делая лишь верст 20 крюка; 2) - спуск с хребта, идущего вдоль Муи с северной стороны по р. Уксемукиту, где страшно каменисто и на 40 верст почти нет корма. Но как теперь оказывается, есть другой перевал через этот хребет, несравненно удобнее… Наконец,3-е худое место - это Ципа, где мы встретили невылазные грязи и непроходимые болота там, где обыкновенно бывают превосходные луга. Но это происходит от необычайных дождей, которые в продолжение 2 недель шли, не переставая, в окрестностях Баунта, следовательно, от обстоятельства чисто случайного.

…Вообще теперь это дело находится уже в наших руках, подробно известен путь, и вожаки есть на примете, так что в конце концов, я надеюсь, что скот из Забайкалья будет ходить на Олекминские прииски…

Из Записок революционера 1

1 Записки, С. 110-137.

…Пять лет, проведенные мной в Сибири, были для мня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера. Я приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и с самым худшими, с теми, которые стоят наверху общественной лестницы, и с теми, кто прозябает и копошится на последних ее ступенях: с бродягами и, так называемыми, неисправимыми преступниками. Я видел крестьян в их ежедневной жизни и убеждался, что мало может дать им правительство, даже если оно одушевлено лучшими намерениями. Наконец, мои продолжительные путешествия, во время которых я сделал более семидесяти тысяч верст на перекладных, на пароходах, в лодках, главным образом, верхом - удивительно закалили мое здоровье. Путешествия научили меня также тому, как мало в действительности нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими футами хлеба и маленьким запасом чая в переметных сумах, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть ею постель из свеженарезанного молодого листвяка, человека чувствует себя удивительно независимым даже среди неизвестных гор, густо поросших лесом или же покрытых глубоким снегом…

Сибирь - не мерзлая страна, вечно покрытая снегом и заселенная лишь ссыльными, как представляют ее себе иностранцы и как еще очень недавно представляли ее себе у наС. Растительность Южной Сибири по богатству напоминает флору Южной Канады…

Постепенно я все более стал отдаваться научным исследованиям. В 1865 году я исследовал Западные Саяны. Здесь у меня прибавилось еще несколько новых данных для построения схемы орографии Сибири, и я также нашел другую важную вулканическую область на границе Китая, к югу от Окинского караула. Наконец, в 1866 году я предпринял далекое путешествие, чтобы открыть прямой путь из Забайкалья на Витимские и Олекминские золотые прииски. В продолжение нескольких лет (1860-1864) члены Сибирской экспедиции пытались найти этот путь и пробовали пробраться через параллельные ряды диких каменных хребтов, отделяющих золотые промыслы от Забайкальской области. Но когда исследователи подходили с юга к этим страшным горам, заполняющим страну к северу на несколько сот верст в ширину, все они (кроме одного, убитого инородцами) возвращались назад.

Ясно было, что попытку надо сделать с севера на юг - из страшной, неизвестной пустыни в более теплый и населенный край, и я так и решил сделать, т. е. плыть вниз по Лене до приисков и оттуда снарядить экспедицию на юг.

…Мы достигли устья реки Муи, откуда, переваливши еще через один высокий хребет (очень похожий на Саянский), путь лежал уже по плоскогорью.

На этот раз мы нашли путь с Олекминских приисков в Забайкалье. Три месяца мы странствовали по почти совершенно безлюдной горной стране и по болотистому плоскогорью, пока, наконец, добрались до цели наших странствований, до Читы. Найденным нами путем теперь гоняют скот с юга на прииски. Что касается до меня, то это путешествие значительно помогло мне впоследствии найти ключ к общему строению сибирских гор и плоскогорий…

Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли мог бы научиться в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. С этой иллюзией я распростился навсегда.

Затем я стал понимать не только людей и человеческий характер, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которой редко упоминается в книгах, и понял значение этой

постройтельной работы в росте общества…

Путем прямого наблюдения я понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях - переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни. И я пришел к таким же мыслям о вождях и толпе, которые высказывает Л. Н. Толстой в своем великом произведении «Война и мир».

Воспитанный в помещичьей семье, я как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми, причем каждая ошибка имела бы очень серьезные последствия, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания…

В возрасте от девятнадцати до двадцати пяти лет я вырабатывал всякие планы реформы, имел дело с сотнями людей на Амуре, подготовлял и выполнял рискованные экспедиции с ничтожными средствами. И если эти предприятия более или менее удавались, то объясняю я это только тем, что скоро понял, что в серьезных делах командованием и дисциплиной немногого достигнешь. Люди личного почина нужны везде: но раз толчок дан, дело, в особенности у нас в России, должно выполняться не на военный лад, а скорее мирским порядком, путем общего согласия. Хорошо было бы, если бы все господа, строящие планы государственной дисциплины, прежде чем расписывать свои утопии, прошли бы школу действительной жизни. Тогда меньше было бы проектов постройки будущего общества по военному - пирамидальному образцу.

Часть вторая. Служить науке или обществу?

I. В мире научном

Воздух Петербурга

Через пять лет после «выхода на Амур» в судьбе Кропоткина произошел новый решительный поворот. Он навсегда расстался с военной службой и вернулся в Петербург, который некогда с радостью покидал. Город почти не изменился. А Кропоткин был уже другим. В Сибири он увидел реальную жизнь, познакомился с тем, как складываются реальные взаимоотношения людей друг с другом и с администрацией, с властью. Постоянное общение с простым народом - казаками, крестьянами-переселенцами, мастеровыми, ссыльными - и книги, которые он читал часто при свете костра во время своих таежных походов, пробуждали его мысль. Он размышлял надо всем, с чем сталкивала его жизнь.

В Сибири он стал ученым-естествоиспытателем, первооткрывателем новых земель и дорог. Но не только 70 тысяч верст преодоленного пространства в его активе. А еще и комплекс идей и обобщений, явившихся существенным вкладом в науки о Земле в 60-х годах прошлого века. Об этих годах Кропоткин писал: «То было время всеобщего научного возрождения. Непреодолимый поток мчал всех к естественным наукам». Этот поток увлек его. И вынес весной 1867 года к берегам Невы, в главный научный центр России.

Два года назад было отмечено 300-летие Галилея. И как бы приуроченным к этому великому юбилею оказалось по-галилеевски великое открытие Джеймсом Кларком Максвеллом существования электромагнитных волн, разработка им электромагнитной теории света. Это был революционный переворот в науке. Другое, столь же значительное открытие прошло тогда незамеченным: австрийский монах Грегор Мендель вывел свои «законы наследственности», но они будут поняты и признаны лишь в самом конце девятнадцатого столетия. В 1867 году защитил докторскую диссертацию ровесник Кропоткина климатолог А. И. Воейков, которому еще предстоит открыть законы формирования климатов земного шара. Пройдет всего два года, и профессор Петербургского университета Дмитрий Иванович Менделеев построит свою гениальную периодическую систему химических элементов. Почти одновременно с русским изданием сенсационной книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» появилась вызвавшая едва ли не меньший интерес работа русского физиолога Ивана Михайловича Сеченова «Рефлексы

головного мозга»: она заставила пересмотреть представления о строении и функции нервной системы человека.

Случайно, а может быть и нет, открытия в науке сопровождались событиями, потрясавшими общественные отношения. В Европе, пережившей революционную бурю пятнадцать лет назад, в 1848 году, было относительно спокойно, хотя не так уж далеко впереди - год Парижской коммуны - 1871-й. Пока же наиболее «горячими точками» мира были Северная Америка где шла Гражданская война; Балканы, где славянские народы поднялись против турецкого гнета, и в России, перед которой с отменой крепостного права открывались новые перспективы.

В апреле 1865 года, когда американская Гражданская война завершилась победой сторонников уничтожения рабства, выстрелом в театре форда был убит их лидер президент Авраам Линкольн…

А в России в царя стрелял Каракозов. Он прожил немногим более 20-ти лет, а вот решился на поступок, за который пришлось платить жизнью. Ради чего? Прав ли он? - эти вопросы волновали русскую интеллигенцию.

Как раз в те дни, когда в Иркутске шел процесс над группой ссыльных поляков, Кропоткин читал газеты с описанием всего произошедшего. Читал о том, как Каракозов сказал схватившим его: «Дурачье, ведь для вас же, а вы не понимаете». О том, как не сразу, но все же открыл свое имя и назвал сообщников - Ишутина, Худякова и еще тридцать человек, образовавших кружок антиправительственной пропаганды под названием «Организация», а после вынесения приговора написал прошение царю о помиловании. На нем Александр начертал: «Лично я в душе простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя вправе прощать…» Чувство власти выше других чувств человеческих…

3 сентября 1866 года, в семь утра, на Смоленском поле при стечении тысячной толпы Каракозов был повешен. Это первая виселица Александра II в Росси… Тысячи их покрыли уже раньше поля Польши. «Освободитель» обернулся «вешателем». Да он ли тут виноват лично? Система самодержавия, власть в одной точке, освещенная богом…» Поэтому-то и стрелял Каракозов, открыв в России долгую «охоту на царя».

Выстрел Каракозова был неожиданным для России, и не понят ею. Власти же использовали его как сигнал к усилению реакции.

Руководивший расследованием Каракозовского дела граф Н. А. Муравьев заявил, что причина выстрела - «последствие полного

нравственного разврата нашего молодого поколения, подстрекаемого и направляемого к тому… необузданностью журналистики и вообще нашей прессы». Образована особая комиссия по борьбе с революционным движением. Усилились гонения на журналы, закрыты на время «Современник», «Русское слово» - в них мыслящие люди находили поддержку своим левым взглядам. Даже «Санкт-Петербургские ведомости» были приостановлены на три месяца за критику администрации. И вслед за разгромленной «Организацией» Ишутина возник кружок «Земля и Воля», основанный двумя Николаями - Серно-Соловьевичем и Утиным. Оба - студенты Петербургского университета. То и дело появлялись новые прокламации и подпольные газеты.

А молодежь зачитывалась «Историческими письмами» профессора Артиллерийской академии полковника Петра Лаврова, арестованного в апреле 1866 года и сосланного в Вологодскую губернию. Лавров дал свою формулу прогресса: «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении - воплощение в общественных формах истины и справедливости…» Он провозгласил программу «перестройки русского общества» для решения социального вопроса, как первостепенного, руководствуясь идеалом «свободного общежития, в котором исчезает всякий след государственной принудительности». Отказ от «управления человека человеком», «уважения к труду, солидарность, сознание своего и чужого личного достоинства - вот к чему призывал Петр Лавров. Он был тогда, наряду с Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, «властителем дум». Как, впрочем, и В. В. Берви-Флеровский, социолог и экономист, автор «Азбуки социальных наук», всю жизнь проведший в ссылках, сказавший: «Идите в народ и говорите ему всю правду до последнего слова…»

Впервые о сибирском оледенении

Кропоткин живо интересовался этими идеями, но главное для него - наука. Ведь он привез из Сибири большой экспедиционный материал, который нужно осмыслить и обобщить. Приехав в Петербург, он смог, наконец, осуществить свою давнюю мечту - поступить в университет. Посещая занятия на первом курсе физико-математического факультета Петербургского университета, он одновременно ходил на службу в Статистический комитет Министерства внутренних дел. Туда ему помог устроиться Петр Петрович Семенов, председатель этого комитета. После экспедиции в Тянь-Шань, завершившейся

открытием огромной горной страны, - он стал вице-президентом (фактически главой) Императорского Русского географического общества, признанный лидер русской школы географов.

На первых порах Кропоткин еще думал о работе в области математики и опубликовал статью в «Артиллерийском журнале» на тему о графическом решении алгебраических уравнений, отредактировал перевод и составил комментарий к учебнику геометрии известного педагога Адольфа Дистервега. Но все же природа перевесила математические абстракции…

В декабре 18687 года в Петербурге открылся Первый съезд русских естествоиспытателей, имевший, несомненно, большое значение для Кропоткина. Он видел в нем выдающихся ученых России: химиков - Дмитрия Менделеева и Андрея Бекетова, биологов Илью Мечникова и Клемета Тимирязева, математика Пафнутия Чебышева, физика Бориса Якоби, мореплавателя и в те времена Президента Академии наук адмирала Федора Литке, коллег-географов Алексея Федченко, исследовавшего горы Средней Азии и климатолога Александра Воейкова. Ему довелось участвовать в обсуждении доклада Менделеева о введении метрической системы мер и выступить с сообщением о сейсмографе, испытанном в Иркутске.

В марте 1869 года, когда Кропоткин доложил о проведенных им геологических исследованиях в долине реки Лены и на приисках Витима, его избрали действительным членом общества естествоиспытателей. В этом докладе впервые были изложены доводы в пользу распространения древнего оледенения в Сибири. Сообщение это воспринято было с осторожностью, поскольку некоторые европейские авторитеты еще выступали с решительной защитой представлений о том, что по европейским равнинам валуны разнесены плавающими льдинами. Только спустя три года сделает свой доклад о древних ледниках Скандинавии Отто Торелль, который будет признан основателен теории ледникового периода в Европе.

Там, где проходил Кропоткин, - в Саянах, на Патомском нагорье, ледников не было, но воображение рисовало на месте покрытых лесом гольцов величественную, ослепительную в лучах солнца бескрайнюю снежную пустыню. На протяжении многих тысячелетий накапливался снег, не успевавший растаять за короткое холодное лето. Нижние слои под давлением вышележащей толщи уплотнялись в монолитный лед. Обладая довольно высокой пластичностью, он расползался в стороны, занимая все новые пространства. И нужно было очень большое потепление, чтобы этот лед превратился в воду и освободил пространство для распространения жизни.

Размышления о былом оледенении вызывали аналогию с таким же мертвящим «оледенением» жизни общества под властью царизма и порожденной им бюрократической системой. Еще не представляя себе, как участвовать в борьбе за «размораживание общественной жизни, Кропоткин прежде всего занялся наукой. Правда, он уже стремился к тому, чтобы повернуть ее «лицом к народу», сделать ее достижения достоянием масС. Ему понравилась на съезде естествоиспытателей речь профессора Московского университета геолога Григория Щуровского «Об общедоступности, или популяризации естественных наук», его слова о том, что пропаганда достижений науки в народных массах становится «потребностью страны».

Научный обозреватель

В 1867 году в приложении к «Московским ведомостям», в «Современной летописи» еще завершалась публикация его писем из Восточной Сибири, в «Записках Сибирского отдела РГО» был опубликован отчет «Поездка в Окинский караул»; в «Записках для чтения» - «путешествие по Лене»; в иркутской газете «Сибирский вестник» - письма с Витима, с устья Муи и Тихоно-Задонского прииска; в немецком журнале «Peterman's Mitteilungen», издававшемся географом Августом Петерманом, - информационная статья об Олекминско-Витимской экспедиции. Краткий отчет об этой экспедиции появился в «Известиях РГО», в 1869 году. Это была работа по сибирской теме. Но параллельно с ней возникают и новые направления.

Воодушевившись идеей Щуровского, Кропоткин договорился с редакцией «Санкт-Петербургских ведомостей» о публикации в этой достаточно обстоятельной и вместе с тем популярной газете, серии статей под рубрикой «Естествознание». Обзор новейших научных идей был в те годы в значительной степени новым для газеты жанром. В начале 1868 года Кропоткин опубликовал первый такой научный обзор. Он был посвящен успехам в области применения спектрального анализа, новым данным о химическом составе и строении звезд и туманностей. Вторая статья, появившаяся 5 марта, называлась «Влияние вырубки леса на климат страны»

В ней он говорит о том, что в России недопустима стихийная, неограниченная, бездумная вырубка лесов. Ведь «близость леса» оказывает смягчающее влияние на климат: в лесу суточные колебания температуры не так велики, зимы - теплее, летняя жара умереннее, и вообще лесной климат приближается к морскому. Лес притягивает влагу, накапливает ее, задерживает

таяние нега, способствует более равномерному его распределению во времени. Надо беречь леС. И его хозяйственное использование должно быть предельно осторожным.

Другие газетные статьи Кропоткина посвящены самым разным темам. Он пишет о добывании кислорода из воздуха, использовании его в фабричном производстве, об использовании диффузии газов и их поглощении металлами, об изобретении воздухоплавательных аппаратов. Первая его «ледниковая» статья появилась тоже в газете - в «Кронштадтском вестнике». В ней рассматривалось происхождение валунов на посещенном им эстонском острове Большой ТюттерС. Расширенный вариант статьи напечатан в Известиях ИРГО.

К концу 1869 года у молодого (ему 27 лет) ученого и журналиста составился солидный список публикаций - около 80 наименований. Причем три его статьи уже были напечатаны в Европе: в Германии, Италии и Англии. Все реже Кропоткин ходит на лекции в университет и, наконец, оставляет, его совсем, а затем уходит и со службы в Статистическом комитете. Постепенно он занимает подобающее ему место в сообществе русских географов.

В Императорском географическом

В конце 1844 года на обеде, который дал в честь возвратившегося из Сибири А. Ф. Миддендорфа писатель и этнограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль, собрались знатоки России - исследователи природы, языка, народных обычаев. Тогда в доме В. И. Даля родилась идея создания в России географического общества. Конечно, без августейшей поддержки в этом деле было не обойтись, посему покровителем общества просили стать великого князя Константина Николаевича, брата будущего царя Александра II, считавшегося лидером либеральной партии при дворе.

Следующая встреча инициаторов состоялась в его кабинете. В ней приняли участие виднейшие ученые - арктический и кругосветный мореплаватель Федор Литке, геолог Карл Бэр, астроном Владимир Кеппен, писатели В. И. Даль и В. И. Одоевский, геолог П. А. Чихачев, астроном и геодезист В. Я. Струве, географ и статистик К. И. Арсеньев, - всего семнадцать человек. К началу мая следующего года учредители Общества согласовали уста, который был представлен министру внутренних дел для доклада императору. Он был «высочайше утвержден» 6 августа 1845 года, а вместе с тем Обществу

«пожалована» субсидия в 10 тысяч рублей, а также определен председатель нового императорского общества - великий князь Константин. В сентябре состоялось первое заседание, а котором был избран вице-президент - адмирал Федор Литке и управляющие отделений: по общей географии - Фердинанд Врангель, по географии России - Василий Струве, по этнографии - Карл Бэр, по статистике - Владимир Кеппен и 53 действительных члена. В ноябре 1846 года на первом годичном собрании учреждены были награды Общества - Константиновская, или Большая золотая медаль, Малая золотая, серебряная и бронзовая медали.

Так начиналась деятельность Императорского Русского географического общества (ИРГО) с которым Петр Кропоткин на несколько лет связал свою судьбу. Географические экспедиции того времени были первопроходческими: они проникали в районы России, ранее учеными не посещавшиеся. Первая среди них, во главе с горным инженером Э. К. Гофманом (он сопровождал А. Гумбольдта в его поездке по Уралу) исследовала пространство на севере Урала, между реками Обь и Печора, Северным Ледовитым океаном и Пермской губернией. А затем академические экспедиции: сибирская - Л. Шварца и Ф. Шмидта; чукотская - барона Г. Е. Майделя; и «серия» среднеазиатских: П. П. Семенова - на Тянь-Шань, Н. А. Северцова - на Тянь-Шань и Памир; В. Я. Струве и Г. И. Потанина - на Алтай.

Имя Кропоткина впервые появилось на страницах «Известий РГО» в 1865 году, когда этот главный географический журнал сообщил о поступлении в библиотеку Общества отчета с пятью листами карт об исследовании князем Кропоткиным в Китае горного хребта Б. Хинган.

В этом же журнале напечтано сообщение о том, чтона заседании Сибирского отдела РГО князь Петр Кропоткин прочитал отчет «О поездке из Цурухайтуя через Мерген в Благовещенск».

Кропоткин, ставший членом-сотрудником Сибирского отдела РГО и избранный в состав его Распорядительного комитета, еще ни разу не присутствовал на собраниях Общества в Петербурге. Не был он и на годичном общем собрании 19 января 1866 года, когда было объявлено о присуждении ему Малой золотой медали за его маньчжурскую экспедицию. Высшей награды Общества - Константиновской медали - был удостоин создатель первой геологической карты Европейской России академик Г. П. Гельмерсен, а серебряной - участник Сунгарийской экспедиции Арсений Усольцев. Действительным членом Географического общества на том же заседании был избран сверстник Кропоткина

А. И. Воейков.

Они начали свой путь в науке почти одновременно. Воейков закончил университет в Петербурге, потом много лет учился за границей, объездил все страны мира и создал описание земных климатов, ставшее классическим. Ученый с мировым именем, он оставался в рамках одной науки - географии. В те годы, о которых идет речь, многие ожидали, что Воейков и Кропоткин пойдут рядом, параллельно друг другу, образуя две вершины русской географической науки равной величины. Но судьбы их сложились по-разному.

А пока представим себе небольшой зал Географического общества в Петербурге, где 13 декабря 1867 года собрались исследователи земель российских и где слово для доклада об Олекминско-Витимской экспедиции было впервые представлено князю Кропоткину. Итак, пересечена обширная горная страна, прорезанная реками. Открыты и названы одно нагорье и два отчетливо выраженных в рельефе хребта. Доказано, что не существует гигантский Становой хребет. Водораздел между двумя океанами - Тихим и Северным Ледовитым - выглядит совсем не так, как его представляли прежде. Построены карты Олекмо-Витимской горной страны, вызвавшие особый интерес в связи с критикой карт, составленных Александром Гумбольдтом. Использовав старинные китайские источники, Гумбольдт умозрительно начертал в Восточной Сибири хребты, идущие в широтном направлении, пересекаемые меридиально направленными хребтами. Получилась своеобразная клетка, геометрически правильная, но, как установил Кропоткин, не отвечающая тому, что существует в реальности. Всего-то три тысячи верст он прошел по нагорью Восточной Сибири, а представил себе строение грандиозной горной страны, как будто увидел ее с самолета или из космоса. Удивительную интуицию продемонстрировал Кропоткин - его схема расположения гор Сибири оказалась в основных чертах верной, что установили многочисленные экспедиции, работавшие в этих труднодоступных местах через двадцать, тридцать, пятьдесят лет после Кропоткина.

«Чтение князя Кропоткина возбудило в собрании самый живой интерес и было покрыто продолжительными рукоплесканиями», - так записали в протоколе заседания.

Потом Кропоткин еще не раз выступал в столичном зале РГО, рассказывая о проведенных им барометрических измерениях, которые помогли определить высоты гор и долин, о следах древнего оледенения в Сибири, происхождении речных долин, о климатических особенностях района Витимских золотых

приисков… Подлинный фейерверк идей порожден, был экспедицией. Многие из них будут высказаны позже, спустя десятилетия.

В 1873 году в Петербурге вышла в свет подробная монография объемом более 900 страниц - «Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции…» В этот отчет включен очерк Ивана Полякова о географическом распространении животных в сибирской тайге, с перечислением обнаруженных им новых видов, а их несколько десятков. Этот молодой человек, иркутский учитель, с которым делил Кропоткин тяготы таежного похода, тоже был в зале, когда докладывался отчет об экспедиции. Кропоткин помог ему перебраться из Иркутска в столицу, снабдив деньгами, а также подготовиться к поступлению в Петербургский университет. Устроил его жить на своей квартире, всячески поддерживал в учебе, говорил о нем, как о «будущей славе русской науки». И Поляков, действительно стал незаурядным ученым-зоологом. Правда, век его оказался коротким - умер он сорока лет от роду. На своем жизненном пути он еще не раз встретится с Кропоткиным, и мы о нем вспомним.

В Географическом обществе того периода, который в историю вошел под названием «семеновского», сотрудничали замечательные люди, прославившиеся своими путешествиями и научными обобщениями. Работа рядом с ними и вместе с ними была чрезвычайно полезна для Кропоткина. Он отметил это в своих мемуарах и дал краткие характеристики некоторым из них.

Николай Алексеевич Северцов: «Он был выдающийся зоолог, талантливый географ и один из самых умных людей, которых я когда-либо встречал». Сенсационное возвращение из Средней Азии Николая Северцова, попавшего в плен к воинственным кокандцам, совпало с приездом в Петербург после неудачного амурского сплава. Бесконечно увлеченный наукой, Северцов поразил тогда всех своим бесстрашием перед лицом опасности, взятый в плен враждебными дикарями. На петербургское общество его искренние рассказы произвели большое впечатление, и Северцов на какое-то время оказался в центре общественного внимания, как несколько лет назад - Семенов, как Гумбольдт, посетивший Россию в 1829 году.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай, изучавший жизнь папуасов Новой Гвинеи: «…поставил себе правилом, которому неуклонно следовал, - быть всегда прямым с дикарями и никогда не обманывать даже в мелочах, даже для научных целей».

Алексей Павлович Федченко «сделал многочисленные зоологические наблюдения в Туркестане, вместе со своей женой Ольгой Федченко, тоже естествоиспытателем. Он с увлечением

трудился над разработкой своих наблюдений; но к несчастью погиб в Швейцарии во время восхождения на Монблан…».

В 60- х годах началось восхождение «звезды» Пржевальского, ставшего после серии первооткрывательских походов в Центральную Азию едва ли не самым знаменитым путешественником в мире. В те дни, когда Кропоткин возвращался из Сибири, Николай Михайлович Пржевальский отправился в первую свою экспедицию, в Уссурийский край. О Пржевальском Кропоткин писал так: *«В нем сошлись географ-исследователь, зоолог и охотник. Едва только он возвращался в Петербург, как уже начинал строить план новой экспедиции и бережливо копил для нее деньги… По крепкому здоровью и по способности выносить годами суровую жизнь горного охотника Пржевальский был идеальным путешественником»* 1.

1 АРГО? ф. 18, оп. 1, ед. хр. 313.

Сподвижник Пржевальского в одном из его путешествий по Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов говорил, что на привалах легендарный путешественник нередко вспоминал Кропоткина, в то время уже жившего за границей, как «одного из самых осведомленных людей в области географических познаний», а также он называл его «живым декабристом», сочувствуя, очевидно, его убеждениям.

Секретарь отделения

Заслуги Кропоткина перед российской географией были несомненны. Это признавали его коллеги. Уже в феврале 1868 года он единодушно был избран секретарем Отделения физической географии РГО, с перспективой перейти на место Семенова - председателя отделения, когда тот сменит главу Общества - стареющего Федора Петровича Литке, назначенного к тому же президентом Академии наук.

Как секретарь отделения, Кропоткин вел собрания, предоставляя слово ораторам, составлял протоколы. Сам он включался в обсуждения не так уж часто. За семь лет работы в РГО он выступил не более двадцати раз. Активность Кропоткина проявлялась больше в публикациях, участием в специальных комиссиях Общества, создавшихся по разным направлениям и проблемам.

Первая комиссия, в которую он вошел,- метеорологическая. Выступая на одном из заседаний по поводу сообщения Пржевальского о том, что причиной понижения уровня воды и отступания береговой линии, отмеченных им на озере Ханка на Дальнем Востоке, является вырубание лесов, он заметил, что не

только Ханка, но и все озера на востоке Азии постепенно высыхают, и это объясняется «общим климатическим характером переживаемого нами геологического периода». Так в 1869 году он впервые наметил одну из важнейших своих идей, развитых им затем в теорию «высыхания Евразии».

В комиссию «для выяснения нужд Амурского края» он был включен как знаток и проблем его населения. В комиссию по проведению нивелировки Сибири (определение высот земной поверхности по данным измерений давления воздуха барометром) - как один из первых исследователей, испытавших этот метод в сибирских экспедициях. Включили его ив комиссию по присуждению медалей РГО. Еще занимался он вопросами организации экспедиций Николая Северцова на Тянь-Шань и его сибирского друга Полякова - в Карелию, проектирования Кумо-Манычского канала на Северном Кавказе, который соединил бы бассейны Черного и Каспийского морей.

Когда отмечалось 25-летие РГО, Кропоткин выдвинул ряд предложений. Он высказался за создание обобщающего труда «Землеведение России», а наряду с ним - книг по образованию и самообразованию в области географии, в том числе предназначенных для «распространения географических сведений в кругу рабочих людей». Он предложил установить премии за труды по географии России, за учебники и лучшие географические очерки для народных школ.

На основе этих предложений Географическое общество приняло решение о том, чтобы содействовать появлению «обширного систематического труда, который представлял бы полное географическое описание России, европейской и азиатской, в отношении физико-географическом, этнографическом и статистическом».

В качестве автора такого труда мог бы быть сам Кропоткин. Он думал об этом и несомненно осуществил бы, если бы оставался в Географическом обществе.

« *Через мои руки, - писал он,- проходили всевозможные материалы относительно географии России. У меня начала складываться мысль написать пространную физическую географию этой громадной части света, уделяя при этом видное место экономическим явлениям. Я намеревался дать полное географическое описание всей России… И я хотел очертить в этом описании различные формы хозяйственной жизни, которые должны господствовать в различных физических областях»* .

Это был новаторский замысел, и возник впоследствии он, несомненно, под влиянием работ французского географа Элизе Реклю, который стане его ближайшим другом. На книгу Реклю

«Земля и люди», вышедшую в Петербурге в 1872 году, Кропоткин опубликовал рецензию в сборнике «Знание».

А спустя тридцать лет появился выдающийся 19-титомный труд П. П. Семенова-Тан-Шанского (при участии других географов) - «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». В какой-то мере именно кропоткинский проект был реализован в этих книгах. Географы упрекали Кропоткина в том, что он не сделал эту работу, отдав свой талант и время совсем другим занятиям. Но издание вышло и без него.

Ему же сердце подсказывало иной путь, традиционный для русских интеллигентов XX века, воспитанных на пушкинской жажде свободы и «милости к падшим». Ему понятен был и призыв Некрасова: «…гражданином быть обязан!»

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 141-143.

…У меня стали зарождаться географические обобщения, вскоре всецело захватившие меня. Путешествия по Сибири убедили меня, что горные цепи, как они значились тогда на картах, нанесены совершенно фантастически и не дают никакого представления о строении страны. Составители карт не подозревали тогда даже существования обширных плоскогорий, составляющих столь характерную черту Азии. Вместо них обозначали несколько больших горных кряжей. Так например, в чертежных… сочинили восточную часть Станового хребта в виде громадного червя, ползущего по карте на восток. Этого хребта в действительности не существует. Истоки рек, текущих с одной стороны в Ледовитый океан, а с другой - в Великий океан, переплетаются на том же плоскогорье и зарождаются в одних и тех же болотах. Но в воображении европейских топографов, самые высокие хребты должны находиться на главных водоразделах, и вследствие этого тут изображали высокие цепи гор, которых нет в действительности. Много таких несуществующих хребтов бороздило карту Северной Азии по всем направлениям.

Мое внимание теперь в продолжение нескольких лет было поглощено одним вопросом - открыть руководящие черты строения нагорной Азии и основные законы расположения ее хребтов и плоскогорий. Долгое время меня путали в моих изысканиях прежние карты, а еще больше - обобщения Александра Гумболдта, который после продолжительного изучения китайских источников покрыл Азию сетью хребтов,

идущих по меридианам и параллельным кругам. Но, наконец, я убедился, что даже смелые обобщения Гумбольдта не согласны с действительностью.

Я начал сначала чисто индуктивным путем. Собравши все барометрические наблюдения, сделанные прежними путешественниками, я на основании их вычислил сотни высот. Затем я нанес на большую карту Шварца все геологические и физические наблюдения путешественников, отмечая факты, а не гипотезы. На основании этого материала я попытался выяснить, какое расположение хребтов и плоскогорий наиболее согласуется с установленными фактами. Эта подготовительная работа заняла у меня боле двух лет. Затем последовали месяцы упорной мысли, чтобы разобраться в хаосе отдельных наблюдений. Наконец, все разом внезапно осветилось и стало ясно и понятно. Основные хребты Азии тянутся не с севера на юг и не с запада на восток, а с юго-запада на северо-восток… Одни только второстепенные хребты убегают на северо-запад. Далее, горы Азии отнюдь не ряды самостоятельных хребтов, как Альпы, но окаймляют громадное плоскогорье - бывший материк, который направлялся когда-то от Гималаев к Берингову проливу…

В человеческой жизни мало таких радостных моментов, которые могут сравниться с внезапным зарождением обобщения, освещающего ум после долгих и терпеливых изысканий. То, что в течение целого ряда лет казалось хаотическим, противоречивым и загадочным, сразу принимает определенную, гармоническую форму. Из дикого смешения фактов, из-за тумана догадок, опровергаемых, едва лишь они успеют зародиться, возникает величественная картина, подобно альпийской цепи, выступающей во всем своем великолепии из-за скрывавших ее облаков и сверкающей на солнце во всей простоте и многообразии, во всем величии и красоте. А когда обобщение подвергается проверке, применяя его ко множеству отдельных фактов, казавшихся до того безнадежно противоречивыми, каждый из них сразу занимает свое положение и только усиливает впечатление, производимое общей картиной. Одни факты оттеняют некоторые характерные четы, другие раскрывают неожиданные подробности, полные глубокого значения. Обобщение крепнет и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонт, глаз открывает очертание новых и еще более широких обобщений.

II. Радость открытия

Отчет- монография

В 1873 году вышел третий том Записок РГО по общей географии. Все его содержание - отчет Кропоткина и И. Полякова об Олекминско-Витимской экспедиции 1866 года.

Просто «отчетом» названа эта книга, несомненно, оригинальная по форме и богатая по научном содержанию. В ней 10 глав, статья Фердинанда Мюллера «О климате Вознесенского прииска» с комментарием П. А. Кропоткина под названием «Еще несколько слов о климате Вознесенского прииска», таблица результатов метеорологических наблюдений, проводившихся Кропоткиным во время экспедиции с 23 мая по 17 сентября 1866 года. В Приложении - сборник высот, определенных барометрическим способом в Восточной Сибири, с обширным «Введением», две карты, два разреза-профиля, пятнадцать рисунков. В том же томе напечатана статья И. С. Полякова «Географическое распространение животных в юго-восточной части Ленского бассейна», к которому приложен список обнаруженных им видов зверей и птиц. Общий объем книги 906 страниц.

После введения на 96 страницах и оглавления следует хронологический очерк маршрута. Он предваряется исторической справкой, в которой изложены основные моменты истории поисков скотопрогонной тропы с приисков на юг. Ежегодно по тайге с целью разведки месторождений золота бродило множество партий, но от них не поступало никакой информации, которая была бы полезна для познания края. И Кропоткин, «пользуясь случаем», в предисловии обращается «ко всем золотопромышленникам Восточной Сибири» с просьбой о том, «чтобы в каждой партии постоянно, ежедневно записывалось, по какой речке шли в течение дня, куда сходятся ее вершины нет ли там перевала куда-нибудь; если есть, то удобен ли он и т. д.»1.

1 Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции, С. 17.

Если бы мы имели поболее подобных маршрутов, то наши карты давно были бы приблизительно похожим изображением страны.

Образные, художественные картины природы, вкрапленные в отчет, помогают более глубокому пониманию описываемого. Приведем несколько примеров: «Постоянно забираясь все в более и более дикую горную страну, мы спустились… по такому

глухому ущелью, где единственной дорогой нередко представлялось заваленное громадными глыбами русло буйного горного потока. Два дня мы тянулись по этому непроходимому ущелью и, наконец, 23 июля, к вечеру, вышли сразу на обширную равнину, расстилавшуюся в широкой продольной долине Муи. Роскошь этой долины поражала нас после сумрачных сцен горной страны…

Окружающие нас горы донельзя однообразны,- это гольцы с округленными вершинами, покрытые осыпями, на которых изредка выступают пятна желтых ягелей и редкие особи лиственниц и елей. Вообще вся эта местность, весь этот перевал через Северо-Муйский хребет в высшей степени неудобопроходим. Когда тунгусы на Муе спросили меня, какою же падью поднялись мы на хребет, и я рассказал им, какою именно, то удивлению их не было конца. «Мы тут и на оленях теперь не ходим», - сказал мне один старик… 22 июля, идя вверх по ручью, перебираясь через мшистые болотистые покровы, которыми одета каменистая осыпь, мы в полутора верстах от ночлега дошли до довольно большого озера, где этот ручей берет начало. Озеро обставлено с боков высокими горами, так круто размытыми дождями и тающим снегом, что на склонах их едва держатся лишь крупные обломки слюдистых сланцев и гнейсов…»2.

2 Отчет, С. 54.

Всего пересечено пять хребтов, пройдено по долинам около 60 речек и ручьев, 13 перевалов. И каждое урочище нашло отражение в тексте книги, каждая речка, каждый подъем и каждый спуск… Объяснены некоторые из местных терминов и топнимов.

В книге присутствуют отступления, вроде бы не относящиеся непосредственно к ее теме, но, несомненно, интересные для читателя. Собственно, ведь все научные обобщения, сделанные Кропоткиным, не имеют прямого отношения к цели экспедиции - поиск скотопрогонного пути, - но без них отчет не приобрел бы значения научной работы.

Нельзя пройти мимо отступления об эвенках-проводниках. Кропоткин дает чрезвычайно высокую оценку роли в благополучном исходе экспедиции, которую сыграли ее проводники.

Специальные главы посвящены географическим и геологическим исследованиям долины Лены, Патомского нагорья и Лено-Витимского водораздела. В них сосредоточены главные научные результаты экспедиции.

Личное наблюдение геологического строения берегов Лены

позволило разобраться в противоречивых взглядах. Кропоткин возражает Миддендорфу, принимает точку зрения Эрмана и Меглицкого, высказанную в 1851 году, рассматривает как почти неоспоримо доказанное, что известняки, выступающие в долине Лены между Киренском и Олекминском, «древнее красного песчаника, лежащего горизонтальными слоями между Качугом и Киренском». Особый интерес проявляет Кропоткин к новейшим отложениям в долине Лены, на которые по его мнению, до сих пор слишком мало обращали внимания. А между тем это толщи мощностью до 30 м и более. Знакомство с тремя обнажениями иловатой глины убедило в том, что это лес, похожий на известный рейнский и гималайский. Он пишет, что изучение этих отложений могло бы прояснить вопрос о ледниковом периоде в Сибири.

Этой теме, которая становится главной во всех его географических работах, Кропоткин посвящает седьмую главу книги, названную «Распространялись ли ледниковые явления на Сибирь?» Она начинается словами: «Важность вопроса, поставленного вначале этой книги, кажется нечего и доказывать… Мы до тех пор не будем в состоянии правильно понимать явления, в настоящее время представляемые орографиею, флорою и фауною Сибири, пока не вырешим вопроса о том, принимали ли ледники и плавающие льды какое-либо участие в том, чтобы придать Сибири ее настоящую физиономию, или нет. Пока не будем знать, какие изменения претерпевал климат Азии и Сибири в таком сравнительно близком от нас пошедшем, как постплиоценовый ледниковый период»1.

1 Отчет, С. 220.

Вопрос о былом оледенении Кропоткин связывает с проблемой климата и палеогеографии (физической истории) не только Азии, но и всей планеты. Он сетует на полное отсутствие данных о распространении ледниковых следов в Сибири. Их получено уже немало в Альпах, в полярных странах и даже в Тянь-Шане (автор упоминает замечательного географа и зоолога Н. А. Северцова, но «Сибирь доныне остается особняком». Ответа на вопрос не дал даже такой исследователь, как А. Ф. Миддендорф, склонявшийся больше к отрицательному взгляду на существование в прошлом сибирского оледенения. Кропоткин считает, что полностью отрицать древнее оледенение Сибири нельзя. Тогда следовало бы ответить на вопрос, почему его не было. То ли климат был более теплым, чем в соседних с Сибирью странах, то ли более сухим. Нужны факты.

Кропоткин из обнаружил: «…убежденный, что Сибирь не представляет следов ледникового периода, я мало-помалу должен

был отступить перед очевидностью фактов и прийти к противоположному убеждению - тому, что ледниковые явления распространялись и на Восточную Сибирь, по крайней мере, на северо-восточную ее часть»1.

1 Отчет, С. 223.

Кропоткин описывает встреченные им на Патомском и Витимском плоскогорьях отполированные и изборожденные скалы и эрратические (блуждающие) валуны, явно принесенные издалека «со стороны», распространения ледникового периода на Сибирь». Эти доказательства встречены были еще раньше в Саянах, на реке Оке, а потом на Патомском нагорье. Убедительно на нескольких страницах он обосновывает свой вывод о ледниковом, а не речном их происхождении.

Кропоткин описывает и морены, оговариваясь, что он прежде с такого типа несложностыми отложениями знаком не был, поэтому твердо не решается их назвать, но среди приводимых им самим описаний, он уверен, окажутся и несомненные морены, остающиеся только отступившими ледниками. Затем автор переходит к «второстепенным доказательствам ледниковой гипотезы». Ими он считает обилие ныне высыхающих озер среди горных хребтов и на плоских возвышенностях, они - «наследники» ледникового периода, так же, как и лесс, ледниковую гипотезу происхождения которого Петр Алексеевич одним из первых отстаивал.

Изучены факты, приводимые против ледниковой гипотезы. Их неосновательность показана на многих примерах.

Глава о ледниковых явлениях выглядит как отступление - она вклинилась в хронологическую ткань книги.

Описан резкий переход от патомского нагорья (так Кропоткин назвал горную страну альпийского типа, пересеченную на пути к приискам) к более мягким, сглаженным формам рельефа. С вступлением в долину реки Ныгри «собственного горы, пики исчезают, и те возвышенности, которые составляют стены пади у Тихоно-Задонского прииска, уже не заслуживают названия гор». Причина этой перемены - в изменении характера горных пород: здесь преобладают глинистые сланцы, хотя и сольно метаморфизованные.

Но за рекой Вачей возникла новая гряда гор - системы Ленско-Витимского водораздела. Высшая точка этого хребта, представлявшего собой «группу гольцов, располагающихся преимущественно в линейном направлении», на которую Кропоткин поднялся, называлась Веткин голец (теперь это голец Короленко), а открытый им в 1866 г. хребет был нанесен на карту побывавшим здесь В. А. Обручевым (спустя почти тридцать лет)

как хребет Кропоткина.

Петр Алексеевич пишет об интересных экологических наблюдениях, сделанных в горах Восточной Сибири. Так, поднимаясь на вершину гольца, покрытую «лишь обломками остроребрых плит кремнистого сланца»к, он заметил, что лиственные леса по мере подъема исчезают, но их место не занимают, как обычно, заросли кедрового стланика, он заменяется до некоторой высоты низкорослым березняком.

Таких размышлений о всеобщей зависимости и взаимосвязи всех элементов природы немало в тексте отчета.

В последней, десятой главе Кропоткин определяет горную область к юго-востоку от патомского нагорья, как Олекминско-Витимскую горную страну, «одно, орографически неразрывное целое». За долиной Муи она переходит в плоскогорье.

В этой главе он считает необходимым остановиться на проблеме деления нагорий на горные страны и плоскогорья. Против такой классификации выступил, в частности, один из выдающихся географов М. И. Венюков. В довольно пространном теоретическом отступлении Кропоткин объясняет свое понимание типа плоскогорья.

Горная страна - это быстрая смена высоких гребней и глубоких долин и ущелий, их разделяющих, значительные амплитуды высот на малых расстояниях. У плоскогорья нет контрастов, рельеф однообразен. Эти две крайние категории дают «некоторую меру для определения степени приближения каждой данной местности к одному из двух крайних типов. Кропоткин впервые указал на существование огромной системы плоскогорий нагорной Азии, дал общую картину этой горной страны, верно обрисовав и многие ее детали. Впоследствии, в 1890 году, в этом районе работал В. А. Обручев. Книга П. А. Кропоткина стала основой для его исследований. Он неоднократно подчеркивал высокую ее научную ценность, и в знак признания его заслуг назвал хребет за долиной Ныгри именем Кропоткина. Большое значение придавал Обручев открытию Кропоткиным древнего оледенения в Сибири и поддержал его выводы.

Как приложение к отчету помещен «Сборник высот, определенных барометрически в Восточной Сибири». Это - итог огромной работы, проведенной Кропоткиным в целях получения материала для орографических построений.

В список барометрических высот, определяемых по разности показаний барометра, зависящих от высоты, вошло более 800 точек. Свыше 300 из них вычислены самим автором на основе его собственных данных.

Это предисловие к Сборнику настолько капитально, что его

вместе с последними можно было бы назвать «книгой в книге, в которой происходит как бы прорыв из пространства экспедиции в огромный регион Восточной Сибири, и не только в него - в пространство всего северного полушария, поскольку в таблицу включены барометрические высоты многих пунктов в Европе, Азии и Северной Америке. Такой глобальный разворот темы характерен и для других работ Кропоткина, но впервые, пожалуй, он продемонстрирован в «Отчете об Олекмиснко-Втимской экспедиции», напечатанном в петербурской типографии на Васильевском острове в 1873 году.

Итог работы - карта.

Важнейшим делом считал Кропоткин составление карты Олекминско-Витимского края. Он убедился, что карта Сибирской академической экспедиции очень неполна и неточна. Помимо данных глазомерной съемки Машинского при работе над картой Кропоткин использовал материалы маршрутов геодезиста Жарова (1862); топографа Нахвалина (1865); расспросные карточки, собранные Рухловым и самим Кропоткиным при встречах с местными жителями. Он даже принялся изучать эвенкийский язык - во всяком случае, составил словарь; который имел около двухсот слов.

Карта закончена в начале апреля 1867 года перед самым отъездом Кропоткина из Иркутска.

План полярной экспедиции

1871 год. Его ознаменовали трагические события во Франции. Начались они еще в прошлом году, осенью. Поражение Франции в войне с Пруссией привело к краху империи Наполеона III. В сентябре 1870 года Франция стала снова республикой. Но ее возглавило капитулянтское правительство, заключившее мир на унизительных условиях. Дважды народ Парижа восставал, но бунт подавлялся, и лишь 18 марта, когда к городу приближались немцы, над ратушей Парижа было поднято красное знамя. Оно развевалось 72 дня.

Парижу не привыкать к революциям. Но эта была особая: в огромном по тем временем столичном городе сломана бюрократическая машина буржуазного государства и впервые проведен эксперимент самоуправления. Постоянная армия заменена вооруженным народом, создан, рабочий контроль над производством, приняты меры по улучшению материального положения людей труда.

Обо всех этих событиях писали русские газеты и журналы, но непременно называя коммунаров разбойниками, узурпаторами

власти. Сочувствие выпадало только на долю версальцев, громивших Коммуну. Русское общество хотело знать правду о парижских событиях. Тогда-то Кропоткин и начал думать о поездке в Швейцарию, куда эмигрировали коммунары Парижа и где жил Михаил Бакунин.

Однако в это время Географическое общество приступило к обсуждению вопроса об организации исследований в Арктике. С предложениями выступили сибирский золотопромышленник М. К. Сидоров и климатолог А. И. Воейков.

Предложение Сидорова было, естественно, практическим: изучить возможности торгового плавания к устью Печоры и дальше на восток. Воейков говорил о научной экспедиции. Отделение физической географии поручило своему секретарю Петру Кропоткину обобщить все, что известно по этому вопросу. Когда определились размеры экспедиции, выяснилось, что Географическое общество средств на нее не имеет, но может составить проект для привлечения частных и правительственных капиталов. Составление проекта оно предложило поручить Кропоткину с участием других авторов. Срок был назначен довольно жесткий. Не все его соавторы, а это были члены комиссии: А. И. Воейков, Ф. Б. Шмидт, И. И. Шиллинг и др.- вовремя предоставили свои материалы. Проект написан был в основном одним Кропоткиным: *«Я засел за работу и просидел над нею, выходя только обедать, две с половиной недели… Мой доклад был готов к сроку и содержал программу предстоящих ученых работ…»* 1

1 Записки, С. 146.

23 февраля 1871 года на Объединенном заседании отделений географии, математической и физической, после краткого вступительного слова вице-президента Общества П. П. Семенова началось чтение Записки «Экспедиция для исследования русских северных морей».

Основная проблема полярных исследований - изучение Северного Ледовитого океана, омывающего берега России на протяжении 170 градусов долготы: «Как океан, так и разбросанные среди него открытые до сих пор острова остаются большею частью совершенно неизвестными. Здесь далеко не сделаны даже самые первые шаги в познании нашей планеты, именно разграничение суши от моря, хотя бы в общих чертах… Пространство, лежащее к северу от линии, проведенной через северную оконечность Новой Земли, Новосибирские острова и южные берега Врангелевой Земли… остается нам также неизвестным, как и скрытая от нас поверхность Луны, во всяком случае, менее, чем поверхности ближайших к нам планет…

Только берега этого обширного пространства сколько-нибудь известны нам».

Значение исследования Ледовитого океана в том, что «оно затрагивает такие обширные и разнообразные вопросы из наиболее важных для общества склада мышления отраслей человеческого знания и такие важные отрасли народного богатства, какие едва ли может затрагивать изучение какой-либо другой местности земного шара»2.

2 Доклад комиссии по снаряжению экспедиции в русские северные моря, составленный П. А. Кропоткиным. Изв. РГО, 1871, т. 7, N 3, С. 30-31.

Заседание затянулось до позднего вечера. Поэтому постановили продолжить его на следующем собрании.

В пятницу 26 февраля собралось желающих послушать доклад еще больше, чем в первый день. Теперь уже известны основные его моменты - они обсуждались в научных кругах. Особенно всех заинтересовало уверенное предположение о возможности обнаружения в Северном Ледовитом океане новых земель. Одна из них - «Земля Джиллиса», большой остров к северу от Шпицбергена, «белеющий вдали, как волшебные замки северной саги». Другая - еще никем не виденная земля к северо-востоку от Новой Земли.

«Эта экспедиция могла бы, - говорил Кропоткин, - сделать также попытку добраться до большой неизвестной земли, которая должна находится в далеком расстоянии от Новой Земли. Возможное существование такого архипелага указал в своем превосходном, но малоизвестном докладе о течениях в Ледовитом океане русский флотский офицер барон Шиллинг. Когда я прочила этот доклад, а также о путешествии Литке на Новую Землю и познакомился с общими условиями этой части Ледовитого океана, то мне стало ясно, что к северу от Новой Земли действительно должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой, чем Шпицберген…» 1

1 Записки, С. 146.

Помимо этой задачи, экспедиция в полярные моря сможет, согласно проекту, сделать еще ряд важнейших исследований. Например, проверить теоретическое положение Ньютона о сжатии земного шара у полюсов, провести наблюдения над проявлениями земного магнетизма, прежде всего над полярными сияниями, над приливно-отливными явлениями, измерить глубины океана, проследить за распространением холодных и теплых течений, в особенности Гольфстрима. Предполагалось также изучение элементов климата приполярного района, в особенности температур воздуха, штормов на северных морях, оптических

явлений в атмосфере, условий образования морского льда, поиск полезных ископаемых (в первую очередь, каменного угля). Включено в программу было и исследование растительности и животного мира островов и морей, возможностей зверобойного промысла и условий плавания в Карском море.

Планировалась организация двух метеорологических станций на Новой Земле, наблюдения которых (это признается желательным) должны вестись параллельно с наблюдениями шведской экспедиции на Шпицбергене.

В качестве первой задачи была выдвинута точная гидрографическая опись берегов и в качестве важнейшего результата экспедиции - пробуждение интереса к Северу.

Арктические исследования, в частности «ознакомление» с Ледовитым океаном, составляют, говорил Кропоткин, «далеко не предмет простого любопытства. Один из этих вопросов, тесно соприкасается с самыми широкими космическими областями человеческого знания, другие находятся в тесной связи с той областью, где знанием обусловливается благосостояние значительных частей населения»…1

1 Доклад, С. 33-34.

«Прогресс человеческого общества» состоит «даже не столько в открытии естественных богатств… сколько - в том развитии его предприимчивости, в том увеличении запаса идей, расширение круга его представлений и миросозерцания, которые являются неизбежным последствием всякого нового географического открытия…»2

2 Там же, С. 34.

Основному предприятию должно было предшествовать плавание с целью проверки ледовых условий к западу и к востоку от Новой Земли. Группа мореплавателей «… должна будет стараться поникнуть возможно далее в восточном направлении, чтобы удостовериться в возможности как дальнейшего плавания на Восток, так и плавания к устьям сибирских рек»3.

3 Там же, С. 112.

Это была, по сути, мысль о северном морском пути, которую развивали впоследствии многие русские ученые и мореплаватели.

Большая комплексная экспедиция с разносторонней программой напоминала по своему размаху Великую Северную экспедицию 17333-1743 гг. и проект М. В. Ломоносова.

А по мнению Кропоткина, ознакомление с Ледовитым океаном - далеко не предмет простого любопытства. При первой мысли о северной экспедиции возникает длинный ряд научных вопросов, тем более важных, что на крайнем севере хранится ключ к решению некоторых из главных вопросов физики Земного

шара.

Сочетание высочайшей, глобальной цели с непосредственно практическими задачами должно отличать эту экспедицию, равной которой по замыслу в Арктике еще не было.

Работа экспедиции планировалась по этапам, начиная с 1871 года. Уже ближайшим летом можно было бы пройти в Карское море на одном из имеющихся судов, а тем временем приступить к строительству специального корабля.

Оценка проекту была дана самая высокая, получен одобрительный отзыв академика А. Ф. Миддендорфа, который отметил «обстоятельный и столь научный разбор вопроса о необходимости экспедиций в русские северные моря»1.

1 Изв. ИРГО. 1871, т. 7, N 3, С. 418-419.

Выводы комиссии, возглавлявшейся Кропоткиным, были отправлены великому князю Константину, тот переправил доклад в Морское министерство, где была создана своя комиссия для вынесения решения. И здесь на время все остановилось. Шел месяц за месяцем, а от комиссии не поступало никакой информации.

По финским и шведским озам

В ожидании решения судьбы полярной экспедиции Кропоткин съездил в Эстонию, где льды оставили следы, а потом предложил Географическому обществу проект поездки в Финляндию и Швецию для изучения имеющихся там в изобилии следов древнего оледенения. Это было необходимо, чтобы окончательно разобраться с ледниковым периодом, ибо, как сказал Кропоткин, выступая на заседании отделения, «ни один из геологических периодов не имеет, конечно, такого значения для физической географии, как ближайший к нам ледниковой и послеледниковой».

Ледниковые отложения на юге Скандинавии хорошо известны геологам. Ознакомление с ним с равнение их с тем, что он видел своими глазами в Сибири позволит сделать основательные заключения о распространении ледников прошлого на равнины Европы.

Предложение было принято обществом. Объемистая записка издана отдельно книгой над названием «Экспедиция в русские северные моря». А Кропоткин отправляется в Финляндию по следам растаявших ледников. Его приглашение участвовать хотя бы в начальном этапе экспедиции приняли маститые геологи - академики Ф.Б. Шмидт и Г. П. Гельмерсен, знакомые еще по Иркутску. В Выборге к ним присоединился местный геолог М. П.

Ребиндер, хорошо знающий геологию Финляндии. Все они признавали за ледниками способность продвигаться по долинам, увлекая с собой крупные валуны и шлифуя скалы, но все же считали, что распространение валунов не могло быть столь широким, да и трудно было ученым полностью отрешиться от приверженности к дрифтовой гипотезе, «освященной» авторитетами Чарльза Дарвина и крупнейшего в те времена геолога Лайеля.

Город Выборг совершенно естественно вписан в природу, так что прямо в его пределах можно познакомиться со всем арсеналом доказательств ледниковой гипотезы. Курчавые скалы сияют глянцем среди домов, штрихованные валуны расположились там же, а вместе с ними и остатки древних ледниковых морен. Вокруг всех этих созданий природы геологи ведут ученые споры.

Вот округленные гранитные холмы с начищенной до блеска поверхностью. Гельмерсен ссылается на высокий авторитет Леополда фон Буха:* тот описал подобные куполовидные образования, объяснив их действием воды и свойством гранита сбрасывать верхние слои, как скорлупу. Кропоткину это объяснения кажется искусственным: только движение большой массы льда, считает он, могло так обработать скалы. Следы этого движения - штриховка, царапины, направленные строго в ту сторону, откуда полез ледник. А как же вода? - возражает Гельмерсен. И спор продолжается у могучего водопада Иматра. Зрелище обрушивающихся с высоты тяжелых масс воды завораживает, создается впечатление чудовищной силы. Но результаты ее воздействий на гранитные скалы скажутся через многие тысячелетия, да и то только в том случае, если с потоком воды будут постоянно лететь камни, выполняющие роль тарана. Леднику же с его огромной массой достаточно проползти над скалой. Воздействие даже падающей воды несравнимо слабее, чем самого маленького ледника.

У Иматры Кропоткин расстается со своим спутником и отправляется в ГельсингфорС. Там в течение недели он знакомится с геологической литературой, минералогическими коллекциями в музеях, с научной жизнью Финляндии совершает экскурсии в окрестности финской столицы, где изборожденные и отшлифованные скалы встречаются буквально на каждом шагу.

Из Гельсингфорса - в Стокгольм, через шхеры Стокгольмского архипелага. *«Стокгольм - славный город, - писал Кропоткин брату, - чрезвычайно оживлен, не менее Петербурга, движение на улицах вплоть до поздней ночи, красивые постройки и т. п… Из ученых я нашел здесь… только Норденшельда*, молодого шпицбергенца и*

представителя радикальной партии в ригстаге. Славный парень».

А в письме Совету Географического общества Кропоткин выразил ему *«искреннюю признательность за величайшую любезность, с которой он ознакомил меня с коллекциями академического музея, с превосходными гренландскими метеоритами и т. д.»*

Адольф Эрик Норденшлельд был к тому времени уже достаточно известен, хотя и не совершил еще прославившего его плавания вдоль берегов Сибири на пароходе «Вега». Это было первое в истории прохождение Северным морским путем. С Норденшельдом связана одна история, о которой говорили и в Петербурге. Молодой геолог был приглашен в Гельсингфорский университете преподавателем физики и математики, блестяще защитил диссертацию. Но из-за неосторожных высказываний на политические темы был уволен генерал-губернатором Бергом и, вынужден покидая Финляндию, на пути в Швецию он пересек Ботнический залив по льду, на коньках. В Швеции, откуда он совершил четыре очень плодотворные в научном отношении поездки на Шпицберген, его избрали профессором Академии.

Когда Кропоткин встретился в Стокгольме в Норденшельдом, уже были опубликованы результаты его прошлогодней Гренландской экспедиции. Первым из ученых поднялся он на «спину» Гренландского ледникового щита. Тысячи километров безжизненной белизны растилились перед ним. Край вечного мороза, убивающего все живое. Наверное, именно так выглядела Северная Европа в ледниковый период. Разговор со столь выдающимся полярным исследователем для Кропоткина, несомненно, был полезен, тем более, что он сам собирался возглавить большую экспедицию в Арктику.

Они подробно обсудили перспективы полярных исследований, в частности, план прохождения северо-восточным ледовым путем в Тихий океан. Норденшельд с большим интересом слушал рассказы Кропоткина о Сибири, где с молодых лет сам мечтал побывать.

Разговор, впрочем, касался не только научных тем, о чем свидетельствует письмо Петра Кропоткина брату из шведского города Ночрепинга, куда он переехал из Стокгольма: *«Самый развитой и радикальный из попадавшихся мне - это Норденшельд, но знаешь, чье влияние на нем сильно заметно и о ком он вспоминает с большим увлечением: Бакунина (он был с ним лично знаком) и Герцена. Он же общительнее всех и любезнее, и натура более нараспашку - он много жил с русскими, хорошие друзья его молодости были русские, и теперь он с русскими часто встречается»* 1

1 Переписка, т. 2, С. 248.

Позже, когда Кропоткин оказался политическим эмигрантом, одно из первых писем он отправляет в Стокгольм Норденшельду.

После этой встречи Кропоткину легче стало представлять себе некогда покрывавший Скандинавию великий ледник. Обследуя различные формы земной поверхности, образованные исчезнувшими ледниками, Кропоткин проецировал ледниковый покров на современный рельеф.

Особое внимание привлекают искателя ледниковых следов линейно вытянутые (порой на несколько километров) гряды высотой до 100 метров и более, в происхождении которых никак не могли разобраться шведские геологи. Они, конечно, высказывали свои суждения насчет причин образования этих гряд, но не связывали их с древними ледниками, приписывая им морское происхождение.

Кропоткин же сразу обратил внимание на то, что озы следуют обычно линиям движения ледникового щита, сползавшего со Скандинавских гор. Это направление четко указывает ледниковая штриховка на валунах и скалах. Огромная ледяная масса текла, совершенно не считаясь с рельефом. Она пересекла широкую скандинавскую низину Мелар, а потом поднялась вверх - горы не могли ее остановить. Независимость от рельефа, заключил Кропоткин, характерна для больших ледников. Но они сами выступали творцами рельефа, оставляя за собой своеобразные формирования. Озы - наиболее интересные из послеледниковых форм рельефа.

Современные гляциологи установили, что линейные гряды ледник оставил там, где его пронзали подледные тоннели, пропиленные ручьями талых вод. Вода несла с собой песок и щебень, и все это постепенно заполняло тоннель. Когда лед исчез, остались озы.

Их Кропоткин впервые заметил еще в Финляндии, в «Свиных» горах - Пунгахарью. Но там он не смог найти ни одного разреза через гряду и увидеть ее внутренне строение.

Он обрадовался, узнав, что через крупнейший шведский оз - Упсальский, изучавшийся самим Лайелем, строится дорога. Оз протянулся близ старинного города Упсалы (из которого происходит, кстати, легендарный основатель кропоткинского рода, предводитель викингов Рюрик).

Изучив все разрезы Упсальского и других оз Швеции, Кропоткин пришел к выводу о внутриледниковом происхождении слагающей озы морены. Это было его открытие. Ни Лайель, ни Эрдман не смогли правильно понять природу Упсальского оза.

Из Упсалы Кропоткин возвратился на юго-запад Финляндии,

в город Турку. И только со стороны смог он наблюдать составленный из тысячи мелких островов Аландский архипелаг. У него создалось впечатление, что со дна моря вздымается своими вершинами потопленная горная страна. Так оно и было: после исчезновения чудовищного груза ледникового щита весь Скандинавский полуостров поднимается.

Следующий пункт маршрута - Таммерфорс (Тамере), где с озера Илеярви начинается озерная Финляндия. Обилие озер, вытянутых в одном направлении, наводит на мысль о том, что все они заполнили выпаханные ледником рытвины. Сопоставив направление берегов озер, моренных гряд и шрамов на валунах и скалах, он заключает, что все три явления вызваны одной причиной - наступлением огромного ледника. Весь комплекс Кропоткин предложил назвать «телескопическим изборождением», подчеркнув, что имеется в виду крупный масштаб природной работы.

Дальше он идет вдоль полотна строящейся железной дороги. Верста за верстой - мимо искусственно созданных обнажений горных пород. В холодный день 17 сентября на 79-й версте дороги он уезжает в Гельсингфорс, и на дрезине проезжает до 12-ой версты. У станции Харакалинна исследует скопление морских раковин, обнаруженное еще отцом Норденшельда.

Вывод таков: уровень Финского залива в послеледниковый период был выше на 19 метров.

Вернувшись в Финляндию, ученый с такой же кропотливостью исследует северную часть страны, целиком сложенную ледниковыми отложениями. Обилие озер в этом краю, не более как десять тысячелетий назад освободившиеся от ледникового груза, снова навело его на мысль об озерной периоде, меняющем ледниковый.

Из города Куопио он отправляет свое последнее, пятое, письмо в Географическое общество о проведенных исследованиях, которое как и предыдущие, зачитывают на заседании отделения физической географии. В письме Кропоткин обращает внимание своих коллег, еще сомневающихся в реальности ледникового периода, на чрезвычайное сходство ландшафтов Финляндии с восточно-сибирскими, несмотря на то, что в Сибири непосредственные следы былого присутствия ледников часто маскируются лесными зарослями.

«Сибирь слишком мало исследована, - писал Кропоткин, - чтобы можно было утверждать отсутствие морен, шрамы и полированные скалы… - слишком непрочные свидетельства, чтобы можно было строить что-нибудь, основываясь на их отсутствии». В Южной Финляндии он был поражен обилием

всевозможных ледниковых следов - «что ни шаг - то новое доказательство».

В Каяне он увидел некоторую аналогию Сибири: *«Кругом видны мохнатые ели с их бородатыми лишаями и мох в изобилии. Он застилает все, покрыты все камни подледниковых морен, изредка попадается в лесу большой валун, да и его легко не заметить из-за темной густой зелени елей».*

Но он обнаружил миллиарды валунов и груды ледникового щебня, когда в лесную чащу врезалось строительство дороги. *«… уничтожьте дорогу и дайте пройти нескольким тысячам лет… и вы получите геологически чисто сибирский ландшафт».*

Кропоткин решает вернуться В Гельсингофрорс, рассчитывая получить письмо - пора уже! - с информацией о том, состоится ли полярная экспедиция. Письмо получено: правительство отказалось предоставить средства на исследование полярных морей. Вместе с этим известием его ждала телеграмма о тяжелом, очевидно, предсмертном состоянии отца. Наутро он выехал в Россию. Геологическая экспедиция вдоль железной дороги до Петербурга осталась незавершенной.

Из окна вагона он внимательно вглядывался в холмы, озера, леса Финляндии. Величественная картина гигантского ледяного покрова вставала перед ним; ледяной панцирь медленно расползался в стороны, захватывая северные части Америки, Европы, Азии, уничтожая на своем пути все живое: жизнь отступала перед мертвящим дыханием льда. Но в это суровое время шло становление на Земле нового вида, гордо названного впоследствии Homo Sapiens - Человек Разумный. Стремление выжить в борьбе с неблагоприятными условиями формировал его разум. Спасаясь от холода, он научился пользоваться огнем и изобрел одежду. Прошли тысячелетия, и льды начали таять и отступать, освобождая земли, на которые возвращалась жизнь. Вернулся и человек, ставший уже не таким слабым и жалким перед грозными силами природы. Благодаря труду он научился им противостоять и даже извлекать для себя ползу из природных явлений.

Научные исследования позволили Кропоткину прикоснуться к истине, приблизиться к пониманию природы, ее истории и современной жизни, к пониманию того, что будет потом. Например, для него стало очевидным, что после ухода льдов земли, увлажненные ими, переживают озерный период, за которым следует период высыхания. Уже и сейчас видно, что озер становится меньше, уровень воды в них медленно понижается…

Да, ничто не сравнить с радостью научного открытия! Но имеет ли он право на эти радости для немногих счастливцев,

получивших возможность свободно заниматься наукой, не думая о куске хлеба насущного? Удел темного неграмотного народа - трудиться в поте лица своего на полях, дорогах, фабриках. Устранить чудовищную несправедливость, когда немногие живут за счет труда остальных, - вот над чем надо сейчас работать. Общество сковано льдом самовластья. Стоит растопить этот «лед», и раскроется невиданное разнообразие, красота, богатство, сила народа…

С такими мыслями возвращался Петр Плексеевич Кропоткин в Россию в октябре 1871 года. Он поспешил вернуться, потому что получил сообщение о смерти отца.

…Братья шли за катафалком по узким арбатским улицам, по Пречистенке, через Девичье поле - к кладбищу. А когда возвращались с похорон отца, говорили о будущем. Александр твердо решил уехать с семьей за границу. И Петр хотел бы последовать за ним, но только не навсегда, а чтобы просто узнать о новейших течениях в революционном движении Европы, об Интернационале, быть может, познакомиться с Бакуниным, образ которого захватил его воображение еще на пути в Восточную Сибирь, а потом возвратиться в Россию.

По завещанию отца Петр Кропоткин получил в собственность одно из трех его имений - Петровское в тамбовской губернии. Он съездил туда, познакомился с крестьянами, уже десять лет как «вольными», но воли еще и не видевшими. Экономическая несвобода опутала их не меньше, чем крепостная зависимость. На помещичьей земле работали арендаторы, и имение продолжало давать доход. Его можно было продать. Кропоткин решил сделать это, когда понадобятся деньги для дела, которому он посвятит жизнь.

А пока он продолжает работать в отделении физической географии Географического общества, ведет протоколы заседаний отделения. Однако публикации в «Известных РГО» и других изданиях появляются все реже. В 1869 году их было пятнадцать, а в 1870 и 1871 годах всего по две, если не считать доклад об экспедиции для исследования русских северных морей.

Иные мысли им владеют, к иной деятельности он готовится. Кропоткину уже известны многие представители его куга, молодые люди и девушки из состоятельных семей, которые уходят в революционную борьбу, грозящую тюрьмой и каторгой. Он чувствует, что это и его путь. Но если бы состоялась арктическая экспедиция, то, возможно, все сложилось бы иначе. Мечта об открытии сказочно красивой полярной земли владела его воображением. Да и вся полярная экспедиция была задумана им так, что хотя бы частичное ее выполнение значило бы много.

Работа в Арктике - единственное новое географическое предприятие, в котором он согласился бы участвовать, завершив обработку материалов по Сибири и Финляндии.

Но интересы Географического общества его высочайшими покровителями поворачивались к Средней Азии, где началось присоединение к России обширных новых территорий. Работать там означало сотрудничать с войсками, по сути, колониальными, то есть вернуться к военной службе с которой Кропоткин решил расстаться навсегда. Быть же чиновником от географии, заниматься организацией дел императорского общества - этому он не смог бы отдать себя надолго, о чем и написал в письме, содержавшем отказ от предложенной ему должности секретаря РГО.

Как и десять лет назад, в год окончания Пажеского корпуса, его поведение показалось странным - ведь будущего секретаря Общества при исключительно благожелательном к нему отношении П. П. Семенова прочили в руководители всего общества.

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 143-150.

… Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения. Он будет жаждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадает на долю немногим…

В то время в Географическом Обществе было большое оживление, наше отделение, а, следовательно, и секретарь его, были заинтересованы разными вопросами… Интерес к нашему северу был пробужден в Географическом Обществе из-за границы. В 1869-1871 годах смелые норвежские китобои совершенно неожиданно доказали, что плаванье в Карском море возможно. К великому нашему изумлению, мы узнали, что в «ледник, постоянно набитый льдом», как мы с уверенностью называли Карское море, вошли небольшие норвежские шхуны избороздили его по всем направлениям… смелые норвежские китобои, чувствующие себя среди льдов, как дома, дерзнули пробраться со своими небольшими экипажами и на своих небольших судах через пловучие льды, загромождающие вход в Карские ворота…

Открытия норвежцев пробудили интерес к арктическим исследованиям… тот энтузиазм к полярным путешествиям, который привел к открытию Норденшельдом северо-восточного

прохода, к исследованиям Пири в Северной Гренландии и к нансеновской экспедиции на «Фраме». Зашевелилось также и наше Географическое Общество. Назначена была комиссия, чтобы выработать план русской полярной экспедиции и наметьте научные работы, которые такая экспедиция могла бы выполнить. Я был избран секретарем этой комиссии… засел за работу и просидел над нею, выходя только обедать, две с половиной недели… Мой доклад был готов к сроку и содержал программу предстоящих ученых работ. Он заканчивался предложением большой полярной экспедиции, которая пробудила бы в России постоянный интереса к арктическим вопросам и к плаванию в северных морях, но в то же время мы рекомендовали разведочную экспедицию, которая направилась бы на норвежской шхуне под командой норвежского капитана на север или же на северо-восток от Новой Земли. Эта экспедиция могла бы, указывал я, сделать также попытку добраться до большой неизвестной земли… Этот архипелаг, как известно, был открыт два года спустя австрийской экспедицией и назван Землей Франца-Иосифа.

Доклад по поводу полярной экспедиции имел для меня совершенно неожиданные последствия. Я сразу попал в арктические авторитеты. Мне предложили стать во главе разведочной экспедиции, для которой будет специально нанята норвежская шхуна. Я заметил, конечно, что никогда не бывал в море; но мне возразили, что если сочетать опытность норвежца Карлсена или Иогансона с почином человека науки, то наверное можно получить очень ценные результаты. И я принял бы предложение, если бы министерство финансов не наложило на предприятие своего veto, ответив, что министр финансов не может ассигновать необходимых для экспедиции тридцати или сорока тысяч рублей. С того времени русские не принимали никакого участия в исследовании полярных морей. Земля, которую мы провидели сквозь полярную мглу, была открыта Пайером и Вейпрехтом, а архипелаг, который должен находиться на северо-восток от Новой Земли (я в этом убежден теперь еще больше, чем тогда), так еще не найден.

Вместо полярного путешествия, Географическое Общество предложило мне скромную экспедицию в Финляндию и Швецию для исследования ледниковых отложений, и это путешествие направило меня на совершенно новую дорогу.

Я много работал в то лето, объездил значительную часть Финляндии и переправился в Швецию, где изучал Упсальский «оз» и провел в Стокгольме несколько счастливых дней вместе с Норденшельдом. Уже тогда, в 1871 году, он сообщил мне свое намерение добраться до устьев сибирских рек, а не то и до

Берингова пролива, через Ледовитый океан. Возвратившись в Финляндию, я продолжал мои исследования до глубокой осени и собрал массу в высшей степени интересных наблюдений относительно оледенения края. Но во время этого путешествия я думал также очень много о социальных вопросах, и эти мысли имели решающее влияние на мое последующее развитие.

В Географическом Обществе через мои руки проходили всевозможные ценные материалы относительно географии России. Мало-помалу у меня начала складываться мысль написать пространную физическую географию этой громадной части света, уделяя при этом видное место экономическим явлениям. Я намеревался дать полное географическое описание всей России, основывая его на строении поверхности - орографии, характер которой я начинал себе уяснять после сделанной мною работы о строении Сибири. И я хотел очертить в этом описании различные формы хозяйственной жизни, которые должны господствовать в различных физических областях. Много вопросов, насущных для русского народа, можно было бы выяснить такою работою…

Но для такой работы нужна была масса времени и полная свобода, и я часто думал, как споро пошло бы дело, если бы меня выбрали со временем секретарем Географического Общества. И вот осенью 1871 года, когда я работал в Финляндии и медленно подвигался пешком к Финскому заливу вдоль строившейся железной дороги, высматривая, где появятся первые неоспоримые следы после-ледникового моря, я получил телеграмму от Географического Общества: «Совет просит вас принять должность секретаря Общества». В то же время выходивший в отставку секретарь барон Остен-Сакен убедительно просил меня не отказываться.

Мое желание, таким образом, осуществлялось. Но в эту пору другие мысли и другие стремления уже овладели мною и, серьезно обдумав мое решение, я телеграфировал в ответ: «Душевно благодарю, но должность принять не могу».

…Во время путешествия по Финляндии у меня был досуг. Когда я проезжал в финской одноколке по равнине, не представлявшей интереса для геолога, или когда переходил с молотком на плечах от одной баластной ямы к другой, я мог думать, и одна мысль все более и более властно захватывала меня гораздо сильнее геологии.

Я видел, какое громадное количество труда затрачивает финский крестьянин, чтобы расчистить поле и раздробить валуны, и думал: «Хорошо, я напишу физическую географию этой части России и укажу лучшие способы обработки земли…

Но что за польза толковать крестьянину об американских машинах, когда у него едва хватает хлеба, чтобы перебиться от одной жатвы до другой…»

Наука - великое дело. Я знал радости, доставляемые ею, и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья. И теперь, когда я всматривался в холмы и озера Финляндии, у меня зарождались новые, величественные обобщения. Я увидел, как в отдаленном прошлом, на заре человечества, в северных архипелагах, на Скандинавском полуострове и в Финляндии скоплялись льды. Они покрыли всю Северную Европу и медленно расползлись до ее центра. Жизнь тогда исчезла в этой части северного полушария и, жалкая, неверная, отступала все дальше и дальше на юг перед мертвящим дыханием громадных ледяных масс… Прошли многие тысячелетия, прежде чем началось таянье льдов, и наступил озерный период. Бесчисленные озера образовались тогда во впадинах; жалкая субполярная растительность начала робко показываться на безбрежных болотах, окружавших каждое озеро, и прошли еще тысячелетия, прежде чем началось крайне медленно высыхание болот, и растительность стала надвигаться с юга.

…Мне хотелось разработать теорию о ледниковом периоде, которая могла бы дать ключ для понимания современного распространения флоры и фауны и открыть новые горизонты для геологии и физической географии.

Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня - гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба?… У кого-нибудь кусок должен быть вырван изо рта, потому что совокупная производительность людей еще так низка.

Знание - могучая сила. Человек долен овладеть им. Но мы и теперь уже знаем много. Что если бы это знание, только это, стало достоянием всех? Разве сама наука тогда не подвинулась бы быстро вперед… Грандиозность этого движения вперед мы даже теперь уже можем предвидеть.

Массы хотят знать. Они хотя учиться; они могут учиться. Вон там, на гребне громадной морены, тянущейся между озерами, как будто бы великаны насыпали ее поспешно, чтобы соединить два берега, стоит финский крестьянин, он погружен в созерцание расстилающихся передним прекрасных вод, усеянных островами. Ни один из этих крестьян как бы забит и беден он ни был, не проедет мимо этого места, не остановившись, не залюбовавшись. Или вон там на берегу озера стоит другой крестьянин и поет что-то до того прекрасное, что лучший музыкант позавидовал бы чувству и выразительности его мелодии. Оба чувствуют, оба созерцают, оба думают. Они готовы расширить свое знание,

только дайте его им. Только предоставьте им средства завоевать себе досуг…

Из переписки

П. А. Кропоткин - Ф. Р. Остен-Сакену

Гельсингфорс, 6/18 сентября 1871 г.

Глубокоуважаемый Федор Романович.

Я только что получил вашу телеграмму. Телеграфировать поздно - подымут вас ночью, следовательно - до завтра.

Я положительно отказываюсь от секретарства - по той же причине, что и вы, не хочу обрекать себя на дрязги и побегушки. Всякое общественное дело, даже социальная революция, конечно, сопряжено с дрязгами; но у нас они должны быть иного характера. Я не знаю, что побуждает вас так спешно отказываться, но полагаю, что не количество работы, как я сперва думал, - верно, вышла какая-нибудь неприятность; а что неприятность вызвана не вами, а неуменьем наших сановитых председателей, или кого бы то ни было, действовать как подобает людям, в этом я тоже уверен. Если вы, с вашим милым характером, должны были дойти до разрыва, то я, верно, дошел бы еще скорее; а на год браться за дело не стоит.

Впрочем, вообще говоря, оставляя в сторон частные случаи, я не гожусь для полуправительственного ученого общества. Тут все - экспедиции, денежные средства и т.п. - держится на «такте». У меня его мало, а больше я не хотел бы приобретать.

Нечего и говорить, что должность секретаря большого учебного общества - прекрасная должность, что здесь можно быть полезным географии, если не народу… А потому быть ученым секретарем такого общества я считал бы для себя не только приятным, но даже лестным. Наконец, обеспеченное, постоянное жалованье есть для меня очень много; я знаю, что я вернусь теперь с 10 пенни и, кроме долгов обществу и кучи работы по финляндской поездке еще остатков по витимской экспедиции, кроме этого - ничего впереди. Все это я очень хорошо прочувствовал, но независимость дороже хотя бы здоровья, а должность секретаря нашего Общества, без тысячи мелких случаев, где надо жертвовать своею независимостью, чувством равенства и т. п. - без этого она не может обойтись. В *этом* случае, мне кажется, игра не стоит свеч.

В вашей телеграмме есть одна фраза, которая заставила меня задуматься, - именно, что вас надо выручить из затруднительного положения. Вот Вам моя рука, что ради этого я готов сделать что необходимо. Если вы окончательно сожгли корабли, то мой отказ

вас не удержит. Если нет никого, кому сдать документы сегодня, то, вероятно, его не будет через месяц, два, три. Если же приищется кандидат, отсутствующий в настоящее время, который вернется через один или два месяца, а вам тошно оставаться секретарем и этот месяц, то я готов нести какую хотите обязанность, на определенный срок, до приезда такого-то. В случае, если бы я ошибался и у вас не вышло никакого разрыва, а Вас утомила масса работы, то я готов быть вашим помощником за 300-400 руб. Но постоянно якшаться с высочайшими и полувысочайшими председателями Общества, комиссией, министерствами и т. д. и т. д., бросить для этого чисто научные занятия, - и все это только для того, чтобы смазывать, даже не двигать, машину, работа которой приносит такую отдаленную пользу человечеству, и такую микроскопическую - право, не стоит. Конечно, и Риттер, и Финляндский дилювий еще менее приносят пользы, но тут хоть личная независимость сохраняется.

Может быть, я и ошибаюсь, но я так представляю себе должность секретаря в Географическом обществе.

Дня через три или четыре мы увидимся. У меня в кармане всего 51 марта, до завтра еще придется около 10 марок заплатить за карты, следовательно, остается только вернуться. Конечно, можно бы официально просить у Общества дополнительного пособия, рублей в 30, и дойти до Выборга; но погода решительно не благоприятствует. Вчера я совершенно окоченел, работая часа два в одной выемке, под градом, при 4 и северном ветре. Потом точно так же мерз в qastziqveri, с испорченною печью, при 7 0 с, так что я приехал в Гельсигфорс, не пройдя последних 15 верст. Если завтра не будет, как сегодня, града и снежинок, то я пройду их… Таким образом получится полный профиль от Тав(астгуса) до Гельс(ингфорса). Хотелось бы осмотреть хоть две станции между Riihimaki и Выборгом; но придется, вероятно, отложить до будущего года. Две недели времени и 50 руб. всегда найдутся, а с этим можно сделать профиль всего пространства.

Следовательно, до очень скорого свидания. Крепко жму Вашу руку.

П. Кропоткин

19- го и 20-го (7-го и 8-го) я еще, несомненно, в Гельсингфорсе

III. Выбор свободы

Что делать?

Целиком, казалось бы, погруженный в мир природы, Кропоткин не теряет интереса к событиям общественной жизни в России. В начале августа 1781 г., когда Кропоткин находился в Швеции, в газетах появилась краткая информация о процессе по делу группы Сергея Нечаева. Поводом для привлечения нескольких молодых людей к суду послужило убийство одного из участников группы студента Иванова, только лишь заподозренного в том, что он может выйти из тайной организации и рано или поздно о ней рассказать.

Бывший учитель из текстильного села Иваново, Сергей Нечаев появился в Петербурге в 1868 г. Этого человека, несомненно, незаурядного, волевого, авторитарного, переполняла ненависть ко всему обществу. И даже к своим соратникам он относился с презрением. Одна идея террора ради достижения революционного переустройства всецело захватила его.

На суде, состоявшемся в Петербурге летом 1871 года, раскрылось многое. Был зачитан составленный Нечаевым «Катехизис революционера». В нем оправдывались любые средства для достижения благородной цели социальной справедливости. Революционеру позволено нарушать все нравственные нормы ради грядущей победы: можно прибегнуть к обману, провокациям, террору.

Революцию он понимал лишь как разрушение. Строить новое общество предстоит следующему поколению.

В ноябре 1869 года Нечаев приехал в Женеву, где встретился с Бакуниным и сначала произвел на него благоприятное впечатление своей энергичностью и уверенностью. На самом деле он ввел Бакунина в заблуждение, рассказав, что якобы возглавляет большую организацию, а сам бежал из Петропавловской крепости. Вернувшись в Россию, Нечаев выдавал себя за посланца Бакунина, хотя он таковым не был.

Процесс над нечаевцами шел без участия самого Нечаева, который скрылся за границу и вызвал к себе двойственное отношение общественности. С одной стороны, привлеченные по процессу молодые люди, решившие бороться за освобождение народа, не щадя собственной жизни, не могли не вызвать уважение. Однако принципы Нечаева, на которых это освобождение должно было бы основываться, встретили всеобщее

осуждение. Причем, именно в революционных кругах России.

В 70- х годах русские нигилисты категорически отвергли нечаевские методы революционной борьбы, хотя время показало их необычайную живучесть. Недавно стало известно, что личностью Нечаева восхищался не кто иной, как В. И. Ульянов-Ленин, осуществивший то, что замышлял Нечаев спустя сорок с лишним лет.

Кропоткин в письме из Таммерфорса просит брата сохранить до его приезда номер «Петербургских ведомостей», где печатался стенографический отчет о процессе над нечаевцами.

Бродя в одиночестве по финляндским холмам в поисках удобных для изучения обнажений слагающих их пород, Кропоткин мучительно размышлял над вставшими перед всем русским обществом проблемами. Как жить дальше? Что делать? Как добиться преобразования самодержавного государственного строя, не соответствовавшего духу времени? Путь реформ, которым пошла Англия, раньше всех установившая у себя конституционное правление, для Росси вряд ли приемлем - она отстала от Европы, и, может быть, у нее свой путь? Путь к преобразованиям через общину, нигде больше не сохранившуюся?

Но путь медлительных реформ уже завел в тупик. Даже он оказался несовместимым с сохранением самодержавия. Для свержения его не избежать революции, первый шаг в направлении к которой сделан декабристами. Какими же методами должна вестись революционная борьба? Декабристы были людьми высокой нравственности. Но вот Нечаев… Возможна ли эта его «революционная» мораль - по сути отрицание морали? Нет, это ложный путь. Нельзя допустить, размышлял Кропоткин, чтоб нечаевские приемы и вся его иерархическая система организации восторжествовали. Нужно противопоставить ей другое…

У бакунинцев в Швейцарии

Выбор сделан. В феврале 1872 года секретарь отделения физической географии князь Кропоткин берет отпуск и едет в Швейцарию. О цели своей поездки никому, кроме брата Саши, не рассказывает, но она ведь могла быть просто познавательной. В Цюрихе тогда была довольно большая русская колония, состоявшая в основном из студенток университета и Политехнического института. Начиная с 1868 года, в Швейцарию каждый год приезжали по 15-20 девушек из России - получить высшее образование, права на которое они были лишены на родине. В 1872 году их приехало сразу больше сотни, и славянская колония, в которую входило, кроме русских, поляки,

болгары, сербы, увеличилась до трехсот человек. Помимо учащейся молодежи, в Цюрихе обитали и политические эмигранты; ждали приезда Лаврова и, конечно, Бакунина, который жил неподалеку, в Локарно.

Русское правительство решило «положить конец этому ненормальному движению», - так было сказано в сообщении, опубликованном в мае 1874 г. в «Правительственном вестнике». Предписывалось всем студенткам немедленно вернуться в Россию, а затем - в шестимесячный срок - еще девятнадцати российским подданным и среди них - «дворянину Михаилу Бакунину, отставному полковнику Лаврову, дворянину Николаю Огареву…»*

Конечно, никто не подумал откликнуться на этот приказ: формировалась группа политических эмигрантов. В Цюрихе открылись русская библиотека и типография, основанные ближайшим сподвижником Бакунина Михаилом Сажиным1. В типографии печатались бакунинские книги, в которых он развивал идеи безгосударственного общества. Еще год назад в Юрских горах Швейцарии Бакуниным была создана Юрская Федерация Интернационала, объединившая в основном рабочих-часовщиков, живших в небольших городках Невшатель, Шо-де-фон, Сент-Имье, Сонвилье. Юрцы заняли оппозицию по отношению к возглавлявшемуся Марксом Генеральному совету Интернационала, который исключил в конце концов федерацию из Международного товарищества рабочих. И она существовала автономно, не подчиняясь указаниям Генсовета.

1 ГАРФ, ф. 7026, ед. хр. 3.

Кропоткин приехал в Цюрих именно для того, чтобы разобраться в Интернационале: *«Я догадывался, что это должно быть великое движение, имеющее богатое будущее, но я не мог хорошо уловить его цели»* 2. Вступить в Интернационал было несложно - достаточно иметь лишь желание: Кропоткин сразу же это сделал по приезде в Цюрих, де снял маленькую комнату на Оберштрассе (на этой улице в основном селились русские), и Софья Лаврова принесла ему книги, брошюры, газеты - целую кипу литературы. Дочь ссыльного поляка О. С. Чайковского, воспитывавшуюся в семье Н. Н. Муравьева-Амурского, он знал еще с Иркутска. Сестра Софьи вышла замуж за брата Кропоткина - Александра. Их дружба продолжится многие годы. Она примет участие в организации его побега, а пока снабжала социалистической литературой. «Я читал целые дни и ночи напролет, и вынесенное мною впечатление было та глубоко, что никогда ничем не изгладится… Совершенно новый мир социальных отношений и совершенно новые методы мышления и

действия раскрываются во время этого чтения…»1.

2 Записки, С. 166.

1 Там же, С. 169.

У Сони Лавровой вечерами собирались русские эмигранты и студенты. За самоваром они обсуждали социально-политические проблемы, и в этих разговорах Кропоткин находил подтверждение своим мыслям, которые рождались еще у костра в сибирской тайге и во время одиноких переходов в Финляндии. Ему уже стало ясно, что эволюция общества зависит от того, чего хотят люди все вместе, от суммы единичных воль. Та же мысль высказана Львом Толстым в «Войне и мире». Чтобы определить интеграл этих воль, нужно жить среди людей постоянно общаться с ними, узнавать об их потребностях и стремлениях, обобщать факты, анализировать. Это как в метеорологии - чтобы составить верный прогноз погоды, нужно знать распределение атмосферного давления во множестве точек и выявлять области его минимумов давления (циклонов) и максимумов (антициклонов).

Он едет в Женеву, где находился русский центр Интернационала, и социалисты проводили большие митинги в бывшем масонском храме Femple Unique, который был и клубом, и университетом. В комнатах храма работали образовательные кружки, в которых изучалась не только социалистическая литература, но и химия, физика, история. И все - совершенно легально, на основе закона о свободе слова. Для приезжего из России - это удивительно. Но еще больше Кропоткин был удивлен тем, что в Русской секции Интернационала, в среде революционеров царят бюрократические отношения, характерные для российского чиновничества.

Один из руководителей социалистической агитации был участник первого общества «Земля и Воля», возникшего в России в 1861 году, Николай Утин. Так вот этот революционер занимал роскошную квартиру и как-то свысока относился к простым рабочим, а главное - не чужд был интриганству, духом которого была насыщена атмосфера Международного товарищества рабочих, созданного К. Марксом. Понял и Утин, что Кропоткин скроен из какого-то другого материала: «Нет, вы к нам не вернетесь…», - сказал он, прощаясь с Кропоткиным, который отправлялся в окруженный горами Невшатель к бакунинцам - «федералистам», расходившимся с марксистами в отношении к государству и к централизованной структуре самого Интернационала.

Около недели провел Кропоткин среди часовщиков Невшателя. Потом побывал в Сонвилье. Здесь встретился с

такими активными деятелями Юрской федерации, как Джеймс Гильом, коммунар Парижа Бенуа Малоном, писавший книгу о днях Коммуны, и Адемар Швицгебель, друг Бакунина. Знакомство с ними оказало на Кропоткина сильнейшее влияние. Он заметил, что в Юрских горах не было того противостояния руководителей и рядовых членов организации, какое он видел в Женеве. Адемар Швицгебель, будучи секретарем федерации, продолжал зарабатывать на жизнь часовым ремеслом. В соседней деревне завязался оживленный разговор о социальных проблемах с часовщиками. Они пришли, несмотря на непогоду, из других деревень, некоторые за десять километров, - специально, чтобы встретиться с «товарищем из России».

Кропоткин поддержал Бакунина в его критике государственного социализма, приверженцем которого был Центральный совет Интернационала. Он был убежден, что государство, тем более в форме диктатуры, не совместимо с социализмом, который при сохранении государственной организации неизбежно разовьется в экономический деспотизм.

Освобождение народа не произойдет при замене одной формы власти другой. Строительство нового общества на обломках государства - дело других поколений.

Влияние Бакунина на юрских часовщиков было огромным, но оно было преимущественно нравственным. Он никогда не допускал подавления людей своим авторитетом. В Швейцарии им был создан центр пропаганды анархизма, откуда идеи безвластия стали распространяться в другие страны. С энтузиазмом Петр Кропоткин воспринял эти идеи. Впоследствии он очень жалел о том, что не встретился тогда с Бакуниным, не съездил к нему в Локарно. Поговорить с ним было необходимо, поскольку одно место в программе юрских федералистов Кропоткин принял не сразу, а только после мучительных раздумий в бессонные ночи. Это пункт о неизбежности революции, еще более грандиозной, чем Великая Французская, свершившаяся всего лишь 80 лет назад. Кропоткин приходит к убеждению, что процесс постепенных эволюционных изменений закономерно прерывает революционный скачок, резко меняющий темп эволюции. Ускоряя эволюцию, он спасает общество от застоя и загнивания. *«Вопрос не в том, как избежать революции, - говорил он,- ее не избегнуть, а в том, как достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, то есть с наименьшим числом жертв и по возможности не увеличивая взаимной ненависти»* 1.

1 Записки, С. 179.

Как этого достичь? И сторонники Бакунина, и марксисты считали, что без жертв никак не обойтись, они неизбежны в

революции, а ее успех окупает все жертвы. У Кропоткина появился свой взгляд на эту проблему: при подготовке революции надо достичь такого состояния в обществе, когда новые идеалы, которыми вдохновляются угнетенные классы, осуществляющие революционный поворот, глубоко проникнут в сознание людей того самого класса, экономические и политические привилегии которого предстоит разрушить. *«…Исход борьбы будет зависеть не столько от ружей и пуль, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть в особенности от созидательных общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей, и в таком случае преобразователи найдут сочувствующих даже в тех классах, которые были против революции…»* 1

1 Записки, 179.

К такому пониманию сущности революции, отличному от представлений и Маркса, и Бакунина, Кропоткин пришел еще в 1872 году, когда ознакомился с Центром социалистического движения в Швейцарии. С этими мыслями он уезжал на родину. Путь пролег через Бельгию, где пришлось снова столкнуться как с централистскими, так и федералистскими настроениями среди социалистов.

Возвращаясь в Россию, Кропоткин вез чемодан с нелегальной литературой, которую очень рассчитывал как-то переправить через границу. Проехав Вену, он свернул в Краков, где и нашел контрабандистов, согласившихся переправить «нелегальщину» всего за двенадцать рублей…

«В тесной семье друзей…»

«Честные контрабандисты» не обманули - на условленной станции уже по другую сторону границы опасный чемодан был снова в руках его владельца. В Петербурге Петр сразу поехал к брату - показать не без риска доставленные «трофеи». Оба согласились в том, что все эти книги, несомненно, очень кстати поступили в Петербург. Именно сейчас, когда началось повальное увлечение молодежи социализмом. Возникали «кружки самообразования», где молодые люди изучали новейшую социалистическую литературу и постепенно начали распространять свои знания в народе.

С этими кружками и решил связаться Петр Кропоткин, обогащенный знанием, полученным в Европе. Александр же, так и не найдя в Петербурге дела, которому он мог бы посвятить себя целиком, уехал в Швейцарию, стал сотрудничать с П. Л.

Лавровым.

В университете у Кропоткина, чувствовавшего себя «переростком», был только один друг, хотя моложе его на 6 лет - Дмитрий Клеменц. Он оказался близок по духу, оставил университет, приняв такое же, как и Кропоткин, решение, но немного раньше. Потом он тоже станет крупным ученым, но сейчас совесть заставляет его отдать свои силы служению обществу.

Вот как писал о своем друге Кропоткин: «Жил он бог весть как. Сомневаюсь даже, была ли у него постоянная квартира… То немногое, что он зарабатывал… с избытком покрывало его скромные потребности, и, кончив работу, Клеменц плелся на другой конец города, чтобы повидаться с товарищами или помочь нуждающемуся приятелю… Он, несомненно, был очень талантлив. В Западной Европе гораздо менее одаренный человек, чем он наверное, стал бы видным политическим или социальным вождем. Но мысль о главенстве никогда не приходила ему в голову. Честолюбие было ему совершенно чуждо»1.

1 Записки, С. 186.

В мае 1872 года Дмитрий Клеменц привел Петра Кропоткина в одно из многочисленных тогда объединений молодежи. Это был известный в Петербурге «кружок чайковцев». Назывался он так по имени одного из активных его членов Николая Чайковского, студента-химика, но не потому, что тот был организатором или руководителем кружка: он просто ведал внешними связями, и, может быть поэтому, имя его было более известно, чем его знали другие. В тех молодежных кружках самообразования, которых возникало много в Петербурге да и в других городах России в начале 70-х годов, свято соблюдался принцип неавторитарности. Собственно, и возникли эти кружки в стремлении противостоять программе Сергея Нечаева, в которой ставка делалась на личность сильного, неконтролируемого лидера и строгую иерархию подчинения.

Еще весной 1869 года в Петербургском университете и других столичных институтах прошли студенческие волнения, причины которых были чисто академическими: студенты требовали изменения учебного устава.

Среди студентов выделился студент Медико-хирургической академии Марк Натансон, человек умный, волевой, энергичный. Но тут неожиданно появился приехавший из Швейцарии, никому пока не известный Сергей Нечаев. Ссылаясь на полномочия, якобы полученные от Бакунина, он стал призывать студентов к организации политической демонстрации, которая, по его замыслу, послужит сигналом к народному восстанию. В том, что

народ к нему уже готов, Нечаев не сомневался.

Несмотря на ораторское искусство Нечаева, много выступавшего, студенты не поддержали призывы к немедленному бунту. Нечаев покинул Петербург, вызвав среди молодежи скорее отрицательное к себе отношение.

Кружок «чайковцев» обосновался в квартире на Кабинетной улице, хозяйкой которой считалась Вера Корнилова, дочь крупного фарфорового фабриканта. Марк Натансон с женой, Николай Лопатин и Михаил Куприянов значились квартирантами. Остальные приходили по вечерам: обычно собирались вокруг самовара все пятнадцать членов кружка. Никакого устава кружок не имел, никаких формальностей при вступлении не было. Требовалось только желание вступить и согласие всех принять этого человека в свой круг. Единство взглядов на основные проблемы реальной жизни, высота и твердость моральных принципов, искренность и правдивость - вот качества, которыми должен обладать «чайковец». Все участники были совершенно равны в своих правах и обязанностях. Никакого командования и принуждения совершенно не допускалось. Дисциплина согласовывалась со свободным самоуправлением каждого. Но действовали принципы нравственной солидарности и безусловного доверия друг к другу.

Первоначально собирались для того, чтобы совместными усилиями расширить круг знаний каждого. Готовились рефераты книг по истории и экономике, которые обсуждались совместно, устраивались чтения вслух новинок литературы. Затем от самообразования перешли к так называемому «книжному делу». Речь шла о скупке и распространении книг, которые могли бы содействовать развитию социального сознания народа. Составлен был список книг для распространения из 33-х названий. Книги покупали в магазинах, стараясь быстрее скупить те, которые могли быть конфискованы жандармами, - тут надо было успеть до и прихода.

Потом появилась группа переводчиков. Были переведены на русский язык и изданы в Женеве книги Фурье, утопических социалистов, Консидерана, но кроме того, и научные книги, например, «Естественная история мироздания» Геккеля. Анатолий Сердюков и Михаил Куприянов организовывали переправку книг из-за границы. В пределах же России книги распространялись через кружки-филиалы, с которыми держали связь все кружковцы. Часто выезжали они из Питера то в Одессу, то в Москву, то в Киев ил Харьков, Саратов… Вроде бы, безобидное дело. Но в Российской империи непозволительное.

Летом 1871 года жандармы напали на след «книжников»: без

суда Натансон был выслан на Север, Чайковский на полгода упрятан в тюрьму. Захваченная литература сожжена. Но оставшиеся на воле быстро восстановили прежнюю активность, и дело продолжалось.

К осени число членов кружка возросло до семнадцати, а весной 1872 - до девятнадцати. Тогда были приняты Сергей Кравчинский, выпускник артиллерийского училища, и Петр Кропоткин, ученый-географ. Он стал самым старшим по возрасту членом кружка. Ему было тридцать, в то время как большинство составляли ровесники Кравчинского, котором ушел двадцать первый год, а двум самым южным кружковцам - Соне Перовской и Мише Куприянову - было лишь по восемнадцать.

Появление среди «чайковцев» Кропоткина, ученого, да к тому же еще аристократа, с внушительной пышной бородой, не внесло в кружок диссонанса. Новичка приняли с доверием, он произвел на всех самое благоприятное впечатление своей простотой и искренностью, и сразу предложил содействовать созданию при дворе «партии конституции», используя свое происхождение и юношеские связи. Предложение это предполагало двойственную роль Кропоткина при дворе и было отвергнуто: обман неприемлем для «чайковцев».

Вместе с Кравчинским, уже начинающим писателем (потом он станет известен под псевдонимом Степняк), Кропоткину было поручено вести все литературные дела кружка, прежде всего - сочинять книжки для народного чтения. За дело взялись охотно. В нем принял участие еще один «чайковец» - член московского кружка Лев Тихомиров, которого друзья звали «Тигричем». Кропоткин и Тихомиров написали «Сказку о четырех братьях и об их приключениях» и популярно изложенное историческое сочинение «Емельян Пугачев, или бунт 1773 года». Обе книжки были изданы «чайковцами» в Женеве.

Литературным и идейным вдохновителем «чайковцев» был потомственный рязанский дворянин В. Берви-Флеровский. Его книги «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук», написанные прекрасным языком, доказывали необходимость социального переустройства общества на основе не классовой вражды, а сотрудничества. «Не подлежит сомнению, что обществу придется сначала основательно освоиться с идеей о товарищеских отношениях между капиталистами и рабочими…» Берви-Флеровский звал к нравственной революции внутри каждого человека, которая, несомненно, приведет к революции социальной, но без той жестокой борьбы людей между собой, которая лишь ослабляет человека и замедляет продвижение общества по пути к счастью.

Другой кумир «чайковцев» - Петр Лавров. По существу, и Лавров, и Берви говорили одно и то же, но различия были. Они заставляли сомневаться. И вызывали желание докопаться до истины. В результате споры в кружке продолжались по многу часов. Среди книг, распространявшихся кружковцами, был и «Капитал» Карла Маркса, первый том которого в 1866 году появился в переводе на русский язык. И эта книга, помимо несомненного уважения к титаническому труду автора, тоже вызывала споры. В частности, Кропоткин находил, как ему казалось, погрешности в математических выкладках Маркса.

Формы деятельности кружка постоянно менялись. Продолжая заниматься «книжным делом», «чайковцы» переходят к непосредственному общению с рабочими петербургских заводов и фабрик.

Постепенно возникли кружки в Москве, Одессе, Казани и других городах, образуя целую сеть, которую потом назвали Большим обществом пропаганды. Его ядром был кружок «чайковцев» в Петербурге.

На всю жизнь остались друзьями Кропоткин и другие «чайковцы»: бывший офицер Леонид Шишко, студент-вятич Николай Чарушин, Сергей Синегуб - сын помещика и поэт, студент Александр Левашов да и сам Николай Чайковский, в характере которого все отмечали исключительную доброту и мягкость… Все они были людьми высокой нравственности, и это их объединяло.

Пройдет меньше десяти лет, и та самая Софья Перовская, которая была любимицей «чайковцев», с гордо поднятой головой взойдет на эшафот: ее, дочь генерала, бывшего одно время петербургским губернатором, повесят как одного из организатором убийства императора Александра II.

«Со всеми женщинами в кружке у нас были прекрасные товарищеские отношения, но Соню Перовскую мы все любили…» - писал Кропоткин. «Она очаровывала своим умом, покоряла непреодолимо убедительной речью и, главное, умела одушевить, увлечь собственной заразительной преданностью делу»,- та охарактеризовал Перовскую другой «чайковец» Сергей Кравчинский, который в те год стал (и до конца своей жизни оставался) самым большим другом Кропоткина. Отставной артиллерийский поручик, проучившийся два года в Земледельческом институте, Сергей удивлял всех своим талантом полиглота: переводил с французского, немецкого, английского, в том числе перевел капитальный труд французского астронома Камиля Фламмариона «Атмосфере». А в переводе с английского нескольких страниц из книги Генри Стэнли «Как я нашел

Ливингстона» однажды принял участие и Кропоткин.

Дело было после сходки, которая затянулась до полуночи; к четырем часам утра перевод, предназначавшийся для журнала «Всемирный путешественник», был закончен.

Опустошив горшок каши, оставленный для них на столе, они отправились домой. И с той ночи стали друзьями на долгие годы: «Я всегда любил людей, умеющих работать и выполняющих свою работу как следует. Поэтому перевод Сергея и его способность быстро работать уже расположили меня в его пользу. Когда же я узнал его ближе, то сильно полюбил за честный, открытый характер, за юношескую энергию, за здравый смысл, за выдающийся ум и простоту, за верность, смелость и стойкость».

«Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью» 1, - писал Кропоткин спустя почти тридцать лет.

1 Записки, С. 188.

Цели, которые преследовали «чайковцы», никак не предполагали насильственного захвата власти, а только просвещение народа, пробуждение в нем гражданской активности, подготовка России к демократическим формам правления, обеспечивающим социальную справедливость. Хотя они следовали атеистическому мировоззрению Герцена, Белинского, Чернышевского и Лаврова, их аскетизм и самоотверженность имели религиозное происхождение. По существу, они вывели свою веру из той, от которой отказались, основав ее на тех же заповедях Нагорной проповеди. Поэтому нетруден был для некоторых возврат назад: к идеям «богочеловечества» (хотя и лишь на время) обратился Чайковский, в православие - Лев Тихомиров, и даже стал убежденным монархистом. Все это будет потом. А пока они - революционеры, готовы жертвовать собой, зная, что за пропаганду идей свободы и справедливости в России не избежать тюрьмы либо каторги.

Аресты начались уже осенью 1873 года. В ночь с 10 на 11 ноября целый отряд жандармов и полицейских нагрянул на квартиру Сергея Синегуба за Невской заставой. Забрали его и Льва Тихомирова, случайно оставшегося ночевать. Потом арестовали Перовскую и еще несколько человек. Возможно, в Третьем отделении еще не представляли себе масштаб организации, распространившейся на всю Россию. Но какие-то подозрения возникли. Начался поиск. Переодетые жандармы

наводнили рабочие районы Петербурга. Однако никаких компрометирующих материалов, ни одного документа, который можно было бы положить в основание обвинения, найдено не было. Но во второй половине ноября 1873 года уже была написана для кружка программная «Записка» Петра Кропоткина.

Не по Нечаеву…

Начинается записка словами: «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?»

В ней впервые развивает Кропоткин свою концепцию революционной перестройки общества, основанную на анализе различных течений социалистической мысли и собственного опыта пропагандистской работы. Она противостояла нечаевской программе, направленной на разрушение. Кропоткин вынес на обсуждение кружка прежде всего проблему созидания будущего общества.

У Нечаева же было так: «…Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий как несовместимой с нашей деятельностью… Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаем ему все наши силы и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание… Пусть новое здание строят новые плотники, которых вышлет из своей среды народ…»

Кропоткин начинает свою «Записку» с обоснования необходимости ориентации на самый высокий идеал. Он в общем-то един для социалистов всех оттенков - возможно более полное равенство условий развития всех членов общества. В понимании Кропоткина это равенство возможностей, но никак не механическое выравнивание самих личностей.

Всякая попытка определить будущий строй точнее - бесполезная и бесплодная трата времени. Нет такого ума, который так далеко вперед мог бы расчертить план будущего. Думая о будущем, он неизбежно будет исходить из сегодняшних представлений, которые изменяются.

В записке многое выглядит наивным и утопичным. И хотя Кропоткин утверждает, что решить в деталях, каким будет будущее общество заранее невозможно, он пытается это сделать. И, естественно, ему это не удается. В его схеме можно обнаружить элементы того самого государственного, регламентированного, казарменного коммунизма, противником которого он себя считал. Но Кропоткиным записана важнейшая мысль на полях рукописи: *«Под идеалом мы разумеем такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей - с*

природою». Кропоткин всегда считал общество генетически связанным с природой, и в этой фразе нашло отражение гуманистическое начало социологической концепции Кропоткина и ее экологичность, ибо слова «борьба с природой» надо понимать не как уничтожение природы, а стремление к гармонизации отношений с ней человека - порождения природы и части ее.

Записку Кропоткина обсуждали на нескольких вечерних собраниях кружка. Она вызвала оживленные споры, и все же была одобрена. Ее начали переписывать набело, чтобы распространять в провинциальных филиалах. А Петру было поручено написать более краткую и четкую «Программу революционной пропаганды». В ней он ставил задачу приступить к организации революционной партии, понимая ее не как сплоченную, дисциплинированную уставом организацию, а лишь как идейный и тактический союз интеллигенции в первую очередь с крестьянами и с рабочими: *«Прежде всего мы глубоко убеждены в том, что никакая революция невозможна, если потребность в ней не чувствуется в самом народе. Никакая горсть людей, как бы энергична и талантлива она ни была, не может вызвать народного восстания, если сам народ не доходит… до сознания, что ему нет другого выхода из положения… Поэтому главное - вести пропаганду среди крестьян, идти в народ».*

После обсуждения программы в Петербурге Кропоткин едет в Москву, где в одном из хорошо ему знакомых домов Пречистенки читает ее московскому филиалу кружка. Здесь присутствуют Сергей Кравчинский и Дмитрий Рогачев, только что вернувшиеся из Тверской губернии. Два бывших офицера, они ходили по деревням как пильщики и подбивали крестьян выступить за справедливый раздел земли, находя поддержку в текстах Евангелия. Их встречали как новых апостолов. Но все же нашлись мужики, которые донесли на пришлых смутьянов. К счастью, им удалось скрыться.

И вот они вместе с другими московскими кружковцами обсуждают план дальнейших действий. В программу Кропоткина внесены поправки и дополнения. И единодушно решено - с наступлением весны все чайковцы идут «в народ». А осенью соберутся на съезд, где будут обсуждены результаты летних походов.

Однако все получилось иначе.

Уже с мая 1873 года в жандармском ведомстве было возбуждено дело о широком распространении в народе книг революционного содержания. На основании подготовленных следствием материалов министр юстиции граф Пален заключил свой доклад таким выводом: «В России существуют тайные и

противозаконные общества, имеющие целью ниспровержение государства, всего существующего порядка и водворения полнейшей анархии». Впервые в правительственных документах России появляется слово «анархия».

На протяжении двух столетий оно будет исправно служить государственной власти в качестве надежного жупела, как синоним беспорядка и хаоса, противопоставляемый существующему порядку - идеальному, раз и навсегда установленному состоянию общества. Всякое покушение на этот порядок, даже просто критика, по убеждению властей, неизбежно ведет к анархии и всеобщей гибели.

Осуществление идеала должно совершиться путем социальной революции. Но далеко не сразу. За одной революцией последует другая, за ней - третья. И чем полнее будут выполнены задачи предыдущей революции, тем более мирными будут последующие перевороты.

Таким был ход рассуждений Кропоткина, которыми он поделился с «чайковцами».

Триумф в науке и… арест

Новый 1874 год Кропоткин встретил не с ими, а как подобает князю - в «избранном обществе», достаточно либерально настроенном. Рекой лились торжественные речи об обязанности служить родине и народу, о необходимости перемен в государственном управлении, чтобы опять-таки обеспечить благо народу. Говорили красиво, но чувствовалось, что на самом деле ораторы были обеспокоены прежде всего собственным благом.

Кропоткин покинул праздничный зал наутро и, переодевшись, отправился в один из домов за Нарвской заставой, где проходила сходка ткачей. В крестьянской одежде он уже мало чем отличался от окружающих, выделяясь разве что бородой, за которую получил от ткачей прозвище «Бородин». Оно стало его конспиративным именем.

Бородин рассказывал ткачам о том, как борются за свои права рабочие в Европе, объединившись в Международное товарищество - Интернационал, как добиваются выполнения своих требований с помощью демонстраций и стачек. Его слушателей интересовало, возможно ли подобное в России, ведь полиция их может выследить, и тогда - каторга, Сибирь…

«Ну, что ж, и в Сибири люди живут», - парировал он и рассказывал об удивительной природе Сибири и живущих в ней людях.

Особенной популярностью у рабочих пользовался студент-

медик Александр Низовкин, которому удавалось искусно подладиться под простонародный стиль поведения и одежды. Он носил сапоги, рубаху навыпуск, нарочито огрублял свою речь. Нельзя сказать, что рабочие хуже относились к другим пропагандистам - и Кравчинского, и Шишко, и, конечно, Кропоткина они слушали с огромным вниманием, но налет образованности некоторую дистанцию все же создавал.

Выдавать всех на допросах начал именно Низовкин, может быть, он мстил за то, что его не сразу принял в кружок на равных, оставив на время «кандидатом».

В январе жандармами была захвачена квартира на Выборгской стороне, как раз та, где собирались ткачи и где чаще всего бывал Бородин-Кропоткин. Снова несколько членов кружка арестованы.

Оставшиеся на свободе, спешили покинуть Петербург. Чайковский избежал ареста, поскольку еще в прошлом году уехал в Орел к проповеднику идей богочеловечества Маликову и увлекшись его мистическим учением, отправился с ним в Америку. Там провел несколько лет, пытался организовать сельскохозяйственные коммуны. Кравчинский и Клеменц продолжили свое «хождение в народ» в Поволжье. Из «чайковцев» в городе оставалось человек пять-шесть, из которых прежде всего следовало бы уехать Кропоткину, в известной степени «идеологу» кружка.

В течение еще одной недели забрали всех, кроме Кропоткина и Сердюкова. Было очевидно, что если они задержатся в Петербурге, им также не избежать ареста. Но прежде чем исчезнуть, необходимо было хоть кому-то, кто еще не известен полиции, передать дела громадной столичной организации с филиалами в 37 губерниях. Решили принять в организацию двух новых молодых людей. За несколько вечеров им пришлось запомнить сотни адресов для пересылки книг и десятки шифров, а также информацию о рабочих кружках, которые еще продолжали действовать. А потом Сердюков съехал со своей квартиры, и следы его затерялись. То же самое следовало сделать и Петру Алексеевичу. Но…

Ведь он был географ, член научного общества, причем весьма уважаемый своими коллегами, которые связывали с ним известные надежды на развитие отечественной науки. И он не мог позволить себе исчезнуть даже в сложившейся опасной ситуации, прежде чем выступит с отчетным докладом о своих исследованиях ледниковых отложений в Финляндии и Швеции. Приглашения на заседание Географического общества были разосланы на 14 марта 1874 года. Но получилось так, что на тот

же день назначили заседание петербургских геологов. По их просьбе общее собрание Географического общества, на котором предполагался доклад Кропоткина, было перенесено на неделю. Эта неделя сыграла свою роковую роль.

И вот 21 марта. Кропоткин ждал этого дня с большим нетерпением. Еще бы! Каждый день вокруг дома бродили какие-то странные люди, заходили в дом, спрашивали, не продаст ли князь лес в своем тамбовском имении, где никакого леса и быть не могло, потому что имение находилось в безлесной степи. Конечно, это были шпики, которые должны были проверить невероятное с точки зрения жандармов предположение, что Бородин, приходивший к ткачам в крестьянском полушубке, и его светлость князь Кропоткин одно и то же лицо. Среди этих странных людей заметил он однажды знакомого ткача, которого, по слухам, недавно арестовали. Скорее всего, ткач здесь появился для опознания.

Доклад, сделанный в тот день Кропоткиным, вызвал большой интереС. Он содержал доказательства того, что ледниковый покров распространялся в прошлом далеко на юг по Восточно-Европейской равнине. Только ледниками могли быть вынесены вплоть до нижнего течения Днепра и в долину Дона валуны, сложенные из пород Скандинавии. Льдины, дрейфующие в холодном море, не способны перенести такое количество валунов, да еще испещрить их мелкими штрихами, направленными строго на северо-запад, показывая направление, откуда двигался лед.

Большинство ученых с возможностью полного равнинного оледенения так и не согласилось. Тогда известный русский геолог Николай Павлович Барбот де-Марни заметил: «Был ли ледяной покров или нет, но мы должны сознаться, господа, что все, что мы до сих пор говорили о действии плавающих льдин, в действительности не подтверждается никакими исследованиями». С грустью он добавил: «Утратив эту гипотезу, геологи как бы осиротели…» Тогда-то Кропоткину подумалось, что необходима книга о ледниковых исследованиях, которая, возможно, уменьшит число сомневающихся.

В конце заседания осуждался вопрос о новом председателе отделения физической географии в связи с тем, что П. П. Семенов был избран вице-президентом всего Общества. Возглавить это отделение предложили Кропоткину, доклад которого, несмотря на возникшие разногласия, был признан блестящим. Но предложение, столь лестное для ученого, не мог принять Кропоткин, судьба которого теперь зависела от многих обстоятельств, никак не связанных с деятельностью Географического общества.

После доклада он пришел к себе домой, на Малую Морскую, сильная усталость свалила с ног. А утром стал тщательно разбирать архив, сжигая все, что может вызвать подозрения. На следующий день, в сумерках, собрав вещи, вышел по черной лестнице из дома, вскочил в дрожки и - на Николаевский вокзал. Он недалеко. Оттуда - на поезд - и в Москву.

Погони не было. Но на Невском проспекте, около здания Городской думы, вдруг появился извозчик, который гнал вскачь и вскоре стал обгонять. И на дрожках - то же арестованный ткач из рабочего кружка. Рядом с ним неизвестный. Знакомый ткач жестом попросил подождать, мол, хочет что-то сказать. Кропоткин остановил своего извозчика, подумал, что, может быть, ткач освобожден. Но тут другой на дрожках громко окликнул: «Господин Бородин, князь Кропоткин! Я вас арестую!» - и ловко перепрыгнул в коляску к Кропоткину. Неизвестный показал приказ о доставке задержанного к генерал-губернатору для объяснений. Вокруг - толпа полицейских: сопротивляться бесполезно, тем более - бежать.

Но повезли почему-то Кропоткина к прокурору, которого пришлось в приемной ждать несколько часов. Потом - на квартиру арестованного, где произвели обыск. Он длился до трех часов утра. Ничего компромитирующего не удалось найти. Но это не меняло дела.

В ту же ночь состоялся первый допроС. Было предъявлено обвинение в принадлежности к тайному обществу, имеющему целью ниспровержение существующей формы правления, и в заговоре против священной особы его императорского величества.

На вопросы арестованный отвечать отказался, потребовав гласного суда над собой. Но по характеру вопросов он понял, что жандармы практически ничего существенного о кружке еще не узнали, и им приходится фабриковать улики. Так, найдя пустой конверт с адресом Полякова, спутника Кропоткина по Олекминско-Витимской экспедиции, они вложили в него шифрованную записку. И хотя студент университета Иван Поляков никаких связей с кружком не имел, его арестовали и продержали в тюрьме недели три. Петр Алексеевич, пытаясь защитить друга, потребовал представить ему показания Полякова, который, якобы, во всем признался. Но их, очевидно, не было. Следствию помог заключенный «чайковец» Александр Низовкин, тот, что пользовался особым доверием у рабочих… Подробно рассказав о деятельности кружка, он фактически выдал всех его участников.

После первого допроса, длинного, но абсолютно безрезультатного, Кропоткина пригласили в карету. Рядом сел офицер-жандарм, имевший инструкцию не разговаривать с арестованными и поэтому не отвечавший ни на какие вопросы. Карета покатила по Марсову полю, вдоль каналов, выехал на Дворцовый мост: *«Я понял, что меня везут в Петропавловскую крепость. Я любовался рекой-красавицей, зная, что нескоро увижу ее опять. Солнце близилось к закату. Тяжелые серые тучи нависли на западе над Финским заливом; прямо над головой плыли белые облака, разрываясь порой и открывая клочки голубого неба. Проехав мост, карета повернула налево. Мы въехали под мрачный свод, в ворота крепости»* 1.

1 Записки, С. 207.

Узника облачили в арестантское платье: зеленый фланелевый халат, бесконечной длины шерстяные чулки, чудовищного размера желтые туфли.

Все. Нет больше князя Кропоткина - камер-пажа императора. Нет члена-сотрудника Географического общества, исследователя ледникового периода, нет Кропоткина - члена Юрской федерации Интернационала и даже агитатора Бородина нет. Все это в прошлом. А в настоящем - арестант, обитатель темной и сырой камеры N 52 каземата Трубецкого бастиона.

Глубокая, мертвая тишина окружила его, когда захлопнулась тяжелая дверь камеры: ни малейшего звука, ни шороха. Камера представляла собой помещение для большого крепостного орудия. Толстенные стены, оклеенные желтыми обоями, под которыми проложен звукоизолирующий слой войлока, поглощали все шумы.

Пока Кропоткин осваивался с камерой, кабинет министров собрался для обсуждения вопроса о революционном движении, хождении молодежи «в народ» и социалистической пропаганде. Министрам были предъявлены захваченные при аресте членов петербургского кружка записка «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» и «Программа революционной пропаганды». Согласно показаниям того же Низовкина, оба документа составлены князем Кропоткиным. Экспертиза почерка подтвердила показания.

Начальник Третьего отделения Потапов сделал «представление» кабинету министров от 4 марта 1875 г.: «Ряд дознаний, произведенных в последние месяцы, приводит к убеждению, что революционная программа Кропоткина неуклонно применяется на деле многочисленными агитаторами, рассеивавшимися по всей империи и везде идущими одним и тем же путем. Как руководство и пособие к этой преступной

деятельности, создалась особая литература народных книг и брошюр, грозящая извратить здравый смысл народа и подорвать в нем преданность царю и доверие к правительству… Пропаганда ведется… повсеместно и - что особенно важно - везде по одной и той же программе. Число лиц, привлеченных к дознанию, достигает уже двух тысяч и ежедневно возрастает: из них было подвергнуто аресту более 450 человек, против которых собраны особенно важные улики; но многие ускользают от преследования вследствие неуловимости самих признаков совершенного ими преступления»1.

1 Голос минувшего. СПб. 1913, N 4, С. 23.

Кабинет министров, рассмотрев доклад Потапова и приложенные к нему документы, пришел к убеждению: «подобный бред фантастического воображения не может возбудить к себе сочувствия, но для того, чтобы общественное мнение отвратилось от провозвестников такого учения, начала этого учения не должны оставаться во мраке». Поэтому было принято решение сделать процесс гласным, хотя «опубликование его материалов должно производиться с крайней осторожностью».

Суд состоялся лишь через два с половиной года. Все это время «чайковцы» содержались в самых мрачных крепостях Петербурга. Тишина Петропавловской крепости создавала ощущение полного одиночества, и Кропоткин долго даже не догадывался, что кто-то еще может быть рядом. Лишь через год он обнаружил, что в камере слева от него сидел Анатолий Сердюков, с которым они начали перестукиваться.

История крепости, воздвигнутой императором Петром I прямо напротив царского Зимнего дворца, на другом берегу Невы, была трагической и зловещей. Узниками ее казематов были и царевич Алексей, сын Петра I, и легендарная княжна Тараканова, и декабристы. А совсем еще недавно в них сидели Федор Достоевский и Михаил Бакунин, Николай Чернышевский и знакомый Кропоткину по Сибири поэт Михаил Михайлов. Неподалеку, в Алексеевском равелине, находился Нечаев, осужденный на пожизненное заключение. Однажды в одной из книг тюремной библиотеки Кропоткин обнаружил ясно очерченное сочетание букв и цифр, складывавшихся так: «Нечаев 1873». Стало быть, совсем еще недавно «антипод» чайковцев был жив. Приговоренный в 1871 году на 20 лет каторги он выдержал 10 лет заключения в крепости и умер в 1882-ом в тридцатипятилетнем возрасте.

А Кропоткин рассчитывал выжить… Лишь бы дождаться суда. Сибирь - то ему не страшна. Ему даже хотелось вернуться туда, чтобы продолжить свои исследования. *А пока, нужно себе*

представить, что состоялась задуманная полярная экспедиция. По камере из угла в угол - всего десять шагов… Если повторить полтораста раз будет верста. И он решил делать ежедневно по семи верст… К этим «маршрутам» добавил гимнастику с тяжелой табуреткой. Но важнее, чем физическое состояние, сохранить способность к мысли, к работе ума. Нельзя допустить, чтобы он бездействовал. Хотелось закончить работу о ледниках. Однако просьба выдать письменные принадлежности была отвергнута: бумагу и перья могли дать лишь по личному разрешению царь. Зато книги принесли уже через несколько часов после того, как за Кропоткиным закрылась дверь камеры. Библиотека в крепости собралась за много лет из книг, которые покупали для заключенных родственники.

В каземате Трубецкого бастиона Кропоткина увлекла история, и он попросил родных купить и принести ему многотомную историю Сергея Соловьева и сочинения других историков. Он читал «Жития святых» и русские летописи, с которыми познакомился впервые: «Псковская летопись… так живописна и такой драгоценный материал для понимания средневекового городского уклада, что ни одной, кажется, литературе нет ничего подобного». Над всем прочитанным много думал. Мысль его привлекали вопросы взаимоотношений людей в разные исторические периоды, отношения человека и государства. Летопись отражала демократическую жизнь Пскова, средневекового «вольного города», в управлении которым принимало участие все население, что исключало появление городских «тиранов». Несомненно, это общество было близким к анархическому, в нем не было иерархии власти, и каждый гражданин чувствовал свою ответственность за судьбу города.

Интересно сравнить историческое развитие России и Франции. Кропоткин находит сходство между, например, Людовиком XI и Иваном Грозным в их борьбе с местничеством за централизацию власти. У Петра I и Людовика XIV тоже много общего - оба укрепляли самодержавие. Александр II в какой-то мере шел к своим реформам тем же путем, что и Людовик XVI… И, пожалуй, путь исторического развития двух стран одинаково усеян жертвами, во Франции их, возможно, даже больше.

Чтение побуждало к творчеству, к обобщениям. Но чернил и бумаги не было. И Кропоткин стал в уме составлять популярные очерки из русской истории для народа. Совершая свои ежедневные переходы по камере в семь верст, он сочинял эти очерки, повторяя их про себя много раз. И это как-то спасало от отчаяния.

Тем временем, узнав об аресте брата, из Цюриха, где у него

вполне благополучно складывалась жизнь, приехал Александр. Он бросил все и примчался в Россию, которую покинул, как ему казалось, навсегда. С огромным трудом он добился свидания с Петром, когда миновало уже шесть месяцев заключения.

Однажды Петру сказали, что его ведут в Третье отделение. Зачем? На допрос? Но там оказался Саша, с которым не виделись уже два года. При разговоре братьев присутствовали двое жандармов, и мало что можно было сказать друг другу. Когда прощались, Александр пообещал добиться для брата разрешения писать в камере.

Через месяц после ареста П. П. Семенов (Тян-Шанский) направил столоначальнику III Отделения Э. Я. Фуксу письмо:

«…Я как вице-председатель Императорского Географического общества имею честь уведомить Вас… что разрешение князю Кропоткину покончить отчет по экспедиции, совершенной им в Финляндию по поручению Общества, было бы крайне желательно в видах научной пользы»*.

Не сразу, но разрешение было дано. 1 сентября, когда шел уже шестой месяц заключения, Ф. Р. Остен-Сакен пишет П. П. Семенову: «Вашему превосходительству, может быть, уже известно о печальной участи, постигшей П. А. Кропоткина. Он арестован и содержится в секрете. Между тем у него находится много книг и ученых материалов, в том числе рукопись о результатах поездки в Финляндию, принадлежащих по праву Географическому обществу…»1

1 ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 1535.

Еще раньше, 24 сентября, состоялось заседание Совета Географического общества. Первое, о чем было доложено,- телеграмма от начальника австро-венгерской полярной экспедиции Юлиуса Пайера о благополучном прибытии в норвежский порт Варде. Австрийцы отсутствовали больше двух лет, ледовый дрейф казался бесконечным, но «счастливый случай», как писал сам Пайер, подарил австрийцам открытие архипелага, названного Землей Франца«Иосифа. Это как раз та земля, о возможности открытия которой говорил в своем докладе о проект полярной экспедиции Кропоткин, ссылаясь на расчет Н. Шиллинга. Но сам он нескоро узнает, что сбылось его предвидение.

А на этом же самом Совете Общества географов Петр Петрович Семенов вспомнил о Кропоткине, которому, как он осторожно выразился «обстоятельства помешали осуществить свои предположения».

Теперь каждый день заключенному в камере N 52 выдавалось по нескольку листов бумаги, перо и карандаши - но только «до

солнечного заката», зимой это означало - до трех часов дня, летом - до пяти. *«Итак, я мог снова работать. Трудно было выразить, какое облегчение я почувствовал, когда снова смог писать. Я согласился бы жить всю жизнь на хлебе и воде, в самом сыром подвале, только бы иметь возможность работать»* 1.

1 Записки, С.

Когда уносили перья и карандаши, можно было читать при свете керосиновой лампы: книги по истории, отчеты полярных путешествий, ежеквартальник Лондонского географического общества и древние русские летописи «Жития святых…» Все это было прочитано неоднократно. И множество романов. С особым удовольствием читал он Диккенса.

За книгами и работой можно было на время забываться. Но атмосфера камеры с резкими контрастами температуры, то сырая, то угарная, делала свое губительное дело - здоровье разрушалось изо дня в день. Страшно мучил ревматизм, нажитый в осенних плаваниях по Амуру… К нему добавились начавшиеся болезненные процессы в легких и кишечнике.

21 декабря, в день именин - в Петров день - пришел на свидание вместе с сестрой Еленой Саша. Говорили о том, что он будет читать корректуру книги «Исследования о ледниковом периоде», печатаемой в типографии М. Стасюлевича, и вскоре напишет об этом в письме. Но письма не последовала. А через неделю пришла записка И. С. Полякова, сообщившая, что читать корректуру будет он, а не Александр. Стало ясно: случилось то, чего следовало ждать - брат арестован. Много позже Кропоткин узнал, что причиной ареста было письмо Саши к П. Л. Лаврову, перехваченное жандармами. Не такой уж серьезный повод для жестокой расправы, которую учинили над Александром Кропоткиным, - без суда и следствия его бессрочно выслали в Минусинск. Он поехал в кибитке под охраной жандармов. За ним последовала жена, похоронив ребенка, с которым отцу не разрешили даже проститься. Когда через год двоюродный брат Кропоткиных Дмитрий (харьковский генерал-губернатор) лично вручил царю прошение по поводу вопиющего произвола, Александр II ответил: «Пусть посидит!»

И. С. Поляков подготовил всю рукопись к печати (более 700 страниц с приложением рисунков и карт). Она отпечатана в типографии М. Стасюлевича, но на продажу ее в России положен запрет. Кропоткин увидит свою книгу через два года в Лондоне.

Еще не раз вызывали Кропоткина на допрос, но он по-прежнему отказывался давать показания следователю. Однажды его камеру посетил брат царя великий князь Николай Николаевич. Но склонить Кропоткина к откровенности не удалось

и ему.

В конце второй зимы у Кропоткина появились явные признаки цынги: «совсем как на «арктической зимовке», - вспомнил он свой проект северной экспедиции.

С каждым днем состояние ухудшалось. Его перевели из каземата Петропавловской крепости в только что построенный по новейшим правилам тюремной архитектуры Дом предварительного заключения. Здесь условия были, получше. Перестукиваться с другими заключенными можно было целыми днями. Одному своему молодому соседу Кропоткин «простучал» за неделю всю историю Парижской Коммуны. Но здоровье продолжало ухудшаться. После ледяного каземата крепости он оказался в тесной и душной камере, где о семиверстных «походах» уже не могло быть речи. Кровоточили десны, выпадали зубы, желудок отказывался переваривать пищу, хоть и получено было разрешение на доставку еды из дома. Силы быстро оставляли его.

О великом оледенении.

Только работа в какой-то мере поддерживала его. Постоянная мысль о том, что необходимо закончить труд, который никто, кроме него, в России не сделает. На первой странице черными чернилами выведено: «Исследования о ледниковом периоде».

Литературы о льдах накопилось уже немало, но современному исследователю требовалось отрешиться от устаревших, недосказанных, а зачастую и явно нелепых представлений. Кропоткин решил провести тщательный анализ научных заблуждений, и это его серьезный вклад в тогда еще не существовавшую «науку о науке», которая теперь известна как «науковедение». Как случилось, спрашивает он, что «догадка, не основанная на фактах, противоречившая десяткам сделанных уже наблюдений, была принята на веру?» И отвечает: «Причина - косность мышления, нежелание отказаться от привычного…»

А между тем еще в 20-х годах швейцарцы Игнац Венец и Жан Шерпантье утверждали, что в Альпах и Скандинавии ледники в прошлом распространялись значительно шире. Эта гипотеза была сразу же объявлена странной, сумасбродной. На время шло, появлялись новые ее сторонники, непризнанные до поры - Агассис, Чемберс, Гюйо. Уже нельзя было не считаться с большой массой фактов, добытых ими.

Вера в гипотезу плавающих льдин была расшатана трудами целой фаланги талантливых и смелых физико-географов и геологов, но даже Лайелю потребовалось семнадцать лет для

того, чтобы поколебаться в своей вере! А вообще ледниковой гипотезе пришлось ждать своего триумфа около сорока лет.

В Предисловии обоснована авторская методика исследований.

«Как ни ценны сами по себе многие факты, приводящиеся в геологических монографиях в подтверждение ледниковой гипотезы, но, взятые единично, они утрачивают бо“льшую часть своей доказательности… Десятки мелких особенностей, не важные сами по себе, но постоянно встречаемые совместно, связанные между собою общей причинною связью… взаимно поддерживают друг друга и, сообща, составляют уже такую тесно переплетающуюся сеть, что ни одна ее петля не может быть порвана, не нарушая целости остальных».

«От более простого - к более сложному, от первоначального - к производному» - таков научный метод Кропоткина.

Не спеша, обстоятельно рассказано в книге о путешествиях по Финляндии, даны меткие характеристики ландшафтов и геологических объектов. Но одновременно он излагает свои научные взгляды, подробно рассказывает о спорах, которые вел, например, с академиком А. П. Гельмерсеном в Выборге по поводу «бараньих лбов», валунов и моренных отложений, подтверждая точку зрения данными по обширной «ледниковой литературе».

Работая над книгой, Кропоткин изучил практически всю литературу физики и географии ледников. Сохранившиеся библиографические списки содержат более сотни наименований книг и статей на различных языках. Это прежде всего работы Л. Агасица, Дж. Форбса, А. Гейки (его книга «The Creat Jcy Aqe» - «Великий ледяной век» - вышла в Лондоне в 1874 году). Внимательно изучал он и труды русских ученых, касавшиеся проблемы ледникового периода, - Г. С. Щуровского, П. Г. Гельмерсена, Ф. Б. Шмидта, С. С. Куторги…

Интересно замечание Кропоткина, сделанное в примечании одной из страниц. Он говорит о том, что книга Эрдмана имеется во французском (сокращенном издании и оно «для незнающих шведского языка вполне может заменить оригинал». И далее он добавляет: «Можно прибавить только, что занимающимся наносами очень следовало бы ознакомиться со шведским языком, который очень легок для всякого знающего немецкий язык». Сам Петр Алексеевич владел скандинавскими языками, помимо немецкого, французского, английского, итальянского, хорошо говорил и писал на них.

Интереснейшая особенность: факты, которые противники ледниковой гипотезы приводят в качестве возражений, Кропоткин убедительно объясняет как ее подтверждение. Например,

отшелушивание поверхности гранитных скал, считавшееся доказательством правильности взглядов Леопольда фон Буха на происхождение куполовидных скал; они будто бы служат отметкой былого уровня моря. Но Кропоткин уверенно возражает: валуны «рассеяны безразлично - как на водоразделах, так и в углублениях страны…» Только движущийся лед мог их разбросать по разным высотным уровням. Наиболее крупные валуны находят ближе к месторождению слагающих их пород, те валуны, которые двигались с ледником дальше, он дробил, шлифовал и покрывал штриховской: сетью царапин. Борозды на валунах, вытянутые в направлении движения ледника - самый веский аргумент в ползу теории широкого распространения ледников.

Работа над книгой в тюремном одиночестве способствовало тому, чтобы Петр Кропоткин не утратил силы духа, так пригодившейся ему вскоре.

Вторая глава книги посвящена знаменитой системе ледниковых отложений Пунгахарью («Свиные горы»). Описание само по себе опровергает гипотезы о происхождении оза, высказанные С. С. Куторгой и Г. П. Гельмерсеном. Первый считал, что старинный вал образован встречным прибоем двух соседствующих озер. Второй, отбросив всякую возможность ледникового происхождения Пунгахарью, решил, что это остатки некогда сплющенного делювиального покрова. Еще одна гипотеза высказана шведским геологом А. Торнетом. Он считает гряду продуктом деятельности рек (собственно, как и Гельмерсен). Кропоткин подробно рассматривает каждую гипотезу, противопоставляя ей факты, им обнаруженные. И предлагает свое объяснение Пунгахарью - ох, материал которого возник из отложений ледника, преобразованных в результате «чрезвычайно продолжительного озерного периода». Здесь П. А. Кропоткин впервые упоминает период, положение о котором впоследствии специально разовьет.

Раздел книги «Упсальский оз» - один из шедевров кропоткинского естественнонаучного анализа. Прежде чем приступить к разбору проблемы, Кропоткина, будучи не удовлетворен топографическим описанием оза у шведского геолога Эрдмана, дает свое. Фактически он включил в книгу краткий геоморфологический очерк Швеции, который считает необходимым предисловием к рассмотрению расположения озов в пределах этой страны.

Перед читателем проходит картина сложного переплетения валообразных гряд, названных по-шведски «озами». А после детального анализа и топографии, и строения этого вытянутого

на десятки километров вала сделан решительный вывод: «Ядро Упсальского оза оказывается… образованием, которое не могло возникнуть действием прибоя или какой бы то ни было воды в ее жидком состоянии… Нам остается, следовательно, обратиться к воде в твердом состоянии, т. е. ко льду…»1

1 Кропоткин П. А. Исследования о ледниковом периоде. - Зап. РГО по общей географии. СПб. 1876. т. 7, С. 185.

Он, правда, ошибочно назвал оз мореной. Теперь мы знаем, что это отложения текущих потоков внутри ледника. Но важно уже то, что это образование призвано по своему происхождению ледниковым. До этого считалось, что на равнинах никаких морен быть не может. Кропоткин убедительно, даже страстно, доказывает абсурдность подобных представлений - ведь ледник, образовавшийся в горах, выносит на равнину всю отложенную им морену, и не только на поверхности ледника, а придонную и ту, что заключена внутри льда!…

Кропоткин открыл существование в разных районах Земли особого типа ландшафта - ледникового, по которому можно сразу определить, что эта местность в прошлом была занята ледниковым покровом. Этот ландшафт легко узнается в различных частях земного шара там, где встречаются такие формы рельефа, выработанные ледником, как «бараньи лбы», «курчавые скалы», фиорды, цирки, каньоны, профиль которых напоминает латинскую букву «U» и которые специалисты-гляциологи называют «трогами», или корытообразными долинами.

Кропоткин не был гляциологом, да и наука о природных льдах Земли в его времена еще не заняла соответствующего ее значению положения в системе наук, не «обрела самостоятельности». Однако в гляциологию, занимающую сейчас одно из важнейших мест среди наук о Земле, им сделан существенный вклад. Хотя Кропоткин был мало знаком с современными ледниками (видел их издалека в Саянах и немного поближе - в Альпах), но в книге «Исследования о ледниковом периоде» рассмотрел закономерности образования ледников, их движения, нарастания, таяния, зависимость их существования от соотношения тепла и влаги, а также пластические свойства льда, сочетающиеся с хрупкостью, способность ледников к растрескиванию и дроблению при движении; выходя к морю они рождают айсберги.

Он задумался и над тем, как распределяется температура в толще ледника и как тепловая волна из атмосферы проникает в лед, постепенно теряя свою энергию. Здесь Кропоткин сделал важное открытие, предвосхитившее достижение гляциологии,

сформировавшейся окончательно к середине XX века. Только тогда получило практическое подтверждение интуитивное предположение П. А. Кропоткина о том, что с глубиной во льду сглаживаются сезонные температурные различия так, что на определенном расстоянии от поверхности лед принимает температуру, равную средней годовой температуре воздуха. А если углубиться в ледник, то можно встретиться с температурой, которую имел воздух в среднем за год в прошлые времена. Таким образом, ледник представляет собой своеобразную «летопись» климата.

Книга Кропоткина направлена против консервативной приверженности устаревшим представлениям. Она была революционной в науках о Земле.

Но здоровье становилось все хуже. Врач сказал, что Кропоткину не протянуть и двух месяцев. Нужно изменить обстановку. Прокурор согласился перевести узника в госпиталь лишь в том случае, если будет дана справка, что он умрет через десять дней. Кропоткина осмотрел ассистент знаменитого физиолога А. М. Сеченова и дал требуемое заключение. И вот он в тюремном отделении военного госпиталя. Громадный госпиталь, вмещавший до двух тысяч больных… В тюремном отделении уже жили двое кружковцев, умиравших от чахотки.

Освободительный побег

Под напором лучей весеннего солнца и свежего воздуха, вливавшегося в открытое окно, болезнь стремительно отступала. Силы возвращались.

Однажды Кропоткин получил записку с воли: «Попроситесь на прогулку». Прогулку разрешили - ежедневно по часу. Было еще очень трудно ходить, но в первый же раз, выйдя во двор, узник увидел то, что заставило его пережить необычайное волнение. Раскрытые ворота на улицу были совсем близко, всего в каких-нибудь ста шагах. За ними - свобода! Ворота раскрывают каждый день, пропуская возы с дровами. Каждый день!

Двор охранялся - вдоль тюремной стены по тропинке вышагивали два часовых. Третий стоял в будке ворот. Но все же возможность побега представилась волнующе реальной. Друзья на воле, с которыми не прекращалась связь шифрованными записками, передававшимися при свиданиях, поддержали идею побега. Кружок, в котором были уже новые люди, лично не знавшие Кропоткина, энергично взялся за подготовку его освобождения. Потребовалось около месяца для того, чтобы найти лошадь, подходящего кучера, разработать систему

сигналов…

Первая попытка была назначена на 29 июня, день Петра и Павла. Сигнал с воли должен быть подан воздушным шариком, отпущенным в небо. Но в этот день у Гостиного двора почему-то не продавалось ни одного детского шарика. Помеха эта оказалась кстати: пролетка с беглецом была бы непременно задержана из-за возов с дровами, которые как раз в это время оказались на улице. Организаторы побега установили на протяжении двух верст своих людей, которые следили за движением. По цепочке передавался условный сигнал о том, что улицы свободны. Узник об этом узнает по звукам скрипки из серенького домика напротив госпиталя, который специально сняли друзья. Об этом Кропоткину сообщила Софья Лаврова в записке, положенной в механизм часов.

В четыре часа дня узника вывели на прогулку. Он начал свое обычное медленное движение по кругу - как всегда, еле-еле переступая ногами. Пусть часовой думает, что сил у него совсем еще мало. Их и на самом деле было немного, но огромна была жажда освобождения.

И вот тишину нарушили две скрипки. Как давно он не слушал музыку! Да еще такую! Это была вихревая, искрящаяся мазурка Антона Контского, популярного тогда польского пианиста и композитора. Теперь нужно предельно сосредоточиться. Сначала так же медленно подойти к той точке круга, которая была ближе всего к воротам. И от нее рвануть напрямую… Но скрипка вдруг замолчала. Что-то случилось. Нельзя бежать. Новый круг…

Через четверть часа мелодия возобновилась. И это был зов свободы, жизни, борьбы! Но снова оборвалась музыка… Стало ясно, в чем дело: в ворота медленно въехали возы с дровами. Еще минута, и звуки мазурки понеслись в бешеном вихре. Часовой в пяти-шести шагах. Он лениво следит, как разгружают крестьяне дрова, сбрасывая их на землю, укладывают в штабеля.

«Все! Сейчас или никогда!» - проносится мысль. Молниеносно сброшен халат. И - бег! Через несколько шагов Кропоткин услышал голоса крестьян: «Бежит! Держи его! Лови его!» Они кинулись наперерез. Одновременно за беглецом бросились три солдата и часовой. Тот был так близко, что не считал нужным стрелять, хотя мог бы и даже был обязан, но он старался достать штыком. Штык коснулся спины… Но уже промелькнули ворота… Вот улица! пролетка!

На козлах, отвернувшись, сидел человек, со светлыми бакенбардами, в военной фуражке. Он показался знакомым. И бакенбарды, и фуражка… Не провокация ли это? Ведь так похож на великого князя Николая Николаевича, брата царя. По

Петербургу потом распространился слух, что именно он увез Кропоткина.

Кропоткин хлопнул в ладоши. Человек на козлах обернулся. Конечно, это доктор Веймар. Кропоткин вскочил в экипаж. Кучер-«чайковец», Александр Левашов, хлестнул коня, промелькнули ворота госпиталя и толпа народу у них. Все что-то кричали, махали руками, но ничего не делали. Великое дело - неожиданность!

Едва не перевернувшись, пролетка круто свернула с пустынной кавалергардской улицы в тесный переулок. На ходу Кропоткин надел пальто и цилиндр. Сменил фуражку на цилиндр и его сосед. Через несколько минут они были на Тверской, потом - на Невском, там остановились у громадного дома на углу Гончарной.

Знакомая квартира сестер Корниловых. Множество людей. Дружеские поздравления, объятия, поцелуи. Ничто, казалось, не изменилось за два года. Но долго здесь задерживаться нельзя: по тайным каналам весть о побеге, безусловно, уже движется в соответствующие инстанции.

Черным ходом два господина в цилиндрах вышли на Гончарную, где их ждал извозчик. Чтоб запутать след жандармов, помчались в места отдыха богатых петербуржцев, на острова, где на одной из дач беглец сможет переночевать. По дороге посетили самый шикарный ресторан - «У Донона», куда жандармы и не догадались бы сунуться.

На следующий день весь Петербург был наводнен сыщиками, у каждого фотография человека с большой бородой. Но к этому времени он уже сбрил свою приметную бороду, и совершенно неузнаваем. В городе все передавали друг другу, что царь, находившийся в Финляндии, был взбешен и распорядился: «Разыскать во что бы то ни стало!»

Друзья укрыли Кропоткина в одной из деревень в окрестностях столицы, а через несколько дней в сопровождении Марка Натансона он выехал за границу, взяв с собой паспорт Левашова.

Неделя поисков прошла безрезультатно. Один за другим следовали прямо в вагоне поезда «верноподданнейшие доклады» генерала Потапова царю, возвращавшемуся в столицу. Без прямых улик, на всякий случай, были арестованы сестра Петра Алексеевича Елена Кравченко и часовой, охранявший арестанта. Не удалось арестовать Софью Лаврову.

А жандармы решили, что беглец, видимо, исчез из Петербурга. Его начали искать за границей. Но почему-то не на севере, а на юге. Для этого в пограничные области Германии и в

Швейцарию был командирован жандармский подполковник Смельский. К счастью, он вернулся с еще более невероятным предположением о том, что Кропоткин отправился в Филадельфию на всемирный съезд социалистов.

В Петербурге решено было привлечь к суду смотрителя Николаевского военного госпиталя полковника Стефановича. На него, как на главного виновника побега, было указано в очередном докладе царю в начале сентября. Стефанович был арестован и предан военному суду вместе с двумя рядовыми и надзирателем. Проведя полгода в заключении, он умер. «Но «дело о побеге» мятежного князя не было закрыто. В январе 1879 года жандармы получили сообщение о том, что якобы Кропоткин намерен «тайным образом» проникнуть в Россию. В пограничные пункты были разосланы приказы о задержании государственного преступника Петра Кропоткина. А еще через два года без веских доказательств ему приписали организацию закончившегося убийством покушения народовольцев на Александра II.

П. А. Кропоткин

Об идеале будущего строя (1874) 1

1 Былое. М. 1922, N 7, С. 6-38.

Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?

Я полагаю, что должны.

Во- первых, потому что в идеале мы можем выразить наши надежды, стремления, цели, независимо от практических ограничений, независимо от степени осуществления, которой мы достигнем, а эта степень осуществления определится чисто внешними причинами.

Во- вторых, потому что в идеале может выразиться, на сколько мы заражены старыми предрассудками и тенденциями. Если некоторые бутовые стороны покажутся нам так святы, что мы не посмеем их коснуться даже при разборе идеальном, то насколько же велика будет наша смелость при практическом уничтожении всяких бытовых особенностей. Другими словами, хотя умственная смелость вовсе не есть ручательство за смелость практическую, но умственная мыслебоязнь есть уже, наверное, мерило мыслебоязни практической.

Говоря об определении идеала, мы, конечно, имеем в виду определение только 4-5 крупных черт этого идеала. Все остальное должно быть неумолимым осуществлением в жизни этих основных начал. Поэтому оно не может быть предметом

обсуждения теперь. Формы осуществления не могут быть проведены научным путем. Практически они могут быть выведены только путем многократным практического обсуждения незадолго до и во все время осуществления на месте, в общине, в артели, а не теперь, при зарождении дела.

Под идеалом мы разумеем такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей с природою.

Нет никакого сомнения в том, что между различными социалистами, самых разнообразных оттенков, существует довольно полное согласие в их идеалах, если взять их в самой общей форме. Общественный быт, которого осуществления они желали бы в более или менее близком будущем, вообще довольно одинаков, и различия между их идеалами скорее происходят не от коренных различий в идеале, а от того, что одни сосредоточивают все свое внимание на таком идеале, который может, по их мнению, осуществиться в ближайшем будущем; другие - на идеале, по мнению первых, более отдаленном, - чем от коренных различий в самом идеале.

В самом деле, все теперешние социалисты стремятся к возможно более полному *равенству условий развития* отдельных личностей и обществ.

Все они желали бы осуществления такого строя, чтобы каждый имел одинаковую *возможность* заработать себе средства к жизни личным трудом т. е. чтобы каждый имел бы одинаковое право на пользование теми орудиями труда и сырьем, без которых никакой труд невозможен… чтобы распределение полезных занятий в обществе было такое, при котором невозможно образование класса, занятого пожизненно, а тем более наследственно, исключительно *привилегированным трудом,* т. е. трудом более приятным, менее тяжелым и менее продолжительным, но дающим право на одинаковое благосостояние с прочими, или даже больше: чтобы каждый имел одинаковую возможность наравне со всеми остальными, получить то теоретическое образование, которое ныне составляет удел лишь немногих, чтобы отношения отдельной личности ко всем остальным были бы таковы, при которых, пользуясь наибольшею суммою благ от этих отношений, она несла вместе с тем наименьшее количество стеснений ее личной свободы и ее личного развития…

…Такова программа громадного большинства, едва ли не всех социалистов нашего времени. Даже те, которые, по-видимому, проповедуют идеал совершенно иной, те, которые, напр. проповедуют в конечном идеале государственный

коммунизм или иерархический строй и т. п., в конце концов, желают того же; и если они сосредоточивают сильную власть в руках или правящего меньшинства, или выборных старцев и, таким образом, приносят в жертву, напр., личную самобытность, то отнюдь не потому, чтобы они не придавали ей никакой цены или считали ее вредной, но только потому, что они не находят возможным осуществление такого строя, при котором все четыре формы равенства осуществлялись в одинаковой мере и жертвуют одною из форм для достижения прочих. При этом никто из живых последователей эти ученых социалистов и не думает, чтобы какая бы то ни было общественная форма могла закаменеть и не подлежать дальнейшему развитию…

Часть третья. Идеалы и действительность

I. Под чужим именем

Через Норвегию - в Англию

Без помех он проехал через Финляндию, Швецию и прибыл в Христианию1, раскинувшуюся на берегу живописного Ослофиорда, несомненно, сотворенного ледниками. О беглеце сообщили во все портовые города, и названа была его главная примета - пышная русая борода. То обстоятельство, что Кропоткин ее сбрил, пожалуй, и позволило ему остаться неузнанным.

1 Так в 1624-1924 гг. назывался г. Осло, столица Норвегии.

Пять лет минуло с того времени, когда он прошел по финским болотам пешком вдоль строившейся железной дороги в поисках следов оледенения и нашел их. Фундаментальный труд, содержащий теорию последнего оледенения Земли, над которым он продолжал работать в Петропавловской крепости, был завершен. Друзья рассказали ему, что Александр вместе с Иваном Поляковым отредактировал рукопись и подготовил ее к печати. Когда состоялся побег, ее уже начали набирать в типографии Стасюлевича.

Совместимо ли его теперешнее положение с научной работой? Время покажет. Пока же он думает не о продолжении занятий наукой, а о том, как быстрее возвратиться в Россию, где ему, конечно же, придется жить в подполье, и уж вряд ли будет возможность появиться в Географическом обществе…

Несколько дней, проведенных в Христиании, были посвящены знакомству с жизнью норвежской столицы. Тогда самостоятельной, независимой Норвегии еще не существовало. Была уния со Швецией: общий король, общее правительство, но был свой парламент (стортинг). Положение Христиании по отношению к Стокгольму чем-то напомнило Кропоткину Иркутск, некоторая самостоятельность которого сохранялась, благодаря значительной его удаленности от столичного Петербурга. В Норвегии важную роль играло еще и то, что норвежские крестьяне не знали крепостного права. Они боролись за свои права с полным сознанием своего достоинства, не испытав унижения рабством. Их интересы отстаивала в стортинге особая крестьянская партия, издававшая свою газету. Не то что в России, где, например, «чайковцы» жестоко поплатились за одну лишь попытку объяснить людям физического труда элементарные их права.

На пароход Кропоткин сел в старинном порту Бергене, одном из городов средневекового торгового ганзейского союза. Там же простился с Марком Натансоном, который сопровождал его. С ним многое обсудили, пересекая Финляндию. Умелый, волевой организатор, он проведет потом лет пятнадцать в ссылке и станет одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров), «наследницы» народников и народовольцев.

А на палубе парохода, куда Кропоткину удалось пробраться незамеченным, он разговаривал с одним профессором их Христиании. Говорили по-норвежски. Подобно Паганелю Жюля Верна, выучившему португальский вместо испанского, Петр Алексеевич думал, что изучает шведский язык, готовясь на петербургских дачах к поездке. Оказалось - норвежский, и кстати… Норвежец дал Кропоткину газету с отчетом о только что возвратившейся из Северной Атлантики экспедиции профессора Мона, исследовавшей глубоководную часть океана. Сразу возникла мысль предложить английское изложение статьи известному английскому научно-популярному журналу « *Nature* », с которым Кропоткин предполагал наладить сотрудничество.

Еще в 1871 году в этом журнале была напечатана его небольшая статья о полярных сияниях на Байкале, подписанная английскими буквами «Р. К.» Он надеялся, что по этой заметке его вспомнят, и он сможет продолжить работу, подписываясь другими инициалами. A. L. Ведь теперь у него был паспорт «чайковца» Александра Левашова, того самого, что сыграл роль кучера при его побеге. Теперь, как и Кравчинский, Левашов, уехал на помощь повстанцам Сербии, поднявшимся против турецкого угнетения.

Итак, один, с чужим паспортом, гладко выбритый, в цилиндре, вышел Кропоткин на берег в Гулле. Опасаясь, что и в этот порт проникли царские ищейки, он сразу же выехал в Эдинбург, шотландскую столицу, где снял небольшую комнату на окраине города. Первую, написанную по-английски заметку о путешествиях русского географа Н. М. Пржевальского* в Центральной Азии Кропоткин послал сразу в газету «Tumes» и в журнале «Nature».

Спасительный журнал «Nature»

В «Times» она появилась немедленно, журнал тоже принял заметку к публикации. Кропоткин решил, что сможет таким путем что-то зарабатывать, но для этого лучше поселиться в Лондоне, поближе к редакциям. Несмотря на риск быть опознанным, он переехал в английскую столицу и пришел в

редакцию «Nature». Секретарю редакции Джону Скотт-Келти он представился русским географом Левашовым. Тот принял бывшего сотрудника Русского географического общества очень тепло и предложил работу: просматривать все получаемые редакцией журналы и на выбор реферировать статьи по географии. Кропоткину был выделен стол, на который складывалась поступавшая периодика.

Левашов- Кропоткин приступил к работе. Первая заметка -о норвежской экспедиции, измерявшей глубины в Северной Атлантике, за ней последовали краткие отчеты об экспедициях русских географов и обсуждения их результатов.

Поначалу были немалые трудности с языком, и каждую заметку приходилось переписывать по три, а то и по четыре раза. Еженедельно, если выполнялась «норм», платили небольшой гонорар, вполне достаточный, чтобы существовать на него. Но если заметок в номере не было, то не было и гонорара. Кропоткин тогда «довольствовался чаем и хлебом».

Однажды Скотт Келти предложил Левашову для рецензии две книги «некоего русского географа» П. А. Кропоткина, первая - «Общий очерк географии Восточной Сибири», изданная в прошлом году, вторая - «Исследования о ледниковом периоде» только что вышедшая в Петербурге. Петру Алексеевичу пришлось признаться, что он и есть автор этих книг. Скотт-Келти читал в газетах о побеге князя Кропоткина и был очень рад, что новый автор журнала оказался столь известным человеком. И не только как узник русского царизма, но и как ученый. «Вам не обязательно хвалить или ругать эти книги, расскажите просто, о чем они», - посоветовал Скотт Келти, проявляя участие. С тех пор они стали друзьями. Впоследствии Келти был избран секретарем Королевского географического общества, и его именем был назван один из островов Земли Франца-Иосифа, открытой австро-венгерской экспедицией Ю. Пайера и К. Вайпрехта, но за год до этого «предвиденной» Н. Шиллингом и П. Кропоткиным.

Заметки Кропоткина продолжали публиковаться регулярно и в журнале, и в газете. Сначала они подписывались буквами «A. L.», потом шли без подписи, а затем все чаще стали появляться инициалы Р. К. Так подписаны статьи «Русский исследователь в Азии прошлым летом» (о Н. М. Пржевальском), «Первый съезд русских натуралистов», «Плавание адмирала С. О. Макарова», рецензия на книгу Х. Вуда «Берега Аральского моря» и другие.

Давний его знакомый Адольф Эрик Норденшельд совершил плавание на судне «Proven» в устье Енисея и готовился к переходу северо-восточным морским путем в Тихий океан - вдоль северных берегов Сибири. Кропоткин отправил Норденшельду письмо, в

котором просил прислать материалы плавания к устью Енисея: «Поскольку я пишу для английских научных журналов, то был бы очень рад получить сообщения шведской прессы о Вашем последнем путешествии… чтобы тотчас рассказать о них английской публике, - не говоря уже о моем давнем интересе к Вашим смелым путешествиям…»

Позже, когда Норденшельд прошел на шхуне «Вега» Северный морской путь за две навигации и выпустил книгу об этой экспедиции, Кропоткин поместил в «Nature» пространную рецензию на нее. Он отметил историческое значение плавания «Веги», и рассказал о научных результатах ледового похода и о самом организаторе экспедиции. Норденшельд фактически выполнил план, задуманный Кропоткиным, и, больше того, повторил традицию кропоткинских экспедиций: не только прошел неизведанным путем, но на этом пути сделал немало открытий.

Той первой осенью в Лондоне состоялась встреча Кропоткина с человеком, о котором, пожалуй, чаще всего говорили в кружке «чайковцев», - с Петром Лавровым. На улицах Лондона продавалась издававшаяся им газета «Вперед!», и первое, что Кропоткин прочитал в ней, был некролог, посвященный Михаилу Бакунину, написанный Лавровым. Кропоткину некролог не понравился, но газету все же стал читать регулярно. И вот однажды в рубрике «почтовый ящик» он увидел мелким шрифтом напечатанное приглашение господину К. зайти в редакцию для получения письма из России. Вероятность того, что это относится к нему, была очень велика, и Кропоткин отправился по адресу, указанному в газете.

Дверь открыла женщина, у которой он спросил, можно ли видеть господина Лаврова. Себя же Кропоткин не назвал, но дама почему-то его сразу узнала, приняв, как потом выяснилось, за брата Александра, которого все в редакции хорошо знали и любили. Безбородый Петр оказался особенно похож на него. Недоразумение устранил вышедший навстречу с дружескими объятиями никогда не видевший его Лавров.

Конечно, он стал предлагать сотрудничать в газете, где уже активно работал только что вырвавшийся из сибирской ссылки и проходивший по «каракозовскому» и «нечаевскому» делам Варлаам Черкезов. Ему помог бежать из России тот же доктор Веймар. Черкезов вел в газете Лаврова отдел внутреннего обозрения «За две недели». Кропоткину, однако, хотелось быть ближе к бакунистам, к практической революционной работе. Он написал письмо своему старому швейцарскому другу, Джеймсу Гильому. Получив ответ с приглашением приехать, Кропоткин в начале 1877 года отправляется в Швейцарию.

В центре Европы

Поселившись в городе Шо-де-Фон, Петр Алексеевич вступил в одну из артелей часовщиков, решив освоить эту профессию настолько, чтобы иметь возможность зарабатывать ею. Кое-каких успехов в этом деле достиг и отремонтировал несколько часов. В частности, он оказал такую услугу Георгию Плеханову, который впоследствии шутил, что у него, марксиста, часы отремонтированы анархистом Кропоткиным (с точки зрения Плеханова, врагом порядка и точности), а идут тем не менее - безошибочно.

Позиция Юрской федерации во взглядах на государство с самого начала отличалась от установок Генерального совета Интернационала, руководимого Карлом Марксом. Социал-демократы считали необходимым использовать государственную машину для строительства социалистического общества, допуская ее отмирание лишь в далеком будущем. По мнению анархистов Юры, революция должна сразу покончить с государством, остающимся, по их мнению, эксплуататором народа при любых условиях.

В 1872 году на Гаагском конгрессе Интернационала, когда еще жив был Бакунин, вся Юрская федерация большинством голосов была исключена из Международного товарищества рабочих, после чего оно практически перестало существовать. Остался лишь Генеральный совет, переехавший в Нью-Йорк. Юрская федерация, так же, как Испанская, Итальянская и Бельгийская, находившиеся под влиянием Бакунина, продолжали действовать уже без него: великий анархист умер в Берне 1 июля 1876 года, в 62 года. В этот день Кропоткин находился еще в тюремном госпитале, и до его побега оставалось чуть меньше месяца.

Федерация Юры издавала бюллетень, редактировавшийся Джеймсом Гильомом. Этот школьный учитель, соратник Бакунина, стал близким другом Кропоткина еще в первый его приезд в Швейцарию, в 1872 году. Теперь он познакомился с французским географом и анархистом по убеждению Жан-Жаком Элизе Реклю*, участником разгромленной Парижской Коммуны, с другими бывшими коммунарами - учителем Густавом Лефрансе, автором книги о Коммуне Бенуа Малоном; с друзьями Бакунина - итальянцами Карло Кафиеро и Энрике Малаеста.

И еще с одним, родственным по духу человеком, удалось встретиться в Швейцарии - с Львом Ильичем Мечниковым*, только что приехавшим из Японии, где он прожил два года, читая лекции в университете.

Как Реклю и Кропоткин, Мечников был географом и убежденным анархистом. Все трое стремились объединить анархизм с наукой, но если первые двое видели путь через развитие человеческих отношений, то Мечников считал, что первична географическая среда, которая и определяет социальную жизнь людей.

Еще в 1873 году Кропоткин опубликовал в петербургском сборнике «Знание» рецензию на появившийся на русском языке двухтомник Э. Реклю «Земля». Теперь он подружился с этим человеком. Как и Кропоткин, Э. Реклю несколько лет провел в трудной экспедиции: он исследовал природу в джунглях Амазонки. Как и Кропоткин, он стал анархистом, познав, что в природе господствует закон взаимосвязей и зависимостей, а в живом мире - взаимопомощь и солидарность.

Пройдет 32 года, и в журнале Королевского Географического общества в Лондоне появится некролог Э. Реклю, написанный Кропоткиным. Три десятилетия дружбы и сотрудничества двух единомышленников - знаменательный факт в истории науки.

Довольно много в Швейцарии находилось и русских эмигрантов. Члены разгромленной в 1863 году подпольной организации «Земля и Воля» - Николай Серно-Соловьевич и Николай Утин - активно сотрудничали в Интернационале, оказавшись в оппозиции к Бакунину. После того, как Серно-Соловьевич покончил жизнь самоубийством, ведущая роль в деятельности русской эмигрантской колонии перешла к Николаю Утину, с которым Кропоткин встречался еще в 1872 году. Сын миллионера-откупщика, получивший университетское образование в Петербурге, он примкнул к социалистам и отдал много энергии русской секции Интернационала, которая находилась в Женеве. Утин переписывался с Марксом, встречался с ним. Секция была утверждена Генеральным советом, но просуществовала недолго. Постепенно Утин отошел от революционных дел, а затем, написав прошение на имя шефа жандармов Н. В. Мезенцова, получил разрешение вернуться в Россию, где работал до конца жизни инженером на одном из заводов Урала.

Позже в русскую эмиграцию влились участники по существу новой революционной организации «Земля и Воля», возродившейся в 1876 году. В нее вошли и избежавшие ареста «чайковцы». Через три года из-за серьезных разногласий организация раскололась на две: более умеренный «Черный передел» и «Народную Волю», которая ставила своей целью немедленное свержение самодержавия, захват власти и передачу ее в руки народа.

Друзья Кропоткина Дмитрий Клеменц, Лев Тихомиров, Николай Морозов, Софья Перовская, Сергей Кравчинский стали активными деятелями «Народной воли». Работая нелегально в России, они периодически приезжали по делам организации в Швейцарию. Но из всех русских «своим» юрцы считали только Кропоткина.

18 марта 1877 года, в день шестилетней годовщины Парижской Коммуны он принял участие в демонстрации в Берне. Юрцы вышли на улицы с красными знаменами. Несмотря на то, что городские власти запретили проведение демонстрации с флагами, столкновения с полицией избежать не удалось. Двое демонстрантов получили сабельные ранения, тяжело были ранены двое полицейских. И лишь одно знамя из многих удалось донести до места проведения митинга, который все же состоялся. Среди участников демонстрации вместе с Кропоткиным были Дмитрий Клеменц и Георгий Плеханов.

После той демонстрации правительство запретило вынос на улицы красных знамен по всей его территории. Юрская федерация не подчинилась и провела шествие, подобное бернскому, в городке Сент-Имье в день открытия очередного конгресса анархистов. Ожидая нападения полиции, демонстранты вооружились, но на сей раз власти не решились вмешиваться, и столкновения не было.

Больше Кропоткин никогда не участвовал в подобных акциях, выступая все-таки за то, чтобы ход революции был как можно более мирным. В своей борьбе он употреблял лишь одно оружие - слово, устное или печатное.

К этому времени Кропоткин понял, что ему придется и, возможно, долгие годы жить и работать за границей, вести жизнь политического эмигранта. Из писем, которые он получал от друзей из России, ему было ясно, что возвращение на родину сейчас невозможно: только что прошел процесс по делу о революционной пропаганде, ставший известным как «процесс 193-х». Это один из наиболее грандиозных политических процессов за всю историю России. По нему было привлечено около двух тысяч человек. Число обвиняемых сначала сократилось до 900, потом до 193-х. Следствие продолжалось два с половиной года. За это время несколько человек скончалось в тюрьмах. Среди них мог оказаться и Кропоткин, если бы не удался его побег.

Главным документом обвинения на процессе была как раз записка Кропоткина, начинавшаяся словами: «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?», и исписанная его рукой тетрадка, озаглавленная «Пугачевщина».

Эта рукопись была напечатана «чайковцами» в женевской типографии как книжка для народа.

Протоколы заседаний Особого присутствия Правительствующего Сената под председательством сенатора Петерса, продолжавшихся более трех месяцев (с 18 октября 1877 года по 23 января 1878 года), публиковались в русских газетах, хотя и с большими сокращениями. Еще короче они воспроизводились в английской прессе. Имя Кропоткина промелькнуло в них два-три раза, в том числе во фразе из обвинительного заключения: «Кропоткин во время производства следствия бежал из-под стражи».

И хотя девяносто человек суд оправдал, восемьдесят и них все-таки были отправлены в административную ссылку. Суд даже ходатайствовал о монаршем смягчении приговора, но Александр II его утвердил без изменений. Борьба самодержавия с революционерами обострилась. Кропоткин, оставшись в Европе, оказался в стороне от этой борьбы: «Меня скоро захватила волна анархического движения, которая как раз к тому времени шла на прибыль в Западной Европе. Я чувствовал, что могу быть более полезен здесь, чем в России, помогая определиться новому движению… Работая для Западной Европы, я и для России сделал, может быть, больше, чем если бы я оставался в России»1 Но, примкнув к западноевропейскому революционному движению, Кропоткин занимал в нем свое особое место, оставаясь в этом движении русским представителем. И не только потому, что все, происходившее в России, его живо интересовало, на все он немедленно реагировал и выступал в качестве квалифицированного комментатора для европейцев.

1 Записки, С. 245.

Николай Бердяев писал в журнале «Русская мысль» в 1917 году: «Русские революционеры, русские социалисты и анархисты, как бы фанатически они ни исповедовали западные учения, всегда были по природе своей восточниками, а не западниками». Для русских народников экономика всегда была на втором месте, а на первом - вопросы нравственные, этические. Думая о социалистическом обществе, они никак не могли отрешиться от представления о русской крестьянской общине как о «ячейке» социализма. Западноевропейское рабочее движение возглавили социал-демократы, видевшие организацию послереволюционного общества обязательно на государственных основах, что вносило в рабочее движение элементы авторитарности, иерархии и централизма. Примат экономических условий жизни людей отодвигал этику на второй план.

Анархические взгляды Кропоткина развивались уже на

протяжении десяти лет, если принять во внимание его признание, что еще в Сибири он был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом. Он только укрепил свои позиции, когда примкнул к народничеству, в котором антигосударственная и этическая анархическая тенденция была очень сильной. Однако ни у кого из народников она не получила такого развития, как у Кропоткина.

Анархизм - философия природы

Элементы этого, одного из древнейших общественно-политических течений усматриваются еще у предтечи христианского мировоззрения Платона и у философов-киников Древней Греции. Наиболее известен из них Диоген, сказавший из своей бочки Александру Македонскому, пытавшемуся и его «осчастливить»: «Отойди, не засти мне солнца». Наивысшим благом для человека киники провозглашали духовную свободу и неподчинение власти. Элементы анархизма присутствуют и в философии Зенона и стоиков, утверждавших за 300 лет до н. э., что цель человека - жить согласно природе; в философии Руссо, разоблачавшего безнравственность государственной власти. Первым попытался изложить анархизм как учение в конце XVIII века английский писатель Уильям Годвин. Затем крупнейшим теоретиком безвластья стал Пьер Жозеф Прудон, ему принадлежат знаменитые формулы: «Собственность - это кража» и «Свобода есть анархия». Безусловно отрицавший государство, он отстаивал право на мелкую частную собственность и полагал возможным осуществить социальную революцию мирным путем. Маркс охарактеризовал Прудона в специально ему посвященной работе «Нищета философии» как идеолога мелкой буржуазии.

Михаил Бакунин - следующая великая фигура. Он был политический деятель, философ, социолог, публицист и организатор. В 60-х годах одна за другой выходили его книги, в которых его антигосударственная доктрина противопоставлена всем другим социалистическим учениям, в том числе и марксизму. Разрушение государства он считал главной целью, а в революционном движении не признавал централизма. На этой почве произошел его бескомпромиссный разрыв с Марксом и Генеральным советом Интернационала. Не ограничившись объединением своих сторонников в «Альянсе», он участвовал в организации авантюрных, по сути, бунтов в Лионе и Болонье, окончившихся поражением, а потом, привлеченный бешеной энергией Нечаева, на первых порах поддержал его с идеей вымышленной им заговорщицкой организации «Народная расправа». Довольно скоро Бакунин разочаровался в Нечаеве и

между ними произошел разрыв. К концу жизни Бакунин пришел к мысли о чрезвычайной важности нравственных критериев в деятельности революционера и задумал написать свою «Этику». Но жизнь оборвалась на 62-м году, и он не успел выполнить намеченное. Тем не менее важно, что «апостол анархии» выделил значение этической стороны анархизма. И именно с этого момента Бакунина продолжил Кропоткин, основываясь на своих естественнонаучных знаниях.

Следует отметить, что близкие взгляды на роль естествознания в развитии социальных наук высказывал в 60-х годах прошлого века в своих статьях Афанасий Щапов, несомненно оказавший влияние на Кропоткина.

Считая естествознание стержнем «всех наук социальных», Щапов был убежденным антигосударственником, как и публицисты-народники Василий Берви-Флеровский, Дмитрий Писарев, Николай Шелгунов, в работах которых тоже можно обнаружить мысль о сближении наук естественных с социальными. Их идеи, наряду с бакунинскими, входили в тот идейный багаж, с которым Петр Кропоткин приехал в Швейцарию, чтобы включиться в деятельность анархического крыла Интернационала. И еще надо сказать о том, что хорошо знакомый с русской историей Кропоткин видел истоки русской анархической традиции в демократии средневековых городов Новгорода и Пскова, в идее Земского Собора и главное, - в крестьянской общине, исчезнувшей в Западной Европе, но еще сохранившейся в России. Сподвижники и близкие друзья Бакунина приняли Петра Кропоткина в свой круг. Так же, как в свое время Бакунина, стали его звать просто по имени - Петр. Ему это нравилось больше, чем чопорное английское «Prince Kropotkin». Швейцарские бакунинцы быстро поняли, что их русский друг пришел к анархизму своим путем, дополнив бакунизм чем-то глубоко своеобразным. Тогда он пришел к выводу, что *«…анархизм - нечто бо“льшее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества…»*

И эта мысль - «кропоткинский мотив» в анархизме, берущий свой исток от знания и понимания природы…

Вот каким рисует Петра Алексеевича встречавшийся с ним в Швейцарии в конце 70-х годов известный народоволец Лев Дейч: «…Он был чрезвычайно подвижен, говорил быстро и плавно и с первого раза производил благоприятное впечатление своей простотой, очевидной искренностью и добротой… Кропоткин был всегда завален работой: писал для разных ученых органов, переводил для наших ежемесячных журналов с иностранных языков, которых знал множество. По всесторонности развития он,

несомненно, стоял значительно выше всех тогдашних последователей Бакунина, не исключая и Реклю… Решительно все, как русские, так и иностранцы, относились к нему с большим уважением и симпатией и… высоко ценили его серьезное отношение к общественным вопросам, а также необыкновенную его трудоспособность, знание…»

В революционной среде многие знали Кропоткина, и не только в Швейцарии. Он съездил на полтора месяца в Испанию, где анархическое движение становилось наиболее массовым. В Мадриде и Барселоне встретился с десятками людей, установил много контактов от имени юрцев. Испанцы надолго запомнили приезд Кропоткина.

Псевдоним раскрылся

Осенью 1877 года состоялся конгресс Интернационала в бельгийском городе Вервье. Сразу вслед за ним - Международный социалистический конгресС. Он проходил в Генте, другом городе Бельгии, где Кропоткин побывал еще в 1872 году, возвращаясь из Швейцарии в Россию. Он принял участие в обоих собраниях под именем Левашова.

В Генте разгорелась борьба федералистов Юры против стремления социал-демократического крыла, которое возглавлял на конгрессе Вильгельм Либкнехт, объединить рабочие организации вокруг одного центра. Хотя юрцев было всего девять человек, им удалось помешать принятию проекта централизованного управления рабочим движением в значительной степени благодаря Кропоткину, избранному секретарем конгресса. Здесь впервые на международном уровне проявились блестящие способности Кропоткина как оратора, сумевшего логикой и страстностью своих выступлений убедить многих в целесообразности сохранения самостоятельности Юрской федерации.

Еще не завершился конгресс, а Петру Алексеевичу пришлось срочно покинуть Гент по настоятельному требованию товарищей-социалистов. Дело в том, что бельгийская полиция каким-то образом узнала, что под именем Левашова скрывается беглый государственный преступник князь Кропоткин. Правда, арестовать его хотели лишь за нарушение правил регистрации в гостинице, но стоит попасть в руки полиции, как наверняка всплывет и прежнее дело: Россия потребует выдачи. В этот день друзья даже не пустили его с митинга в гостиницу. Окружив тесной толпой, рабочие привели Кропоткина на квартиру одного социал-демократа, у которого предстояло переночевать - он

принял русского анархиста по-братски. А утром поезд уже вез его в Англию, которая, таким образом, вторично спасала его.

Пребывание в Лондоне нужно было использовать. И Кропоткин целые дни проводит в библиотеке Британского музея, изучая имевшиеся там материалы по Великой Французской революции, которой необычайно заинтересовался, желая понять, как начинается революция, проверить свою догадку, что именно достижения естественных наук подтолкнули к бурному развитию революционного процесса и что анархическая тенденция играла во французской революции, как и во всякой другой, важную роль. Эта работа продлится потом и займет не один год. А сейчас он не может долго сидеть на месте, над книгами и рукописями, душа рвется к живому делу.

Петр Алексеевич едет в Париж, где после разгрома Коммуны началось постепенное пробуждение социальной активности рабочих. Ему казалось, что он возвращается в славные времена кружка «чайковцев». И вместе с бакунистами Жюлем Гедом и Андреа Коста, которые впоследствии перейдут в стан марксистов, он пытается организовать первые социалистические группы. Сначала это были беседы где-нибудь в кафе, куда собиралось по пять-шесть рабочих. Затем те шли к своим товарищам, и через несколько дней на митинг приходило несколько десятков, а то и около сотни человек. Не так уж много, но ведь это самое начало…

В марте 1878 года на первые «поминки Коммуны» собралось не более двухсот человек. А через два года, когда в Париж вернулись освобожденные по амнистии коммунары, все население города вышло на улицы их восторженно приветствовать.

Из всех встреч той весной Кропоткину особенно запомнился визит к Ивану Сергеевичу Тургеневу, уже давно жившему во Франции. Тургенев сказал П. Л. Лаврову, что хотел бы отпраздновать по русскому обычаю удачный побег князя-революционера из царской тюрьмы. Кропоткин пришел к любимому с юности писателю и был принят с исключительным радушием. Переступить порог квартиры Тургенева было для Кропоткина величайшим счастьем. Он восторгался стилем, художественной стройностью тургеневских произведений, которые сравнивал с музыкой Бетховена.

Но - больше всего в творчестве Тургенева Кропоткин ценил необычайную привлекательность женских образов. Вот его признание: *«Повесть Тургенева «Накануне» определила с ранних лет мое отношение к женщине, и, если мне выпало редкое счастье найти жену по сердцу и прожить с ней вместе счастливо… этим я обязан Тургеневу».*

У Тургенева обсуждались новости из России. «Процесс 193-х» - важнейшая из них. Всеобщее восхищение вызвала речь на суде Ипполита Мышкина, многократно прерывавшаяся председательствующим. Она, кстати, вобрала в себя многое из написанной Кропоткиным программы для кружка «чайковцев». Тургенев расспрашивал о Мышкине: «я хотел бы знать все, касающееся его. Вот человек - ни малейшего следа гамлетовщины…»

Тургенев предчувствовал появление в русской жизни совершенно нового типа интеллигента-революционера и, по-видимому, присматривался к своим собеседникам - к Лаврову и Кропоткину. Однажды он предложил им пойти вместе в мастерскую скульптора Марка Антокольского и особенно рекомендовал посмотреть только что завершенную работу «Христос перед народом». Скульптура Кропоткина потрясла: необыкновенная грусть в лице в сочетании с огромной внутренней силой во всей фигуре Христа. Он казался похожим на связанного веревками здорового, крепкого крестьянина.

Антокольский не сразу понял, зачем Тургенев попросил принести лестницу. А тот считал, что революционеру нужно видеть творение гениального скульптора именно сверху. И действительно, с высоты Кропоткин понял всю умственную мощь этого Христа, его глубокое презрение к глупости вопившей толпы, его ненависть к палачам». Он очень многое понял для себя, взглянув на работу Антокольского так, как советовал Тургенев.

Той же весной, когда Кропоткин уехал из Парижа снова в Швейцарию, он встретился со своей будущей женой. Это была студентка-биолог Женевского университета Софья Ананьева-Рабинович, приехавшая учиться из далекого сибирского города Томска, где прошли ее детство и юность. Хотя родилась она в Киеве, но отец ее был сослан в Сибирь. В 17 лет Софья ушла из дома и отправилась в Швейцарию учиться - так поступали в то время десятки девушек России, не имевших возможность получить университетское образование на родине. И вот однажды ей предложили помочь одному русскому эмигранту в переводе с испанского. Этим русским оказался Кропоткин. Своему другу Полю Робену Кропоткин сообщил: *«Я встретился в Женеве с одной русской женщиной, молодой, тихой, доброй, с одним из тех удивительных характеров, которые после суровой молодости становятся еще лучше…»* Они встретились весной, а 8 октября 1878 года поженились.

С этого времени и до конца его жизни рядом с Петром Алексеевичем всегда будет находиться Софья Григорьевна, его жена. Их брак был заключен в соответствии с принципами

нигилистов: он мог быть расторгнут или продлен по желанию любой из сторон через каждые три года. Так они договорились. Ему было 36 лет, ей 22. И трехлетний срок был ими повторен четырнадцать раз - прожили они вместе 43 года, хотя с первых же лет этот союз подвергался тяжелым испытаниям. Рядом с ними всегда были друзья - дружили семьями. На протяжении десятилетий сохранялись исключительно теплые отношения с Сергеем Кравчинским и его женой Фанни, с семьями Варлаама Черкезова, Николая Чайковского, Марии Гольдсмит, Джеймса Гильома, Леонида Шишко…

Русско- швейцарский «Бунтовщик»

В 1878 году Кропоткин начинает выступать с лекциями на французском в маленьких городах, расположенных вокруг Женевского озера, организует небольшие группы пропаганды, в чем-то подобные кружку «чайковцев», успешно распространяя свои идеи среди рабочих и ремесленников. Его беседы всегда вызывали интерес.

А из России поступали новые известия. 24 января 1878 года Вера Засулич выстрелила в петербургского градоначальника Трепова, распорядившегося наказать розгами одного из заключенных. Верная принципам нигилистов, она не сопротивлялась аресту, а на суде заявила: «Я… не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие… Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать». Рана была не смертельной. Мотивы поступка судом присяжных были признаны обоснованными, и суд оправдал Засулич. Это было невероятно. Правда, новый арест угрожал ей сразу же, как только она вышла из зала суда, но друзья укрыли девушку и вывезли в Швейцарию, где Кропоткин с ней встречался и однажды даже провел в горы, чтобы показать альпийские ледники.

После выстрела Веры Засулич политические покушения следовали в России один за другим. Правительство отвечало репрессиями. По приговору военного суда в Одессе был казнен И. Ковальский, оказавший вооруженное сопротивление жандармам. Его участь разделили Валериан Осинский и Дмитрий Лизогуб. За ними последовали десятки других жертв и новые покушения революционеров. 4 августа 1878 года Сергей Кравчинский заколол кинжалом на улице среди бела дня шефа жандармов Н. В. Мезенцева. Спастись ему помог все тот же призовой рысак Варвар, умчавший на свободу Петра Кропоткина. А в феврале следующего года газеты сообщили, что жертвой преступного

покушения стал харьковский генерал-губернатор князь Дмитрий Кропоткин, двоюродный брат Петра. Это был не такой уж плохой человек, но, не подвергая устройство мира сомнению, всего лишь шел тем путем, который открывал перед ним его княжеский титул. Он был близок к императору и пытался как-то облегчить участь своих кузенов Петра и Александра, за что попал в немилость при дворе. Управлявший губернией восемь лет, он, конечно, не мог не знать о порядках в тюрьме Харькова, и революционеры решили, что генерал-губернатор должен ответить за них жизнью.

1 марта 1879 года был убит агент полиции Рейнштейн, 13 марта подвергся нападению новый шеф жандармов, а 2 апреля Александр Соловьев стрелял в Александра II. Покушение опять не удалось, но Соловьев был арестован и повешен.

Волна терроризма прокатилась и по Западной Европе. Были совершены покушения «на трех монархов»: на германского императора и королей Испании и Италии. Ответственность за покушения правительственные круги трех стран попытались возложить на Юрскую федерацию, как на наиболее радикальное крыло Интернационала. Царское правительство в свою очередь искало связи террористов с эмигрантами.

Однако юрские федералисты террором никогда не занимались. Резко отрицательно к нему относился и Кропоткин, видевший в терроре рецидив нечаевского подхода к революционном уделу.

Тем не менее испытывая сильное давление извне, швейцарские власти решили закрыть газету, издаваемую юрцами. Федерация осталась без печатного органа. И Кропоткин, будучи в Швейцарии иностранцем, решается приступить к изданию в Женеве газеты на французском языке. У него два помощника и первоначальный капитал из двадцати трех франков. Название газете дали «Бунтовщик». 22 февраля 1879 года вышел первый номер. Успех превзошел ожидания: сразу стало расходиться до двух тысяч экземпляров, в то время как прежняя газета имела тираж не больше шестисот. А вскоре, обратившись к читателям за помощью, редакция смогла собрать средства и на собственную типографию, которая открылась в Женеве.

Газетой заинтересовался Элизе Реклю и стал в ней активно сотрудничать. А когда Кропоткина арестовали, возглавил редакцию. И более того: собрал кропоткинские статьи, публиковавшиеся в «Бунтовщике», и издал их отдельной книгой, назвав ее «Речи бунтовщика».

На начальном этапе газетной работы для Кропоткина очень важна была дружеская поддержка Реклю, а также жены Софьи

Григорьевны, с которой он весной 1880 года поселился в Кларане: *«Здесь при содействии моей жены, с которой я обсуждал всегда всякое событие и всякую проектируемую статью и которая была строгим критиком моих произведений, я написал лучшие мои статьи для «Re“volte»… В сущности, я выработал здесь основу всего того, что в последствии написал»* 1.

1 Записки, С.

Там жил и Реклю. Он пригласил Кропоткина помочь ему в работе над томом его «Всеобще (универсальной) географии», посвященном Азиатской России. И действительно, данные о рельефе, климате, растительности можно было почерпнуть у русского друга, так хорошо знавшего Сибирь и Дальний Восток. Работали они так: Кропоткин писал на «своем французском», а Реклю редактировал материал, чтобы он не отличался по стилю от всего издания. Практически а каждой странице этого тома можно встретить примечание: «По данным П. Кропоткина».

Передовая первого номера «Бунтовщика», написанная Кропоткиным, начиналась решительно и грозно: *«Старый мир быстрыми шагами приближается к всемирной революции, т. е. к такому сотрясению, которое, вспыхнувши в одной стране, быстро распространится, как в 1848 году, на все соседние страны и, разрушая самые основы теперешнего строя, даст новый источник жизни одряхлевшему миру».*

И дальше из номера в номер развивалась мысль о неизбежности смены буржуазного государственного строя социалистическим, но только обязательно - безгосударственным. Вслед за Прудоном и Бакуниным, Кропоткин не признавал за государственной формой управления никакой положительной роли в эволюции человеческого общества. Напротив, подавляя инициативу народных масс, государственная власть всегда тормозила эволюцию, даже в тех случаях, когда пыталась сверху «наладить» реформы: Петр Алексеевич хорошо помнил, как обманулся он с реформаторским «либерализмом» Александра II.

Передовицы «Бунтовщика» обличали правящие круги европейских государств, которые время от времени вроде бы сами идут на уступки, но тут же возвращаются назад, опасаясь подъема народных масС. И тогда-то вновь нарастает усиление власти во всех областях и дальнейшая ее концентрация, преследуется всякое свободомыслие. А дело все в том, убеждал своих читателей Кропоткин, что государство - то есть политическое устройство, при котором все дела общества вершит меньшинство, образующее кучку «власть придержащих», - отживает свой век. И человечество ищет новых форм политической жизни. Не повиновением, а свободным договором должны быть сплочены люди в обществе.

Государство! Сколько гневных слов посвятил ему Кропоткин: *«Государство вмешивается во все проявления нашей жизни. От колыбели до могилы оно держит и давит нас в своих руках… Оно преследует нас на каждом шагу, и мы встречаем его на каждом перекрестке… Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество из колеи, в которой оно завязло».* Эти «величественные события» - революция. Она преобразует хозяйственный строй, основанный на обмане и хищничестве, оживит умственную и нравственную жизнь общества, вселит *в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и высоких самопожертвований».*

Кропоткин находит удивительной силы слова, бьющие прямо в цель. И растет число читателей его «Бунтовщика» в Швейцарии. Во Франции же, где газета запрещена, ее приходится посылать в закрытых конвертах по специально подобранным адресам подписчикам бесплатно, рассчитывая, что получившие будут добровольно высылать свои пожертвования. И деньги приходили.

В редакции шутили: если бы французская полиция захотела прекратить существование крамольной газеты, она должна была бы на нее подписаться, но не присылать добровольных пожертвований, и газету стало бы не на что издавать.

А она выходила регулярно, сначала раз в две недели, потом еженедельно. И в каждом номере публиковались новые социальные обобщения Пьера Кропоткина.

Например, рассматривался вопрос о том, какая может возникнуть ситуация после свершения революции. И еще тогда, в начале 80-х, Кропоткин предупреждал, что если революция приведет к созданию диктатуры, то неминуемо погибнет. Это будет означать возрождение той же самой (лишь с другим названием) системы власти, против которой и была направлена революция. Какими прекрасными намерениями ни руководствовались бы люди, возглавившие революцию, но если они установят диктатуру меньшинства над большинством и начнут подавлять народную инициативу, снова заставив людей повиноваться, они погубят революцию.

Среди множества революционеров различных направлений, которые вели революционную пропаганду и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е годы, Кропоткин занимал совершенно особое место. Может быть, главное, что отличало его, это внимание к нравственности, и именно в связи с революцией. Когда зреет революция, происходит изменение нравственных критериев. Возникает стремление к их обновлению, очищению. И во всех классах общества, даже в каждой семье, сталкиваются старые и новые

представления. Прогресс в развитии общества зависит от того, восторжествует ли новое на всех уровнях общества, во всех его классах, слоях и группах.

Эта концепция революции существенно отличалась от марксистской, объяснявшей неизбежность революционного переворота необходимостью смены способа материального производства и исходившей и абсолютной непримиримости классовых противоречий. Кропоткин же, подчеркивая приоритет человеческих интересов, считал нежизненным, схематизированным подходом сведение этих интересов лишь к экономическому переустройству. Никакая схема не может вобрать в себя все богатство и разнообразие жизни.

Взгляды Кропоткина на революцию отличались и от бакунинских. Если Бакунин видел причину революции в отчаянии обнищавших народных масс, а цель - в разрушении, то Кропоткин полагал, что только надежда на преобразование общества и ориентация на самые высокие идеалы, на созидание могут быть двигателем революции.

По существу, в кропоткинских статьях дальнейшее развитие получили идеи, высказанные в его записке 1873 года, начинавшейся вопросом: «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?». Он остался верен этим идеям. Но в русском народовольческом движении произошел резкий поворот от в общем-то анархических и антинечаевских, подчеркнуто нравственных принципов к все-таки в какой-то степени нечаевским. К этому времени в среде революционеров наблюдалось отчаяние, поскольку какого-либо значительного эффекта от пропаганды среди народа, и особенно среди крестьян, не было. Среди народовольцев нарастает нетерпение. Возобновился индивидуальный террор. В России продолжалась смертоносная дуэль правительства с революционно настроенной интеллигенцией. Исполнительный комитет «Народной Воли» вынес Александру II смертный приговор и неуклонно двигался по пути к его осуществлению.

5 февраля 1880 года был устроен взрыв в Зимнем дворце столяром Степаном Халтуриным. Но Александр и на этот раз остался жив.

Погибло лишь 50 солдат Финляндского полка из дворцовой охраны. Неудачей окончилась попытка взорвать царский поезд под Москвой.

Но царь не остался «в долгу». Усиливался и правительственный террор против революционеров. Александр дал указания генерал-губернаторам - всех, кого удастся схватить, казнить незамедлительно. За два года было повешено 23

человека. Казнь гимназиста Осипа Розовского, приговоренного к виселице только за расклеивание прокламаций, описана Львом Толстым в романе «Воскресение».

Обстановка накалялась, а в тиши правительственных кабинетов шла подготовка проекта конституции, работу над которой возглавил министр внутренних дел граф М. Лорис-Меликов. Проект должен был поступать в Государственный совет, но тут Александр снова стал колебаться. Только утром 1 марта 1881 года он назначил день для слушания проекта в Совете министров. И как раз в этот день Россию и Европу потрясло известие о том, что Александр II, за которым так долго «охотились» народовольцы, был, наконец, убит. Брошенная Игнатием Гриневицким бомба смертельно ранила обоих. Члены Исполнительного комитета «Народной воли» Желябов, Перовская и другие, готовя покушение, твердо знали, что платой за него будут их жизни. Но они верили в то, что убийство царя приблизит долгожданную народную революцию, ради которой им не жаль было своих жизней.

Но смерть Александра II ничего не изменила, напротив в борьбе придворных партий победила та, которая выступала против конституции. Александр III, допускавший в первый год своего правления возможность созыва Земского собора из представителей всех губерний, вскоре от этой мысли отказался, провозгласив своей целью укрепление самодержавия.

В начале апреля пятеро народовольцев были повешены.

Их подвиг и жертва, конечно, оказали сильнейшее влияние на дальнейшее развитие революционного процесса, хотя влияние это было неоднозначным.

Кропоткин откликнулся на казнь «первомартовцев» прокламацией протеста, которую сам расклеивал на улицах Женевы. 21 апреля он выступил главным оратором на митинге, после которого его допросили в полиции.

В июле 1881 года на Международном Социалистическом конгрессе в Лондоне Кропоткин высказался против увлечения революционеров «химией и пиротехникой», иначе говоря, террором с помощью взрывов. По существу, он поставил вопрос о революционно морали, отведя ей важнейшую роль в революции. Далеко не все с ним согласились.

После Конгресса Кропоткин провел месяц в поездках по Англии, побывал, в частности, в Ньюкастле, где познакомился с Джозефом Коуэном, издателем местной газеты, которому обещал присылать статьи на «русские темы». Через Париж вернулся в Кларан, де осталась жена Соня, и где его ждали не очень приятные новости.

Под прицелом «Священной дружины»

Летом 1881 года тайная организация «Священная дружина», созданная в окружении Александра III для охраны самодержавия, вынесла «мятежному князю» смертный приговор. Он узнал об этом еще в Лондоне, получив письмо от Петра Лаврова. Весть дошла по цепочке от знаменитого писателя«сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Заключив тайный союз, представители высшей аристократии и бюрократии - генералы, министры, великие князья, лично знавшие Кропоткина-рюриковича, - встали а защиту самодержавного государства от нигилистов-революционеров.

Логика их рассуждений была простой: Кропоткин как самая крупная фигура политической эмиграции, по-видимому, руководит из-за границы российскими народовольцами-террористами. Именно он организовал, считали великосветские «охранники», покушение на Александра II. Ему-то и надо отомстить за гибель царя-освободителя.

В Женеву послали провокатора, царского охранника Климова, который, чтобы познакомиться с Кропоткиным, наладил издание якобы революционной газеты под названием «Правда» (не его ли использовали потом большевики для своего печатного органа?). Но друзья уберегли от встречи со шпионом Петра Алексеевича, который, узнав о заговоре, принял меры: он напечатал в газете «Le Pevolte», а также в «Бунтовщике» сообщение о том, что ему стали известны имена организаторов покушения, все материалы заговора против него будут опубликованы в европейских газетах, если на него совершат нападение.

«Священная дружина» отказалась от своих планов, а спустя 25 лет в России был опубликован дневник члена тайной полиции группы генерала Смельского, в котором вся эта история была раскрыта.

Тогда по договоренности между правительствами России и Швейцарии Кропоткину было объявлено о выдворении его из Швейцарии. В 1881 году пришлось покинуть Кларан: он поселился с женой в приграничном французском городке Тонон, на берегу Женевского озера.

Жаль было расставаться с Швейцарскими Альпами, которые они оба очень полюбили. Горы манили Кропоткина, напоминая о сибирских походах юности. И своих друзей, которые приезжали в Швейцарию, он всегда приглашал подняться в горы, к зеленым альпийским лугам и величественным ледникам. Так, с Иваном Поляковым они побывали на знаменитом среди географов Большом Алечском леднике, о котором вместе читали в книге

Джона Тиндаля еще в далекой Сибири. Прогулки в Альпы с Дмитрием Клеменцом, Николаем Морозовым или Верой Засулич сопровождались дружескими беседами и спорами на политические темы. Засулич и Морозов были сторонниками террористических методов борьбы, Кропоткин, хотя и признавал революционизирующее влияние героических поступков, предостерегал своих друзей от чрезмерного увлечения ими. С Н. Морозовым много говорили и о научных проблемах естествознания и, конечно, о революционной борьбе».

И все же повод для его ареста нашелся, когда в конце 1882 года произошло восстание углекопов в районе Монсо-ле-Мин, близ Лиона. В нем заметное участие приняли анархисты во главе с юристом Эмилем Готье, выступавшим с агитацией. Она упала на подготовленную почву, на многих шахтах рабочие уже принимали на собраниях резолюции о передаче шахт, оборудования и домов в руки рабочих.

Прогремели два-три динамитных взрыва. Вот и повод. Конечно, это «почерк» русских террористов и их главного предводителя Кропоткина. Это он, проезжая осенью через район угольного бассейна, совратил шахтеров своими антигосударственными речами - так писали в газетах.

Роман Эмиля Золя «Жерминаль» из жизни углекопов Лионского округа в период восстания 1882 года также сыграл свою роль в искажении восприятия Кропоткина общественностью. В качестве одного из зачинщиков он изобразил анархиста с фамилией русского звучания - Суарин. Герой Золя призывал ко всеобщему разрушению. Он жил, презирая всякие узы, связывающие людей, не зная ни привязанностей, и радостей жизни. Этим он не только не напоминал, а существенно отличался от Кропоткина, но поскольку созданный Золя герой был вроде бы русский и вроде бы анархист, стали поговаривать, что прототипом для него послужил именно Кропоткин.

Шпионы ходили вокруг дома Кропоткина, ему посылали провокационные послания, в которых говорилось о якобы отправленных партиях динамита. Петром Алексеевичем даже была собрана целая коллекция подобных писем, и на всех конвертах он надписал «Police Lnternationale». При обыске их у него забрали, но на суде впоследствии представлять не решились. Обыск ничего не дал полиции кроме этих, ею же состряпанных писем. Пока Кропоткина оставляли а свободе, хотя ясно было, что ареста не избежать. В лондонской «Fimes» даже было напечатано сообщение об уже свершившемся побеге Кропоткина из Тонона. Но он отправил в редакцию письмо с указанием своего адреса и с заявлением о том, что не думает скрываться.

Да и обстоятельства не позволяли покидать домик в Тононе. Как и почти десять лет назад, в Петербурге, ареста можно было бы избежать. Но Кропоткин был арестован в тот момент, когда не мог думать только о себе. В его квартире умирал от чахотки брат жены. Он скончался в ночь на 21 декабря. И всего через три часа, на рассвете, в дом ввалились жандармы с ордером на арест. Он просил оставить его с женой, скованной горем, до похорон ее брата под честное слово, обещая к назначенному сроку явиться в тюрьму. Но жандармы были неумолимы. Его увезли в Лионскую тюрьму. Вскоре приехал вызванный телеграммой верный друг Элизе Реклю и друзья из Женевы. За гробом брата Софьи Кропоткиной шла половина населения Тонона, знавшего, кто“поселился в этом тихом городишке и кого арестовали в ту ночь, когда умер мало кому известный молодой русский.

Во французской тюрьме Клерво

В начале января 1883 года начался полицейский суд над анархистами - членами Интернационала. Им было предъявлено обвинение в принадлежности к Международному союзу рабочих, а не в организации взрывов - тогда подсудимых пришлось бы отдать суду присяжных, который, за неимением доказательств, их, несомненно, оправдал бы. Полицейский же суд имел право вынести приговор до пяти лет тюрьмы просто за нарушение закона о запрещении деятельности Интернационала на территории Франции, изданного после разгрома Парижской Коммуны.

Обвинение не имело практически никаких серьезных оснований. В качестве главных документов на суде фигурировали два частных письма Петра Кропоткина. В одном он поддерживал павшего, было, духом француза-рабочего. Речь в письме шла о наступающих великих переменах, о знаменательной эпохе и прочем. В другом, адресованном молодому тогда башмачнику Жану Граву, ставшему потом известным публицистом, Кропоткин всего лишь объяснял правила французского правописания и пунктуации. Этому письму прокурор посвятил самую патетическую часть своей обвинительной речи, которая вызвала смех подсудимых: «Вы слышали, господа, письмо. На первый взгляд, в нем нет ничего особенного. Подсудимый дает рок грамматики рабочему… Но делает он это вовсе не для того, чтобы помочь бедному работнику в приобретении знаний, которых он, по всей вероятности, и лености не получил в школе… Нет, господа! Это письмо написано для того, чтобы… лучше напитать его ядом анархизма, с единственной целью - сделать его более

страшным врагом общества…». Свою речь прокурор закончил возгласом: «Да будет проклят день, когда Кропоткин ступил на французскую землю!»

Вот это да! Что подумал бы гувернер Пулэн, учивший маленького княжича Петю языку, литературе и истории Франции?

Из пятерых, приговоренных к высшему по этой статье наказанию - к пятилетнему заключению и штрафу в две тысячи франков, - членом Интернационала был один Кропоткин. Кроме него в «почетную пятерку» вошли Эмиль Готье и Луиза Мишель.

В верховных правительственных кругах России были очень довольны: наконец князь-бунтовщик запрятан в тюрьму. И в знак благодарности республиканской Франции самодержавная Россия шлет награды прокурору и судье - ордена Святой Анны. За Кропоткина.

Суд в Лионе, как и все подобные процессы, если они проводились гласно, больше приносили пользы революционерам, чем их гонителям: подсудимые получали трибуну для широкого распространения своих идей, убежденностью и бесстрашием вызывали симпатии людей. И закономерный процесс социального развития, провозвестниками которого они были, продолжался. Остановить его арестом, нескольких человек никогда еще не удавалось.

Русской читающей публике о лионском процессе сообщили «Московские ведомости», естественно, со своей, явно неблагожелательной интонацией: «Глава интернационалки князь Кропоткин приговорен Лионским судом к пятилетнему тюремному заключению… Но, будучи лишен возможности руководить шайкой международных разбойников, Кропоткин продолжает быть душою всех анархических шаек».

Действительно, Лионский процесс и заключение в тюрьму необычайно усилили популярность Кропоткина. Сразу же началась кампания за его освобождение. В Национальном собрании Франции около сотни депутатов проголосовали за амнистию все заключенных по Лионскому процессу. Потом это предложение поддержали в адресованной президенту республики петиции деятели науки и культуры Англии и Франции. Среди них английские писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс, поэт Чарлз Суинберн, философ Герберт Спенсер, французский астроном и писатель Камилл Фламмарион и другие. Возглавлял список подписей прославленный Виктор Гюго, находившийся тогда в изгнании. В ней говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся британские граждане и другие - художники, люди науки и писатели - обращаемся к Вашему милосердию от имени князя Петра Кропоткина, приговоренного в

Лионе к 5 годам заключения во французской тюрьме.

Между тем, его исследования Сибири и Финляндии рассматриваются всеми как образец научного изучения. В России Императорское географическое общество опубликовало его большой труд, в котором он представил результаты своего обследования геологической системы Финляндии. Во Франции он известен как автор важнейших глав, касающихся России в «Geographie Universale» Элизе Реклю. В Англии по постоянному сотрудничеству в последние годы в таких периодических изданиях как «Proceedings of the Royal Geographical Societu», «Nature», «The Fortihnigtly Review», «The Nineteenth Centcry»; сверх того бо“льшая часть статей по российской географии в новом издании Британской энциклопедии написана им. Будучи уверены в том, что в его отсутствии большая часть этого останется незавершенной, в интересах науки, совпадающих с интересами человечества, мы умоляем Вас вмешаться и позволить ему вернуться к занятиям, которым он посвятил свои высокие дарования.

Мы подаем эту аппеляцию в твердой уверенности, что вынесенный ему приговор практически означает приговор к смерти. Известно, что его здоровье, подорванное тяготами, испытанными им во время путешествий в Сибири, в дальнейшем было ослаблено длительным пребыванием в качестве политического заключенного в русской крепости… Лишение его своего воздуха и телесной свободы неизбежно приведет к обострению его нездоровья, усугублению его физических страданий и преждевременной смерти.

В надежде, что Вы благосклонно воспримите эту петицию…

Обращение к президенту повторялось ежегодно, и каждый раз число сторонников амнистии возрастало, пока освобождение наконец, не произошло через три года. Но этого времени Кропоткину было вполне достаточно, чтобы дополнить свои русские тюремные впечатление французскими.

После суда два месяца осужденные находились в Лионской тюрьме. Эта тюрьма была построена недавно, однако современная архитектура нисколько не облагородила «внутреннее» содержание этого учреждения, но Кропоткина поразила мысль, что очень часто, быть может, даже в большинстве случаев с помощью тюрьмы общество наказывает невинных людей более сурово, чем преступников. Заключенный привыкает к условиям, в которых он должен находиться, и постепенно их как бы не ощущает. В то же время гораздо более жестоко наказаны его жена и дети, если он был их кормильцем. И они-то наказаны явно несправедливо.

В марте 1883 года многих уников перевезли в центральную тюрьму Клерво, расположенную в бывшем монастыре Святого Бернарда, вблизи деревушки из нескольких домиков. Софья Григорьевна поселилась в этой деревне и каждый день приносила мужу обеды, поскольку, едва он попал в тюрьму, признаки старой болезни, приобретенной за два года в Петропавловской крепости, проявились снова. В сравнении с петербургскими тюрьмами условия в Клерво были весьма благоприятными. Заключенные имели возможность свободно общаться друг с другом, возделывать огород под окном, заниматься любым делом, на выбор.

Главное: «с воли» писать в Клерво можно было сколько угодно и что угодно, правда, для передачи написанного за пределы тюремных стен существовала цензура: политические темы затрагивать запрещалось. И Кропоткин снова обратился к географии, к жизни животных, к ледникам. Он правил корректуру статей для Британской энциклопедии, написал статью о пластичности льда для Французского научного обозрения, для лондонского географического общества статью педагогической направленности - «Какой должна быть география?»

Ряд набросков сделан в Клерво для статей о взаимной помощи среди животных, о природных истоках человеческой нравственности.

Находясь в тюрьме, Кропоткин не чувствовал одиночества, ощущая постоянно поддержку в европейских интеллектуальных кругах. Академия наук Франции выразила солидарность с заключенным тем, что предоставила Кропоткину в пользование сою библиотеку. Книги из своей личной библиотеки присылал автор популярной тогда «Жизни Иисуса» Эрнест Ренан. На свидание с узником приезжал сам Камилл Фламмарион, астроном и писатель - популяризатор науки.

Во французской тюрьме Кропоткин устроил настоящий «университет» для заключенных. Своим товарищам по камере он читал лекции по геометрии, физике, астрономии, оказывал помощь в изучении иностранных языков. Учились все, а «Пьер» был единственным «профессором».

Такая атмосфера позволила спокойно приступить к работе над книгой «В русских и французских тюрьмах». В ней он хотел показать всю бесчеловечность тюремно-каторжной системы в Российской империи, а затем, сравнив ее с системой более цивилизованной, французской, доказать, что улучшение условий содержания заключенных, безусловно, важно, но не меняет дела, поскольку никакая тюрьма, как бы она ни была «совершенна», не исправляет. Тюрьмой общество лишь мстит преступнику за

содеянное.

В годы, когда Кропоткин находился в заключении, он совсем не выступал как революционный публицист, но и тогда его прежние работы продолжали издаваться в разных странах. Правда, количество изданий, а обычно за год их было более сорока, упало вчетверо. И все же перерыва не было - в каждый из трех тюремных лет выходило до десяти его публикаций. Своеобразным аккомпанементом всего периода заключения было появление во многих странах Европы воззвания «К молодежи!» Первый раз эта брошюра была отпечатан на русском языке друзьями-эмигрантами в Женеве, как раз во время Лионского процесса. Вскоре в Варшаве появился польский перевод, потом - английский, итальянский. Пока Кропоткин сидел в Клерво, его воззвание было напечатано на разных языках восемь раз. Издание этой прокламации продолжалось и в последующие годы.

В ней говорилось: *«Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно к вам. Пусть… старые духом и сердцем, оставят эту книгу и не утомляют даром глаз чтением, которое им ничего не даст…*

Если священный огонь, который горит в вас, лишь тлеющий уголь, то продолжайте делать то, что вы делаете… Но если сердце ваше бьется в унисон с сердцем человечества… то… в хаосе всемирной борьбы, сопровождающейся воплями побежденных и оргиями победителей, ожесточенных схваток героизма с трудностью, вдохновения с пошлостью, - разве можете вы оставаться пассивными!»

Кропоткин отчетливо видит, что молодежь разделяется на два лагеря: активных борцов и пассивных созерцателей. Что мешает молодым людям переходить из второго, пребывание в котором бесплодно, в первый, существованием которого определяется прогресс человечества?

Когда же он сам сделал этот переход? Весной 1872 года, когда Клемец привез его к чайковцам? А может быть, еще в Сибири?

Но ведь и у него были сомнения и колебания, тогда, в Никольском… И он пишет, обращаясь к молодежи о том, как важно это решение принять вовремя: *«Если вы одна из тех дряблых натур, которые легко мирятся со всем и при виде самых возмутительных фактов ограничиваются пустыми словами и утешаются кружкой пива, тогда, конечно, вы быстро свыкнетесь с этими контрастами и постараетесь, чего бы ни стоило, стать поскорее в ряды привилегированных, чтоб не попасть, как-нибудь, в число угнетенных. Но если вы человек, если вы реагируете соответствующим поступком на каждое ваше чувство, если*

животные инстинкты не убили в вас окончательно мыслящего существа, тогда, выходя из дома нищеты и страданий, вы скажете: это несправедливо, это не должно идти так дальше! В этот день вы поймете, что такое социализм…, вы перейдете на сторону угнетенных, потому что вы узнаете, что прекрасное, великое, - словом, сама жизнь - там, где борются за истину, за свет, за справедливость!» 1

1 Кропоткин П. А. Сб. статей, М., 1923, С. 12-13.

Необычайная популярность выпала на долю этой небольшой книжки. Она усиливалась еще тем, что автор был политическим заключенным и шла борьба за его освобождение.

Под давлением общественности французское правительство вынуждено было объявить амнистию всем «лионцам» в январе 1886 года. Кропоткин и Луиза Мишель были освобождены в одно время.

Тяжелое испытание позади. Но по приговору суда проживание во Франции Кропоткину запрещено. И прямо из Клерво он с женой отправляется в Англию, остановившись всего на день в Париже, где Петр Алексеевич, рискуя снова быть арестованным, выступил на многолюдном митинге в рабочем квартале Ботинволь с лекцией «Анархия и ее место в социалистической эволюции». Прочитав ее с огромным успехом, он продемонстрировал, что дух его не сломлен трехлетним заключением, что убеждения его нисколько не пошатнулись, а напротив, укрепились.

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 245-262.

В Северном море ревела буря, когда мы подходили к берегам Англии, но я с удовольствием приветствовал непогоду. Меня радовала борьба нашего парохода с яростными волнами. Целыми часами просиживал я на форштевене, обдаваемый пеной волн. После двух лет, проведенных в мрачном каземате, каждый нерв моего внутреннего «я» трепетал и наслаждался полным биением жизни.

Пароход наш зарывался носом в громадные волны, которые рассыпались белой пеной и брызгами по всей палубе. Я сидел на самом носу, на сложенных канатах, с двумя-тремя девушками-англичанками и радовался ветру, расходившимся волнам, качке, наслаждаясь возвратом к жизни после долгого кошмара и прозябания в крепости.

Я не думал пробыть за границей более, чем несколько недель или месяцев; ровно столько, сколько нужно, чтобы дать улечься суматохе, поднятой моим побегом и чтобы восстановить несколько здоровье. Я высадился в Гулле под именем Левашова, под которым уехал из России. Избегая Лондона, где шпионы русского посольства скоро выследили бы меня, я прежде всего направился в Эдинбург.

Случилось, однако, так, что я уже не возвратился в Россию… На родине меня слишком хорошо знали, чтобы я мог вести открытую пропаганду, - в особенности среди работников и крестьян. Впоследствии, когда русское революционное движение стало заговором и превратилось в вооруженную борьбу с самодержавием, всякая мысль о народном движении роковым образом была оставлена. Мои же симпатии влекли меня все больше и больше к тому, чтобы связать свою судьбу с рабочими массами; распространять среди них идеи, способные направить их усилия ко благу всех работников вообще…

В тот раз я недолго пробыл в Англии. Мне хотелось более живой деятельности, чем журнальная и литературная работа. С первых же дней я пробовал завязать знакомство с рабочими, и я начал с ними беседы по вопросам социализма. Но тогда (1876) английские рабочие о социализме и слышать не хотели. Дальше трэд-юнионизма и кооперации они не шли.

Не знаю, что я стал бы делать в Лондоне дальше, если бы мои швейцарские друзья вскоре не нашли мне постоянной работы в Швейцарии. Я находился в оживленной переписке с моими другом Джемсом Гильомом из Юрской федерации. И как только я нашел постоянную географическую работу, которую мог делать и в Швейцарии, то сейчас же перебрался туда. Письма, полученные, наконец, из России, говорили мне, что я могу спокойно оставаться за границей, так как никакого особенного дела на родине не предвидится. Волна энтузиазма прокатилась в то время над Россией в ползу славян, восставших против векового турецкого гнета. Мои лучшие друзья - Сергей Степняк, Дмитрий Клеменц и многие другие- отправились на Балканский полуостров, чтобы присоединиться к инсургентам. Друзья писали мне: «Мы читаем корреспонденции «Daily News» о турецких зверствах в Болгарии, мы плачем при чтении и идем записываться в отряды инсургентов как добровольцы или как сестры милосердия».

…В январе 1877 года я был уже в Швейцарии, присоединился к Юрской федерации Интернационала и здесь начал свою анархическую деятельность, поселившись в Шо-де-фоне.

…Из всех известных мне швейцарских городов Шо-де-фон,

быть может, наименее привлекательный. Он лежит на высоком плоскогории, совершенно лишенном растительности, и открыт для пронизывающего ветра, дующего здесь зимой. Снег здесь выпадает такой же глубокий, как в Москве, а тает и падает он снова так же часто, как в Петербурге. Но нам было важно распространить наши идеи в этом центре и придать больше жизни местной пропаганде…

Для меня началась жизнь, полная любимой деятельности. Мы устраивали многочисленные сходки, для которых сами разносили афиши по кафе и мастерским. Раз в неделю собирались наши секции, и здесь поднимались самые оживленные рассуждения… Я разъезжал очень много, навещая другие секции, и помогал им.

…Главная наша деятельность состояла в формулировке социалистического анархизма, в теории и в практических его приложениях. И в этом направлении Юрская федерация выполнила работу, которая не умрет.

Мы замечали, что среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою. Члены его не будут более вынуждены продавать свой труд и свою мысль тем, которые теперь нанимают их по своему личному усмотрению. Они смогут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы ля производства наивозможно большей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор. Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собой для всех целей, требующих объединения - из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем, касающимся, с одной стороны - устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой - снабжением продуктами питания, одеждой и т. п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительных общин с производительными союзами. И, наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только страною. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою. Так уже работают теперь сообща железнодорожные компании или же почтовые учреждения различных стран, не имея центрального железнодорожного или почтового департамента, хотя первые руководятся исключительно

эгоистическими целями, а вторые принадлежат различным и часто враждебным государствам. Так же действуют метеорологические учреждения, горные клубы, английские спасательные станции, кружки велосипедистов, преподавателей, литераторов и так далее, соединяющиеся для всякого рода общей работы, а то, попросту, и для удовольствия. Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, беспрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм. Ни в каком правительстве не будет тогда представляться надобности, так как во всех случаях, которые правительство теперь считает подлежащими своей власти, его заменит вполне свободное соглашение и союзный договор; случаи же столкновений неизбежно уменьшатся, а те, которые будут возникать, могут разрешаться третейским судом…

…Мы, конечно, предвидели, что при полной свободе мысли и действия для каждой личности мы неизбежно встретимся с некоторым крайним преувеличением наших принципов. Я видел уже нечто подобное в русском нигилизме. Но мы решили, - и опыт доказал, что мы не ошиблись, - что сама общественная жизнь, при наличности открытой и прямой критики мнений и действий, устранит понемногу крайние преувеличения. Мы действовали, в сущности, согласно старому правилу, гласящему, что свобода - наиболее верное средство против временных неудобств, проистекающих из свободы. Действительно, в человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен и недостаточно еще оцененное. Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и древнее всякого принуждения. Но на них основан весь прогресс человечества. И до тех пор, покуда человечество не начнет вырождаться физически и умственно, эти привычки не могут быть уничтожены ни критикой людей, отрицающих ходячую нравственность, ни временным возмущением против них. В этих воззрениях я убеждался все больше и больше по мере того, как росло мое знакомство с людьми и с жизнью.

Мы понимали в то же время, что необходимые перемены в этом направлении не могут быть вызваны одним каким-нибудь человеком, хотя бы и самым гениальным. Они явятся результатом не научного открытия и не откровения, а последствием созидательной работы самих народных масС. Народными массами - не отдельными гениями - выработаны были

средневековое обычное право, деревенская община, гильдия, артель, средневековый город и основы международного права.

Многие из наших предшественников пытались нарисовать идеальную республику, основывая ее то на принципе власти, то, в редких случаях, на принципе свободы. Роберт Оуэн и Фурье дали миру свой идеал свободного органически развивающегося общества, в противоположность идеальной общественной пирамиде, внушенной Римской империею и католической церковью. Прудон продолжал работу Фурье и Оуэна, а Бакунин применил свое ясное и широкое понимание философии истории к критике современных учреждений, «создавая в то же время, как разрушал». Но все это было только подготовительной работой…

…Что касается меня самого, то я мало-помалу пришел к заключению, что анархизм - нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества, которая должна быть развита совершенно другим путем, чем метафизическим или диалектическим методом, применявшимся в былое время к наукам о человеке. Я видел, что анархизм должен быть построен теми же методами, какие применяются в естественных науках; но не на скользкой почве простых аналогий, как это делает Герберт Спенсер, а на солидном фундаменте индукции, примененной к человеческим учреждениям. И я сделал все, что мог, в этом направлении.

Из переписки

П. А. Кропоткин - А. Э. Норденшельду (1876)

Невшатель, 22 ноября 1876 г.

Уважаемый господин доктор!

Во время пребывания в Петербурге Вы, вероятно, слышали о том, что я сижу в крепости, а затем меня судили за социалистическую агитацию в России. Но мне удалось в июле вылететь из клетки: возможно, Вы слышали, так как в шведских газетах рассказывалось об этом деле. Мне удалось приехать в Англию, где я пребыл эти три месяца…

Поскольку я пишу для английских научных газет, то был бы очень рад получить шведские сообщения о Вашем последнем путешествии, чтобы написать о нем, и я обращаюсь к Вам в надежде, что Вы сделаете доброе дело, прислав мне оттиски Ваших отчетов о путешествии. Я был бы очень рад иметь их сразу после появления в Швеции, чтобы тотчас рассказать о них английской публике, - не говоря уже о моем давнем интересе к Вашим смелым путешествиям. Когда я в тюрьме прочитал о

Вашем первом путешествии, то вспомнил, что уже в то время, когда я имел удовольствие быть знакомым с Вами, Вы стремились в Сибирь, и я очень сожалею, что не смог послать Вам мой сердечный привет, когда Вы были в Петербурге. Я посылаю его Вам теперь вместе с дружеским рукопожатием.

В случае, если Вы пошлете мне свои брошюры адресуйте их «…». Это совсем близко от Лондона… Я не ставлю свое полное имя, т. к не хочу, что о моем пребывании в Англии стало известно. В Англии я уверен, что не попаду в руки русского правительства, но за мной могут шпионить и при проезде через Францию или еще где-нибудь на континенте я могу быть арестован.

С глубоким уважением, преданностью и дружеским приветом остаюсь к Вашим услугам…

П. А. Кропоткин - Полю Робэну

Лондон, 11.01.1877 г.

…В понедельник или во вторник я уезжаю или в Бельгию или в Швейцарию. С одной стороны, Гильом убеждает меня поскорее отправиться в Вервье (Бельгия), чтобы позондировать там почву для Брусса, который сначала едет в Льеж…, а с другой стороны, меня зовут в Швейцарию: один из моих друзей в России - даже двое - скоро приедут, м. б., даже на этих днях, специально для переговоров со мной и моими друзьями…

Лондон, 23. 01.1877 г.

…Я еще не уехал: я еще не покончил с писанием для «Nature» и с письмами и сегодня уезжаю в Остенде…

…Целые вечера, проведенные в спорах, приносят мне пользу. Есть то чувство свободы, силы, которого не хватало в Лондоне.

Невшатель, 11.02.1877 г.

Я поехал… прямо в Женеву, чтобы разрешить вопросы о рабочей газете и проч. Там я захватил моего русского товарища (Дм. Клеменца), и мы вместе отправились в Невшатель через Вевэ, чтобы повидаться там с Реклю (Элизе), который меня интересует и который предложил поставить меня под покровительство Географического общества.

Шо- де-Ден, 16.02.1877 г.

Элизе Реклю мне очень понравился. Мы с ним много спорили, и я был приятно поражен, увидев в нем настоящего социалиста (я в этом нисколько не сомневался в виду его учености)…

Женева, 29.01.1877 г.

«…о России больше не думаю. Движение там такое умеренное - как это ни странно, наряду с этими казнями - я чувствую (и мне все это подтверждают), что там я буду совершенно одинок.

Движение конституционное. Нелегальный орган («Земля и Воля») называет себя социалистическим, но протестует только против самодержавия. Я сомневаюсь, чтобы я как-либо мог присоединиться к этому движению, и я работаю здесь».

Лондон, весна 1882 г.

Я много работаю, и так как мне все приходится писать по-английски, то меня это очень утомляет. К концу зимы я уже выбился из сил, но теперь чувствую себя лучше, после того как я совершил прогулку пешком в Соррей (южная часть Лондона). Барахтаюсь, как могу… Я пишу также для Британской энциклопедии…

Когда приедешь в Харроу, то тебе стоит лишь спросить либо Кропоткина, либо католическую часовню на Cherch of Engtand Road (старое название нашей улицы). Вторая дверь от католической часовни и будет дверь нашего дома…

*А. А. Кропоткин - Л. А. Шишко**

Декабрь 1890 г.

Родной мой, дорогой мой брат. Ура! Наконец, и ты с нами…

Анархия - не утопия на будущие времена, а одухотворяющий принцип для действий во всякое время: сегодня, так же, как и завтра. Руководствуясь ею, видишь свою дорогу и в Англии, и в Америке, и в России. Одно время думал печатать анархическую народную газету для России, да меня заарестовали, а там жизнь пошла другой дорогою. Я знаю, что анархизм в России нынче не [идет] - и молчу.

Brighton, 21 декабря 1899 г.

Родной мой, конечно найдется не только время, но и большая охота прочитать то, что ты написал о Сергее (С. М. Степняке-Крачинском. - В. М.). Как только получу, прочту и сообщу тебе заметки.

Живу по- прежнему, поправился настолько, что могу работать часа 3-4 в день регулярно, с условием не насиловать себя и отдыхать каждые два месяца. Прежняя рабочая сила, конечно не вернется, но, экономя силы, еще можно будет пробиться еще некоторое время…

То, что ты мне пишешь о России, ужасно меня радует. Я верю в русского крестьянина - по крайней мере тех губерний «центра», которые знаю…

Viola Bromleu Kent, суббота.

Родной, рукопись твою получил, но знаешь хворнулся так всурьез после моей поездки во Францию. Привязалась лихорадка… На морде - на 10 дней, и не строчки: не взять, ни читать, ни писать. Надо было решительно действовать. Очень хорошо ты написал: умно, симпатично… А твои замечания о

движении 70-х гг. [отличаются] краткостью… Дорогой мой, Леонид, Чарушин, Перовская, Сергей я всегда бывали в «левой крайней», она была принята нашим петербургским кружком…

П. А. Кропоткин

Из книги «Речи бунтовщика» (1885) 1

1 Кропоткин П. А. - Речи бунтовщика, СПб, 1906.

…Казалось бы, идея социализма совсем заглохла у нас в настоящую минуту. Но не бойтесь за нее: скоро, очень скоро она опять заблестит пышным расцветом, выйдет из своего временного сна и предстанет снова - вернее, шире, могучее, чем была раньше…

Бессилие правящих классов становится все поразительнее и очевиднее… В то время, как смелые исследователи каждый день открывают человеку новые средства для борьбы с силами природы, - что делают буржуазные общественные науки? Они либо молчат, либо переживают по-прежнему свои старые изношенные теории.

В области повседневной, практической жизни - тот же застой. По-прежнему, наши правители толкуют нам об узком себялюбии, как главной основе жизни, о борьбе каждого человека против всех, и каждого народа против всех остальных, в то время как жизнь народов идет в совершенно другом направлении. По-прежнему они проповедуют единение власти, сосредоточие власти, усиление власти в руках всесильного государства, тогда как жизнь все громче требует полной свободы личности. На все требования народа они знают один ответ: «ждите и надейтесь!» Они давно забыли все руководящие начала и - то бросаются в самое отчаянное преследование всех вольномыслящих людей, слепо подчиняясь самому безграничному своеволию верховной власти и умоляя ее поддержать расшатанные основы старого строя; то снова берутся сами «расшатывать основы», надеваю на себя личину свободы и ломают старое; а через несколько лет они опять преклоняются перед верховною властью, рабски умоляя ее, чтобы она усмирила расходившиеся народные волны. В промышленности они бросаются сегодня - в свободную торговлю, а завтра - в самое свирепое запрещение всякой свободной торговли. От самого подлого ханжества они переходят к безбожию, и из безбожия обратно впадают в ханжество.

Вечно боясь, вечно дрожа за свое богатство, вечно оглядываясь назад и не смея взглянуть вперед, они оказываются решительно неспособными внести в народную жизнь что бы то и

было прочное и полезное…

Государство - т. е. политическое устройство, при котором все дела всего общества передаются в руки немногих, - будет ли то царь и его советчики, или парламент или республиканское правительство, - такая форма политического устройства отживает свой век. Человечество уже ищет новых форм политической жизни, новых начал политической организации, более согласных с современными воззрениями на права личности и на равенство в обществе…

…Нужна независимость и полная свобода областей, городов, рабочих союзов, - сплоченных между собою не государственною властью, не правительством, требующим от них повиновения, а свободным договором, возникающим из взаимных обязательств, принятых на себя добровольно…

Каждый день создаются новые канцелярии, новые учреждения, как-нибудь подлаженные к старым, на живую нитку подправленным колесам государственной машины; и из всего этого создается такая неуклюжая, такая сложная, такая зловредная машина, что даже те, на ком лежит обязанность проводить ее в действие, возмущаются ее безобразием.

Государство создает целые армии чиновников - этих паукообразных обитателей затхлых канцелярий, которые мир знают лишь сквозь свои запыленные стекла да по грудам бессмысленных бумаг, написанных бессмысленным языком. Таким образом создается целая порода людей, знающих одного лишь бога - жалованье и наградные, - живущая одною лишь заботою: как бы примазаться к какой-нибудь партии: черных или белых, синих или желтых, лишь бы эта партия давала им побольше жалованья за наименьшее количество труда.

Что получается из всего этого - известно всем и каждому. Существует ли хоть одна отрасль деятельности государства - будь ли то в Персии, или в России, или в Соединенных Штатах, которая глубоко не возмущала бы каждого, кому приходится иметь с ней дело? Есть ли хоть одна отрасль - школа, судебное устройство, военное дело и т. д., - в которой государство, после целых веков переделок, не оказалось бы вполне несостоятельным?

Громадные и вечно-растущие суммы денег, которые взыскиваются государством с народа, всегда оказываются недостаточными. Все государства, без исключения, живут на счет будущих поколений. Все они входят в долги, все они идут к разорению.

Народы подчинились государственной власти под условием, что она будет защитою всем и, в особенности, защитою слабого против сильного. Но вместо того государство стало теперь

оплотом богатых против бедных, орудием имущих - всех неимущих…

Есть времена в жизни человечества, когда глубокое потрясение, громаднейший переворот, способный расшевелить общество до самой глубины его основ, становится неизбежно-необходимым во всех отношениях. А такие времена каждый честный человек начинает сознавать, что далее тянуть ту же жизнь невозможно. Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество на колеи, в которой оно завязло, и толкнули его на новые пути, - в область неизвестного, в поиски за новыми идеалами. Нужна революция - глубокая, беспощадная, - которая не только переделала бы хозяйственный строй, основанный на хищничестве и обмане, не только разрушила бы политические учреждения, построенные на владычестве тех немногих, кто успеет захватить власть путем лжи, хитрости и насилия, но также расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества, вселила бы в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и великих самопожертвований. В такие времена, когда чванная посредственность заглушает всякий голос, не преклоняющийся перед ее жрецами, когда пошлая нравственность «блаженной середины» становится законом, и низость торжествует повсеместно, революция становится просто необходимостью. Честные люди всех сословий начинают сами желать бури, чтобы она своим раскаленным дуновением выжгла язвы, разъедающие общество, смела накопившуюся плесень и гнилость, унесла в своем страстном порыве все эти обломки прошлого, давящие общество, лишающие его света и воздуха. Они желают бури, чтобы дать наконец одряхлевшему миру новое дуновение жизни, молодости и честного искания истины.

В такие времена перед обществом возникает не один вопрос о насущном хлебе, а вопрос обо всем дальнейшем развитии, вопрос о средствах выйти из застоя и гнилого болота, - вопрос жизни и смерти.

Без известной нравственной связи между людьми, без некоторых нравственных обязательств, добровольно на себя принятых и мало-помалу перешедших в привычку, никакое общество невозможно.

…Человек начинает понимать, что счастье невозможно в одиночку: что личного счастья надо искать в счастии всех - в счастии всего человечества… Простое, но несравненно более животворное чувство единства, общения, солидарности со всеми и каждым… подсказывает человеку: «Если ты хочешь счастья, то

поступай с каждым человеком так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобою. И если ты чувствуешь в себе избыток сил любви, разума и энергии, то давай их всюду, не жалея, на счастье других: в этом ты найдешь высшее личное счастье». И эти простые слова - плод научного понимания человеческой жизни и не имеющие ничего общего с велениями религий - сразу открывают самое широкое поле для совершенствования и развития человечества.

…Но перестройка не может совершиться и не совершится, покуда в основе наших обществ будет лежать порабощение человека человеком и владычество одних над другими.

…Общество должно будет отложить из групп, свободно возникающих повсеместно для удовлетворения всех бесчисленных потребностей личностей в обществе.

Современные общества уже идут в том направлении. Повсюду свободная группировка, свободная федерация стремятся занять место пассивного подчинения.

…Будущее принадлежит свободной группировке заинтересованных лиц, а не правительственной централизации, - свободе, а не власти.

Но прежде чем говорить о той организации, которая явится результатом свободной группировки, нам предстоит разрушить много политических предрассудков, которыми мы еще заражены.

…Наше суждение о диктатуре отдельной личности, или целой партии, - в сущности между той и другой нет никакой разницы, - совершенно определенно. Мы знаем, что социальна революция не может быть руководима одним лицом или совокупностью отдельных лиц. Мы знаем, что революция и правительство совершенно несовместимы между собой. Правительство, какую бы оно ни носило кличку: диктатура, монархия, парламент, - непременно должно убить революцию. Мы знаем, что вся сила нашей партии в ее основной формуле: «только свободный почин; инициатива народа может создать нечто хорошее и долговечное; всякая же власть фатально стремится к уничтожению этого свободного почина». Вот почему лучшие из нас, если бы когда-нибудь они перестали осуществлять свои идеи посредством народа, а напротив захватили бы в свои руки то могущественное орудие, которое зовется правительством и которое позволило бы им действовать по своей фантазии, стали бы через неделю величайшим злом. Мы знаем, к чему приводит всякая диктатура, даже людей с прекрасными намерениями; она влечет за собой гибель революции.

В жизни обществ наступают времена, когда революция становится необходимостью. Повсюду зарождаются новые идеи;

они стремятся пробить себе дорогу, осуществиться на практике; но постоянно они сталкиваются с сопротивлением тех, кому выгодно сохранение существующего порядка; им не дают развиться в удушливой среде старых предрассудков и преданий…

Чувствуется потребность новой жизни. Ходячая нравственность, которою руководится в ежедневной жизни большинство людей, уже перестает удовлетворять их. Люди начинают замечать, что то, что раньше казалось им справедливым, на самом деле - вопиющая несправедливость; то, что вчера признавалось нравственным, сегодня оказывается возмутительной безнравственностью. Столкновение между новыми веяниями и старыми преданиями обнаруживается во всех классах общества, во всякой среде, даже в семейном кругу…

…Следует ли из этого, что социальная революция, должна, как об этом мечтают реформаторы-государственники, опрокинуть все ограды мелкой собственности, уничтожить сады и огороды, обработанные с любовью крестьянином, и пройти по всему этому паровым плугом для внедрения благодеяний, еще весьма гадательных, обработки земли на большую ногу?

Что касается до нас, то мы, конечно, ни в каком случае этого не сделаем. Ни в каком случае мы не прикоснемся к тому клочку земли, который крестьянин обрабатывает своими собственными руками при помощи своих домашних, не прибегая к наемному труду…

II. И современная наука

Русский политэмигрант

В Англию, где Кропоткин побывал уже трижды, ему легко было возвращаться. Там оставались коллеги по Королевскому географическому обществу и русские друзья-эмигранты. К тому же социальная активность британского общества значительно возросла по сравнению с тем, что он наблюдал четыре года назад.

Так случилось, что на этот раз Кропоткин приехал в Англию надолго: он прожил там больше тридцати лет. В шутку он называл это «ссылкой» после тюремного заключения. Но, конечно, это была добровольная ссылка, которая предоставляла максимум возможной свободы. Почти каждый год Петр Алексеевич выезжал в другие страны Европы, дважды, в Америку, много ездил по Англии и Шотландии, но всегда возвращаться в район Лондона. Там был его дом.

В те годы промышленность Англии переживала сильнейший кризиС. Улицы были переполнены безработными, бездомными, обнищавшими людьми, готовыми к неуправляемому бунту. И имущие жители Вест-Энда пытались как-то заглушить недовольство с помощью благотворительности. Собранные в пользу безработных деньги конечно не спасали положение. Однако Кропоткину такое поведение показалось достойным внимания: это было едва ли не первое широкое проявление сочувствия благополучных классов беднейшим.

На первое время их с женой приютили Фанни и Сергей Кравчинские, уже два года жившие на улице принца Уэллльского. Кропоткина хорошо знали в Англии. Он сразу же получил несколько приглашений читать лекции. И осенью 1886 г. объехав почти все большие города Англии и Шотландии. Анархический социализм и преобразование общества на безгосударственной основе - вот главные его темы. Рассказывал он и о только что отбытом тюремном заключении, и о положении в России. *«Каждый вечер я виделся после лекции со множеством народа, принадлежавшего к самым различным классам. И в скромной ли комнате рабочего или в гостиной богача завязывалась одинаково оживленная беседа о социализме и анархизме, продолжавшаяся до глубокой ночи… Всюду она велась с одинаковой серьезностью»* 1.

1Записки, С. 313-314.

Его спрашивали, кто будет организовывать производство при социализме и какой нравственный двигатель заменит ныне

существующее в обществе принудительное начало. Спрашивали о том, какие уступки необходимо будет сделать, чтобы удовлетворить требования английских рабочих. Ведь Англия - страна левого центра, заметил как-то Кропоткину Джозеф Коуен, старый член парламента, и всегда живет компромиссами.

Рабочие допускали возможность захвата предприятий, но их интересовало, удастся ли ими управлять. Они уже понимали невозможность истинной социализации производства при сохранении государства, они решали вопрос о том, как смогут наладить управление сами рабочие. Поразило Кропоткина значительное участие в рабочем движении людей из средних и даже высших классов (этого он не видел в Швейцарии). Среди организаторов митингов, на которых говорились речи весьма левой направленности, нередко были люди из буржуазного круга, они же собирали деньги в пользу стачечников, безработных и бездомных. Обнаруживались даже какие-то признаки, хотя и очень слабые, начавшегося в Англии движения «в народ»: представители интеллигенции устраивали народные университеты, часто посещали рабочие кварталы, а то и поселялись там жить. Например, такое поселение существовало в Лондонском пригороде Тойнби-Холл.

Группа единомышленников Петра Кропоткина стала издавать ежемесячник «Fredom» («Свобода»). Эта газета стала пропагандистом кропоткинских идей в Лондоне, своего рода преемником «Бунтовщика», который продолжал существовать. Из Швейцарии под названием «Le Revolte» («Восстание») издание было перенесено в Париж. Позже, когда газету редактировал Жан Граф, она стала называться «Temps Nouveaux» («Новые времена»), но суть ее оставалась все той же - кропоткинской.

Сотрудничая в этих газетах, Кропоткин изо дня в день убеждал своих читателей, что государство, даже если его возглавят социалисты, не способно справедливо обеспечить потребности всех членов общества при условии, что оно будет рассчитывать на централизацию и принуждение, а не на свободную инициативу непосредственно крестьян и рабочих, объединяющихся в ассоциации, связанные только взаимной заинтересованностью и солидарностью. Идея ассоциаций не нова, ее развивали еще Роберт Оуэан и Шарль Фурье. Но Кропоткин определенным образом трансформировал ее, подведя под нее естественно научный фундамент, хотя черты первоначального утопизма сохранились и в кропоткинской теории.

Собственно, на все социальные проблемы он смотрел сквозь призму своего знания и глубокого понимания природы. Став общественным деятелем, он не перестал быть ученым - география,

геология, биология продолжали его интересовать, как и прежде. Это было видно даже по тем журналам и газетам, в которых появлялись его статьи: революционные памфлеты всегда чередовались с публикациями на научные темы. И в научном сообществе его знали также хорошо, как в средине радикально настроенной интеллигенции. Он был знаком со многими выдающимися учеными Англии, прежде всего, конечно, с естественниками. Так, во время своего «турне» на северо-востоке страны с лекциями для рабочих, прибыв в Эдинбург, он остановился у известного филолога Джона Стюарта Блэкки, переводчика Эсхила, а в доме биолога Патрика Геддеса встретился с 25-летним норвежцем Фритьофом Нансеном, который еще только обдумывал свой план пересечения на лыжах ледяного щита Гренландии. Через десять лет он будет приветствовать его возвращение из героического дрейфа на «Фраме» и похода к Северному полюсу, через предсказанную в 1871 году Землю Франца-Иосифа.

Лето 1886 года принесло Кропоткиным страшное известие - брат Александр застрелился в Томске вечером 25 июля. Получив разрешение вернуться из ссылки в Центральную Россию, он отправил семью и обещал поехать следом. Петр звал его к себе, но Александр не верил в то, что ему разрешат выехать за границу. А приступы тоски, которую он называл «фаустовской», находили на него временами и прежде. Теперь, оставшись в Томске один, он не выдержал очередного приступа, и ощущение тупика, бессмысленности жизни погубили его.

Друг о друге браться в эти годы получили лишь отрывочные сведения через третьих лиц. Петр не писал практически совсем из-за того, что получение писем от революционера, продолжающего свою деятельность за границей после побега из русской тюрьмы, никак не облегчило бы судьбу его брата, политического ссыльного. Потом, когда Петр оказался во французской тюрьме, переписка, хотя и очень нерегулярная, возобновилась: двойной контроль русских и французских тюремщиков делал ее, как ни странно, более безопасной. Александр из Томска писал о семье, которую очень любил, о науке, увлечение которой не оставлял никогда. Он сотрудничал в «Томских губернских ведомостях», в газетах «Сибирь», «Восточное обозрение», издававшихся в Иркутске. Много времени посвятил А. Кропоткин организации природного музея в Минусинске. Всю жизнь интересуясь астрономией, опубликовал несколько статей. Их читал и дал высокую оценку директору обсерватории в Стокгольме Юхан Август Гюльтен. Статьи получили одобрение и других специалистов и русских, и зарубежных. Особенно

отмечали его способность к широким обобщениям.

Когда Петр Алексеевич приехал в Англию, то сразу же передал через Элизе Реклю, который был в последние годы своего рода посредником в переписке братьев, приглашение Александру переселиться после освобождения в Лондон. Но советовал приехать сначала одному, чтобы устроиться с работой, а потом уже вызвать жену с детьми…

«Туча мрачного горя висела над нашим домиком несколько месяцев, до тех пор, покуда луч света не прорезал ее». Этим лучом было появление в кропоткинской семье дочери, которой дали имя брата - Александра. *«Беспомощный крик ребенка затронул в моем сердце новую, неведомую до тех пор струну»* 1. Произошло это событие 15 апреля 1887 года.

1Записки, С. 313.

Трагедия Саши заставила Петра снова задуматься о системе наказаний, а по сути мести, утвержденной законом. У Антигосударственника Кропоткин уже не было никаких сомнений в бесчеловечности этой системы. К этому времени он почти закончил книгу-исследование «В русских и французских тюрьмах».

В ней были обобщены еще живые впечатления от знакомства с «образцовой» французской тюрьмой, и давние - петербургские и сибирские. Выходу книги предшествовали публикации в периодике: в журнале «Девятнадцатый век», в газете «Свобода».

Личный материал Кропоткин дополнил новой информацией, почерпнутой из русских газет и журналов. Еще в 1864 году в России был объявлен новый Судебный устав, в основном вполне совпадавший с либеральными юридическими идеями Европы; устанавливался, например, суд присяжных. Но он был введен далеко не во всех губерниях (в трех Сибирских губерниях его учредили только в 1885 году), а там, где был введен, зачастую игнорировался. Множество политических дел рассматривалось в административном порядке, при закрытых дверях. Следствие вели жандармы. И в тех случаях, когда не было ни малейшей возможности осудить даже при помощи давления на суд, объявлялись административные меры: ссылка на 5, 10, 15 лет. Так поступали со всеми, кто имел смелость высказать неодобрение действиям правительства, со всеми «неблагонадежными»: как с рабочими, участвовавшими в стачках, так и с писателями, чьи произведения были признаны «опасными» для общественного спокойствия.

А уж если обстоятельства дела позволяли устроить суд, да еще со смертным приговором, часто никто не знал, где и когда он происходит. И тем более - где и когда приводится в исполнение

приговор. Даже последнее утешение осужденных к смерти - публичность казни - у них было отнято. Вешать стали секретно, в стенах тюрьмы.

По официальным данным «население» тюремной России на 1 января 1882 года составляло 95 тысяч человек. А тюрьмы - лишь отражение российской жизни, ее государственной системы. И ничего нельзя изменить, не разрушив эту систему.

Специальная глава книги была посвящена сибирской ссылке - стране изгнания - и названа «Отверженная Россия». За 10 лет, с 1867 по 1876 годы через Урал перевалило не менее 150 тысяч ссыльных. Может быть, и больше: уголовная статистика очень неточна: лишь полвина ссыльных отправлялась в Сибирь по приговору суда, остальные - без всякого суда, по административному распоряжению, по произволу жандармов или местного начальства.

Отдельная глава - о каторге. Каждый год шли по этапу в Сибирь около двух тысяч каторжных. Издевательство над людьми, разрешенное законом, - вот что такое сибирская каторга в царской России. *«Наказания, налагаемые на арестантов, целиком зависят от воли управляющего заводом и в большинстве случаев отличаются жестокостью… Плети являются в глазах надсмотрщиков обыкновенной вещью…, а кроме плетей имеется целая шкала очень жестоких наказаний, например, приковка к стене в подземном карцере на целые годы, практикуемая на Акатуе. Нечего и говорить, что управляющий приисками является чем-то вроде самодержавного монарха и что какие-либо жалобы на него - совершенно бесполезны…»* 1

1Кропоткни П. А. В русских и французских тюрьмах. СПб, 1906, С. 164.

Очевидно, «достижения» царских тюремщиков были многократно превзойдены в первой половине нашего столетия. Масштабы сталинских репрессий оказались грациозней. Но тогда, в XIX столетии приводившиеся Кропоткиным факты произвели впечатление на Западе. В этом смысле его книга «В русских и французских тюрьмах» вписывается в русскую литературную традицию, прослеживающуюся от «Записок из мертвого дома» Федора Достоевского до «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына.

Кропоткин ставит вопрос о целесообразности тюремного наказания вообще. Тюрьма не исправляет преступника, - считает он, - а лишь сокрушает его физические и особенно нравственные силы; те, кто раз побывал в тюрьме, обычно возвращаются в нее. Но как же быть с преступниками, которые мешают людям жить? Если их не наказывать, значит добровольно приносить в жертву

невинных людей?

Кропоткин так отвечает: «В древности был обычай, согласно которому всякая коммуна… считалась… ответственной за каждый противообщественный проступок, совершенный кем бы то ни было из ее членов. Этот древний обычай теперь исчезал, подобно многим хорошим пережиткам старого общинного строя. Но мы снова возвращаемся к нему… начинаем чувствовать, что все общество в значительной мере ответственно за противообщественные поступки, совершенные в его среде. Если на нас ложатся лучи славы гениев нашей эпохи, то мы не свободны и от пятен позора за деяния наших убийц…» 2

2Там же.

Тогда не все в кругах интеллигенции Англии и других стран Европы и Америки доверяли статьям и речам русских политических эмигрантов, считая, что они возводят напраслину на правительство России. Многие больше поверили английскому священнику Ландсделлю, который съездил в Сибирь и ничего плохого в тамошних тюрьмах не обнаружили. Собственно, свою книгу Кропоткин написал как раз в ответ Ландсделлю. В качестве арбитра решил выступить американский писатель Джордж Кеннан. Побывав в России и в Сибири, он издал книгу в США, в предисловии к которой написал: «Я думал, что такие писатели, как Степняк и князь Кропоткин оклеветали русское правительство и систему ссылки, что Сибирь вовсе не такая страшная страна, как это рисовалось американцам». Но то, что увидел и описал Кеннан, лишь утвердило авторитет Кропоткина как свидетеля и исследователя.

Кеннан побывал в Томске и виделся там с Александром Кропоткиным, но рассказал об этом Петру Алексеевичу, когда уже было известно о трагической гибели брата. Кеннану Александр показался человеком пылкого нрава, возвышенных понятий о чести, очень искренним и прямым в делах. Он откровенно сказал американскому журналисту: «Меня сослали за то, что я осмелился… говорить, что думаю, обо всем, творящемся вокруг, да еще а то, что я брат человека, ненавистного русскому правительству». И в Томске старший Кропоткин показал свою строптивость: отказался выполнять только что изданный приказ губернатора - всем ссыльным регулярно отмечаться в специальной регистрационной книге. И очень долго упорствовал, хотя вынужден был потом уступить.

Слушая рассказы Кеннана о брате, Петр Алексеевич не мог отделаться от ощущения, что виноват в судьбе Александра.

Скоро в домике Кропоткиных в Харроу поселилась вдова Александра Вера Себастьяновна (урожденная Беринда-

Чайковская) с детьми. Она привезла с собой юношескую переписку братьев, и Петр с волнением разобрал ее, привел в порядок и перечитал. Его вновь поразила глубина мышления, свойственная Александру еще с юности. Он очень многим интересовался, очень многое понимал, умел анализировать и обобщать. И, кто знает, может быть, именно это чрезмерно раннее развитие привело его к скепсису. Он рано перестал во что-либо верить. Трактат «Бог перед судом разума» был написан Александром, когда ему едва перевалило за двадцать. И хотя Петр под влиянием брата тоже стал атеистом довольно рано, вера в его душе всегда оставалась - вера в идеал справедливого общественного устройства, возможного при устранении власти из сферы взаимоотношения людей.

Идеал… Он имеет непосредственную связь с нравственностью. Идеал может быть примитивным, низменным или благородным, возвышенным, но у каждого он есть. Трудно понять, откуда он берется, как вырабатывается. Естественно, что человеку ненавистны раболепие, ложь, бесчестность, неравенство, власть над другими людьми. Да, именно власть мешает людям приближаться к идеалу: власть одних и подчинение ей других. Хотя, конечно, многих устраивает положение подчиненного, даже раба: лишь бы было сытно и спокойно… Не всем нужна свобода. Но вряд ли такая жизнь достойна человека, она не может быть прекрасной, счастливой…

Эти мысли не дают покоя, просятся на бумагу. И он пишет (сразу по-французски) свою первую статью, посвященную вопросам нравственности - «Morale Anarchiste» («Анархистская мораль») - и отправляет ее Жану Граву в его «Новые времена» в Париж: *«Откуда явился этот идеал?… Мы едва знаем, как идет его выработка… Но идеал существует. Он меняется, он совершенствуется, он открыт всяким внешним влияниям, но всегда живет. Это - наполовину бессознательное чувствование того, что дает нам наибольшую сумму жизненности, наибольшую радость бытия. И жизнь только тогда бывает мощной, плодотворной, богатой сильными ощущениями, когда она отвечает этому чувству идеала. Поступайте наперекор ему, и вы почувствуете, как ваша жизнь дробится; в ней уже нет цельности… Начните постоянно колебаться между различными чувствами, борющимися в вас- и вы скоро нарушите гармонию организма»* 1.

1Кропоткин П. А. Этика. М. 1991. С. 313.

Цельность и гармония достижимы, лишь когда жизнь предельно интенсивна. Эту мысль Кропоткин с восторгом обнаружил у рано умершего современника, философа и поэта

Жана Мари Гюйо*, развивавшего «философию надежды». Это был его единомышленник. Жизнь, бьющая через край! Когда ее с радостью расточаешь, отдаешь другим, не ожидая ничего взамен, - вот это счастье. Но что это? Альтруизм или эгоизм? Моралисты эти понятия противопоставляют. Кропоткин же не видел между ними различия: *«Если бы благо индивида было противоположено благу общества, человеческий род вовсе не мог бы существовать… благо индивида и благо рода по существую тождественны… Цель каждого индивида- жить интенсивною жизнью, и эту наибольшую интенсивность жизни он находит в наиболее полной общительности, в наиболее полном отождествлении себя самого со всеми теми, кто его окружает…»*

И в конце статьи - призыв к борьбе нравственной: «Сей жизнь вокруг себя… Как только ты увидишь неправду и как только ты поймешь ее, - неправду в жизни, ложь в науке, или страдание, причиненное другому - восстань против этой неправды, этой лжи, этого неравенства… Борись, чтобы дать всем возможность жить этой жизнью, богатою, бьющею через край; и будь уверен, что ты найдешь в этой борьбе такие великие радости, что равных мы им не встретишь ни в какой другой деятельности» 2.

2Там же, С. 315-317.

Созвучная ранее написанному воззванию «К молодежи!», статья обозначила новое направление в творчестве Кропоткина - нравственно-эстетическое, которое станет для него очень важным. Оно соединит его социологическую концепцию с естественнонаучной в биосоциологический закон взаимопомощи.

В Англии Кропоткин жил в одно время с философом и социологом Гербертом Спенсером, оказавшим на него большое влияние. Собственно, занятие наукой способствовало также тому, что его увлекли идеи позитивизма, развивавшиеся Огюстом Контом и Гербертом Спенсером. Он познакомился с ними еще в юности, когда с братом переводил на русский «Основы биологии» Спенсера. Его привлекла и попытка ученого построить единую, синтетическую науку, а также понимание им общества как своеобразного организма. В позитивизме Кропоткин взял идею единого метода для естественных и общественных наук, основанного на наблюдении, и представление о неразрывном единстве природы, общества и человека.

Но Кропоткин во многом критиковал Спенсера, посвятив ему специальную работу «Герберт Спенсер: его философия». Главным образом - за прямой перенос им идеи борьбы за существование из природы в общество.

Вряд ли Кропоткин и Спенсер встречались, хотя английский позитивист умер в 1903 году в Брайтоне, где часто бывал

Кропоткин, а с 1911 по 1917 год жил постоянно.

О науке в конце века

Лет пятнадцать назад Кропоткин навсегда решил оставить занятия наукой. Среди озер и холмов Финляндии уверовал, что должен отдать свои силы на то, чтобы простой народ его родины, лишенный даже элементарной грамотности, обрел свободу и изведал, как и он, радость знания - могучей силы, позволяющей человечеству двигаться вперед. Это был поступок нигилиста, народника, русского интеллигента. Но все же нужно было завершить то, что уже начато. И поэтому он выступил с докладом в географическом обществе, не считаясь с опасностью ареста. А потом работал над книгой о ледниковом периоде в каземате Трубецкого бастиона.

Оказавшись за границей фактически без средств к существованию, Кропоткин просто вынужден был вернуться к науке - только она позволила ему зарабатывать и выжить. Первоначально он рассматривал свои статьи-рефераты лишь как источник скромного заработка, который позволил ему основную часть времени посвящать революционной пропаганде.

Но вот в 1882 году умер Чарльз Дарвин. Кропоткину прислали приглашение на участие в похоронах, но он не смог им воспользоваться, поскольку находился в это время во Франции под арестом, но в «Бунтовщике» появилась его статья, посвященная великому биологу и анализу его учения.

Он углубленно стал изучать биологию. В архиве сохранилось множество связанных с этой наукой конспектов, заметок, библиографических записей, черновиков статей на русском, французском, английском языках. В 1890 году выходит отдельной книгой на русском языке без обозначения места и года издания статья «Непосредственное влияние среды в мире растений и животных», и в том же году в журнале «Девятнадцатый век» - первая статья из биосоциологической серии «Взаимная помощь среди животных». Он начал развивать свою теорию, обнаружив у Дарвина слабый намек на возможность отношений солидарности в животном мире, но в основном базируясь на выводы К. Кесслера, с которыми ознакомился в тюрьме Клерво. Там он вернулся к науке и не расставался с ней уже до конца жизни. Много времени отдал Кропоткин по просьбе Элизе Реклю работе над пятым томом его грандиозной «всеобщей географии». Этот том посвящен был Кавказу, Средней Азии и Сибири. Кропоткин писал по-французски, и с большим удовольствием: он с детства знал и любил этот язык. Там же, в Клерво, он выполнил заказ редакции Британской энциклопедии и написал статью об анархизме. Широкая эрудиция Кропоткина, способность к

анализу и обобщению позволили ему стать в ряд основных авторов 11-го издания Британской энциклопедии, который готовился к началу нового века. Кропоткиным написаны фактически все, что касается России. Это статьи об Амуре, Байкале, Кавказе, Москве, Нижнем Новгороде, Новой Земле, Новосибирских островах, Сибири, Становом хребте, Якутии - около 170 статей.

Издававшаяся в Оксфорде двумя братьями Чемберс энциклопедия давала более полные, чем Britannica, характеристики стран мира; и редакция пригласила Кропоткина в качестве автора. Его статья о России заняла восемнадцать страниц мелкого двухколоночного текста; она включила разделы о распределении и составе населения, морских берегах, реках, орографии, климате, флоре и фауне. Кропоткин выделяет физико-геогрфические районы на территории Европейской России, рассказывает о формах землевладения, размещении различных видов промышленности, характеризует торговлю, навигацию, разные виды транспорта, особенности архитектуры, историю языка и литературы.

Так в уменьшенном размере ему удалось все-таки осуществить свой давний замысел о полном землеописании России. И он, конечно, с увлечением работал над этим текстом, хотя сверхсжатый стиль энциклопедии был не по душе ему, любившему писать развернуто, ярко, образно.

Начиная с 1883 года, Кропоткин часто публиковался в очень популярном тогда в Англии журнале «The Nineteenth Centure» («Девятнадцатый век»). Журнал этот начал издаваться в 1818 году Британской ассоциациацией содействия науке и ставил перед собой величественную и благородную цель - отразить картину интеллектуальной (и не только научной, но и социальной) жизни человечества в XIX столетии. С началом XX века журнал еще продолжал выходить, а к названию его были добавлены слова and after» (и после). В нем немало места отводилось общественно-политическим проблемам и среди них серия Кропоткинских статей о русских тюрьмах, присланных еще из тюрьмы французской. Они были опубликованы в 1883 году. Но в том же году статьей «Путешествие в Сибирь» он начал свой географический цикл. Затем последовал ряд публикаций на самые различные темы.

С 1892 года Кропоткин - ведущий автор раздела «Recent Science» («Современная наука»). Содержание написанных им научных обзоров необычайно разнообразно: строение протоплазмы и структуры звезд, пластические свойства льда и лучи Рентгена, землетрясения и циркуляция атмосферы,

структура мозга и исследования Антарктиды, открытие инертных газов и искусственные алмазы, кометы и планеты солнечной системы, солнечная корона и цветовое зрение, происхождение гор и природа малярии, атмосферное электричество и химический синтез, предсказание погоды и конденсация газов…

Первенство принадлежит работам геолого-географического и биологического направлений.

«Ничто не может быть более желательного для будущего развития физической географии и науки вообще, чем возобновление интереса к антарктическим исследованиям, свидетелем которого теперь стала вся Европы» 1, - Так начал Кропоткин статью об исследованиях в южной полярной области, сообщения о которых стали поступать в 90-х годах.

1«The Ninetcenth Centure» 1895, v. 38, p. 82-102.

Кропоткин обращал внимание на то, что исследованием морей, окружавших Южны полюс, долгое время не занимались. Все усилия были обращены к Северу. Правда, те, кто шел в Арктику и зимовал на севере Гренландии, на Шпицбергене и Земле Франца-Иосифа или даже на северных берегах Сибири, возвращались на родину с такими замечательными результатами, что был соблазн снова отправиться туда. Они собрали удивительную коллекцию северной современной и ископаемой флоры и фауны, опрокинувшую все прежние представления о распределении климата и живых организмов. Ими были выполнены наблюдения по всем отраслям физики Земли. Они могли рассказать множество впечатляющих историй о лишениях и успехах, а также о стойкости и упорстве в достижении целей. Они описывали прекрасные пейзажи, погруженные во тьму арктической ночи или озаряемые первыми лучами долго отсутствовавшего Солнца, и становилось понятно, как глубоко они были захвачены северной природой, как нерушима их любовь к северу.

В февральском номере журнала за 1897 год появляется сделанный Кропоткиным разбор научных результатов ледового плавания Фритьофа Нансена и Отто Свердрупа на специально построенном судне «Фрам». Кропоткин подчеркивает научную ценность вывода Нансена о форме Полярного бассейна, о характере циркуляции его вод и дрейфующих льдов, о связи ледовитости с климатом, глубинами океана и раположением островной цепи. Особо останавливаясь на открытии Нансеном теплых атлантических вод, ушедших неподалеку от полюса под слой поверхности холодного течения, на геомагнитных и метеорологических наблюдениях, выполненных на борту «Фрама», он пишет, что эти наблюдения просто бесценны и

значение их увеличивается еще тем, что в те годы проводили метеорологические наблюдения Фредерик Джексон на Земле Фаранца-Иосифа и немецкая экспедиция Э. Кроля на востоке Шпицбергена.

Снова прозвучали в статьях Кропоткина тем ледникового периода и послеледниковых изменений климата. Он подробно рассмотрел все существующие гипотезы, пытающиеся объяснить причины движения ледников, и пришел к выводу о том, что ледники движутся благодаря присущей им пластичности, подобной той, что обдают воск и канифоль. Пойдут годы, и мировая гляциология, окончательно оформившаяся как физическая наука лишь к середине XIX столетие, признает это положение одним из важнейших.

Пишет он и об исследованиях геологов, о новейших взглядах на процессы горнообразования и на причины землетрясений, об изучении атмосферы с помощью воздушных змеев и шаров, о составлении прогноза погоды. Статья о циркуляции атмосферы была напечатана в 1893 году в 33-м томе «Девятнадцатого века». Он вернулся к тебе, впервые затронутой в заметке для «Санкт-Петербургских ведомостей», через четверть века и обратил внимание на то, что в течение последних тридцати лет данные по метеорологии накапливались очень быстро. Создание же на основе этих данных всеобщей теории циркуляции атмосферы, которая включала бы распределение тепла, давления, влажности и ветра над поверхностью земли, явно запаздывало.

С большой охотой рассказывая о достижениях своих коллег-географов, Петр Алексеевич выступал со своими, оригинальными идеями. Так, в 1904 г. он прочитал в Королевском Географическом обществе доклад «Высыхание Евразии». Суть его новой идеи заключалась в утверждении закономерной смены ледникового периода озерным с последующим прогрессирующим высыханием территории, некогда занятой ледником. В подтверждение этой мысли он приводил известные факты сокращения размеров озер признаки былого впадения Амударьи в Каспий и предлагал систему мероприятий, с помощью которых человечество смогло бы замедлить или вовсе предотвратить развитие этого нежелательного природного процесса. Это - искусственное облечение безводных местностей, шлюзование рек и устройство артезианских колодцев в степях и пустынях. Можно ли воспрепятствовать процессу высыхания озер - тем одной из статей, помещенных Кропоткиным в «Санкт-Петербургских ведомостях» еще в 1869 году.

Также давнюю историю имеют истоки его концепции существования озерного периода. Они обнаруживаются в письмах

Кропоткина из Финляндии и в «Исследованиях о Ледниковом периоде». Спустя 23 года он развил давние свои наблюдения в целостную теорию и в докладе на заседании Географического общества в Лондоне утверждал, что наблюдавшееся в Евразии ослабление увлажненности - прямое следствие ледникового периода, завершившегося периодом озерным. При этом Кропоткин ссылался на карту почв Европейской России, составленную В. В. Докучаевым, на работы европейских географов и климатологов. О том, что идеи Кропоткина о послеледниковых изменениях климата повлияли на взгляды основателя науки о почвах Докучаева, писал в 1909 году В. И. Вернадский*.

Обсуждение доклада о высыхании Евразии было оживленным. В нем приняли участие Мартин Конвей, рассказавший о наблюдавшемся им понижении уровня озера Титикака в Южной Америке; исследователь Кавказа Дуглас Фрешвильд, подтвердивший идею Кропоткина данными о повсеместном сокращении ледников, что является очевидным признаком иссушения, и другие ученые. Кропоткин поблагодарил выступивших, выразив особое удовлетворение тем, что дискуссия осветила проблему с разных сторон. Доклад был напечатан в журнале Общества, а затем издан отдельной книгой. И тогда у нее появились критики. Сред них - русский географ и биолог Л. С. Берг*, доказывавший в своей работе «Высыхает ли Евразия?» что факты не подтверждают концепции Кропоткина. По данным Брега, уровень Аральского моря в последнем двадцатилетии XIX века неуклонно поднимался. Однако согласно современным представлениям, речь может идти о циклических колебаниях увлажнненности материков: периоды сухие и влажные чередуются. Эта теория как бы примиряет две точки зрения.

Огромные достижения естественных наук в последние годы способствовали возрождению интереса к географии. Статья «Какой должна быть география?» посвящена этой науке и путям ее развития. С точки зрения Кропоткина, география интегрировала в себе законы, открытые смежными науками. Успешные путешествия в Арктику, изучение глубин морей и еще более неожиданные достижения биологии, климатологии, антропологии и сравнительной этнографии придали географии такую привлекательность и так подняли ее значение, что сами методы описания Земли в конце концов подверглись глубоким изменениям: *«Снова появились в географической литературе те же высокие стандарты научного мышления и философских обобщений, к которым нас приучили Гумбольд и Риттер».*

Для осознания новой роли географии в обществе необходимо понять важность ее преподавания в школе: *«Конечно, едва ли есть*

другая наука, которую можно сделать такой интересной доя ребенка, как географии, она может стать сильнейшим инструментом развития человеческого ума и вместе с тем средством овладения методами научного мышления» 1.

1ОР РГБ, ф. 410, к. 9., ед. хр. 1.

«География должна быть наконец о законах, которые управляют процессами изменения лика Земли, поскольку законы действовали при формировании гор и равнин на земном шаре…»2

2Там же.

Вопросам географии посвящены статьи Кропоткина в журнале Королевского Географического общества «Geographical Journal», который начал выходить в 1893 году. В них показано особое место географии среди всех наук о земле. В одной из статей дан анализ природных особенностей степных ландшафтов на основе личных впечатлений автора от знакомства со степями Сибири.

От Кропоткина Западная Европа узнала о многих выдающихся русских ученых, преимущественно о географах и геологах. Большую симпатию вызвал у Кропоткина молодой геолог Эдуард Толль, настойчиво, от экспедиции к экспедиции шедший к своей цели - открытию гипотетической Земли Санникова. На пути к несуществующей земле он исследовал Новосибирские острова. В отчете Толля о его географических исследованиях содержалось подтверждение идей Кропоткина о древнем материковом ядре Евразии и о былом оледенении Сибири. Находил он в материалах полевых исследований Толля и поддержку своей орфографической схемы Азии. Когда пришло известие о гибели Толля, Кропоткин опубликовал статьи его памяти, в которых рассмотрел научные идеи отважного полярного путешественника.

Писал он также о картографе и геодезисте Алексее Тилло, биографе и этнографе Густаве Радде, океанологе адмирале Степане Макарове.

В то же время географы и геологи России никогда не забывали о Петре Кропоткине, как об ученом, следили за его деятельностью за рубежом, не боялись, несмотря на официальный запрет, ссылаться на его научные работы. Так, А. И. Воейков несколько раз приводил данные метеорологических наблюдений Кропоткина в своем труде «Климаты земного шара, в особенности России». П. П. Семенов-Тян-Шанский высоко оценил их в книге к 50-летию Русского географического общества. На работы Кропоткина по ледниковому периоду ссылались многие русские географы и геологи.

В 1895 г. Петр Алексеевич встретился с некоторыми сотрудниками РГО на VI Международном географическом конгрессе, который состоялся в Лондоне. Он выступил дискуссии по докладу швейцарского гидролога Альфонса Фореля об исследовании горных озер. Тогда же, видимо, договорился о получении им из Петербурга изданий РГО и других русских книг по географии. Русские коллеги-географы прислали цинковых ящик с рукописью второго тома «Исследований о ледниковом периоде», выпрошенной у жандармов. Эта посылка была ему особенно дорога.

В том же году Кропоткин отправил письмо Семнову-Тян-Шанскому, сопроводив им свои статьи, посвященные России, которые писал для Британской энциклопедии. Кропоткин коротко рассказал о себе - о том, что произошло с ним за последние двадцать лет со времени последнего доклада в РГО. Он писал: *«Посылаю Вам, многоуважаемый Петр Петрович, сердечный привет. Наша общая работа в России оставила во мне самые теплые воспоминания. Искренне вам преданный П. Кропоткин»* 1.

1ГАРФ, ф. 1129, оп. 3, ед. хр. 491.

То, что Семенов-Тян-Шанский, член Государственного Совета, был известен своими консервативными, монархическими взглядами, не виляло на отношение к нему Кропоткина, который был терпим к чужим взглядам и убеждениям. С большим уважением, например, отнесся он к религиозным исканиям Льва Толстого, хотя сам был убежденным атеистом. У себя в Бромли он принимал руководителя духоборов Петра Веригина, и несмотря на то, что один был атеист, а другой глубоко верующий человек, но духовно они оказались близки.

За океан

В годы эмиграции Петр Кропоткин не провел ни одной экспедиции, подобной сибирской или финляндской. Правда, можно сказать, что была совершена своеобразная экономико-географическая экспедиция, продолжавшаяся с перерывами не менее двух десятилетий, если иметь в виду его поездки и походы по Англии, в которых он обращал внимание в основном на вопросы экономики сельского хозяйства, собирая материал для книги «Поля, фабрики, мастерские». А вот во время поездки в Канаду в 1897 году состоялась небольшая научная экспедиция, похожая на те, что он совершил в молодые годы.

Кропоткин участвовал в двух конгрессах британской ассоциации содействия прогрессу науки, членом которой являлся. На первом из них - в Ноттингеме в 1893 году, - он сделал доклад

об оледенении Азии. На втором - четыре года спустя, в Торонто - выступил с двумя докладами: об озерном периоде и об оазах Финляндии.

После конгресса, вместе с известным геоморфологом из Вены Альбрехтом Пенком, Кропоткин отправился вдоль канадско-тихоокеанской железной дороги. Конечно, Петр Алексеевич обращал внимание на следы древнего облединения, принимавшего в Северной Америке столь же грандиозные размеры, что и в Европе. Полезен был для него и обмен мнениями с Пенком, представителем европейской геоморфологической школы.

В рукописном наброске «Канада и канадцы» он прежде всего обращает внимание на сразу же бросившееся ему в глаза разительное сходство природы Канады и Сибири: *«В самом деле, Канада немногим меньше Сибири и по общему характеру во многом сходна с Сибирью, особенно в своей западной части».*

Проехав через всю Канаду с востока на запад, Кропоткин обнаружил смену природных зон, схожую с той, которую он хорошо изучил, четырехкратно пересекая Сибирь во время своих разъездов. *«Сперва идут скалистые рудоносные горы страны озер, которые можно приравнять к Уральским горам. Затем начинаются низменные черноземные степи Манитобы, быстро заселяемые, как и степи южной части Тобольской губернии и Бараба, массами переселенцев… Затем идет горная область, где высокие цепи заснеженных гор перемежаются с приподнятыми степями, напоминающими Забайкалье, и, наконец, начинается склон к тихому океану, несравненно более узкий, чем в Сибири, где он занимает всю амурскую и Приморскую области, но также отличающийся необыкновенным обилием летних дождей, своеобразной тихоокеанской растительностью и особым оттенком нарождающейся цивилизации»* 1.

1ГАРФ, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 474.

В пределах Канады он выделил пять физико-географических областей и сделал вывод о характере экономического развития и демографических процессах в каждой из них: *«Как в Сибири, население протянулось узкою лентою с востока на запад поперек всего материка в юной его части, и области, которые следуют одна за другою в этой узкой ленте, также отличны друг от друга, как и различные области Сибири».* Кропоткин охарактеризовал главные канадские города Монреаль и Квебек, очень напомнивший ему Тобольск. Кратко изложил историю индейских племен - коренного населения этого обширного края.

Статья Кропоткина «Природа и ресурсы Канады» была опубликована в журнале «Девятнадцатый век». Ее прочитал Лев

Толстой и обратил внимание именно на то, что автор находит в природе Канады черты, сближающие ее с русской природой. Он попросил через В. Г. Черткова помочь выбрать район в Канаде, наиболее благоприятный для переселения из России гонимых царскими властями духоборов за их отказ служить в армии с оружием в руках.

Первая встреча Кропоткина с прибывшим в Лондон Чертковым состоялась еще до отъезда П. А. Кропоткина в Канаду на съезд Британской научной ассоциации в Торонто.

Там Кропоткин связался со знакомым профессором-экономистом Дж. Мэйвором из университета Торонто, тот - обратился в правительство страны. Разрешение было получено.

Именно благодаря содействию Кропоткина, совершилось в конце XIX века переселение в Канаду около семи тысяч наших соотечественников, потомки которых живут там и поныне.

В феврале 1901 года Петр Кропоткин посетил Соединенные Штаты по приглашению Института Лоуэлла в Бостоне. Ему предложили прочитать курс лекций по истории русской литературы. Причиной такого предложения послужила его статья о Толстом для журнала «Harper's magazine». В очень короткий срок, работая с большим напряжением и увлечением, Кропоткин составил цикл из восьми лекций, охвативших по существую всю историю русской литературы - от былин, летописей и сказок до Антона Чехова и Максима Горького.

Вводную лекции, посвященную русскому языку, он начал такими словами: *«Я глубоко сожалею, что не могу передать по-английски понятия о красоте и строении русского языка, который был в употреблении в начале одиннадцатого века на севере России… Словесное богатство русского языка поразительно… Его гибкость особенно сказывается в переводах… Ни одна западно-европейская нация не обладает таким поразительным богатством народного творчества в форме преданий, сказок и лирических народных песен - причем некоторые отличаются необыкновенной красотой - и таким богатым циклом эпических песен, относящихся к седой древности…»* 1

1Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб, 1906, С. 6-7.

Так говорил перед американской аудиторий Кропоткин, не литературовед, а широко известный революционный публицист и ученый естественник. Но тонкое понимание и значение русской литературы в общем-то было неудивительно в человеке столь широко образованном. Лекции впоследствии были собраны в книгу, которая была напечатана в Нью-Йорке и Лондоне в 1905 году под названием. «Russian literature: ideals and realities». В 1907

году, в переводе с английского В. Батуринским, книга вышла в петербургском издательстве «Знание», основанном М. Горьким.

Кратко, он очень емко рассказал Кропоткин о многих десятках русских писателей. Притом он не ограничивался «обоймой» особенно вдающихся художников слова. Он нашел достаточно места и для менее известных писателей, каждый из которых внес свой, неповторимый вклад в сокровищницу великой русской литературы. Всего им упомянуто около 150 поэтов, прозаиков и драматургов России.

Главное внимание - XIX столетию. Собственно, именно тогда-то произошел расцвет русской литературы, и она заняла свое положение в мире: «медленная работа предыдущих пяти веков уже подготовила то великолепное, гибкое орудие - литературный язык, который вскоре послужил Пушкину для создания его мелодических стихов и Тургеневу для его не менее мелодической прозы».

Показав всемирное значение Толстого, он не смог, однако, также глубоко понять и оценить Достоевского. Есть и другие ошибки в его анализе.

Переходя к XX веку, Кропоткин выделили молодого Максима Горького, художественный метод которого определил как «идеалистический реализм» и, в особенности Чехова, сказавшего прощальное слово уходящему миру.

Естественно, особое внимание уделено русской политической литературе, таким именам, как Герцен, Огарев, Бакунин, Лавров, Салтыков-Щедрин, Белинский, Писарев, Добролюбов, Степняк-Кравчинский»: Говоря о политической литературе страны, в которой нет политической свободы и где произведения печати подвергаются строжайшей цензуре, - рискуешь вызвать ироническую улыбку…» Но ни в одной стране, считает Кропоткин, художественная литература не содержит в себе столь мощного политического заряда, как в России: она настолько же политична, насколько художественна.

…Завершив цикл литературных лекций в Бостоне, Кропоткин остановился в Нью-Йорке, где снова читал отдельные лекции и выступал на митингах в рабочих районах. Потом он поехал в Чикаго и, хотя по пути простудился и заболел, провел все запланированные встречи как в Чикаго, так и в других городах Среднего Запада. 22 апреля он выступил в университете Иллинойса с докладом «Современное развитие социализма», а на следующий день в университете штата Висконти с успехом раскрыл перед слушателями тему «Тургенев и Толстой».

Возвращаясь в Нью-Йорке, он проехал через сельскохозяйственный штата Огайо, где посетил несколько ферм,

собрав материал о выращивании пшеницы фермерами. На него большое впечатление произвели результаты их работы, о чем он не один раз еще вспомнит.

Заехав в Буффало, куда специально для встречи с ним приехал из Торонто его английский друг профессор Маэйвор, Кропоткин в мае отплыл в Европу, проведя таким образом в Америке больше трех месяцев. И снова, в которой уже раз, он оказался объектом клеветы. С его отъездом совпало покушение на американского президента Уильяма Мак-Кинли, и местная пресса выступила с утверждением, что оно было организовано не без влияния Кропоткина.

Напряжение во время поездки по Америке, очевидно, сказалось: вернувшись в Англию, Кропоткин заболел очередным бронхитом, мучившим его при малейшей простуде, и испытал серьезный сердечный приступ, который приковал его на время к постели. Пришлось отказаться от постоянной работы в журнале «Девятнадцатый век» и изменить образ жизни. С этого года он стал устраивать перерывы в работе, выезжать на отдых в приморские городки Англии, а иногда - Франции. Прекратил он и свои турне по городам с лекциями.

Они всегда вызывали большой интерес, какой бы ни была тема, а диапазон их, как видим, очень широк. Одно объявление в афишах, что будет присутствовать Кропоткин, обеспечивало полную аудиторию. Привлекало как содержание лекций способность лектора быстро переключиться с одной темы на другую, так и сама манера выступления.

В начале 1898 года волна митингов прокатилась по Англии. Петр Алексеевич принял в них в активное участие. Он также выступал в защиту республиканцев и социалистов Барселоны, подвергнувшихся жестоким гонениям. В 1899 году тяжело переживал начало англо-бурской войны. И этой темы коснулась его публицистика.

Подходил к концу XIX сек. Прогнозы на XX-й были противоречивыми. Говорили о неминуемом дальнейшем прогрессе в науке и технике. Говорили о неизбежности новых войн. Говорили о неотвратимости социальных революций и о неизбежном торжестве гуманизма.

Переход в новый век

Именно на рубеже веков, в последние годы XIX и в первые XX, голос Петра Кропоткина, «самого известного русского эмигранта», как назвала его одна из английских газет, зазвучал особенно сильно.

Вслед за написанной им по-французски книгой «Завоевание хлеба», получивший высокую оценку сочувствовавшего социалистическим идеям Золя, выходит в 1898 году «чисто английская» - «Поля, фабрики мастерские», в основу которой положен материал его путешествий по Британским островам. Книга посвящена экономическому положению Англии, тенденциям развития ее сельского хозяйства, снабжена графиками и таблицами. Она очень серьезна, но в то же время оказалась интересна всем и имела в Англии, а потом и во многих других странах огромный успех. На протяжении пятнадцати лет она переиздавалась ежегодно, причем продавалась по желанию автора очень дешево - всего за шесть пенсов. Еще никто не писал так понятно об экономике, которую Кропоткин определил как науку, изучающую потребности людей и способы их удовлетворения с наименьшей производительной затратой сил. В своей книге он разбирал насущный для крестьян вопрос: что можно и до“лжно получить на земле при разумной ее обработке…

1905 год начался с печального известия - умерла коммунарка Луиза Мишель, а через полгода, 4 июля - самый близкий друг Кропоткина - Элизе Реклю. В какой-то степени дух взаимоотношений Петра Кропоткина с братом Александром возродился в его дружбе и сотрудничестве с парижским коммунаром и географом. Тридцать два года назад появилась рецензия на русское издание книги Э. Рюклю «Земля и люди», написанная тридцатилетним Кропоткиным для сборника «Знание» в 1873 году. Теперь Кропоткин пишет некролог, который был напечатан в Англии, Франции и в России - в Известиях Русского географического общества.

Совместная работа и долгая дружба двух ученых основывались на близости во взглядах на задачи и цели географии, в представлениях об эволюции человеческого общества. По-видимому, не случайно основателями нового направления в географии, которое начало развиваться во второй половине XX века и получило в разных странах разные названия (социальная география, радикальная география, география качества жизни), считаются Элизе Реклю и Петр Кропоткин. Оба они рассматривали человека как порождение природы и как ее неотъемлимый элемент, никогда не вычеркивая его из географии земли. И это неожиданно обрело значение пророчества в сегодняшнем мире, озабоченном серьезнейшими экологическими проблемами.

…Революционный для России 1905 год. Кропоткин жадно ловил вести с родины: забастовки, демонстрации, политические требования рабочих, крестьянские бунты. Под угрозой -

самодержавия.

Он стал собираться на родину; хотел только закончить некоторые работы. И… не успел: революция разгромлена. Откликнулся на события рядом статей. В одной из них, называвшейся «Революция в России», он утверждал: *«Самодержавие… смертельно ранено и более не воскреснет… Смутное время пройдет, и Россия выйдет из него обновленной! русский народ будет противником всякого кровопролития, он выступить поборником мирного развития на пути к достижению высших целей прогресса»* 1.

1«The Nineteunth Centure» 1906, v. 58.

С началом революции 1905-1907 гг. произошел буквально «прорыв» произведений Кропоткина в Россию: за 4 года (с 1905 по 1908) на русском языке было издано более 70 его работ. Больше всего в 1905-м - 43 названия.

В основном это отдельные статьи, но впервые появились и книги - «Государство, его роль в истории», «Анархия, ее философия и идеал», «Речи бунтовщика», «Современная наука и анархизм», «Хлеб и воля», «Поля, фабрики и мастерские», 3 тома из собраний сочинений. Большинство этих книг конфисковалось, но многие из них издавались снова и снова. Например, его книга о государстве была издана в эти годы пять раз.

Россия, наконец, узнала, о чем думал усе эти годы «князь-бунтовщик», покинувший страну в далеком уже 1876 году.

В 1906 году в Париже, где Петр Алексеевич не был двадцать лет, состоялось его выступление перед рабочими. По воспоминаниям очевидца Н. Критской, в день, когда должен был состояться митинг, перед зданием, где он был назначен, почти с утра царило необычное оживление. Толпились полицейские, а по тротуарам тянулись вереницы рабочих: французов, итальянцев, испанцев, русских… Вскоре зал был переполнен. Становилось тесно, душно и тускло от табачного дыма…

Люди ждали начала. Узнавали известных деятелей рабочего движения: высокого, худого Джемса Гильома, редактора газеты «Голос труда» Эмиля Пуже, публициста Жана Грава… Но вот зал взорвался аплодисментами: увидели Кропоткина. Он добрался до эстрады, зал успокоился. Председатель после горячего приветствия предоставил ему слово. И все услышали его ласковый, тихий и в то же время ясный голос:…Я счастлив, что я снова с вами… Прошло почти полвека, когда я с некоторыми моими товарищами выступил в нашей стране на борьбу за лучший строй… Настанет день, когда солидарность и взаимопомощь, - эти великие двигатели прогресса, - заменят принудительное начало, царящее в современном обществе, и

только тогда люди и народы всего земного шара смогут объединиться в одну великую семью равных и свободных».

Когда Кропоткин закончил речь, не один раз прерывавшуюся аплодисментами он раскланиваясь, смущенный и взволнованный, с трудом пробирался сквозь толпу к выходу, пожимая протянутые руки.

На съезде русских анархистов в Лондоне в октябре 1906 года Кропоткин выступил с двумя докладами. Политические цели революции только тогда будто достигнуты говорил он, когда произойдут серьезные экономические изменения, а именно, когда средства производства перейдут непосредственно в руки тех, кто работает на заводах и в полях, (но не государству!) Он также предупреждал, что экспроприация не должна затронуть тех, кто не эксплуатирует чуждого труда, в особенности крестьян, отбирать у которых землю считал недопустимым. И настоял на том, чтобы съезд принял резолюцию против экспроприации.

Сколько было таких выступлений в его эмигрантской жизни!

Иван Майский, советский посол в Англии времен второй мировой войны, а тогда эмигрант-большевик, вспоминал:

«Меня сразу поразила внешность Кропоткина: огромный голый череп с пучками вьющихся волос по бока, высокий мощный лоб; большой нос, умные, острые глаза под резко очерченными бровями, блестящие очки, пышные седые усы и огромная, закрывающая верхнюю часть груди борода. Все вместе производило впечатление какой-то странной смеси пророка и ученого…

Дом Кропоткина походил на настоящий Ноев ковчег: кого-кого тут только не было! Революционер-эмигрант из России, испанский анархист из Южной Америки, английский фермер из Австралии, радикальный депутат из палаты общин, пресвитерианский священник из Шотландии, знаменитый ученый из Германии, либеральный член Государственной думы из Петербурга, даже бравый генерал царской службы - все сходились в доме Кропоткина по воскресеньям для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение хозяину и обменяться с ним мнениями по различным вопросам»1.

1Майский И. М. Встречи с прошлым. М., 1960, С. 132.

Гостями Кропоткина были Максим Горький и будущий первый советский нарком иностранных дел Георгий Чичерин, толстовец Владимир Чертков и Бернард Шоу, революционеры-народовольцы Герман Лопатин, Николай Морозов и другие. Обсуждались проблемы наступившего XX века. Что он несет человечеству? предчувствия грандиозных потрясений и перемен были у многих…

И в Англии Петр Алексеевич оставался народником. Даже в такой промышленно развитой стране он придавал большое значение крестьянству, расходясь в этом вопросе с социал-демократами. Интересен фрагмент его письма Софье Лавровой от 27 мая 1907 года, когда в Лондоне проходил V съезд РСДРП, на который Кропоткин - единственный из анархистов - получил приглашение: *«Роза Люксембург говорила, что крестьянство представляет революционный элемент и нужно ему помогать. Плеханов - с пафосом - принялся отлучать ее «от церкви», обвиняя в измене социализму, в анархизме. Говорят, ленинцы - еще бо“льшие ортодоксы, чем меньшевики!»* По-видимому, с Лениным Кропоткин тогда не встречался, но известно, что группа делегатов-большевиков во главе с К. Ворошиловым побывала у лидера анархизма. Они пили с ним чай и много спорили, прежде всего о природе крестьянства и отношении к нему.

На исходе XIX века одновременно в Бостоне и Нью-Йорке, Лондоне и Барселоне вышла книга Кропоткина «Записки революционера». В предисловии к лондонскому изданию Георг Брандес очень высоко оценивал и книгу, и личность автора. Действительно, мемуары Кропоткина имели особенно много изданий, и объясняется это, по-видимому, тем, что она написаны человеком, обладающим несомненным литературным даром и прожившим чрезвычайно богатую событиями, исполненную высоких целей жизнь. Георг Брандес отметил, что «в его книге мы находим психологию России: России официальной - и народной масС. России борющейся за прогресс, и России реакционной»1. К этому можно добавить, что в книге показан процесс формирования личности: нравственной, широко образованной и чувствующей ответственность за судьбу народа. Такая личность не могла не стать на путь социального просвещения народа и борьбы с самодержавием в России как с наисильнейшим выражением государственной идеи - идеи централизации власти и подавления народного самосознания. «Записки революционера» - это не только история жизни человека на фоне событий эпохи, но и история развития его мышления, формирования его социальной концепции.

1БрандеС. Г. Предисловие. В кн. П. А. Кропоткин. Записки революционера. СПб, 1906, С. XIII.

Популярность книги, сразу же очень широкая, сохранялась долго. В 1921 году во Франции вышло ее девятнадцатое издание, в Англии - шестое, в Германии - седьмое, в Испании - третье. Впервые изданные в 1902 году на русском языке Фондом вольной русской прессы в Лондоне, в нашей стране «Записки революционера» выходили тринадцать раз.

Диалог со Львом Толстым

Одним из первых русских читателей кропоткинских «Записок революционера» был Лев Толстой. Он писал Черткову: «передайте мой больше чем привет Кропоткин. Я недавно читал его мемуары и очень сблизился с ним».

Для Кропоткина отношение к нему Толстого имело особое значение. Со своей стороны Толстой проявлял интерес к личности и произведениям Кропоткина на протяжении многих лет. Сближение их началось с того момента, когда в феврале 1897 года в Лондоне появился приехавший из России толстовец Владимир Чертков. В Центральном архиве литературы и искусства в Москве находится более ста писем Кропоткина Черткову. По сути это была переписка с Толстым, в которой Чертков выполнял роль посредника.

Первой публикацией Кропоткина о Толстом была статья «Граф Толстой и Катков» в английской газете «Newcastle Daily Chronicle» в 1882 году. В последующем он неоднократно обращался к имени и творчеству великого писателя и мыслителя, тоже анархиста, отрицателя насилия и власти государства над человеком, хотя и со своей, толстовской окраской.

У же в первом письме, полученном Чертковым от Кропоткина, содержится критика толстовского «непротивления»: *«Пока не ослабевает насилие сверху, насилие снизу остается фактором прогресса нравственного. Человечеству нельзя двигаться пассивным неодобрением. Человечество всегда двигалось только активными силами, которые вы и пытаетесь создать. (Вот почему формула «непротивления злу» неверна. Вы же хотите противления, и нужно очень много противления; вы только хотите его без насилия). Удастся ли вам сплоить эти силы - не знаю; думаю, что нет, но несомненно, что по мере того, как равенство будет выходить в нравы, противление злу будет все более и более терять характер насилия - физического отпора - и все более и более будет принимать характер отпора нравственного, настолько дружного, что он станет главной прогрессивною силою»* 1.

1Отдел рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого.

Чертков отправил это письмо в Ясную Поляну, и Толстой ответил: «Письмо Кропоткина очень мне понравилось. Его аргументы в пользу насилия мне представляются не выражением убеждения, но только верности тому знамени, под которым он честно прослужил всю свою жизнь».

Для Толстого насилие всегда насилие. Он не может быть освободительным. Злом не победить зло, как огню не погасить

огня. Так считал Толстой.

Кропоткин не признавал неизбежность революционно насилия над господствующими классами, которые добровольно от власти не откажутся. Он решительно возражал Толстому. Но сам все же считал классовую борьбу двигателем прогресса. Любая борьба, считал он, ведет к разрушению и уничтожению. Она не может быть созидательной. Даже борьба за существование в животном мире. И тем более людей с людьми. *«Освобождение человечества вернее, чем освобождение одного класса»,* - писал он,

Кропоткин, по-видимому, раньше других революционеров - случай редкий! - проставил общечеловеческое выше узкоклассового. И люди, несомненно, это чувствовали, Георг Брандес в предисловии к первому изданию «Записок революционера» писал: «В настоящее время есть только два великих русских, которые думают для русского народа, и которых мысль принадлежит человечеству: Лев Толстой и Петр Кропоткин… Оба любят человечество и оба сурово осуждают индеферентизм, недостаток мысли, грубость и жестокость высших классов; обоих одинаково тянет к униженным и оскорбленным. Оба видят в мире большие трудности, чем глупости. Оба - идеалисты, и оба имеют темперамент реформаторов»2.

2Брандес Г. Предисловие. В кн.: Кропоткин П. А. Записки революционера СПб. 1906. С. XIV. 14.

В феврале 1897 года В. Г. Чертков с женой уезжал из России. Провожать его приехал в Петербург Толстой. Быть может, среди прочих поручений просил Лев Николаевич Черткова зайти в Лондоне к князю Кропоткину… Тогда был озабочен проблемой переселения притесняемых в России духоборов.

Кропоткин и Чертков жили в Лондоне довольно далеко друг от друга. Но часто встречались, а кроме того, обменивались письмами, записками, телеграммами.

В этой обширной переписке то и дело упоминается имя Толстого. В письме от 10 июня 1897 года Кропоткин благодарит Черткова за присланные ему брошюры Толстого: *«Многое бы хотелось сказать по поводу их - но лучше оставить до следующего разговора. Одно скажу - читал их с большим удовольствием…»1.* В этом письме, открывшем переписку, Кропоткин сразу же высказывает свое несогласие с основными идеями учения Толстого, особенно с его проповедью непротивления злу насилием.

1Отдел рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого.

Тесное общение Кропоткина и Черткова продолжалось до возвращения Черткова в Россию в 1906 году. В своих письмах Кропоткин рассказывал о событиях, представляющих интерес для

Толстого, а тот, в свою очередь, сообщал свое мнение о статьях и книгах Кропоткина.

Особенно восторженной была реакция Кропоткина на роман «Воскресение», печатавшийся в «Ниве». В письме к Черткову от 29 августа 1899 года он пишет: «Большое спасибо за «Воскресение». Я и на «Ниву» подписался из-за него. Великое произведение. И как нужно было именно это! А о художественности и говорить нечего».

По возвращении из Соединенных Штатов Кропоткин советует Черткову»: *«Будете писать Льву Николаевичу, скажите, что в Бостоне, Чикаго - большое, т. е. главное, движение против тюрем. Все сомнения, накапливавшиеся годами, прорвало после «Воскресения». Милый он, Лев Николаевич. Сколько людей свет увидели после «Воскресения»* 2.

2Там же.

И еще раз возникает в переписке разговор о «Воскресении» в январе 1903 года, когда в Лондоне готовилась инсценировка романа. Режиссер В. Фри пригласил Кропоткина в качестве консультанта по вопросам «русского быта». После премьеры. 18 февраля, он сообщал: «Представление вчера «Воскресения» было настоящим триумфом. Впечатление драма производи глубокое…»3

3ЦГАЛИ, ф. 552, ед. хр. 1707.

В нескольких письмах отразилось беспокойство Кропоткина в связи с болезнью Толстого в 1902 году. А когда поступили сведения о его выздоровлении, он выразил искреннюю радость: «Спасибо большое за хорошую весть о дорогом Льве Николаевиче».

Время от времени книги Кропоткина попадали в руки Толстого, он с одобрением отзывался о них. Особенно ему понравилась брошюра «Узаконенная месть, именуемая правосудием…» Толстой тоже не верил в справедливость суда, назначаемого государством, в законы, которые служат лишь сохранению существующего положения, выгодно тем, кто к нему приспособился. Всякий свод законов Кропоткин считал лишь кристаллизацией прошлого, препятствующей развитию будущего. В нм живая, стремительная вода жизни застывает, омертвляется. Лишь жар солнца может освободить живую воду из коков оледенения. Это солнце - революция… Толстой соглашался, но только он имел в виду революцию духовную, в каждом человеке. Он не верил, что после устранения власти государства сразу же «установится мирное сосуществование» всех со всеми и что без принуждения можно заставить «эгоистов работать, а не пользоваться трудами других». Это место в рассуждениях

Кропоткина он называл «поразительно слабым»1.

1ЦГАЛИ, ф. 552, ед. хр. 1707.

28 августа 1908 года, в день 80-летия Толстого, в Ясной Поляне была получена, среди множества поздравлений со всего мира, и телеграмма, в которой русский текст передавался латинскими буквами:

«В Тулу из Лондона. Сердечно обнимаю дорогого Льва Николаевича. Петр Кропоткин» 2.

2Отдел рукописей ГоС. музея. Л. Н. Толстого.

Еще в январе 1905 г. Кропоткин закончил рукопись статьи о Толстом для английского издания под названием «Лев Толстой - Художник и мыслитель». Ему не удалось ее нигде опубликовать, но, когда великий писатель умер, в сокращенном и переработанном виде ее напечатала газета «Утро России» в качестве некролога. В заключительной ее части Петр Алексеевич писал:

«…Могуществом своего художественного гения он расшевелил лучшие струны человеческой совести…» 3.

3«Утро Росси». 21 ноября 1910.

В 1920 году, за несколько месяцев до смерти Кропоткин был приглашен на вечер памяти Льва Толстого в Большой зал Московской Консерватории. Он не смог приехать, но зачитали его письмо, в котором он вспоминает о Толстом, как о том, *«Кто учил людей любви и братству, кто будил в людях совесть и звал их могучим голосом к построению нового общества на братских и безначальных основах»* 1.

1Соединенный выпуск журналов «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода». М., 1920, с 25.

Из переписки

П. А. Кропоткин - Х. Р. Миллю 2

2Архив Королевского географического общества в Лондоне, H. R. Mill Miss, N 3. Пер. с англ. А. В. Бирюкова (предоставлено Дж. Слэттером).

55 Frognal

Хэмпстед N. W.

с завтрашнего дня - 13, Woodhurst Rd., Актон

17 ноября 1893

Уважаемый д-р Милль!

Искренне благодарю Вас за Ваше внимательное отношение к (планам) моих курсов общедоступных лекций…

Я предложил три курса:

1) ледниковый период, главным образом в связи с доказательствами его существования;

2) строение Центральной и Северной Азии и его влияние на

климат, флору, фауну. Человека и современную колонизацию;

3) происхождение и развитие институтов взаимной защиты и поддержки среди первобытных дикарей, во времена варварства, в средние века и в наше время.

Как видите, я следовал Вашим советам относительно последнего курса, однако не решаюсь последовать им в отношении второго, так как не уверен, что знаю материал столь хорошо, что могу читать общий курС. В нынешнем виде он, видимо, был бы более полезен слушателям университета как приложение общих закономерностей к тому району, который мне посчастливилось узнать ближе.

Сегодня вечером я возвращаюсь домой, но до вторник уеду в Манчестер. Думаю, что перевод я отдам мисс Войнич (урожд. Буль, дочери математика), которая хорошо знает немецкий и прекрасно пишет по-английски. Я просмотрю перевод на предмет географических терминов, прежде чем посылать его Вам. Вы получите его в среду утром. Думаю, Вы будете довольны - она серьезно относится к случайным переводам. Кроме того, она прекрасно знает по-русски и вообще очень одаренный человек.

Искренне Ваш П. К.

П. А. Кропоткин - Элизе Реклю 3

ЗГАРФ, ф. 1129, оп. 3, ед. хр. 534. *(Пер. с фр. Е. В. Старостина)*

Виола, Бромлей, Кент, 1 декабря 1900

Дорогой друг!

Спасибо большое за рукописи перевода. Теперь я смогу сделать необходимые исправления. Я их уже начал, но это занимает много времени, (к тому же) я завален работами подобного рода в особенности в Энциклопедии, да и в других местах. Эти дни я провел ночами над статьей для «Recent Science» («Современная наука»), и это тебе объяснит мое опоздание. Чтобы успеть к назначенному сроку, я должен отложить в сторону всю переписку. Наконец, к полудню все было готово, как раз к номеру «XIX столетия».

Теперь, что касается предисловия. Мое намерение было раскрыть (приказать) или в форме предисловия, или в приложении применение идей орографии Сибири (высказанных в «Очерке») в орографии Азии в целом, затем несколько положений об аналогии Азии и в этом плане с Северной Америкой и несколько очень кратких замечаний (уже написанных) о теории Дэна…

Применение ко всей Азии идей «Очерка» может быть включено или в форме введения или в виде приложения. В этом или в другом случае название этому легко может быть найдено.

Например, это могло быть таким: «Очерк орографии Сибири с предисловием, содержащим очерк об орографии Азии. Или лучше: «Очерк орографии Сибири, сопровождаемый приложением по орографии Азии». Но, поскольку деньги не позволяют, придется оставить все как есть.

Публикации на французском приложений в Очерку (который касается только Сибири) по всей Азии и указаний об аналогиях с Америкой, которые из этого вытекают, будут добавлены, и ты мне возвратишь рукопись. Моя работа по переводу (орогрфии Азии в «Чемберс-Энциклопедии») не должна пропасть. Я мог бы, если это тебе покажется интересным, направить этот манускрипт в Энциклопедию…

С другой стороны, если рассматривать орографию Азии, как я об этом писал в статье в Энциклопедии, замечают, что существует поражающая аналогия между структурой орогрфии Евразии (к северу Ирана-Армянского плато) и Северной Америкой.

Мы встречаем ту же последовательность типов: плато, прибрежные холмы, высокие равнины и т. д. На двух континентах направленность с Атлантического океана к Тихому. На эти аналогии было указано в «XIX» столетии» (март 1898, сС. 495-198).

Что касается происхождения береговой горной гряды (цепи), возвышающейся (над) Азиатским плато, оно объясняется очень просто, и мне кажется, в гипотезе Дэн о происхождении гор (4 издания его учебника по геологии, 1896). В то же время эта гипотеза находит свое подтверждение в концепции орографии Азии, которую я только что подтвердил (см. «XIX век», ноябрь 1897, сС. 805-807; декабрь 1900).

П. А. Кропоткин П. К. Козлову 1

АРГО, ф. 11.

Лондон. 9 сентября 1910

Дорогой, многоуважаемый Петр Кузьмич

Извините, пожалуйста, что не тотчас ответил. Г. Кельти был в отъезде и только вчера вернулся; я уже сегодня заехал в Общество, но его нет, должен был куда-то уехать.

Во всяком случае, библиотекарь г. Хивуд… вышлет нам сегодня же «Монголию и Кам». Не знаю, нужно ли все высылать, вы все-таки решили выслать все тома, на всякий случай.

Г. Хивуд вышлет вам также немедленно 25 экземпляров вашей чрезвычайно интересной статьи.

Теперь - насчет вашего доклада - чрезвычайно благодарю вас за лестное предложение быть вашим докладчиком и с большим удовольствием это выполню, если доклад состоится в Обществе, а не в громадной зале возле, где начинаются с ноября Собрания.

Большой залы я боюсь, сердце не совсем в порядке. Впрочем, все это узнаю дня через два, так как Кельти сегодня не застал. Так как мне говорят, что в октябре Собрания бывают в самом Обществе, то, вероятно, не будет затруднения выполнить ваше намерение.

Я столько лет с любовью следил именно за вашими работами и так наслаждался, когда вы давали общие описания природы более оживленных частей Монголии, так радовался вашим успехам, что для меня составит особое удовольствие быть чем бы то ни было полезным вам. Лично познакомился с вами и познакомить вас с женою и дочерью будет большое удовольствие.

Искренне вам преданный

П. Кропоткин

Из статьи «Какой должна быть география?» (1885)1

1РО РГБ, ф. 410, к. 2. ед. хр. 1. *(Пер. с фр. Л. Б. Шейнина.)*

Легко было предвидеть, что великое возрождение естественных наук, свидетелем которого наше поколение имело счастье быть на протяжении уже 30 лет, равно как и новое направление, представленное в научной литературе фалангой выдающихся людей, которые осмелились выразить в понятной для рядового учителя форме результаты самых сложных научных исследований, принесет что-то вроде возрождения и географии. Эта наука, которая восприняла законы, открытые смежными областями науки, и показала их взаимодействие и взаимовлияние на поверхность Земли, не могла остаться в стороне от общего научного движения, и теперь мы наблюдаем пробуждение интереса к географии, очень напоминающее общий интерес, который она вызывала у прошлого поколения в первой половине века. Между нами нет такого одаренного путешественника и философа, как Гумбольдт; но нынешние путешествия в Арктику и изучение глубин морей, также еще более неожиданные достижения в биологии, климатологии, антропологии и сравнительной этнографии придали географическим работам такую привлекательность и такое значение, что сами методы описания Земли в конце концов подверглись глубоким изменениям. Снова появились в географической литературе те же высоки стандарты научного мышления и философских обобщений, к которым нас приучили Гумбольдт и Риттер. Поэтому не удивительно, что как описания путешествий, так и общегеографические работы, снова стали наиболее популярными среди читателей. Понятно также, что возрождение вкуса к географии должно направить внимание публики к преподаванию

географии в школе. Были проведены опросы, и, к нашему изумлению, оказалось, что эту науку - самую привлекательную и поучительную для людей всех возрастов - мы ухитрились превратить в один из самых сухих и бессмысленных предметов…

Конечно, едва ли есть другая наука, которую можно сделать столь же интересной для ребенка, как география, равно как и сильнейшим инструментом развития человеческого ума, и вместе с тем средством ознакомления ученика с правильными методами научного мышления, пробуждения интереса к естественным наукам вообще. Дети небольшие почитатели природы, как таковой, если она не имеет ничего общего с Человеком. Эстетическое чувство, которое играет такую большую роль для воодушевления натуралиста, очень слабо в ребенке. Гармония в природе, красота ее форм, удивительная приспособляемость организмов, удовлетворение от познания физических законов - все это придет позже, после детства. Ребенок все привязывает к человек, к его борьбе с препятствиями, к его поступкам. Минералы и растения оставляют его равнодушным: он переживает период, когда превалирует воображение. Его интересуют человеческие драмы, или… рассказы об охоте, рыбной ловле, морских путешествиях, борьбе с опасностями, об обычаях и манерах, традициях и переселениях; все это одно из лучших средств для развития в ребенке страсти к изучению природы. Некоторые нынешние «педагоги» стремятся убить в ребенке воображение. Лучшие из них поймут, насколько ценным является помощь воображения для научного мышления.

Описание Земли и ее обитателей - это, конечно, лучшее средство для достижения такой цели…

Не география должна выполнять и другую, более важную задачу. Она должна научить нас с самых ранних лет, что мы все братья, к какой бы нации мы ни принадлежали. В наше время войн, национального самомнения, самоутверждения и шовинизма, которые умело подогреваются людьми, преследующими собственные, эгоистические, личные или классовые цели, географии должна быть - насколько школа может это сделать в противовес враждебным влияниям - средством опровержения этих предрассудков и создания иных представлений, более отвечающих человечности. Она должна показать, что каждая нация кладет в фундамент общего благосостояния свой неповторимый камень и что только малая часть каждой нации, заинтересована в поддержании чувства национальной ненависти и шовинизма. Следует учитывать, что независимо от других причин, питающих шовинизм, многие народы плохо знают друг о друге.

Эта вторая задача достаточно велика. Но есть еще и третья, еще более грандиозная, - рассеять воспитанные в нас предрассудки относительно «низших рас». Это особенно важно в эпоху, когда все заставляет нас предвидеть, что мы вскоре вступим в ними в гораздо более тесные контакты, чем когда-либо раньше…

Существует отрасль знания, которую систематический французский ум называет Физика Земли и которую, благодаря тесной связи с другими науками, следует развивать и изучать отдельно - как для ее собственной выгоды, так и выгоды смежных наук. Она преследует определенную цель: раскрытие законов развития планеты. И это не просто описательная наука, не просто карты, как однажды сказал о ней один известный геолог, но и работа ума, потому что она открывает законы, управляющие процессами определенного типа - предварительно описав и систематизировав их.

География, во-первых, должна быть наукой о законах, которые управляют процессами изменения лика Земли. Законы эти - как бы ни были несовершенны наши нынешние знания о них - касаются формирования континентов и их исчезновения, их прошлых и настоящих границ, направлений действия различного рода стихийных сил. Эти модификации континентов подчинены законам движения земной коры, точно так же, как распределение планет Солнечной системы - космическим. Вот один пример из сотен; если рассмотреть два континента - Азию и Северную Америку, то заметим ту роль, которую в их в их структуре играют колоссальные равнины; древность эти равнин, серия веков, в течение которых они оставались континентами, направление их осей и узкие оконечности, вытянутые к району около Берингова пролива, и когда к тому же мы примем во внимание параллельность горных цепей и последовательность к которой главные направления горообразования - северо-западное и северо-восточное - повторяются, направлены на юг, мы должны прийти к выводу: какие-то единые законы действовали там и тут при формировании громадных возвышенностей и плато на земной коре. Эти законы до сих пор не открыты. Сама орография четырех континентов в эмбриональном состоянии. Но мы уже нащупываем известную гармонию в крупных структурных линиях Земли и можем строить догадки об их происхождении…

***Из статьи «Послеледниковые изменения климата»* 1 (1894)**

1 The Nineteenth century, v. 35, p. 141-157.

Если бы ледниковая теория основывалась только на наших

знаниях воздействии ледников и покровов льда на горные породы, о характере ледниковых отложений, которые рождаются на их поверхности, а также на доказательствах того, что эти отложения никогда не были транспортированы текущей водой, а сконцентрированные в валы, которые не могли быть созданы водой, - короче, если бы только на фактах динамической геологии - уж тогда она покоилась бы на прочной основе. Но теория располагает для своего подкрепления еще и целой армией палеонтологических фактов, прямо доказывающих охлаждение климата в то время, когда огромный ледяной покров начинает отступать из умеренной теперь зоны; сверх того, она подтверждена данными, недавно полученными относительно послеледникового времени.

Уже в 1846 году Е. Форбс осмелился предположить, что близкое сходство арктической флоры и растительности высочайших вершин Альп, Пиренеев и Гималаев обязано тому факту, что было время, когда низменности Средней Европы полностью покрывались арктической и субарктической растительностью, которая оставила свои следы в верхней части плоскогорий. Его предположение теперь полностью подтверждено многолетними исследованиями как шведского геолога Натхорста, так и исследованиями Неринга в области послеледниковой флоры и фауны. Натхорст, который специализировался на этом предмете, действительно доказал, что на всей площади Европы, которая была подвергнута обследованию, имеются многочисленные след субарктической растительности. Он исследовал Швецию, Германию, Великобританию и Россию с этой специальной целью, и всюду извлекал из верхних моренных отложений ледяных щитов образцы глин и торфяников, содержащие остатки арктических карликовых видов березы и ивы, которые вместе с другими видами характеризуют в настоящее время тундры далекого Севера или растут у краев арктических ледников. Действительно, эти отложения совершенно подобны тем, которые теперь образуются у краев ледников Шпицбергена и Гренландии. Таким образом, очевидно, что в то время, как многочисленные ледяные покровы медленно отступали к Северу, тундровая растительность сменялась степной, и в Европе обитали в это время виды, встречаемые нами теперь на берегах Арктического океана…

Теория Неринга встречает во многом неблагоприятную критику, но эта критика была вызвана частично легкими преувеличениями в его первых выводах и, главным образом, неправильным толкованием слова stepre (степь). В Западной Европе это слово вызывает мысль о сухих пустынях, тогда как в

действительности для обитателей собственно степей - это синоним «прерий» и «пампасов». Подразумеваются легко всхолмленные земли, покрытые степными травами, но не полностью безлесные. То, что русские ботаники назвали «лесостепной зоной» южной России, где растительность леса и степи находится в борьбе друг с другом, было бы лучшим ответом на факты, установленные Нерингом. Это также должно наводить на мысль, что широкое распространение степных земель неизбежно подразумевает засушливый климат, подобный тому, какой преобладает в среднеазиатских пустынях. Однако Барабинская степь, например, источена бесчисленным количеством озер, и слой дождевых осадков в этих степях, так же, как в южной России, варьирует от 14 до 20 дюймов. Идея Неринга, таким образом, правильна, поскольку подразумевается, что тундры, которые покрывали Среднюю Европу после отступания ледяного покрова, постепенно вытеснялись лесами, но в то же время большие пространства оставались безлесными. Это делает в действительности очень вероятным, что в то время, как низкие и плоские заболоченные пространства, погребенные под глинистыми моренными отложениями, покрывались болотистыми лесами, подобно «урманам» на Оби и Иртыше, оставались широкие пространства, покрытые более проницаемыми ледниковыми и флювио-глициальными отложениями, которые обретали облик прерий. На сегодняшний день мы можем видеть то же самое как раз в Амурском регионе с его влажным климатом, в степных пространствах Биры и Зеи.

И, наконец, мы имеем верные доказательства того, что мириады озер покрывали в послеледниковом периоде Европу и Северную Азию так же, как и Северную Америку. То, что мы теперь видим в озерных районах Финляндии, Канады, Юго-Западной России и на севере высоких плоскогорий Азии, являлось тогда характерным обликом всей страны. Где бы мы ни проводили исследования, мы обнаруживали следы мириадов и мириадов озер всевозможных размеров: мелкие вытянутые бассейны были выработаны в скалистых плато «ледниковым плугом»; многие старые дренирующие каналы выполнены ледниковыми отложениями, и текущая вода затем прорыла новые каналы таким же образом, как это теперь делается в Финляндии, где мы видим будущие реки, образованные цепочкой постепенно вытягивающихся озер.

Очень медленное в самом начале, высыхание этих озер теперь достигло такого темпа, который допускали лишь некоторые геологи около тридцати лет тому назад. Они высыхают на наших глазах. Даже в сравнительно влажном климате Западной Сибири

мы можем наблюдать высыхание озер группы Чаны по картам, возраст которых меньше, чем восемьдесят лет, и видеть, как деревни возникают там, где полвека тому назад было озерное дно. Но в Восточной Сибири и Центральной Азии высыхание идет еще быстрее: Каспийское море отделилось от Аральского в течение послеледникового периода, а их блуждающее соединение через Сары-Камышские солоноватые озера - совсем недавно. Большой залив Альбугир Аральского моря полностью исчез после 1821 года.

Короче, мы можем с уверенностью заключить, что за ледниковой эпохой следовала эпоха болот и тундры…

Из статьи «Полярный бассейн Фритьоф Нансен» (1897) 1

1 The Nineteenth Centure, L. 1897, v. 41, p. 250-259. *(Пер. с англ. В. М. Маркина.)* На русском языке публикуется впервые (с сокращениями).

Угол завесы, которая в течение многих столетий скрывала от человека Северную полярную область, приподнят экспедицией Нансена - Свердрупа. Все, что мы прежде знали об этой обширной области льда, было только ее окраинами; но смелые норвежцы глубоко проникли в ее сердце, за 836 0 С. ш., и весь комплекс наших гипотетических знаний об этих сумрачных районах уже изменился. От неопределенного названия «Северная полярная область» можно отказаться, и отныне мы можем говорить о Северном полярном бассейне.

Этот бассейн часто рассматривается как, если бы он был круговым, в центре его - Северный полюс; но на самом деле он не имеет округлой формы. Если мы посмотрим на него со стороны Гринвичского меридиана, то увидим, во-первых, канал шириной 900 миль, между Гренландией и Норвегией, выклинивающийся к северо-востоку и ведущий из Атлантического в Арктический океан. От этого широкого прохода ответвляются длинные и широкие заливы, слегка серпообразной формы, между берегами России и Сибири справа, и североамериканскими архипелагами и Аляской слева. Он расширяется, пересекая полюс, и оканчивается в широком полукруге, из которого вытекает один лишь Берингов пролив. Этот узкий выход имеет, однако, столь малое значение, что мы можем пренебречь им, так же, как различной изрезанностью двух берегов, и можно сказать, что Арктический бассейн - широкий, грушеобразный залив 2300 миль длиной, 900 миль шириной, расширяющийся на входе до 2900 миль при почти незаметном Беринговом проливе.

Теплая вода входит в пролив, а холодная, нагруженная

льдом, выходит и позже возвращается в Атлантику. «Правило дороги» для океанических течений заставляет отклоняться вправо, и оба течения подчиняются этому. Теплое течение Атлантики, которое дрейфует на Север и может рассматриваться как продолжение Гольфстрима, течет мимо берегов Норвегии и перед тем, как достичь Нордкапа, разделяется на две ветви. Одна из них принимает северное направление; она достигает западных берегов Шпицбергена и течет вдоль них вплоть до их северного окончания, случайно принося к этим берегам стеклянные шары, используемые как буи норвежскими рыбаками, так же, как крупные плоды вест-индийского бобового растения Entada di dalobim, которое доставлено Гольфстримом через Атлантику. Другая ветвь заворачивает на восток. Она минует Нордкап и проходит некоторое расстояние вдоль берегов Кольского полуострова; затем пересекает Баренцево море и достигает русского двойного острова Новая Земля, к морозным берегам которого также приносится некоторое количество стеклянных шаров и тех же вест-индийских бобов. Подветвь последнего, кажется, даже проходит летом в Карское море. Конечно, жестокий холод, который царит в этих широтах, охлаждает поверхностные слои теплого течения; но термометр еще определяет его присутствие и его голубоватые воды отличимы даже с виду от зеленоватой и холодной воды полярного течения. И негостеприимные эти районы были бы еще более неприветливыми и недоступными, если бы тепло, запасенное водой в низких широтах, не выносилось течением на север. Благодаря этому, Баренцево море свободно ото льда ежегодно в течение нескольких месяцев. Западные берега Шпицбергена и Новой Земли легко достижимы, и кроме лишайников и мхов, растущих на этих островах, путешественники находят там в лучше защищенных углах флору, подобную высокогорной альпийской.

Значительное количество теплой воды, таким образом, входит в Арктический залив с юга. Следовательно, не менее значительное количество холодной воды выходит из него в форме мощного ледового течения, около 300 миль шириной, которое также придерживается правила движения и входит в Северную Атлантику между Шпицбергеном и Гренландией. Отсюда оно течет а юг, вдоль восточного берега Гренландии, прижимаясь к его скалам и обрывам и нагромождая ледяные поля друг на друга, вынуждая их двигаться через Датский пролив (проход между Исландией и Гренландией). Когда оно достигает южной оконечности Гренландии (мыса Фарвел) оно также раздваивается. Малая ветвь его огибает мыс и проходит в Баффинов залив, в то

время как основная продолжает двигаться южным курсом, встречаемая атлантическими пароходами, идущими к берегам Америки. Однако айсберги, которые эти пароходы встречают, выносятся этим мощным течением, т. к. оно проходит мимо ледников Восточной Гренландии; в высоких широтах оно несет с собой лишь толстые поля многолетнего льда, который наращивает свою толщину по мере дрейфа в Арктическом заливе.

Это течение омывает восточное побережье Гренландии, которое так труднодоступно. Оно определило судьбы экипажа второго корабля Германской экспедиции «Hansa». Маленькая шхуна прочно вмерзла в лед на широте 74 0 и дрейфовала на юг. Внезапно она была раздавлена давлением модных ледяных полей и затонула, в то время как отважная команда судна, которая нашла убежище на ледяном поле… пронесена, и после семи месяцев «заключения» они спаслись на своих трех лодках. Обогнув мыс Фарвел, они достигли датской колонии на юго-восточной оконечности Гренландии…

Еще одна особенность широкого атлантического прохода в Полярный залив должна быть упомянута. В середине его - ближе к Гренландии, чем к Европе - Исландия и Ян-Майен поднимаются на вершине подводного гребня, который протягивается с юго-запада на северо-восток; дальше, в том же направлении, поднимается Шпицберген и архипелаг Франца-Иосифа; и эта гряда островов представляет собой важную демаркационную линию; глубокий желоб располагается к северо-западу от нее, в то время как, за исключением одного подводного залива, море является намного более мелким на нашей стороне этих островов; так что Исландия, Ян-Майен, Шпицберген и Земля Франца-Иосифа, так же, как и Новосибирские острова далее на восток, могут рассматриваться как своего рода внешняя стена Европы и Азии. Теперь это более заметно, хотя не вполне ясно, почему вышеупомянутое теплое течение придерживается этой внешней стены, в то время как холодное полярное течение движется над более глубоким желобом. И то же самое было обнаружено Нансеном далее на восток, по всему протяжению ледового течения. Таковы ведущие черты Северного Полярного залива.

Четырьмя различными путями стремились люди достичь Северного полюса; один - через пролив Смита, вдоль западного побережья Гренландии; три - через широки атлантический проход; и одно - через Берингов пролив; три пути - по направлению теплого течения, и два - навстречу холодного. На протяжении 80 лет все эти пути были испробованы по очереди. Несомненные признаки новых земель были открыты; эти экспедиции принесли науке неизмеримую пользу почти во всех ее

областях; каждый шаг, сделанных в ледяной пустыне был отмечен актами возвышенного героизма и самоотверженности. Но результат всех этих благородных усилий был в том, что все меньше и меньше надежд оставалось на достижение в ближайшем будущем самого сердца обширного, еще не исследованного пространства - Северного полюса… Везде мощное ледовое течение преграждало путь, и когда была достигнута северная оконечность Гренландии, обнаружилось, что она блокирована ветвью того же самого течения.

Хорошо известно, как находка остатков затонувшей «Жаннетты» на ледовом поле близ южной оконечности Гренландии подсказала Нансену идею - попытаться найти новый путь. Де Лог на борту «Жаннетты» вышел в Арктический бассейн в 1879 г., через Берингов пролив и поплыл на запад навстречу «Веге» Норденшельда, но «Жанннетта» вскоре была пленена льдом и дрейфовала с ним почти два года - сначала вокруг острова Врангеля, а затем в северо-западном направлении. Она затонула 21 июня 1881 г. к северо-востоку от Новосибирских островов, а команда, которая отправилась на шлюпке в устье Лены, в основном погибла. Два года спустя различные вещи, принадлежавшие «Жаннетте», были обнаружены в Гренландии, и Нансен, намечая свой путь прямо через полярный бассейн, предположил, что пойдет по этому же следу.

Он построил корабль, который мог устоять против постоянного бокового давления льда. Вытолкнутый наверх, он включился в ледовое течение и дрефовал с ним через неизвестную полярную область - таким был, как хорошо известно, с самого начала план Нансена. Известно также, что этот план встретил ожесточенные возражения большинства арктических авторитетов не только за его беспрецедентную смелость, но также потому, что он, как говорили, базировался на неподтвержденных гипотезах. Надо, однако, сказать, что гипотезы, напротив, прочно основывались на научных обобщениях, полученных многими физикогеографами.

На происхождение великого ледового течения ясно указывало обилие сибирских деревьев, недавно только вырванных из мест, где они росли, которые дрейфовали каждый год к берегам Гренландии. Из 25 образцов плавника, определенного германской экспедицией Колдевея во время зимовки в 1869-70 гг. на восточно-гренландском побережье, не менее, чем 15 были отнесены к деревьям сибирской лиственницы, да и 10 других принадлежали тоже к видам, растущим в Сибири…

В целом существование этого течения было представлено настолько достоверно в 1870 году скандинавскими экспедициями,

что в 1871 г. на существование затем открытой земли между Шпицбергеном и Новой Землей, «простирающейся дальше к северу, чем Шпицберген» (теперь Земля Франца-Иосифа), могло быть указано в арктическом докладе, сделанном мной в Русском Географическом обществе, потому что, как было сказано в докладе, - если такой земли не существует, то ледовое течение должно было бы достичь Нордкапа и Лапландского побережья и нагромоздить на нем этот лед - теплое течение слишком слабое для того, чтобы предотвратить это нашествие. Небезынтересно Нансену узнать, что даже величайший авторитет по океанским течениям Мори был с ним. Он предвидел существование течения «Фрама» в 1868 г.

Идея этого течения т. о. лелеялась в арктической литературе на протяжении последних 25 лет, хотя никто не осмелился реализовать ее. И только Нансен раскрыл истинный характер океанической циркуляции. То, что его заключение было совершенно верным, теперь полностью доказано дрейфом «Фрама». В течение трех лет этот великолепный маленький корабль дрейфовал на северо-запад и запад до того, как начал дрейфовать на юг, к Гренландии. Только в конце каждого лета его регулярно относило к востоку (на короткое расстояние) под влиянием противоположных течению ветров. Постоянное ледовое течение, почти столь же мощное и той же протяженности, как Гольфстрим (теперешний, от полуострова Флориды к арктическим островам), указывает такое же определяющее влияние на жизнь нашей планеты. Его ширина огромна и должна достигать по крайней мере 300 миль. Более того, мы знаем положительно… является продолжением желоба Северной Атлантики. Полярный бассейн оказывается, таким образом, не мелкой депрессией, каковой его часто представляли. Он - реальное продолжение Атлантического океана, и его вода вовлечена в систему циркуляции, как и в других океанах.

Мы узнали, сверх того, в результате дрейфа «Фрама», что происходит с теплым течением, когда оно достигает высоких широт! Под широтой 58 0 оно еще ощущалось, но его нашли под слоем холодного течения. Его воды следовательно, текут во впадину Арктического океана и т. о. препятствуют тому, чтобы полярная область стала грозным резервуаром холода. Таким путем достигается более равномерное распределение температур по Земле, и хотя норвежская экспедиция испытала большой холод, она не обнаружила на 85-ой параллели такой же суровой зимы, что известна для Верхоянска, полюса холода восточного полушария. Что касается южных берегов архипелага Франца-Иосифа, они полностью испытывают смягчающее влияние юго-

западных ветров, а теплые атлантические воды заходят и в Баренцево море, как теперь стало известно из наблюдений Джексона.

Удивительное плавание «Фрама» завершено, и в то же время закрыты все гипотезы об обширной земле, простирающейся к полюсу со стороны Евразии. Земля Франца-Иосифа - всего лишь архипелаг, как это теперь доказано путешествием на шлюпке Джексона, распространяющийся на запад, к Шпицбергену, но не простирающийся далеко на север…

О том, что может находиться к северу от трассы «Фрама», никто не может ничего сказать, и Нансен сам в первую очередь воздерживается от необдуманных обобщений. Правда, большие глубины, открытые «Фрамом», кажется, указывают на существование глубокого моря вокруг полюса…

Огромное пространство Северного полярного бассейна, в котором Гренландия могла бы легко разместиться, еще остается меньше известным, чем поверхность Маркса. Кажется даже вероятным, по форме трассы дрейфа «Жаннетты» и «Фрама», так же как восточного дрейфа вдоль северных берегов Америки, что какая-то земля может существовать между двумя течениями. Не следует забывать, что большие стаи птиц различных видов видели летящими на север от побережья Сибири, не только в устье Лены, но также на месте зимовки «Веги», и что их пунктом назначения не мог быть маленький остров Врангеля, примечательным отсутствием птичьей жизни летом1.

1 В 1913 г. в этом районе русской гидрографической экспедицией на кораблях «Таймыр» и «Вайгач» открыт архипелаг, названный первоначально Землей Николая II, а теперь известный как Северная земля.

Относительно магнитных и метеорологических наблюдений, которые были сделаны на борту «Фрама» в течение трех последовательных лет с помощью прекрасных саморегистрирующих инструментов и метеорологические отчеты Нансена и Огансена о наблюдениях, проведенных во время их смелых бросков к полюсу и зимовки… в меховых мешках на Земле Франца-Иосифа, просто бесценны. Мон справедливо отметил в своем докладе о научных результатах этой экспедиции, что в течение трех лет «Фрам» был первоклассной обсерваторией, расположенной на крайнем севере…

Арктическая природа так сильно воздействует на человека одаренного поэтическим восприятием, что тот, кому довелось пожить среди этой суровой природы, наполненной своим особенным очарованием, будут стремиться вернуть его. «Только бы встать ногой на ту землю! - и умереть», сказал однажды

барону Толлю старый проводник, когда говорили о таинственной Земле Санникова, которая возникла как сказочное видение среди сверкающих льдов к северу от Новосибирских островов…

Это не случайно, что Норденшельд, первооткрыватель Северо-Восточного прохода, и Нансен являются скандинавами; не простая удача сделала возможным их успех, он потерял бы свои краски при потере этих двух возглавлявших экспедиции исследователей. Арктические исследования покоятся на прочной научной основе, и то, что они проводились от года к году в научных целях, подготовило их успех. В течение почти сорока последующих лет (с 1858 г.) шведы посылали научные экспедиции на Шпицберген и в примыкающие к нему моря для того, чтобы провести исследования по всем отраслям науки…

И когда Нансен рассказал нам, как билось его сердце, когда он, 22-летний юноша, отправился в свое первое арктическое путешествие и случайно увидел «Вегу», отплывающую в Арктическое море, он выразил только то, что чувствовали тысячи скандинавских сердец…

А в 1878- 79 гг. Норденшельд на борту «Веги» совершил великий подвиг плавания вокруг Азии, к чему стремились многие поколения арктических исследователей. Австро-венгерская экспедиция в 1873-77 гг. результатом которой было открытие Земли Франца-Иосифа, и экспедиция «Жаннетты» (встретившая «Вегу») -прямой итог смелых плаваний норвежских китобоев, путешествия которых были подготовлены шведскими научными экспедициями.

Настоящие герои нашего столетия - Нансен и Юхансен - показали, что два человека, затерянные в ледяной, дикой пустыне, могут действительно жить в этом бесконечном одиночестве, исследовать его и выполнить научные наблюдения высочайшей ценности, даже когда они провели зиму в грубом подобии хижины из камней и шкур, лишенные приспособлений для добывания пищи, тепла и света. Современная наука может гордиться присутствием таких людей в своем арсенале.

Их труд, энтузиазм и энергия, с которыми они завоевывали каждую милю на арктических архипелагах и морях, не пропадет, пока они способны будут вдохновлять других людей на подобный героизм.

Из книги «Идеалы и действительность в русской литературе» **1 (1901)**

1 Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. *(Пер. с англ. В. Батуринского.)* СПб, 1907, С. 1-367.

Русская литература представляет такое богатейшее сокровище оригинального поэтического вдохновения: в ней чувствуется свежесть и юность… ей присущи искренность и простота выражения…

Одним из последних заветов, с которым умирающий Тургенев обратился к русским писателям, была его просьба - хранить чистоту нашего драгоценного наследия - русского языка. Тургенев, знавший в совершенстве большинство западно-европейских языков, имел самое высокое мнение о русском языке как орудии для выражения всевозможных оттенков мысли и чувства… русский язык особенно богат в выражении различных оттенков чувств - ненависти и любви, скорби и веселья…

Самое крупное произведение (А. С. Пушкина. - В. М.) в стихах - «Евгений Онегин» - отличается таким блеском и легкостью стиля, таким разнообразием и живописностью образов, что его можно рассматривать как единственное в своем роде произведение в европейской культуре… Он является, несомненно, великим поэтом в его способе описания самой незначительной мелочи повседневной жизни, в разнообразии человеческих чувств… в изящном выражении различных оттенков любви и, наконец, в яркой индивидуальности его произведений.

…Вся красота природы Кавказа отразилась в поэмах Лермонтова… в такой форме, что ни в одной другой литературе не найдется описание природы более прекрасным… описание его настолько всегда верно природе, что возникает картина, полная живых красок поэтической атмосферы, благодаря которой чувствуется свежесть этих гор, аромат их лесов и лугов, чистого горного воздуха.

В интеллектуальном отношении Лермонтов, пожалуй, стоит ближе всего к Шелли. Его ум занимали великие проблемы Добра и зла, борющихся между собой и в сердце человека и во Вселенной…

Пессимизм Лермонтова не был пессимизмом отчаяния. Это был могущественный протест против всего низменного в жизни, и в этом отношении его поэзия оставляла глубокие след на всей последующей литературе… Лермонтов прежде всего был гуманистом - глубоко гуманитарным поэтом.

С Гоголя начинается новый период русской литературы… Гоголь - скрупулезный реалист, рассказы его полны юмора и остроумия. Сквозь видимый смех источать невидимые, незримые миру слезы… Литературное влияние гоголя было колоссально. Он был великим художником. В основе искусства его лежит чистый реализм, но все оно было проникнуто стремлением привить человечеству нечто истинно доброе и великое…

Произведения Гоголя ввели в русскую литературу социальный элемент и социальную критику, основанную на анализе тогдашнего положения вещей в России.

Тургенев и Толстой - два величайшие беллетриста России, а может быть, и целого столетия, и отчасти - Достоевский - преодолели затруднение, которым являлся русский язык, делавшее недоступными для Западной Европы произведения русских писателей. Эти трое сделали русскую литературу известной и популярной вне пределов России; и благодаря им, мы можем быть уверены, что впредь лучшие произведения русского ума уже будут становиться частью общего умственного достояния цивилизованного человечества.

Художественная мощь Толстого попирает его собственные теории. Его оценка того или другого действующего героя может быть ложна; исповедуемая им «философия» может вызывать возражения; но сила его описательного таланта и его литературная честность настолько велики, что чувства и действия его героев часто говорят вопреки намерениям их творца и доказывают нечто совершенно противоположное тому, что он хотел доказать…

Несмотря на недоверие Толстого к науке, я должен сказать, что при чтении его произведений всегда чувствую, что он обладает наиболее научным взглядом на вещи, какой мне приходилось встречать среди художников. Он может ошибаться в заключениях, но он всегда безошибочен в изложении данных. Истинную науку и истинное искусство нельзя противополагать друг другу: они всегда находятся в согласии…

«Война и мир» - великая эпопея, не имеющая равной себе во всемирной литературе (1805-1812). Мы знакомимся более чем с сотнею физических лиц, и каждое из них так определенно, что носит черты собственной индивидуальности. Когда вы вспомните о массе человеческих характеров, проходящих перед вами, у вас остается впечатление огромной толпы исторических событий, которые вы сами пережили вместе с целым народом, пробужденным несчастьем: литературный гений Толстого высказался с особенной яркостью…

Влияние Толстого останется надолго. Влияние это не ограничено одной какой-то страной… его произведения читаются на всех языках, будят совесть людей всех классов и всех наций. Толстой является наиболее любимым, наиболее трогательно любимым человеком во всем мире.

«Обломов» (И. А. Гончарова.- В. М.) - глубоко национальный роман, но он имеет и общемировой характер, так как в нем изображен тип, почти столь же общечеловеческий, как Гамлет и

Дон Кихот. Обломов - хорошо образованный и воспитанный человек, обладающий утонченным вкусом. Он, не способен на бесчестный поступок органически. Он всецело разделяет самые благородные, высокие чаяния своих современников… Употребляемо всеми для характеристики положения России слово «обломовщина». Вся русская жизнь, вся русская история носят на себе следы этой болезни, той лености ума и сердца, того консерватизма и инерции, того презрения к энергичной деятельности, которые характеризуют Обломова…

Достоевский… В 24 года - «Бедные люди»… написал очень быстро и так мало заботился об обработке своих произведений, что, как указывал Добролюбов, их литературная форма иногда бывает ниже всякой критики… И все же, несмотря на все недостатки, произведения Достоевского проникнуты местами глубоким чувством реальности, что рядом с совершенно фантастическими характерами вы находите характеры, часто встречающиеся в жизни и настолько реальные, что вы забываете о недостатках таланта Достоевского.

«Записки из Мертвого Дома» - единственное произведение, которое можно признать безупречным в художественном отношении; руководящая идея этого произведения - прекрасна, и его форма вполне соответствует идее…

«Преступление и наказание» производит сильное впечатление, благодаря чрезвычайно реалистическим картинам нищеты…

Поэзия Некрасова сыграла такую значительную роль в моем личном развитии, во время моей юности… Его любовь к народу проходит красной нитью по всем его произведениям, он остался верен ей всю жизнь. В его произведениях вы очень редко найдете поэтический образ, который не соответствовал бы общей идее данного произведения…

Островский вывел в своих драматических произведениях громадное количество характеров, разнообразно взятых из всех классов русского общества и народа… Островский - могучий драматический талант.

М. Горький - несомненно, большой художник, и при том - поэт. Счастливое соединение реализма с идеализмом…

Из всех современных беллетристов А. П. Чехов… был, несомненно, глубоко оригинальным. Говоря о Чехове, толстой сделал очень верное замечание, что он принадлежит к числу тех немногих писателей, произведения которых можно с удовольствием перечитывать. Чехов лучше всех русских беллетристов понимал основной порок массы русских интеллигентов, которые прекрасно видят мрачные стороны

русской жизни, но у которых не хватает силы воли и самоотвержения, чтобы присоединиться к кучке молодежи, осмеливающейся деятельно бороться со злом! Чехов знал, более того - он чувствовал каждым нервом своей поэтической натуры, что за исключением кучки более сильных мужчин и женщин, истинным проклятием русского интеллигента, является слабоволие, отсутствие сильных, страстных стремлений. Чехов начал писать именно в это мрачное время и будучи истинным поэтом, который чувствует и отзывается на все настроения момента, он сделался выразителем этого поражения интеллигенции, которое, как кошмар, нависло над культурной частью русского общества.

Будучи великим поэтом, он изобразил всепроникающую филистерскую пошлость в таких чертах, что его изображения, помимо высокой художественности, имеют громадную историческую ценность. Но он не был пессимистом в истинном значении этого слова. Он твердо верил в возможность лучшего существования, верил, что оно придет.

Влияние Чехова, как заметил Толстой, останется и не ограничится одной Россией. Он довел рассказ до такого совершенства, как одно из средств изображения человеческой жизни, что его можно рассматривать как одного из реформаторов в области литературной формы… неподражаемое поэтическое чувство, прелесть рассказа, особенная форма любви к природе, а главное - красота чеховской улыбки сквозь слезы! Старая, уходящая жизнь и требовала прощального слова, и оно было произнесено Чеховым.

Из статьи «Лев Толстой - художник и мыслитель» 1 (1898)

1 «Leo Golsoy as an arfist and dhinner ГАРФ, ф. 1129, ед. хр. *(Пер.с англ. В. А. Маркина)*.

…В течение последних тридцати лет своей жизни Толстой проявил чрезвычайную активность - много читал и печатал, не говоря об огромной переписке, которую вел, не говоря об общественной деятельности - участие в Московской переписи, по оказанию помощи голодающим, помощи в деле переселения духоборов и т. д. Толстой за этот период написал более, чем в первую половину своей литературной деятельности.

Прежде всего он провел огромную работу по восстановлению первоначального текста «Евангелия» и очищения его от позднейших наслоений церкви. С этой целью он изучил сначала греческий, а потом и древнегреческий языки и принялся за сверку различных переводов «Евангелия». Результатом этой огромной

работы явились его труды: «Краткое изложение «Евангелия» и «Критика догматического богословия», а также объединенный перевод и истолкование четырех евангелий.

И только после того, как Толстой закончил этот громадный труд, он приступил к разработке основ универсальной религии, мысль о которой преследовала его, начиная с 1855 года. Размышляя о сущности религии, Толстой пришел к выводу, что в основе всех религий лежит одно и то же начало, а именно: выяснение своих отношений к миру и признание равенства всех людей. Люди всех религий: буддисты, евреи, мусульмане, христиане и язычники, свободомыслящие и даже атеисты, все одинаково сходятся в том, что хорошо и что плохо. И часто такие люди в своей личной жизни стоят ближе к настоящему учению Христа, чем большинство тех, кто называет себя христианами. Отсюда Толстой пришел к мысли, что основой всех религий является одна и та же истина и что эта истина (будучи нравственным принципом) не должна содержать в себе ничего, что отвергает разум, освобожденный от предрассудков и суеверий.

Воодушевленный этой идеей, Толстой написал целый ряд статей замечательных, удивительно написанных, как и все, что выходило из-под его пера. Это: «В чем моя вера?» (1884), «Так что же нам делать? (1886), «О жизни» (1887), «Царствие божие внутри нас или христианство, не как мистическое учение, а как новое понимание жизни» (1893-1900), небольшая, подобие катехизиса, книжка «Христианское учение» (1902) и небольшая статья «Что такое религия?»

В этих работах Толстой рассматривает христианство как руководство к жизни, не считая его откровением свыше, а видя в нем - «то самое разрешение вопроса о жизни, которое более или менее точно было дано человечеству лучшими людьми до и после Христа, начиная от Моисея, Исаака, Конфуция, древних греков, Страбона и кончая Паскалем, Спинозой, Фихте, Фейербахом и многими другими, часто неизвестными людьми.

Таким образом, Толстой пытался в этих работах дать элементы универсальной религии, которая не имела бы ничего сверхъестественного, ничего такого, что разум и знание отвергают, но содержала бы в себе нравственное руководство для всех людей. Эта религия сохранила только два основных и главных элемента всех религий - определение отношения человека ко Вселенной (мировоззрение) и признание социального равенства всех людей. Таковы новые принципы той религии, которую Толстой выработал после 1882-1884 гг. и которой он придерживался до конца своей жизни…

Основу христианского учения Толстой видит в непротивлении злу. И в течение первых лет после духовного кризиса он проповедовал абсолютное «непротивление злу» в полном согласии с буквальным и точным смыслом евангельских слов. Однако пассивное отношение к совершаемому злу настолько противоречило всей натуре Толстого, что он не мог оставаться приверженцем подобного принципа и вскоре начал толковать евангельский текст в смысле «непротивления злу насилием…»

Все позднейшие произведения Толстого являются страстным противлением различным формам зла, которое он видел в окружающем его мире. Его мощный голос постоянно обличал и самое зло и совершающих его людей. Он осуждал только борьбу со злом при помощи физической силы, считая, что такая форма сопротивления причиняет только вред.

Когда в 1881 году был убит народовольцами Александр II и участники «дела 1-го марта», включая и Софью Перовскую, были приговорен к смертной казни, Толстой, потрясенный этим, написал письмо Александру III, в котором умолял его, как брата, ради своей совести, показать добрый пример христианского милосердия и не допускать казни. Толстой передал письмо Победоносцеву, прося отдать царю, но Победоносцев не решился на это и оставил его у себя.

Когда Николая II вскоре после своего воцарения на приеме представителей духовенства заявил, что либералы должны отказаться от бессмысленных мечтаний о введении в России конституции, Толстой написал молодому царю гневное письмо. Царь не обратил на него никакого внимания. Тогда Толстой написал в 1902 году другое, а в 1908 году взволновал весь культурный мир своим обращением к царю «Не могу молчать!» Он протестовал против многочисленных казней революционеров, происходивших после 1906 года по всей России после того, как революционное движение было подавлено.

Так Толстой «противился злу» со всей силой, какая была в его власти, и он лишь отказывался одобрять сопротивление злу силой. Его призывы к крестьянам, чтобы они перестали брать в аренду землю у помещиков и прекратили бы работать на них, а также его призывы к солдатам и офицерам отказываться от военной службы, конечно, были призывами к противлению, протесту против существующего несправедливого строя жизни… Можно сказать с уверенностью, что ни один писатель со времен Руссо не имел такого глубокого влияния на весь мир в смысле пробуждения человеческой совести, как Толстой…

Из книги «Современная наука и анархия» **(1901) 1**

1 Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. *(Пер. с франц. под ред.)*

…В каждой науке, когда мы начинаем изучать ее основательно, мы доходим до известного предела, дальше которого в данный момент не может идти. Это именно и делает науку вечно юной, вечно привлекательной. Какой экстаз и какой восторг охватывал нас в середине девятнадцатого века, когда были сделаны такие прекрасные открытия в астрономии, в физических науках, в биологии, т. е. науке жизни, и в психологии. Какие прекрасные горизонты открывались перед нашими глазами в это время, когда границы науки так внезапно были раздвинуты. Раздвинуты, но не уничтожены, потому что сейчас же установились новые границы, и со всех сторон возникли новые проблемы, требовавшие разрешения.

Наука постоянно раздвигает, таким образом, свои пределы. Там, где двадцать лет тому назад она останавливалась, теперь уже завоеванная область. Граница отступила. Но, сделав большой шаг вперед, наука снова останавливается, чтобы пересмотреть свои победы во всем их целом, позондировать новые открывающиеся перед ней горизонты и собрать новые факты, прежде чем сделать дальнейшие шаги и идти к новым завоеваниям…

…Так, пятьдесят лет тому назад мы говорили: «Вот группа явлений - притяжение и отталкивание - которые имеют что-то общее. Назовем их «Электрическими явлениями» и будем называть «электричеством» неизвестную до сих пор причину этих фактов, какая бы она ни была». И когда нетерпеливые спрашивали нас: «А что такое это электричество?», то мы имели честность ответить им, что пока, в данный момент, мы не знаем. Теперь сделан еще один шаг вперед. Мы нашли пункт сходства между звуком, теплотой, светом и - электричеством. Действительно, когда колокол звенит, он производит воздушные волны, попеременно сжатые и разреженные, которые следуют друг за другом, как волны на поверхности пруда.

В воздухе звуковые волны идут со скоростью около 300 метров в секунду, и они распространяются столь хорошо известным нам образом, что мы можем подвергнуть их математическому вычислению. Это мы знали уже давно. Но теперь открыли, что теплота, свет, а также электричество распространяются совершенно таким же образом, только с быстротою 300 000 километров в секунду. Конечно, то, что вибрирует в электрических явлениях, есть материя, бесконечно более разреженная, чем воздух; но электричество, как и теплота, и свет, обязано этим вибрациям, абсолютно сходным с теми,

которые производит колокол в воздухе, и мы можем подвергнуть их тому же математическому изучению.

Без сомнения, это еще далеко не все, что можно знать об электричестве, - неизвестное окружает нас со всех сторон, но это первое приближение. Зная это, мы придем ко второму приближению, которое объяснит факты еще более точно. А между тем, мы уже можем говорить с одного континента на другой, даже не прибегая к подводному кабелю, и вам сообщают новости дня на борт корабля, несущегося на вех парах через океан…

Как могли мы, например, предсказать в 1860 году, что к концу столетия будем посылать электрические волны из Ирландии в Нью-Йорк, когда мы не знали, что электричество есть вибрации, сходные со световыми вибрациями?

Главное - «развить смелость в молодых умах…»

Но для того, чтобы сказать, что то, что находится «за пределами» современной науки, непознаваемо, нужно быть уверенным, что оно существенно отличается от того, что мы научились знать до сих пор. Но тогда это уже является громадным знанием об этом неизвестном. Обнаружив в этом «вопиющее противоречие», утверждать, что существует непознаваемое, значит сказать одновременно: «Я ничего об этом не знаю» и «Я знаю об этом настолько, что могу сказать, что это совсем непохоже даже издалека на то, что я знаю».

Если мы знаем что-либо о Вселенной, о ее прошлом существовании и о законах ее развития, если мы в состоянии определить отношения, которые существуют, скажем между расстояниями, отделяющими нас от Млечного пути и движениями солнц, а также молекул, вибрирующих в этом пространстве; если, одним словом, наука о Вселенной возможна, это значит, что между этой Вселенной и нашим мозгом, нашей нервной системой и нашим организмом вообще существует сходство структуры.

Если бы наш мозг состоял из веществ, существенно отличающихся от тех, которые образуют мир солнц, звезд, растений и других животных; если бы законы молекулярных вибраций и химических преобразований в нашем мозгу и нашем спинном хребте отличались бы от тех законов, которые существуют вне нашей планеты; если бы, наконец, свет, проходя через пространство между звездами и нашим глазом, подчинялся бы во время этого пробега законам, отличным от тех, которые существуют в нашем глазу, в наших зрительных нервах, через которые он проходит, чтобы достичь нашего мозга, и в нашем мозгу, то никогда мы не могли бы знать ничего верного о Вселенной и законах, о постоянных существующих в ней

отношениях. Тогда как теперь мы знаем достаточно, чтобы предсказать массу вещей и знать, что сами законы, которые дают нам возможность предсказывать, есть не что иное, как отношения, усвоенные нашим мозгом.

Вот почему не только является противоречием называть непознаваемым то, что неизвестно, но все заставляет нас, наоборот, верить, что в природе нет ничего, что не находит себе эквивалента в нашем мозгу - частичке той же самой природы, состоящей из тех же физических и химических элементов, - ничего, следовательно, что должно навсегда оставаться неизвестным, - то есть не может найти своего представления в нашем мозгу…

III. Государство или общество?

Государственная власть

Кропоткин был убежден, что именно вопрос о государстве становится центральным при свершении социальной революции. Будущее общество «довольства для всех», как он его называл не должно строиться на государственных началах. Не может быть свободным общество, которым управляют из центра, в котором люди связаны вертикально - по принципу господства и подчинения, а не горизонтальными невидимыми нитями заинтересованности и взаимопомощи.

Различий между социалистами множество, говорил он, и они определяются разницей в темпераментах, в привычках мышления, а также и степенью доверия к надвигающейся революции. Но все эти различия группируются лишь по двум главным направлениям. На одной стороне стоят все те, кто надеется осуществить социальную революцию через государство, сохраняя его, даже укрепляя, усиливая в целях поддержки завоеваний революции. А на другой стороне - те, кто видит в государстве нечто исключающее само понятие революция и даже наиболее серьезное препятствие для какого то ни было развития общества на началах равенства и свободы. По убеждению Кропоткина, государство со своим бюрократическим аппаратом не может поддерживать революцию, которая всегда угрожает его существованию, всегда направлена против него, потому что ее цель - освобождение человека, а цель государства обратная - так привязать к себе человека, чтобы легче было управлять им.

Кропоткин понимал, что различие этих двух направлений очень существенно. Ему соответствуют два основных течения, которые противоборствуют повсюду - и в философии, и в литературе, и в общественной деятельности. Суть этой борьбы все та же: власти и насилию противостоят безвластие и взаимопомощь. И он занялся исследованием причин возникновения в человеческом обществе государственной формы жизни, той роли, которую оно играло в истории человечества на разных ее этапах, и принципов безгосударственного устройства жизни.

В 1888- 91 годах было опубликовано несколько статей, подводящих научный фундамент под анархистскую теорию. В 1892 году вышла важная для того периода книга «Завоевание хлеба», в 1896 -«Государство и его роль в истории». Эта книга

начинается с внесения ясности в терминологию:

«Условимся прежде всего в том, что мы разумеем под словом «государство». Известно, что в германии существует целая школа писателей, которые постоянно смешивают государство с обществом. Такое смешение встречается даже у серьезных немецких мыслителей, а также и у тех французских писателей, которые не могут представить себе общества без государственного подавления личной и местной свободы. Отсюда и возникает обычное обвинение анархистов в том, что они хотят «разрушить общество» и проповедуют «возвращение к вечной войне каждого со всеми»1.

1 Кропоткин П. А. Государство и его роль в истории. цит по кн.: «Анархизм» (сборник) М., 1999, С. 74.

Кропоткин выступает против соединения этих двух совершенно разных понятий. Люди жили обществами многие тысячи лет, прежде чем создались государства, и среди современных европейских народностей государство есть явление самого недавнего происхождения, развивавшееся лишь с шестнадцатого столетия. Он обращает внимание на то, что блестящими эпохами в жизни человечества были как раз такие периоды, когда не существовало жесткой централизации власти, когда люди жили либо в сельских общинах, либо в вольных самоуправляющихся городах.

Нередко понятие государства подменяют понятием правительства и последнее обвинят во всех грехах, думая, что стоит заменить правительство, как все пойдет нормально. На самом же деле государственная система подчиняет себе правительство, сосредотачивает практически все управление местною жизнью в одном центре и все рычаги управления общественной жизнью в руках немногих, которые подчиняют себе остальных.

Кропоткин считал, что порядок может быть обеспечен и без этой системы подчинения: *«Человек далеко не такой кровожадный зверь, каким его обыкновенно представляют, чтобы доказать необходимость господства над ним; он, наоборот, всегда любил спокойствие и мир. Иногда он, может быть, и не прочь подраться, но он не кровожаден по природе и во все времена предпочитал скотоводство и обработку земли военным похождениям»* 1.

1 Там же, С. 89.

Еще в бытность свою в Сибири он имел возможность наблюдать, что военизированные казаки, как только получали землю, сразу же становились мирными землевладельцами, какими были их деды и прадеды где-нибудь в Малороссии или в Тамбовской губернии и желали только одного - чтобы власти их

меньше притесняли.

Откуда же взялась власть государства над людьми, иной раз совершенно лишающая их свободной воли?

Конечно, зародилась она еще при родовом строе. Причина - неравномерное накопление богатства в семьях - в одних больше, в других - меньше. Имущественное неравенство создавало необходимость защиты собственности, сохранения ее в одних руках. Для защиты от нападения соседей общество выделяло специального человека, набиравшего себе дружины. Мало-помалу этот «защитник», побеждая врагов, накапливал богатства, которые помогали ему сохранить власть над людьми. Под охраной воинов богатые семьи занимали в обществе верховное положение. В этих семьях, хранящих для передачи их поколения в поколение обычаи и правила поведения, уже гнездились зачатки княжеской или королевской власти. Появились знатоки обычаев и правил - судьи, защищающие справедливость, а по сути - ту же власть…

«…Государственная власть возродилась, пользуясь существующим в людях чувством справедливости и выставляя себя защитницей слабых против сильных, а превратилась в «спрута», удушающего своими щупальцами все общество и каждого его члена в отдельности» 2.

2 Кропоткин А. П. Нравственные начала анархизма. Лондон, 1907, С. 37.

«Государство - нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения «гармонии» в обществе… - писал Кропоткин. -…Это - организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем на протяжении трех столетий, чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, чтобы расширить эти права и создать новые… группы лиц, осыпанных милостями правительственной иерархии». Государство - «олицетворение несправедливости, угнетения и монополии» 3.

3 Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. Пг.-М. 1920. С, 271

Такая система управления людьми, всей их жизнью, создавала особые отношения людей друг к другу, особую социальную атмосферу, противоречущую естественным началам жизни: *«Из всех перечисленных мною зол едва ли не самое худшее - это воспитание, которое нам дает государство как в школе, так и в последующей жизни. Государственное воспитание так извращает наш мозг, что само понятие о свободе в нас исчезает и заменяется понятиями рабскими…В молодых умах всегда искусно развивали и до сих пор развивают двух добровольного рабства с целью упрочить навеки подчинение подданного государству»* 1.

1Кропоткин А. П. Государство и его историческая роль. Цит. по кн.: Анархизм (Сборник) - М., 1999.- С. 132-133.

Государство, по мысли Кропоткина, в течение всей истории человеческих обществ служило для того, чтобы мешать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почина, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых.

Пафос кропоткинского антиэтатизма направлен против тех социалистов, которые считали, что при построении нового общества нельзя обойтись без государственной власти, что надо использовать эту уже готовую и эффективную, как они полагали, форму управления. Да, они вреда, по их мнению когда находится в руках эксплуататоров а так только попадет в руки народа, станет служить его благу. Кропоткин эту «эффективность» государства отрицал. Чтобы дать простор широкому росту социализма, нужно полнее перестроить все общество, изменить характер всех отношений между людьми. *«А эту гигантскую работу, требующую свободной самодеятельности народа, невозможно втиснуть в рамки государства…*

Вывод Кропоткина весьма категоричен: *«Одно из двух. Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче центров, на почве… личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения. Или же государство раздавит личность и местную жизнь, завладев всеми областями человеческой деятельности, принесет с собою войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов, и как неизбежный конец, - смерть!*

Выбирайте сами!» 2

2 Кропоткин П. А. Современная наука и анархия.- Пг.-М., 1920. С. 165-196.

Редко, кто мог остаться равнодушным, прочитав эти страстные строки! Но даже тот, кто считал взгляды Кропоткина утопическими, не мог не согласиться с глубокой привлекательностью его мыслей.

Убеждать он умел. Сергей Степняк-Кравчинский, который часто выступал на митингах вместе с Кропоткиным, так писал о нем: «Одаренный от природы пылкой убедительной речью, он весь превращается в страсть, лишь только всходит на трибуну. Он возбуждается при виде слушающей его толпы. Тут он совершенно преображается. Он весь дрожит от волнения; голос его звучит тоном глубокого, искреннего убеждения человека, который вкладывает всю свою душу в то, что говорит. Речи его производят громадное впечатление благодаря именно силе его воодушевления, которое сообщается другим и электризует

слушателей».

В таких митингах участвовал и Николай Чайковский. Все трое они встречались в Лондоне, сохранив друг с другом истинно братские отношения. В их взглядах были расхождения: Кравчинский сблизился с марксистами, Чайковский же, потерпев неудачу на пути «богочеловеческих» исканий, стал сторонником либерально-реформистского движения. Уважая различие мнений, но не отказываясь от горячих, порой, споров, они ценили друг в друге нечто бо“льшее, чем близость политических позиций. Кропоткин не поддерживал сближение Красчинского с социал-демократами, хотя никак его за это не осуждал. Сергей часто бывал у Энгельса и пришел проводить его в последний путь в августе 1895 года.

Трагическая гибель Сергея 23 декабря того же года под колесами поезда глубоко потрясла Кропоткина. Он писал Георгу Брандесу: «Смерть нашего друга, Степняка повергла нас в глубокое горе. Я знал, его очень близко… и очень полюбил. Не помню, встречал ли я когда-либо человека более справедливого. Эта черта была у него поразительная». Оставаясь убежденным революционером, Сергей умел слушать других и умел соглашаться. Ему присуще было уважение независимости каждого и полнейшее отсутствие личного властолюбия, а также чувства «партийного владычества».

«На похороны Степняка-Кравчинского пришли тысячи людей различных политических взглядов и общественного положения. Газеты сообщили, что на митинге, посвященном памяти Степняка и состоявшемся на площади перед вокзалом Ватерлоо, среди прочих «от всех русских» выступил князь Кропоткин, который сказал о своем друге: «Рабский дух был ему одинаково противен во всех проявлениях. Притеснение человеческой личности он ненавидел везде, где бы оно ни встречалось, - в народной жизни, в семье, в партии… Он глубоко сознавал, что великое дело никогда не делается одною партиею, что для великого общественного переворота нужны усилия разных партий…»1

1 Степняк-Кравчинский С. М. В Лондонской эмиграции.- М., 1968. С. 335-336-

Уже тогда Кропоткин думал о том, что если революцию возглавит одна единственная партия, возникнет серьезная опасность возрождения деспотического государства, анализ которого он посвятил свою книгу «Государство и его роль в истории».

Анатомия революции

Плавный ход эволюции, как в природе, так и в обществе, как считал Кропоткин, неизбежно прерывается скачками, вызывающими быстрые изменения. В книгах, статьях, речах, на митингах он говорил о неизбежности такой революции в обществе, которая уничтожит социальную несправедливость, систему насилия и эксплуатации. Уже на протяжении практически трех десятилетий он работал над приближением этой революции. И вопрос о том, почему начинаются революции, как они протекают и к каким результатам приводят, занимал его все это время. Он понимал, что будущее невозможно представить себе без изучения прошлого. И, конечно, очень много даст для этого погружение в историю самой великой революции, произошедшей на рубеже XVIII и XIX веков во Франции.

К Франции Петр Алексеевич всегда чувствовал особую привязанность. *«Сказать трудно, до чего мне Франция - ее поля, крестьяне в полях, ее дороги, сам ландшафт этих дорог, насколько они мне родные»* 1, - писал он в одном частном письме. Может быть, имело значение, что в детстве воспитателем его был француз, большой патриот своей страны, и раннее знакомство с французской культурой и языком не могло не сыграть свой роли.

1 ГАРФ, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 45.

В 1889 году исполнилось 100 лет Великой Французской революции, впервые провозгласившей целью человечества достижение свободы, равенства и братства. Кропоткин опубликовал к юбилею ряд статей. Первая статья появилась в Лондоне, в июньском номере «Девятнадцатого века». Она называлась «Великая революция и ее урок». В том же году в «La Re“voeteT» и в лондонской «Freedom» Кропоткин продолжил эту тему. В 1893 году в Париже вышла небольшая книжка «Великая революция», а затем в газете Жана Грава «Новые времена» на протяжении пяти лет публиковались большие статьи с продолжением, освещавшие отдельные стороны революционных событий столетней давности: об интеллектуальном движении XVIII века, о действиях жирондистов и якобинцев, о Конвенте, о парижских секциях, о крестьянских восстаниях, предшествовавших революции.

Получился целый цикл из восемнадцати статьей. Его начало - рецензия на книгу французского историка Ипполита Тэна, написанная Кропоткиным для редактировавшегося Петром Лавровым журнала «Слово» в 1878 году. Но журнал был закрыт, и рецензия тогда не появилась.

А через тридцать лет, в 1909 году, вышла книга «Великая Французская революция 1789-1793» одновременно в нескольких странах на французском, английском, немецком и испанском

языках. Вскоре появились ее издания на голландском, польском, шведском и итальянском. На русском ее собирался издать М. Горький в издательстве «Знание». Конечно, когда Кропоткин писал книгу о французской истории, он не мог не думать об истории российской, но вот что он написал Горькому из Брайтона 16 декабря 1909 года: *«Три теперешних условиях русской жизни, боюсь, что издать ее в России не удастся… Дух книги и возможные, но неизбежные параллели, вероятно, помешают».* 1

1 ГАРФ, д. 1129, оп. 3, ед. хр. 542.

Издательство Горького уже приступило к выпуску собрания сочинений Петр Алексеевича в семи томах. Вышли тома: первый («Записки революционера»), второй («ссылка в Сибирь»), четвертый («В русских и французских тюрьмах»), пятый («Идеалы и действительность в русской литературе»)…

Царской цензуре, однако, очень не понравилась книга о русских и французских тюрьмах, которая в России читалась как обвинительный акт против бесчеловечных условий в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Горькому петербургский окружной суд вынес в апреле 1911 года определение о «сыске» в связи с изданием этой крамольной книги. Писатель находился тогда в Италии, на острове Капри, и смог избежать суда.

Таким образом, на русском языке «Великая Французская революция» вышла в Лондоне, в эмигрантской типографии. Когда книга готовилась к изданию, автор ее писал переводчице Марии Гольдсмит: *«По-русски я еще более люблю эту книгу. Хорошая она и верная».* И хотя до самой революции 1917 года в России книга Кропоткина не была издана, о ее содержании читатели узнали из критических статей в журналах «Русское богатство» и «Голос минувшего». Во Франции этот труд получил высокую оценку самого большого знатока французской революции, создателя посвященного ей Исторического общества, автора многих книг о ней Альфонса Олара. «Недавно вышедшая книга г-на П. Кропоткина очень серьезная, очень умная и очень содержательная по части фактов идей…, - писал он в 1909 году в журнале «La Revolution Franqaise».- Весьма поучительно посмотреть на революцию глазами Кропоткина»2.

2 Кропоткин П. А. Великая французская революция. 1789-1793. М. 1979, С.475.

А его взгляд был особенным. Отличие его от подходов других весьма компетентных историков заключается именно в том, что он показал революцию в объеме, весь необъятный мир ее: «Революция, перевернувшая всю жизнь Франции и начавшая ее перестраивать в несколько лет, представляет собой целый мир, полный жизни и действия…».

Историки рассматривали в основном деятельность вождей революции. Кропоткин же был убежден в том, что французскую буржуазную революцию, открывшую путь для развития капитализма в стране, делал народ. И он показал революционное движение народных масс - крестьян и городской бедноты. Нельзя сказать, что другие историки совсем исключали народ из своих сочинений, но только Кропоткин раскрыл процесс зарождения и развития революции прежде всего в недрах народа. Он как бы осветил революцию снизу, чего никто из историков еще не делал, даже социалист Жан Жорес, четырехтомный труд которого, вышедший в 1900-1904 гг. Кропоткин внимательно читал. Эти тома сохранились, и на полях их обнаружено множество пометок карандашом. Из них складывается кропоткинское понимание истории революции, отличное от жоресовского, который подчеркивал буржуазный характер революции.

В значительной степени концепцию революции Кропоткин сформировал, отталкиваясь от точки зрения Жореса, и выстроил свое понимание хода событий.

Государство оказалось в критическом положении, так что правительству поневоле пришлось вступить на путь реформ. Они были начаты с согласия Людовика XVI, но оказались половинчатыми, а в результате никого не удовлетворили. Король, напуганный теми придворными силами, которые и этим-то половинчатым реформам противодействовали, вдруг остановился. Надежды, возникшие было в народе, оказались напрасными. И тогда разгорелось зарево народных бунтов, поддержанных явно выраженным недовольством молодой буржуазии. Под этим натиском правительство вынуждено было созвать Генеральные штаты для продолжения политики реформ. Но было уже поздно. Народ почувствовал свою силу, и борьба приняла острый характер, вспыхнуло мощное восстание крестьян - жакерия. Дворянство призвало на помощь иноземные войска. Но борьба все накалялась, пока окончательное уничтожение крепостного права не было узаконено созданным в Париже новым революционным органом власти - Конвентом.

Изучая ход событий, предшествовавших революции во Франции, Кропоткин видел много похожего на то, что происходило в России в 60-80-х гг. XIX века.

В обеих странах речь шла об отмене изжившего себя крепостного права. Но половинчатость реформ стимулировала народное движение. Во Франции этот бунт очень быстро привел к победе революции, провозгласившей на все времена свободу, равенство и братство. В России ситуация затянулась на десятилетия.

Жан Жорес считал буржуазию главой действующей силой революции и поддерживал идею сильного государства как необходимого условия развития революции. Русский антиэтатист Кропоткин, мировоззрение которого формировалось под влиянием народничества, не мог, согласиться с недооценкой революционной роли крестьянства во французской революции, предвидя ее значительность в грядущей российской революции.

В книге подробно исследовано, как жил накануне революции, доведенный до обнищания французский крестьянин. Жестоко подавлявшиеся голодные бунты стали обычным явлением французской жизни. Но вместе с тем отдельные, выделившиеся из общей массы крестьяне, сумевшие выкарабкаться из нищеты, вселяли надежду на возможное изменение положения: *«Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции…*

Как и все революции, революция 1789 г. совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов.

Без этого не бывает революций» 1.

1 Там же, С. 19.

Народ был участником всех революционных событий: крестьянские восстания, бунты в Париже, созыв Генеральных штатов, баррикады и взятие Бастилии, и снова народные восстания в городах и селах, принятие Декларации прав человека, бегство короля, иноземное нашествие, образование парижских секций - органов народного самоуправления… И только к концу книги появляются на ее страницах революционные вожди - Марат, Дантон, Робеспьер. Глава 67-я «Террор» и последняя - 68-я - «Девятое термидора. Торжество реакции» посвящены рассказу о том, как революция уничтожила сама себя.

Подведен итог: что же дала Французская революция Франции, человечеству? А дала она освобождение крестьянина от крепостного права, резкое увеличение производительности труда, равенство граждан перед законом и представительное правление - всем странам Европы, кроме России.

И еще одно, и это заметил из всех историков только Кропоткин: *«Мы видели, как за все время революции старалась пробиться коммунистическая мысль…»* В буржуазной революции? Да, Кропоткин был убежден, что Великая Французская революция стала *«источником всех коммунистических, анархических и социалистических воззрений нашего времени»* 2.

2 Там же, С. 448-449.

В книге о Французской революции он обращает свою мысль к России: *«Какой нации выпадет теперь на долю задача совершить*

*следующую великую революцию? Одно время можно было думать, что это будет Россия. И тогда является вопрос: если Россия затронет революционными методами земельный вопрос, как далеко пойдет она в этом направлении? Сумеет ли она избегнуть ошибки, сделанной французским Национальным собранием, и отдаст ли она землю, обобществленную, тем, кто ее обрабатывает?» **

Но, замечает Кропоткин, любой народ, который встанет теперь на путь революции, получит в наследие то, что совершено во Франции. *«Кровь, пролитая ими, пролита для всего человечества. Страдания, перенесенные ими, они перенесли для всех наций и народов… Все это составляет достояние всего человечества. Все это принесло свои плоды… и откроет человечеству широкие горизонты, на которых вдали будут светиться, как маяк, все те же слова: «Свобода, Равенство и Братство»* 1.

1 Там же, С. 449.

Так заканчивается исторический труд Кропоткина о Великой Французской революции, одно из лучших его произведений. Достаточно было бы одной этой книги для того, чтобы имя П. А. Кропоткина вошло в историю мировой науки. Заметим, что через несколько лет книга о Великой Французской революции стала удивительно современной на родине ее автора, где также произошла революция.

В начале века

Но вернемся к началу столетия. Ниспровергатели существующего строя почти ежегодно собирались на свои конгрессы то в Париже, то в Лондоне, то в Броюсселе. Петр Алексеевич не очень любил появляться на этих торжественных собраниях, где всегда оказывался в центре внимания. На Лондонском Международном революционном рабочем конгрессе 1900 года он присутствовал и прочитал там три доклада: «Узаконенная месть, называемая правосудием», «Мелкая промышленность в Англии» и «Коммунизм и анархия». Опять прозвучали три различные темы: разоблачение буржуазного суда, защита принципа разукрупнения промышленности с целью усиления эффективности производства и разъяснение основ коммунистического анархизма. Эта своеобразная сюита в трех частях в последующем часто переиздавалась и по отдельности, и вместе.

Он помещает свою статью «Наказание смертной казнью» в изданном сначала в Лондоне (в 1906), а потом - перепечатанном в Москве (в 1907) сборнике «Против смертной казни» под

редакцией М. Н. Гернета, сыгравшим большую роль в формировании общественного мнения по этому вопросу, и сегодня актуальному.

В эти годы здоровье Петра Алексеевича заметно ухудшилось, и рвачи рекомендовали ему не оставаться на зиму в Англии. Зиму 1908 года он провел в швейцарском городе Локарно, на берегу озера Лаго-Маджоре, в том самом Локарно, где жил Бакунин, когда Кропоткин впервые приехал в Швейцарию в 1872 году.

В поездках в Италию и Швейцарию для лечения и отдыха Кропоткин возвращался к природе и снова чувствовал себя географом. Он ходил в горы, и там собирал гербарий, образцы горных пород, рисовал природные ландшафты. Приехав в Локарно, он через несколько дней поселился в горном селении Канаббио. Лечивший его доктор Таблер из Фюриха вспоминал: «Он находил виды природы в районе верхне-итальянских озер великолепными, но поднимался до восхищения лишь, когда сравнивал местность с Сибирью. Тогда его восторг становился безграничным. Все мы, натуралисты, - говорил он, - должны были бы отправляться в Сибирь: там, для науки открывается беспредельное поле наблюдений. Вспоминая о своих путешествиях по Байкалу, он восклицал: О, там такая красота! Такая красота! Пыл с которым говорил это, делал невозможным сказать хотя бы слово похвалы о живописных местах в других частях земного шара…» Бродить по горам, вспоминал Таблер, - его любимейшее занятие: «Это было гораздо ближе его сердцу, чем критика и революция. Он был, конечно, бунтарем, но бунтарство было лишь на втором плане в его характере. Он не испытывал удовольствия в разрушении и бунтовал лишь против препятствий, встававших на пути его сильных личных стремлений…»

Следующие две зимы прошли на итальянском курорте близ Генуи, в Рапалло, поскольку швейцарские газеты вспомнили, что решение о его высылке из страны не отменено. В Рапалло он узнал о смерти Л. Н. Толстого, там написал статью «Толстой» для газеты «Утро России».

В 1911 году он переезжает из Актона, где поселился, на время покинув Бромли, в приморский город Брайтон, следуя настоятельному совету врачей. Морской воздух должен был благотворно сказаться на его легких. В следующую зиму он не уезжает на юг и остается в своем новом доме, который был почти таким же, как и все его прежние английские дома: и обстановка была та же, и так же по воскресеньям собирались бесчисленные гости «на чашку чая». Часто пришедших потчивал, как и прежде, сам хозяин. В доме уже не было дочери Александры: она вышла

замуж за русского эмигранта Бориса Лебедева. У Петра Алексеевича появилась внучка, названная в его честь Пьеррой. Он часто навещал семью дочери, когда приезжал в Лондон поработать в библиотеке Британского музея, в Географическое общество, или в редакции журналов и газет.

Сын Александра Кропоткина Николай, неоднократно бывавший у дяди и в Бромли и в Брайтоне, вспоминал: «Жил он чрезвычайно скромно - в доме было пусто и просто: целые дни он проводил в своем кабинете с самодельной мебелью за книгой и пером… он удивительно чувствовал Россию; понимал хорошо ее быт и нравы самых различных слоев народа, русскую природу он как будто видел перед собой и любил ее страстно».

В мае 1907 года Петр Алексеевич получил приглашение на V съезд РСДРП, состоявшийся в церкви Братства на Саусгэт Роуд, в северо-восточной части Лондона. Он присутствовал на нем в качестве гостя вместе с А. М. Горьким и М. Ф. Андреевой. К. Е. Ворошилов вспоминал, что Кропоткин «живо интересовался ходом прений, пытливо присматривался к делегатам». Однажды Ворошилов и несколько делегатов-рабочих пришли к Кропоткину домой: пили чай, но возникший острый спор нарушил идиллию.

Больше недели в семье Кропоткиных был исследователь Центральной Азии, сподвижник Н. М. Пржевальского П. К. Козлов, приезжавший в Лондон для получения Золотой медали Географического общества: «Помню до упоения мы увлекались беседой о Тибете, Монголии, о тогда только что открытом мною мертвом городе Хара-Хото…» Пржевальский говорил ему о Кропоткине как об «одном из обстоятельнейших научных деятелей, одном из самых осведомленных людей в области географических познаний»1.

1 АРГО, СПб, ф. 11.

Среди английских географов Кропоткин пользовался широкой известностью и уважением. Многие его статьи конца XIX столетия продолжают темы, истоки которых обнаруживаются в работах, относящихся еще к началу деятельности в Русском географическом обществе. Так, ряд заметок и статей посвящены планируемым и завешенным экспедициям в полярные области Земли. В них освещены такие значительные в истории полярных исследований события, как дрейф «Фрама», поход к полюсу и к Земле Франца-Иосифа Ф. Нансена и Я. Юхансена (1893-1896), полет на воздушном шаре «Орел» Соломона Андрэ (1897), первая зимовка на антарктическом материке Карстена Борхгревинка (1898-1899), экспедиция Руала Амундсена в Арктике и Антарктике.

В статье о результатах экспедиции Нансена и Свердрупа на

«Фраме» в 1897 году едва ли не первым из ученых дал оценку ее научным результатам.

Он называл в качестве важнейшей задачи исследований в Антарктиде выяснение общих вопросов «физики земного шара», для чего, как он полагал, покрытый льдом материк подходит лучше всего. Время показало, что он был прав, говоря об этом на заре научного проникновения в Антарктиду. В период Международного геофизического года (1957-1959) ученые, работавшие там, внесли огромный вклад в дело познания природы нашей планеты. И по сей день антарктические научные исследования, продолжаемые учеными ряда стран мира, подтверждают предвидение П. А. Кропоткина. Не случайно его имя появилось на карте Антарктиды, где есть горы Кропоткина.

Семидесятилетие Петра Алексеевича в 1912 году отмечали во всех слоях общества, в разных странах мира.

В Англии был специально создан Юбилейных комитет, в состав которого вошли крупнейшие ученые, литераторы, политики. В торжественном адресе «от друзей из Великобритании и Ирландии» говорилось: «Ваши заслуги в области естественных наук, Ваш вклад в географическую науку и в геологию, Ваша поправка к теории Дарвина доставили Вам мировую известность и расширили наше понимание природы, в то же время ваша критика классической политической экономии помогла нам взглянуть более широко на социальную жизнь людей… Вы научили нас ценить важнейший принцип социальной жизни - принцип добровольного соглашения, который практиковался во все времена лучшими людьми и который Вы в наше время выставляете как важный фактор социального развития…»2. Среди подписей, которые заняли 70 страниц, - Г. К. Честертон, Г. Уэллс, Б. Шоу…

2 Маркин В. А. Петр Кропоткин. - Иркутск, 1992. - С. 227.

На специальном многолюдном собрании в Лондоне выступил Бернард Шоу. «Много лет, - говорил он,- я вместе со своими друзьями вздумал кое-чем поучить Кропоткина, так как мы были не согласны с его теориями. Но прошли годы, и теперь я не уверен, что мы были правы, а Кропоткин ошибался…»1

1 Русская литература, 1987, N 2, С. 135-136.

Б. Шоу всегда с большим уважением и любовью относился к Петру Алексеевичу. Когда Шоу узнал о его болезни в январе 1902 года, он написал: «…я знаю, что Вы больны… Мог ли я в чем-либо Вам помочь? Мне пришло в голову, что Вам, может быть, придется продавать вещи в убыток себе или даже занять деньги на праздник, в этом случае вспомните обо мне как о друге, способном помочь в нужде».**

…Адреса были направлены также Британской научной ассоциацией, редакцией Британской энциклопедии и другими организациями. Пришел адрес и из России:

«Глубокоуважаемый Петр Алексеевич! Мы твердо верим, что русский народ сохранил свое особое место в Вашем сердце,… привет из сердца Вашей многострадальной Родины, от жителей родной Вам Москвы, объединенных общим чувством преклонения перед Вами, встретит живой и глубокий отклик в Вашей душе». Под ним - 738 подписей. Среди них - К. С. Станиславского, Л. В. Собинова, В. Г. Короленко, Андрея Белого, артиста И. Н. Берсенева, актрисы Л. Б. Яворской, композитора Р. М. Глиэра.

В ответ в Россию Кропоткин писал: *«Не нахожу слов, чтобы выразить, как глубоко меня тронуло это выражение теплых чувств, донесшееся до меня с родины после долгой с ней разлуки, и как отрадно было почувствовать, что ни годы, ни расстояния не порвали той связи с русской жизнью, которую я со своей стороны всегда с любовью хранил и лелеял в своем сердце»* 2.

2 ГАРФ, ф. 1129, ед. хр. 835.

92 человека подписали адрес от русских политических эмигрантов, среди них - С. Я. Маршак, учившийся тогда в Лондоне.

В газете «Утро России», напечатавшей за два года до этого статью П. А. Кропоткина о Льве Толстом, появилась заметка, в которой предполагалось, что пора бы Кропоткину разрешить приехать в Россию, ведь прошло уже 38 лет после того, как «государственный преступник» бежал из России. Петр Алексеевич ответил редакции: *«Кроме меня, за границей есть тысячи людей, которые не менее меня любят свою Родину и которым жизнь на чужбине гораздо еще тяжелее, чем мне. А по всей Сибири и в дебрях Крайнего Севера разбросаны десятки тысяч человек, оторванных от действительной жизни и гибнущих в ужасной обстановке. Вернуться в Россию при таких условиях было бы с моей стороны примирением с этими условиями, что для меня немыслимо».* Пока он оставался в эмиграции, но до России уже доходили новые его идеи.

В торжественном адресе британского Юбилейного комитета признавались заслуги князя Кропоткина в области естественных наук, а также и его гуманистические идеи. Здесь имелись в виду те идеи, которые развивал Кропоткин на протяжении последних двух десятилетий перед Мировой войной, принесшие ему особенно широкую популярность в кругах интеллигенции Запада. Это его теория взаимопомощи как всеобщего закона природы, в особенности характерного для человеческого общества. Более двадцати статей опубликовал он на эту тему в английских

журналах, а в 1902 году в Лондоне вышла книга «Взаимная помощь как фактор эволюции», переведенная сразу же на несколько языков.

Миром «правит» взаимная помощь

«Две отличительные черты в животной жизни Восточной Сибири и Северной Манчжурии особенно поразили меня во время путешествий, совершенных мною в молодости…» Так начинается эта книга, впервые появившаяся полностью в русском издании в 1918 году.- *«Меня поразила с одной стороны, необыкновенная суровость борьбы за существование, которую… приходится вести против безжалостной природы… Другой особенностью было то, что… я не находил, хотя и тщетно искал ее следов, той ожесточенной борьбы за существование, которую большинство дарвинистов (хотя не всегда сам Дарвин) рассматривали как преобладающую характерную черту борьбы за жизнь, и как главный фактор эволюции.* 1

1 Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919. - С. 3.

«Борьба за существование…» - эта формула Дарвина, предполагавшая выживание приспособленных, опиравшаяся на провозглашенные Мальтусом законы перенаселения, была поднята как знамя в конце 80-х годов прошлого века так называемыми социал-дарвинистами, но она вызвала решительные возражения, причем, главным образом, в России. Не принял ее и молодой Кропоткин, хотя лишь спустя 20 лет пришел к своему пониманию процесса биологической эволюции, которое назовут «поправкой к Дарвину».

Именно потому, что не борьба, а сотрудничество (кооперация), солидарность, взаимопомощь, являются фактором эволюции, считал Кропоткин - гармония в обществе немыслима при сохранении пирамидальной системы власти, утверждаемой государством. Она зиждется на тесных переплетениях взаимосвязей, подобно тому, что имеет место в Природе. Ученый опирался при этом не только на многочисленные факты науки, но и на весь опыт человеческой мысли, привлекая даже основные принципы двух крупнейших религий - христианства и буддизма.

Еще в сибирских путешествиях Кропоткин внимательно приглядывался к жизни животных в местах, где еще не поселился человек. В Сибири он наблюдал, как жизнь сообществами помогает животным противостоять всяким невзгодам, общение с себе подобными позволяет выжить в тяжелой борьбе с суровой природой - с глубокими снегами и метелями, с сильнейшими

ливнями циклонов, налетающих с Тихого океана, с грандиозными наводнениями на Нижнем Амуре, с морозами, при которых ртуть замерзает в термометрах и метелями в июле, нередким на севере Забайкалья…

В камере французской тюрьмы Клерво Кропоткин прочитал лекуию Карла Федоровича Кеслера, крупнейшего русского зоолога, профессора Петербургского университета, который высказал мысль о том, что, подчиняясь закону борьбы за существование, животные в отношения между собой используют поддержку и взаимную помощь, благодаря чему способны выживать в самых неблагоприятных условиях. Эта мысль Кесслера отвечала собственным представлениям Кропоткина о совмещении борьбы и взаимопомощи, взаимодействии разделении и объединении, всеобщей кооперации Вселенной. Чтобы решить эти проблемы в отношении человеческого общества, необходимо разобраться, как обстоит дело на более низком уровне - в мире животных.

Работу над темой, которая необычайно увлекла Кропоткина, пришлось прервать после выхода из тюрьмы. Но он продолжал над ней думать. В 1888 году профессор-дарвинист Томас Гексли выступил в Оксфордском университете с лекцией, в которой утверждал, что человеческое общество живет так же, как и животный мир, - по закону борьбы за существование. Наиболее сильные, приспособленные, иначе говоря, хитрые и ловкие, не выбирающие средств для достижения цели люди, естественно, завоевываю в обществе господствующее положение. Они обладают правом повелевать, в то время как остальные обязаны им починяться. Тома Гексли напечатала эту лекцию в журнале «Девятнадцатый век». Она называлась «Борьба за существование: программа». Кропоткин увидел в такой концепции прямое обоснование борьбы господствующих классов с революционным движением.

В ней найдут оправдание и революционеры типа Нечаева, разрешающие себе любые приемы борьбы, лишь бы они приводили к победе.

Очень многие выступали против Гексли, сомневаясь в правомерности перенесения закона борьбы за существование в животном мире на мир человека. Кропоткин же пошел дальше. Он давно уже был убежден, что человека нельзя противопоставлять природе, ибо он порожден ею, является ее частью и связан с ней нитями взаимозависимостей. А если так, то не только закон борьбы за существование, но и закон взаимной помощи у животных должен иметь продолжение в человеческом обществе, где его действие осуществляется через такие формы

человеческого общения, как солидарность, альтруизм, милосердие.

Путешествуя по Сибири, Кропоткин понял, какую борьбу с суровой природой приходится выдерживать животным на громадных пространствах, большая часть их выживает в этих условиях только потому, что держится сообществами. Те же самые животные становятся беспомощными и погибают, если открываются по какой-то причине от сообщества и лишаются помощи сородичей в тяжелой борьбе с неблагоприятными природными явлениями.

Ведь если бы существовала одна жестокая борьба за существование каждого индивидуума со всеми остальными как с соперниками, наверное, не хватило бы сил для борьбы с враждебными собственной жизни условиями окружающей среды. Еще во время сибирских путешествий Кропоткин начал сомневаться, так ли уж господствует повсюду борьба, и она ли определяет прогресс жизни?

Его поражали картины больших переселений животных: оленей на Крайнем Севере, перелетных птиц с юга Уссурийского края на севере и обратно. О переселении косуль на Амуре, которое ему пришлось наблюдать, возвращаясь поздней осенью с Уссури вверх по Амуру, он любил рассказывать в своих лекциях. Осенью, когда уже выпал снег, тысячи и тысячи косуль сбегались именно в том месте к Амуру, где русло могучей реки суждено перед прорывом через хребет. И хотя по реке уже густо шел лед, поднявшийся со дна, косули отчаянно бросались в реку, чтобы переплыть на другой берег. Каждый день новые и новые стада косуль подходили точно к этому месту и пускались вплавь: они уходили от глубоких снегов на южный берег Амура, на более теплую китайскую сторону. Удивительно, что к этому узкому месту животные собирались с громадного пространства, из десятков долин, объединяясь для совместного преодоления водной преграды.

Закон о взаимопомощи среди животных подтверждало множество других случаев совместных действий животных, которые Петру Алексеевичу пришлось наблюдать и которые были направлены на спасение не каждого в отдельности, а всего сообщества в целом.

Есть и борьба - соперничество: съел тот, кто сумел, кто лучше приспособлен. Но из этого предложенного природой испытания вид выходит с потерей общей энергии, так что о том, что прогрессивная его эволюция может быть основана на остром соперничестве, речи быть не может. Соперничество, конечно, имеет место и полезно, если только дело не доходит до

взаимного уничтожения. Обостренное соперничество ведет к угасанию вида.

Конечно, Кесслер впервые затронул эту тему. Но, говоря о происхождении закона взаимной помощи, он, по мнению Кропоткина, ошибочно видел его истоки лишь в «родительских чувствах», в инстинкте заботы животных о потомстве. Но есть ведь общительность, она не всегда связана только с этой заботой. Кропоткину кажется, что дело тут сложнее и на вопрос об истоках едва ли можно ответить сразу. Надо будет поискать ответ на ранних стадиях эволюции животного мира. Но это потом. Главное - показать, что взаимная помощь является фактором эволюции.

Кропоткин обратился к литературе и обнаружил, что даже Гете думал над этой проблемой. Знаменитый в пору юности Кропоткина Леопольд Бюхнер, автор книги «Сила и материя», источником общительности животных видел взаимную симпатию. Симпатия, конечно, присутствует, как и забота о потомстве, но взаимная помощь не может базироваться на ней одной. Разве симпатия или любовь заставляют стадо бизонов при нападении волков становиться в круг, надежно защищаясь таким образом от нападения хищников? Разве любовь соединяет одиночных косуль во множество стад с огромной территории для того, чтобы всем вместе переплыть реку в самом узком ее месте?

Главное, думал Кропоткин, то, что существует чувство несравненно более широкое, чем забота о потомстве или симпатия. Это - инстинкт общительности, который медленно развивался на протяжении миллионов лет жизненной эволюции на Земле и явился важным фактором этой эволюции.

В жизни таких несекомых, как муравьи, пчелы, термиты роль взаимной помощи необычайно велика. Это очень хорошо известно, но даже у таких животных, которые вроде бы не склонны к коллективизму - у крабов-отшельников - можно наблюдать удивительное поведение: некоторые земноводные крабы Вест-Индии и Северной Америки соединяются огромными полчищами, когда идут к морю метать икру. В аквариуме в Брайтоне Петру Александровичу довелось самому наблюдать, как ведут себя другие крабы. Если один из них, случайно переворачивается на спину. Остальные крабы обязательно помогают ему вернуться в обычную позу, что дается им отнюдь не легко. Поражали их настойчивость и упорство хотя иногда на это уходил не один час.

Биологи, изучившие поведение грифов, крупных птиц высокогорий, подчеркивают исключительную их общительность. О них, как о людях, можно сказать, что они живут в большой дружбе. И не без оснований. Гнездятся грифы поблизости друг от

друга, а о находках падали, которой они питаются, сообщают друг другу и собираются вокруг трупа огромными стаями.

А орлы- белохвосты русских степей, про которых рассказывал еще в Петербурге, на заседании Географического общества Николай Северцев? Раз он увидел орла, поднимавшегося кругами вверх все выше и выше, осматривая местность. И вдруг раздался его пронзительный клекот. На него ответил крик другого орла, третьего, четвертого… Их собралось десять, потом еще десять, и они полетели все в одном направлении. Позже Северцев увидел этих орлов у лошадиного трупа, где вершился коллективный пир. Один орел позвал других, и они соединились в группу для охоты и совместной «трапезы».

У журавлей стая кормится всегда под охраной часовых, а если бывает нужно, высылается несколько разведчиков, выясняющих, сохранилась ли опасность там, где она была недавно. Коллективная осторожность журавлей спасает каждого от врагов. Малюсеньким луговым трясогузкам, благодаря соединению в стаю, не страшен грозный ястреб.

А что уж говорить о весеннем гнездовании птиц. Лишь только хищники приближаются, об их появлении возвещают добровольные часовые, в небо поднимаются сотни чаек, ласточек и смело летят навстречу коршуну. Он бросается на живую массу птиц, но атакованный со всех сторон, отступает. Подобные наблюдения делали многие натуралисты - Брэм, М. А. Северцев, Иван Поляков, его друг по сибирским походам написавший прекрасную статью о семейных обычаях водоплавающих птиц. Да и сам Кропоткин видел подобные картины не один раз в Сибири и на дальнем Востоке.

Жаль, что не побывал в Арктике, не состоялась намеченная экспедиция. Но все-таки он видел «птичьи базары» в норвежском фиорде неподалеку от Бергена и на островах Стокгольмского архипелага. Эти «птичьи горы» - ярчайший пример взаимной помощи и бесконечного разнообразия видов и форм поведения, обусловленного общественным характером жизни птиц.

Широко проявляется взаимопомощь у птиц в период их перелетов. Это великое явление природы, не вполне еще объясненное, но несомненно удивительное. Весной или осенью птицы, жившие ранее маленькими стаями, разбросанными по обширному пространству, вдруг начинают собираться в определенном месте в многотысячные объединенные «армии». Прежде чем отправиться в далекий путь, они как будто даже «совещаются», обсуждают подробности грядущего путешествия. Во всяком случае, оглушительный разноголосый гам этого сборища наводит именно на такие предположения. Да и не одни

«разговоры»: птицы поджидают запоздавших, упражняются в подготовительных полетах. А потом исчезают все вместе.

Самые сильные особи обычно летят во главе стаи. Нередко к стае сильных птиц присоединяются более слабые, рассчитывая на их поддержку. Они остаются вместе, когда всю колонную захватывает буря: беда объединяет птиц различных видов.

Среди млекопитающих просто поразительно громадное численное преобладание общительных видов над немногими хищниками, живущими особняком. Олени, антилопы, буйволы, горные бараны, мускусные быки, песцы, тюлени, моржи, киты, наконец, - все эти животные ведут стадный образ жизни, что помогает им противостоять неблагоприятным условиям природы и окружающим их хищникам.

Животные, предпочитающие одиночество - это всегда хищники, их немного, но и у хищных млекопитающих все-таки обнаруживается привычка к общественной жизни. Даже львы соединяются для охоты в группы, уже не говоря о волках, гиенах, лисицах.

Все эти многочисленные примеры не могут не убедить в том, что общение и взаимопомощь у животных широко развиты, и в том, что они обусловлены потребностями вида. Но работая над серией статей для журнала «Девятнадцатый век» и размышляя над множеством фактов, которыми эти статьи были буквально переполнены, Кропоткин пошел дальше.

Он выстроил свою теорию, вывел всеобщий закон взаимной помощи, действующий во всей живой природе, включая человеческое общество.

Кропоткин ни в коем случае не отрицал коренного отличия мира человека от мира животных. Но отличие это в том, что человеческое общество стоит на более высокой ступени эволюции. Его поднимает сознание, несоизмеримо более развитое, чем у животных. И это сознание тем более способствует совершенствованию тех инстинктов, которые направлены на прогресс рода человеческого. То поведение, которое у животных складывается инстинктивно, у человека разумного тысячекратно укрепляется сознанием. Что было бы, если бы борьба за существование между людьми укреплялась сознательно? Результатом в этом случае могло быть лишь самоуничтожение человечества. Но если не борьба, то солидарность, взаимопомощь…

Статьи Кропоткина на эту тему, и особенно, книга Matual Aid as a factor op evolution «Взаимная помощь - фактор эволюции»), вышедшая в Лондоне в 1897 году, а потом во многих других городах Европы, Азии и Америки, стал и очень популярными.

Теория Кропоткина обратила на себя внимание европейской и мировой общественности гуманностью, оптимизмом, надеждой на лучшее будущее человечества. Знаменитый анархист, пропагандист социальной революции выдвинул на первое место отношения сотрудничества, солидарности и взаимопомощи между людьми - совсем по-евангельски, по-христиански. Не такое ли понимание идей Кропоткина привело английского писателя Оскара Уайльда к сравнению русского философа-анархиста с «белым Христом, идущим из России».

П. А. Кропоткин

Из очерка «Нравственные начала анархизма» (1890-1907) 1

1Кропоткин П. А. Этика. - М.1991. - С. 280-317.

История человеческой мысли напоминает собою качание маятника. Только каждое из этих качаний продолжается целые века. Мысль то дремлет и застывает, то снова пробуждается после долгого сна. Тогда она сбрасывает с себя цепи, которыми опутывали ее все, заинтересованные в этом, - правители, законники, духовенство. Она рвет свои путы… Она открывает исследованию новые пути, обогащает наше знание непредвиденными открытиями, создает новые науки.

Мысль… принимает религиозный оттенок, оттенок раболепия и властвования - властвование и раболепие всегда идут рука об руку - и в людях развивается привычка к подчиненности…

В нас говорит эволюция всего животного мира. А она очень длинна. Она длится сотни миллионолетий… Принцип, в силу которого следует обращаться с другими так же, как мы желаем, чтоб обращались с нами, представляет собой не что иное; как начало Равенства, т. е. основное начало анархизма…

Мы не желаем, чтобы нами управляли. Но этим самым не объявляем ли мы, что мы в свою очередь не желаем управлять другими? - Мы не желаем, чтоб нас обманывали, мы хотим, чтобы нам всегда говорили правду, но тем самым не объявляем ли мы, что мы никого не хотим обманывать, что мы обязываемся всегда говорить правду, только правду, всю правду? Мы не хотим, чтобы у нас отнимали продукты нашего труда, но тем самым не объявляем ли мы, что мы будем уважать плоды чужого труда?…

…Принцип равенства обнимает собою все учения моралистов. Но он содержит еще нечто бо“льшее. И это нечто есть **уважение к личности.** Провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства, мы тем самым отказываемся присваивать себе право… ломать человеческую природу во имя какого бы то ни

было нравственного идеала. Мы ни за кем не признаем этого права, мы не хотим его и для себя.

Мы признаем полнейшую свободу личности. Мы хотим полноты и цельности ее существования, свободы развития всех ее способностей. Мы не хотим ничего ей навязывать и возвращаемся, таким образом, к принципу, которому Фурье противопоставлял нравственность религий, когда говорил: «Оставьте людей совершенно свободными, не уродуйте их - религия уже достаточно изуродовал их. Не бойтесь даже их страстей; в обществе **свободном** они будут совершенно безопасны…»

Но равенства мало. Будь силен! расточай энергию страсти и ума, чтобы распространить на других твой разум, твою любовь, твою активную силу. Вот к чему сводится нравственное учение, освобожденное от лицемерия восточного аскетизма… Человек, сильный мыслью, человек, преисполненный готовностью умственной жизни, непременно стремится расточать ее. Мыслить - и не сообщать свои мысли другим, не имело бы никакой привлекательности… Человек, сильный умом, не дорожит своими мыслями. Он щедро сыплет их на все четыре стороны. В этом его жизнь. То же и относительно чувства. Чтобы быть действительно плодотворной, жизнь должна изобиловать одновременно умом, чувство и волей. Но такая плодотворность во всех направлениях и есть **жизнь** : единственное, что заслуживает этого названия. За одно мгновение такой жизни те, кто раз испытал ее, отдают году растительного существования. Тот, у кого нет этого изобилия жизни, тот существо, состарившееся раньше времени, засыхающее, нерасцветшее, растение.

В наши дни часто приходится слышать насмешливое отношение к идеалам. Это понятно. Идеалы так часто смешиваются с их буддийскими или христианскими искажениями: этим словом так часто пользовались, чтобы обманывать наивных, что реакция была неизбежна и даже благородна. Нам тоже хотелось бы заменить это слово «идеал», затасканное в грязи, новым словом, более согласным с новыми воззрениями.

Но каково бы ни было **слово,** факт остается налицо: каждое человеческое существо имеет свой идеал… Каждый мещанин-обыватель имеет свои идеал - хотя бы, например, иметь серебряную ванну, как имел Гамбетта, или иметь в услужении известного повара Томпетта, и много-премного рабов, чтобы они оплачивали, не морщась, и ванну, и повара, и много другой всякой всячины.

Но рядом с этими господами есть другие люди, - люди, постигшие высшие идеалы. Скотская жизнь их не удовлетворяет.

Раболепие, ложь, недостаток частности, интриги, неравенства в людских отношениях возмущают их… они понимают чувством, как прекрасна могла бы быть жизнь, если бы между всеми установились лучшие отношения. Они чувствуют в себе достаточно сил, чтобы самим, по крайней мере, установить лучшие отношения с теми, кого они встретя на своем пути. Они постигли, прочувствовали то, что мы называем идеалом.

Откуда явился этот идеал? Как вырабатывается он? Преемственностью - с одной стороны и суммой впечатлений - с другой? Мы едва знаем, как идет эта выработка. Самое большое, если мы сможем, когда пишем биографию человека, жившего ради идеала, рассказать приблизительно верную историю его жизни. Но идеал существует. Он меняется, он совершенствуется, он открыт всяким внешним влияниям, но всегда он живет. Это - наполовину бессознательное чувствование того, что дает нам наибольшую сумму жизненности, наибольшую радость бытия.

И жизнь только тогда бывает мощная, плодотворная, богатая сильными ощущениями, когда она отвечает этому чувству идеала. Поступайте **наперекор** ему, и вы почувствуете, как ваша жизнь дробится; в ней уже нет цельности, она теряет свою мощность. Начните часто изменять своему идеалу - и вы кончите тем, что ослабите вашу волю, вашу способность действовать… Вы надломленный человек. Все это очень понятно. Ничего в этом нет таинственного, раз мы рассматриваем человека как состоящего из действующих до некоторой степени независимо друг от друга, нервных и мозговых центров. Начните постоянно колебаться между различными чувствами, борющимися в вас, - и вы скоро нарушите гармонию организма; вы станете больным, лишенным воли человеком. Интенсивность жизни понизится, и сколько бы вы ни придумывали компромиссов, вы уже больше не будете тем цельным, сильным, мощным человеком, каким вы были раньше, когда ваши поступки согласовывались с идеальными представлениями вашего мозга…

А теперь упомянем, прежде чем закончить наш очерк, о двух терминах - **альтруизм** и **эгоизм,** постоянно употребляемых современными моралистами. До сих пор мы еще ни разу даже не упомянул этих слов в нашем очерке. Это потому, что мы не видим того различия, которое старались установить моралисты, употребляя эти два выражения.

…Если бы благо индивида было противоположно благу общества, человеческий род вовсе не мог бы существовать; ни одни животный вид не мог бы достигнуть его теперешнего развития… Когда Спенсер предвидит время, когда благо индивида сольется с благом рода, он забывает одно: что, если оба

не были всегда тождественны, самая эволюция животного мира не могла бы совершиться.

Что всегда было во все времена, это то, что всегда имелось в мире животном, как в человеческом роде, большое число особей, которые **не понимали,** что благо индивида и благо рода по существу тожественны. Они не понимали, что цель каждого индивида - жить интенсивною жизнью и что эту наибольшую интенсивность жизни он находит в наиболее полной общительности, в наиболее полном отождествлении себя самого со всеми теми, кто его окружает…

Никогда, ни в какую эпоху истории, даже геологии, благо индивида не было и не могло быть противоположным благу общества. Во все времена они оставались тождественны, и те, которые лучше других это понимали, всегда жили полною жизнью.

Вот почему различие между альтруизмом и эгоизмом не имеет смысла. По этой же причине мы ничего не сказали и о тех компромиссах, которые человек, если верить утилитаристам, всегда делает между своими эгоистическими чувствами и своими чувствами альтруистическими. Для убежденного человек таких компромиссов не существует…

Компромисс - полупризнание, полусогласие. Мы же восстаем против них. Они нам тягостны. Они делают нас революционерами. Мы не миримся с тем, что нас возмущает…

Бывают эпохи, когда нравственное понимание существенно меняется. Люди начинают вдруг замечать, что то, что они считали нравственным, оказывается глубоко безнравственным…

И мы приветствуем такие времена. Это времена суровой критики старых понятий. Они самый верный признак того, что в обществе совершается великая работа мысли. Это идет выработка более высокой нравственности…

…Эта нравственность ничего не будет предписывать. Она совершенно откажется от искажения индивида в угоду какой-нибудь отвлеченной идее, точно так же как откажется уродовать его при помощи религии, закона и послушания правительству. Она предоставит человек полнейшую свободу. Она станет простым утверждением фактов - наукой.

И эта наука скажет людям:…Сей жизнь вокруг себя. Заметь, что обманывать, лгать, интриговать хитрить - это значит унижать себя, мельчать, заранее признавать себя слабым…

Напротив того - будь сильным. Как только ты увидишь неправду и как только ты поймешь ее, - неправду в жизни, ложь в науке или страдание, причиняемое другому - восстань против этой неправды, этой лжи, этого неравенства. Вступи в борьбу!

Борьба ведь - это жизнь; жизнь тем более кипучая, чем сильнее будет борьба. И тогда ты будешь жить, и за несколько часов этой жизни ты не отдашь годов растительного прозябания в болотной гнили.

Борись, чтобы дать всем возможность жить этою жизнью, богатою, бьющею через край; и будь уверен, что ты найдешь в этой борьбе такие великие радости, что равных им ты не встретишь ни в какой другой деятельности.

Вот все, что может сказать тебе наука о нравственности.

Выбор - в твоих руках.

Из книги «Завоевание хлеба» (1900-1906)

Человечество прошло изрядный путь с тех отдаленных времен, когда человек, матеря из кремня первобытные орудия, жил случайными добычами на охоте и детям своим оставлял в наследство только убежище в скале и плохие каменные орудия да природу, огромную, непонятную, грозную, с которою они должны были вступить в борьбу, чтоб поддерживать свое жалкое существование.

В то смутное время, которое продолжалось много тысячелетий, род человеческий накопил неслыханные сокровища…

…Каждый из атомов того, что мы называем богатством наций, приобретает ценность только оттого, что он часть этого огромного целого… Миллионы людей работали над созданием этой цивилизации, которую мы теперь гордимся. Другие миллионы, рассеянные по всем концам земного шара, трудятся над ее поддержанием…

…Тысячи писателей, поэтов, ученых работает над выработкой знания, над разъяснением заблуждений, над созданием той атмосферы научной мысли, без которой никакие чудеса нашего (XIX) века не могли бы появиться.

Всякий понимает, что без прямоты, без самоуважения, без взаимной симпатии и поддержки род человеческий должен погибнуть…Синтез двух целей, преследуемых человечеством в течение веков: экономической свободы и свободы политической.

…Вся история, весь опыт человечества, а равно и психология общества, свидетельствуют, что наиболее справедливый способ - это предоставить дело самим заинтересованным. Они одни могут к тому же принять все соображения и привести в порядок множество частностей, которые неизбежным образом ускользают от всякого бюрократического распределения…

Мы, приученные, благодаря унаследованным предрассудкам

и совершенно ложному воспитанию, к такому же образованию, видеть везде только правительство, законодательство и администрацию, - приходим теперь к заключению, что люди растерзают друг друга на части, как дикие звери, если только перестанет смотреть за ними полицейский, что будет хаос, когда власть рухнет в каком-нибудь катаклизме. И мы, того не замечая, проходим мимо многих тысяч человеческих соединений, свободно образовавшихся, без какого бы то ни было участия закона и достигающих осуществления гораздо более серьезных результатов, чем те, которые получаются под опекой правительства…

Соглашение между сотнями компаний, которым принадлежат европейские железные дороги, установилось непосредственно, без вмешательства центрального правительства… это новый принцип, отличающийся во всех отношениях от принципа правительства, монархического или республиканского, самодержавного или представительного. Это нововведение, проявляющееся еще робко в европейских нравах, но которое имеет за собой будущее…

Из переписки

*П. А. Кропоткин- М. И. Гольдсмит**

Viola, Bromley 3 апреля 1897 г.

…Опять я хворал, поправился, съездил в Шотландию лектировать, простудился, и опять хворал этот месяц… В Швейцарии начал Revolte в 1879, и все отстранились. Reclus держался в стороне от нас, Юры1, а Юра вся «ушла»…

1Иеется в виду Юрская Федерация, отделившаяся от Интернационала который возглавлял К. Маркс.

Часто Соня (моя жена) с грустью смотрела на наш труд: так мал он был по результатам. Швейцария требовала вечного «remontag», как говорил Бакунин. Во Францию мы посылали 25, 30, 80 экз. б[большей] ч[астью] наудачу… Но вот сразу дело пошло во Франции, и идет по сию пору. Два-три товарища, да, да хороших, - чего только не наделаешь!… Но довольно! Подумайте, дорогой мой друг, что можно сделать, и - в путь-дорогу!

Крепко жму вам руку за себя и за Соню.

П. Кропоткин

11 мая 1897

…Я ненавижу русское правительство в Польше не только потому, что оно поддерживает экономическое неравенство (оно оказалось в этом отношении радикальнее польских панов, и тем задавили восстание 1863 г.) Оно задавливает личность, а всякого угнетателя личности я ненавижу… Тоже самое в Ирландии, где

мои приятели сидели в кутузке на пение Green Erin и ношение зеленых нарядов…

…Где бы люди не восставали против гнета личного, экономического, государственного, даже религиозного, а тем более национального - многие должны быть с ними… вот почему мои симпатии - с неграми в Америке, с армянами в Турции, с финнами и поляками в России и т. д…

…Вы не пережили годы 1859-1860. Но могу вас уверить, что смелые походы Гарибальди больше сделали для подъема либерального, радикального, бунтовского и социального духа по всей Европе, чем что бы то ни было. Мужики в России ждали Гарибальди - «не будет воли, пока Гарибальди не придет». Я слышал сам. А вы знаете, что не будь в России крестьянских бунтов не было и воли…

…Вы упомянули кооператоров, так я и их возьму. Чего вижу! настоящие буржуи. А между тем, идея, родившая это движение, не была буржуйская… Сейчас английские кооператоры дружат со мною. Государственный социализм им противен. Они просили меня написать… статью о земледелии - и я написал. На днях они просили… статью о национализации и они ждут анархического выхода…

Возьмите Россию. В ней идет сильное движение рабочих («не те рабочие стали в два года», - говорил недавно один англичанин, живущий несколько лет в России). Никто ими не занимался, кроме социал-демократов. И вот оно - в их руках, и они поведут его по своей сторожке, на погибель… В настоящее время от социализма в социал-демократии ничего не осталось…

Для нас есть один предел: никогда мы не станем в ряды эксплуататоров, правящих и духовных наставников, и никогда не станем выбирать или назначать себе эксплуататоров, правителей, наставников… Никогда мы руки не приложим к созданию какой бы то ни было пирамидальной организации - экономической, правительственной или учительски-религиозной (хоть бы даже религиозной), никогда своими руками не будем создавать правление человека над человеком…

14 декабря 1898

…Каждый месяц надо поставлять главу мемуаров, страниц шестнадцать, больших. Я пишу по-русски вполне, потом сокращенно по-английски, и это будет решительно все время, настолько, что вот ничего не могу делать - так устал.

Нет физической возможности взяться за новое дело…

Viola, 8 августа 1900

…Не могу я браться за дело, не отдавшись ему вполне… Вера в евангелие по Марксу еще живет целиком…

Bromley, 24 сентября 1900

…Сегодня, да и все эти, дни работаю… с 6.30 утра. Солнце, море свежий ветер в окно - чудно, хорошо работается.

Viola, 5 октября 1900

Дорогая Мария Исидоровна,

Возвращаю вам корректуры (не лучше ли дать мне адрес типографии?). Мне не нравится, что между вами и мной идет такая деятельная переписка. Полицейское око бдит, и все это ставится вам черными крестиками на случай, и отнюдь не упрочивает вашего положения в Париже…

Viola, 28 декабря 1900

Дорогой мой друг,

Страшно работаю - это одно мое оправдание…

Вчера было собрание русское - 75-летие 14-[го] декабря1. Все было очень хорошо. Но ввязался плюгавенький марксида и пошел: буржуа, либералы и все то движение 70-х гг было «буржуа[зным], и Кравчинский был мальчишка… В былые времена тут бы один шпион, также «срывал собранья». Право - марксида не лучше распорядился. Всем до того тошно стало… Я до пяти не спал: просто боль чувствуешь за этих недоумков; а их чуть не целое поколение! И не со вчерашнего дня эта болезнь: я ее переживаю с 70-х годов…

1День восстания декабристов в 1825 г.

Dunrobin. Morton Road, 15 августа 1901 г.

…Stock 2 заваливает корректурами французского перевода… Fields, Factories, Workshops 3 идут хорошо, шиллинговым изданием, и я рад, что читают ее теперь простые люди… Простой люд и читает.

2П. В. Сток - владелец парижского издательства, в котором выходили книги П. А. Кропоткина.

3Книга «Поля, фабрики и мастерские», изданная первоначально в Англии, где продавалась по цене 1 шиллинг.

До сих пор, касательно рабочего движения, у меня есть только одна идея, единственная - и вот она. Покуда социал-демократизм, как его поняли в России, не был помехою. Он по плечу большинству, а при российском раболепстве перед авторитетами - всегдашнем - он оказался как раз тем, что нужно: помогали рабочим сплотиться, давали им веру в свое дело и шли за ними. И мы бы то же делали, если бы были на месте… Но я вижу, конечно, громадную растущую опасность. Раз их основные принципы ложны, - рано или поздно это отзовется… на все движение - стачки, экономический террор, даже манифестации, незаметно, мягко накладывается уздечка…

Dunrobin, 4 сентября 1901

…Теперь строчу ответ Победоносйеву 1. Я напечатал в July или Aug. N North American Rewiew статью о России. Победоносцев отвечает в N от 15 сентября… Выгораживает царя и себя…, а затем восхваляет свои церковно-приходские школы. Ответ приличный. Я не хочу отв[ечать] несколькими слов[ами]…

1 Константин Петрович Победоносцев (1827-1907) - юрист, оберпрокурор Синода в 1880-1905 гг., влиятельная фигура в окружении Александра III.

90 Lansdowne Place Hove, Brighton, 14 декабря 1901

Спасибо, дорогой мой друг, за цветы и письмо, Цветы отошли в горячей воде и красуются теперь на комоде…

P. S. Моя Autour d'une vie 2 (мемуары) выходят завтра. Если попадутся отчеты, а в особенности, если попадется ругательный, пришлите. В Германии, их удивительно хорошо приняли. Лучший отчет был в одной злой - консервативной газете: «Очень хорошо написано, а потому, не следует распространять»…

2Autor d'une vie (Вокруг одной жизни) - авторское название мемуаров П. А. Кропоткина. «Записки революционера».

Bromley, 6 января 1905 г.

…Вот уже две недели ровно я в постели, а не поблагодарил мою милую Марусю за бесконечно-милую, добрую память об наС. Соня, бедная, тоже с ног сбилась, а Саша, «легкомысленное создание» - такая, стало быть, и есть! Зубрит к экзамену.

У меня, родные мои, сильный бронхит: такого не было ни разу еще в жизни, с invasion всех тонких сосудов в нижней части легких и при этом с гастрической инфлуэнцией… и за две недели не смог даже унции съесть твердой пищи. Ослабел очень…

Читаете ли вы вести из России? По-видимому, всерьез взялись на этот раз против самодержавия…

А вас, Маруся милая, крепко крепко обнимаю за нас троих. Вы не поверите, до чего Соне хотелось вас тут на неделю задержать.

Bromley, 10 февраля 1905 г.

Дорогой друг,

Ваша статья прекрасная. Отлично построенная, мысли верны, и именно это я хотел бы выразить, если бы писал.

Brighton, 5 июня 1905 г.

…Хожу я здесь один и всякую думу думаю. Все больше невеселую - людей нет! Теоретики промозглые какие-то, наша молодежь. А удальцы, кроме террора не видят исхода своей удали. А между тем, просто конца не видно делу. Ну не стану бурчать, а крепко обниму вас и милую маму… Не хворайте, Маруся. Не надо!…

Brighton, 25 октября 1905 г.

Был Черкезов1… Во всяком случае, в России началась революция, раз выступила Москва - вся Россия поднялась с нею…

Много неприятностей придется пережить в эти годы, но зато, родные мои, и много радостей. Ведь эта революция, именно такая, какая была в 1790 - 93, только 100 лет спустя… Одно скверно: европейская война надвигается. Консерваторы здесь ходят войны с Германией, и сильнее прежнего толкают Францию к войне.

Brighton, 1 декабря 1905 г.

…Как видите, в Брайтоне: должен был удрать, чтобы избавиться от разных «сердечных» предзнаменований… Был Гогелия с Черкезовым… Мы говорили очень дружно… Что в России скоро может начаться реакция, более, чем вероятно… Типографию сложим в январе и - айда в Россию…

Brighton, 22 декабря 1905 г.

…Пишут мне из России следующее. Новое правительство социал-демократов злобой обольет наС. Пусть, а мы поборемся… Новое началось. Великая борьба уже завязалась. Неужели - ниспровержение царизма?

Мои мемуары взяло «Знание»1. Выпускают 20 000, цена 1 руб… Слух, что война Германии с Францией объявлена будет через день-два. Все готово. Ждут предлога… Так завален письмами, что просто прихожу в отчаянье…

1Издательство, основанное в Петербурге А. М. Горьким.

Brighton, 9 января 1906 г.

…Едем мы скоро, т. е. вероятно в начале февраля… Но мои затруднения - литературные. Я обязался написать все статьи о России для нового издания Encyclopaedia Britannica… В России вести эту работу я не хотел бы - найдется другая…

Brighton, 29 января 1906

…Вести из России: по-прежнему, одни аресты…

Brighton, 7 февраля 1906 г.

…Не дивитесь моему маранью. Рука до того устала от писания, что я нынче взялся уже за гусиные перья… Кончил свою Французскую Революцию, вплоть до 31 мая 1793 г…

Brighton, 22 февраля 1906 г.

…Интеллигенция хочет руководить рабочей массой, а надо идти за ней…

Brighton, 16 мая 1906 г.

…Мы тронемся в июне - наверно. Я хотел бы хоть сейчас… Пора в Россию.

Brighton, 8 июля 1906 г.

…Ура! Вчера кончил La Grande Revolution («Великая Французская революция». - В. М.). Вновь написал 1014 листков…

Выйдет книга страниц в 400. Писал с 24 апреля, и в первый раз в жизни - целую книгу без перерыва…

Viola, Bromley, 27 мая 1907 г.

Гостила недавно моя старая, самая дорогая приятельница С. Н. Лаврова, а туту, конечно, обычная работа, и кончил просмотр перевода «Взаимной помощи»… Конгресс социал-демократов здесь продолжается. Я, конечно, не был: анархистов не пускают. Впрочем, Соня была на одном заседании с Фанею Степняк и попала как раз на такую византийщину, что просто в ужас пришла. Роза Люксембург говорила, что крестьянство представляет революционный элемент и нужно ему помогать. Плеханов - с пафосом - принялся ее отлучать от церкви, обвиняя в измене марксизму, в анархизме! Говорят ленинцы - еще большие ортодоксы, чем меньшевики!… Соня в себя не может прийти от этих византийских раскольнических споров, которые она слышала. «Ведь они - мертвые», - говорит…

Bromley, 19 июня 1907 г.

…Столько писем на руках, что прихожу в отчаянье… Вести из России не веселы. Полное торжество реакции, - кто знает на сколько лет!

5 Onslow Villas, 29 января 1908 г.

…Я все еще не выхожу из комнаты. Сижу. Очень слаб. Осмотрел меня специалист энфизема в обоих легких внизу. Зиму оставаться в Англии безусловно нельзя будет. В этот раз на волос избег бронхопневмонии. Иначе - бодро смотрю вперед на свои работы. И нежно обнимаю вас и маму.

5 Onslow Villas,, 23 марта 1908 г.

Денег… для заключенных никаких нет. Страшно жаль товарищей, а Соня хлопочет, чтоб занять денег, хоть часть, которые потом как-нибудь выплатим!…

апрель 1908

…Энфиземы в нижних частях обоих легких, и велено - впредь зимы в Англии не проводить… На днях познакомился с Наталией Александровной Герцен. Очень рад был, ведь «Тата» для нас совсем свою, родная…

Pansion Badia Cannobio Loe Mojeur. Italia, 12 мая 1908 г.

…Деньги, добываемые эксами надо было бы совершенно исключить как возможный источник дохода. Простой здравый, практический смысл это велит категорически - без всякой теории. И надо, мне кажется, поставить это условием…

5 Onslow Villas, 1 июня 1908 г.

Спасибо вам, родные мои, за ваши милые поздравления и пожелания.

Было нас вчера несколько человек, своих, и ни у кого-то

веселья не было, и быть не могло. Вспомнить о Чайковском, Брешковской и других сидящих по тюрьмам - какое тут веселье! Только когда Зейтман, скрипач, играл проникнутую глубочайшей тоской вещь Рахманинова, только тогда все чувствовали, что ничего другого и не скажешь…

Вообще наступает пора реакции…

Viola Muswell Hill, 25 сентября 1908 г.

…Читаю теперь сплошь свою книгу, без перерывов другой работаю, и думаю об ней и спрашиваю себя, какое впечатление она произведет на русского читателя?

Скажите, Маруся, ваше мнение. Вы знаете, что авторского самолюбия у меня нет. За свои идеи я стою - свирепо иногда - но изложение их, я знаю по опыту, зависит часто от таких посторонних причин, и часто пустяков, недоглядки… С «мыслями» вы согласны. Как они изложены? Какое общее впечатление?

Viola Muswell Hill, 15 августа 1909 г.

…Если бы г. Le Bon (французский биолог.- В. М.) следил за английской научной литературой, он знал бы, что в Англии меня знают больше как ученого, чем как политического писателя. Причина - та, что я 20 лет обозревал в английской Nature безусловно все естественно-научные работы в России, и часто Швеции и Богемии, и в продолжении 19 лет вел в Nineteenth Century [раздел] Recent Science после Huxley (т. Гексли.- В. М.), и по его плану - критические обзоры главных научных вопросов или даже отделов науки. Бросил в 1901 году, как и Huxley после удара сердца, и с тех пор нет такого обзора ни в одном английском или американском журнале.

Жаль, что Le Bon не читал этих обзоров. Он многое узнал бы из них…, но в виду своих работ, заниматься мне этим некогда, а пожалуй следовало бы издать книгою. Оксфордской университет мне преложил…

В выводах я могу ошибаться, преувеличить значение общественности в эволюции животного мира… Но факты - не мои наблюдения, а извлечения из тех великих натуралистов, отцов описательной зоологии, которые в первой 1/2 19-го века изучали жизнь животных, когда она, почти еще не тронутая человеком, кишмя кишела на прериях и в лесах обеих Америк.

Но довольно об этом1 Важнее следующее. Упомяните о следующем интересном факте. После выхода моей работы в «XIX Cent». Два русских натуралиста-зоолога проф. Мензбир в Москве (исследователь Прикаспийской низменности и Персии) и проф. Ал. Брандт, начальник Зоологического музея Академии в Петербурге напечатали (Брандт книжку, а Мензбир - книгу) о том

же и массою своих факторов подтвердили мои, не упоминая моего имени - это было до «свобод»)… И еще интересно: Кесслер, Северцов, Мензбир, Брандт - четыре больших русских зоолога (и пятый - Поляков, поменьше), и наконец я, просто путешественник, стоим против дарвинского преувеличения борьбы внутри вида. Мы видим массу взаимной помощи, тогда как Дарвин и Уоллес видят только борьбу.

Это объясняется, я думаю, тем, что русские зоологи исследовали громадные континентальные области в умеренном поясе, где борьба вида против естественных препятствий (ранние морозы, бураны, наводнения и т. д.) виднее, тогда как Уоллес и Дарвин исследовали преимущественно береговые полосы тропических стран, где переполнение заметнее. В континентальных областях, нами посещенных, недостаток животного населения, и там возможно переполнение, но только временное… (любопытно, что этот гениальный и честнейший наблюдатель, Дарвин, где-то включил-таки две строчки намека на это)…

Суббота, вечером, 1909 г.

…Митинг в четверг был у-ди-ви-тельный, превосходный. Зал битком набит. Речи - полные энтузиазма, смелые для [лейбористов] и либералов… Хотели в Альберт Холле, но нужно было 200 футов, 120 - Соня собрала…

Viola, 3 ноября 1909 г.

Дорогой мой друг,

мы и в науке, кажется, работаем с вами на одном поприще - Дарвин и Ламаркизм. Я сейчас много написал в этом направлении. Мне нужно показать, что Взаимная Помощь не противоречит дарвинизму, если понимать естественный подбор так, как его следует понимать…

11 ноября 1909 г.

…Очень - очень благодарю вас за книгу Моргана… Работа Мечникова о полярных животных очень нужна. Как раз я говорю об этом. Еще с Миддендорфом тогда же, при появлении «Происхождения видов» об этом говорил. Это был его главный аргумент против Дарвина. Для меня с братом (уже трансформистов) это было несомненно, особенно, когда он приводил [пример] якутских лошадей…

Rapallo, 7 января 1910 г.

…Виды чудесные, прогулки дивные! таких тонов при закате солнца нигде не видел. Одно слово - Средиземное море! И при одной мысли, что я на берегу этой колыбели нашей цивилизации, весь ум настраивается на какой-то высокий лад. Так и хочется написать что-то хорошее. Какой я глупый, что раньше сюда не

попал. По-итальянски читаю романы без запинки; говорю с российской смелостью. Итальянцев Соня и я находим бесконечно милыми, а таких детей нигде в мире нет. Почтенный народ…

Viola Muswell Hill, 23 июля 1910 г.

…Корректуры и посетители - и письма. И теперь, покуда писал это письмо (утром, заметьте), пришлось прервать: посетительница из Петербурга. Никогда еще столько народа - американцев, русских, немцев - не приезжало через Лондон, сколько в этот сезон. Почти каждое после-обеда кто-нибудь приходит. А тут еще русские артисты и т. д. Ну, довольно болтать. А то еще какая-нибудь феминистка египетская или японская нагрянет, и придется положить письмо…

British Museum, 16 сентября 1910 г.

…Не могу справиться с работой в Temps Nouveaux и Freedom - и запаздываю. А мне - жить недолго. Хочу закончить работы, которые без меня останутся незаконченными… Взялся за «Влияние среды на животных». Нужно напечатать статью до отъезда.

Rapallo, понедельник 12 декабря 1910 г.

…Надо вам сказать, что я засел месяца два тому назад за работу о Толстом. Его письма, напечатанные Бирюковым, сильно заинтересовали меня в драме его личности. А тут подошел его отъезд, затем - смерть. Я постарался свести итоги в английской большой статье. А короткую послал в «Утро России», которая (первая русская газета, обратившаяся ко мне за статьей!) просила дать статью…

Viola Muswell Hill, 30 сентября 1911 г.

…А я пишу в постели. Не везет мне этот год, вот уже с марта. Опять вступил в период, который у меня был одно время: усиленная работа - болезнь - усиленная работа - болезнь… Нужно разобрать и уложить в ящики тонны три книг (в связи с переездом в Брайтон). Ну, авось, справлюсь…

Лондон, 16 октября 1911 г.

…Я много думал все это время в том, что нужно в данную минуту для анархистов в России… определенное отрицание якобинских приемов, принимавшихся до сих пор в России за анархию, а именно: 1) отрицание экспроприаторства как средства приобретения денег для революционной работы и 2) безусловное отрицание багровщины как средства борьбы с реакцией…

9 Chesam Str. Brighton, 22 января 1912 г.

…Несколько англичан хотел открыть английский комитет помощи голодающим в России. Послезавтра в Лондоне - большой Protest Meeting против российских безобразий, хотел ехать да простудился. Вот уже неделю кашель, лихорадит! Сегодня

строчил доклад. До того отчаянно скверно в России. Просто руки опускаются…

Brighton, 21 ноября 1912 г.

…Я хочу серьезно написать, хоть вкратце, свою Этику… Мне мало осталось жить и хочу кончить Этику, хоть вчерне… Слег так некстати. На рождение пришло свыше 400 писем, телеграмм, адресов. Нужно писать ответы, хоть не всем, я лежу! Тоска! Что меня больше всего порадовало, что десятки адресов от рабочих синдикатов Португалии… из России адрес с 250 подписями, адреса от групп, студентов, рабочих союзов - нагло, смело, по телеграфу, с подписями. Даже от одного экс-министра виттевского!…

Brighton, 12 декабря 1912 г.

…Здоровье незавидное. Простуда не прошла еще. Сейчас кончил инвентарь полученных приветов, на которые надо ответить (коллективно сделаю или лично). Оказалось свыше 500!…

*П. А. Кропоткин - А. Л. Теплову**

Brighton, сентябрь 1915,

…Сейчас прочел в речи от 28 мая (10 июня), что ходатайство бабушки* насчет разрешения ее проживать в Балаганске разрешено. Она будет отправлена туда на днях. Балаганск всего в 100 верстах от Иркутстка, 1920 жителей, довольно значительная торговля. Спешу порадовать вас…

Brighton, 6 января 1916

Пожелайте к Новому году… и удачного окончания этой ужасной войны изгнанием завоевателей из Франции, Бельгии, Сербии и балтийского края и освобождения Польши от войск трех завоевателей и освобождения России от теперешних угнетателей и негодяев…

Часть четвертая. Четыре последних года

I. Возвращение

Антимилитарист

Свое письмо в редакцию газеты «Утро России» в декабре 1912 года Кропоткин закончил словами: *«Тот день, когда возврат всех нас к свободной жизни станет возможным, будет, конечно, если доживу до него, счастливейшим днем моей жизни».*

Он всегда стремился вернуться в Россию, в конце 1905 года уже был почти готов к отъезду, но задержало желание закончить начатые работы, за которые отвечал перед издателями, а потом начавшаяся в стране реакция заставила его подтвердить высказанное условие - разрешение на въезд в Россию должно касаться всех изгнанников, а не только его одного.

Совсем скоро, в августе 1914 года, возникло новое препятствие - разразилась мировая война. Ее Кропоткин предсказал за несколько лет до начала. Еще в 1902 году, по окончании англо-бурской войны, он опубликовал в английской печати статью под названием «одна война закончилась - где следующая?» В феврале 1904 года, когда вспыхнула русско-японская война, в письме в редакцию французской газеты «Le Soir» он высказал мнение, что столкновение на Дальнем Востоке *«лишь прелюдия к гораздо более серьезному конфликту, подготовлявшемуся с давних пор, развязка которого произойдет около Дарданелл или даже на Черном море - таким образом для всей Европы будет подготовлена новая эпоха войны и милитаризма».*

С первых дней войны Кропоткин стал ее страстным обличителем, однозначно считая виновником начавшейся бойни германский милитаризм, а кайзеровскую Германию - агрессором, которому народы Европы должны дать отпор. Собственно, на тех же позициях находилась вся интеллигенция Европы, возмущавшаяся преступной политикой руководства Германии и не смешивая его с народом который, как писал Ромен Роллан в открытом письме немецкому писателю Герхард у Гауптману «лишь слепым орудием в ее руках».

Кропоткин сразу же определил как единственно возможный и желаемый результат войны - всеобщий и вечный мир, полное прекращение войн в дальнейшем. Об этом написал он в брошюре «Конец войны - начало вечного мира и всеобщего разоружения», изданной в Петрограде в 1914 году в качестве приложения к газете «Народная копейка».

Но российские социал-демократы во главе с Лениным выступили с интернационалистическим, как они полагали, лозунгом - поражение своей стране, рассчитывая использовать ситуацию войны в интересах революции. Тех, кто отстаивал принцип защиты отечества, они называли «траншейниками», «оборонцами», «социал-шовинистами». Достались в статьях Ленина эти прозвища и Кропоткину. А будущий генералиссимус Сталин, а пока лишь Иосиф Джугашвили, в письме, отправленном из туруханской ссылки В. И. Ленину, обозвал его в связи с его отношением к войне «старым дураком, совсем выжившим из ума»1.

1Пролетарская революция. М., 1936, N 7.

Действительно, как только началась война, Кропоткин послал из Брайтона, где он тогда жил, в одну из крупнейших в России газет «Русские ведомости» статью с оценкой положения в Европе в связи с военными действиями, развязанными германскими войсками. Потом он стал присылать эти письма-размышления регулярно. Они публиковались под общим заголовком *«Письма о текущих событиях»*. Всего было напечатано десять писем Кропоткина из Брайтона. В первых из них он развивал мысль о том, что противостоять германской военной машине может только объединение все народов Европы перед лицом опасности. Ни в коем случае нельзя позволить Германии победить - результаты будут катастрофичны. В шестом и седьмом письмах, отправленных в феврале 1917 года, когда появились надежды на окончание войны, Кропоткин обращает больше внимания не на военные, а на экономические проблемы: в послевоенное время они, несомненно, выйдут на первый план. Он сравнивает характерные особенности экономического развития Германии, Англии, США, Канады, обращая особое внимание на тенденции, наблюдающиеся в эволюции американской экономики: *«В Соединенных Штатах… вырабатывается новая политика обогащенная страны путем одновременного развития как обрабатывающей промышленности, так и земледелия, а фабрики и заводы находят потребителей для свой товаров… среди собственного земледельческого и промышленного населения»*. Это наблюдение оказалось провидческим. В XX столетии США действительно стали богатейшей страной мира.

Но прежде, чем сбылось это предсказание, произошло событие, ради которого он почти полвека работал в России и на Западе.

Прощание с Англией

Как гром среди ясного неба в английских газетах появилось сенсационное сообщение: «В России - революция!». Начиная с 23 февраля, в Петрограде непрерывно проводились забастовки, по улицам шли манифестации, на заводах - митинги. Все это сопровождалось столкновениями с полицией. 26 февраля председатель Госдумы М. В. Родзянко телеграфировал царю: «В столице - анархия…». А раз снова возникло это слово-жупел, значит, действительно пахнет революцией.

На следующий день рабочие и солдаты почти полностью овладели городом, захватили правительственные учреждения. Петропавловскую крепость, освободив политических заключенных, и Зимний дворец. 2 (15) марта Николай II в своей резиденции в Гатчине подписал отречение от престола Сформировано Временное правительство во главе с председателем Всероссийского земского и городского союза князем Г. Е. Львовым.

Наконец в России свергнута монархия. Впервые за тысячелетие страна осталась без царя. Общественный комитет Государственной думы опубликовал программу, первый пункт которой гласит: «Полная и немедленная амнистия по всем делам: политическим и религиозным…» Дальше говорится о свободе слова, отмене всех сословных ограничений и о немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания, выборов в органы местного самоуправления…

Кропоткин уже не числится в «государственных преступниках». Он может вернуться на родину, которую не видел более сорока лет.

Перед отъездом из Англии Петр Алексеевич направил в лондонские газеты письмо, в котором он поблагодарил за гостеприимство, за предоставленную возможность жить и работать, за доброжелательную атмосферу, которая окружала его в этой стране с первых дней, как только он причалил к ее берегам. Был он тогда никому не известным иностранце с чужим паспортом, а теперь оставлял в ней очень много друзей. *«Я вас благодарю за более чем братски прием…»,* - писал он.

С Англией связана едва ли не половина его жизни. Большая часть его книг и статей написана здесь - в Харроу, Бромли, Брайтоне, в библиотеках Королевского географического общества и Британского музея, которую он особенно любил, в гостиницах Манчестера, Бирмингама, Дарема, Глазго, Эдинбурга, в которых он останавливался во время своих поездок по стране с лекциями и докладами.

В Англии он написал лучшее свое историческое произведение - «Великая Французская революция» и издал свои мемуары,

названные сначала «Вокруг одной жизни» и под этим названием изданные во Франции. Американские и английские издатели предпочли другое название - «Записки революционера», под которым та книга стала известна всему миру. Завершена разработка его биосоциологической теории: опубликован большая серия статей о проявлениях взаимопомощи среди животных и людей в различные исторические эпохи и в современном мире, издана в английском варианте книга «Взаимная помощь как фактор эволюции».

Здесь он был признан как ученый энциклопедического склада и стал постоянным автором статей в Британской энциклопедии и других подобных изданиях. Эта его работа высоко ценилась. И уже через много лет, в издании 1976 года можно было прочитать в посвященной ему статье Британники: «Он был авторитетом в области сельского хозяйства в такой же степени, как и в вопросах географии, и пользовался большой любовью и уважением в Англии1.

1Enciclopaedae Britannica. L., 1976. v. XIII, p. 505.

В Англии родилась его дочь Александра и внучка Пьерра. Ее решили пока не везти в Россию, а оставить в семье одного из английских друзей - Корнеллисона. В 1941 году ей суждено будет погибнуть во время одного из налетов немецкой авиации на Лондон.

Хотя Петр Алексеевич и говаривал, что пребывание в Англии он рассматривает как ссылку (пусть, добровольную) после французского заточения, и «второй родиной» она для него не стала, но, несомненно, страна эта была ему очень близка. Возвратясь в Россию, он организует Общество сближения с Англией, призванное налаживать контакты между странами, прежде всего научные и культурные.

Дочь с мужем Борисом Лебедевым и Софья Григорьевна уехали раньше, а Кропоткин возвращается тем же путем, каким сорок один год назад прибыл в Англию. Из шотландского порта Абердин пароход доставил его в норвежский порт Берген, откуда на поезде через заснеженные горы - в Христианию, а дальше - Стокгольм, Финляндия…

В те дни в датском журнале «Ftesueren» («Зеркало») появилась статья известного литературоведа Георга Брандеса под названием «Размышления о революции», посвященная возвращающимся в Россию беженцам и политэмигрантам, в основном П. А. Кропоткину. Для него, как и для многих других на Западе, он был символом этой грядущей в России революции, подобной тем, что уже давно прошли в европейских странах. Она должна была произойти, ее все ждали.

«Среди русских беженцев, чье возвращение в Россию будут всячески приветствовать с русской стороны до тех пор, пока свирепствует подводная война, но которого, когда он приедет, будут встречать не только с почтением, но и с энтузиазмом, этот человек - Петр Кропоткин». Так начал свои «размышления» БрандеС. Дальше он продолжал: Со смерти Толстого в России не было более великого человека, да и при жизни Толстого, Россия не имела более благородного человека, чем Кропоткин. Никто не пожертвовал для дела свободы больше, чем он. Никто не имел такого широкого образования, и никто с большей смелостью не выражал своих мыслей, которые многими не разделялись или не разделяются».

Брандес вспомнил русских студентов, которым он читал лекции в 1902-1903 гг. в Париже. «Мне не кажется, что у него много сторонников среди русской молодежи… Они преклоняются перед Марксом, и Кропоткин едва ли производил на них глубокое впечатление. Но его время еще придет…

Мы уже можем обнаружить влияние Кропоткина на русскую революцию в том, что она с усердием выступала за постановление, а не жаждала мести… (имеется в виду Февральская революция 1917 года. - В. М.).

То, что революция вообще произошла, вполне соответствовало учению Кропоткина. Никто яснее и с большим усердием не боролся против представления о том, что всякий прогресс должен происходить путем небольших, почти незаметных перемен изо дня в день, против теории эволюции, перенесенной из мира растений в человеческую жизнь… Но революция в природе также закономерна, как и эволюция. Мы все развиваемся постепенно, но духовная жизнь каждого человека имеет свои революционные период. Ведь в природе заметно изменяются климат и биологические виды, но в их изменении происходят внезапные революции. То же самое касается и общества. В природе Кропоткин всегда вновь находит свой анархизм».

А завершается стать так: «едва ли найдется лучший противовес тем учениям, которые восхваляют выравнивание и обращение в пыль, чем это учение, так что было бы желательно не только скорое возвращение Кропоткина в Россию…, но и осознание русскими революционерами того, что в нем они имеют мыслителя, который глубже, радикальнее, плодотворнее Маркса, у которого Европа научалась всему, что было можно»1.

1Brandes Georg. Revolutionsgrublerier. Tilskueren, juni 1917, Copenhagen, пер. С датского Турел Ойя.

Статьей Георга Брандеса либеральная интеллигенция Европы,

исключительно хорошо относившаяся к этому необычному анархисту, как бы проводила его на родину, так давно им покинутую. Ему предстояла встреча с соотечественниками.

«Серебряный князь революции»

И в Европе, и в России Кропоткина относят к числу старейших русских революционеров (следующей после декабристов волны). Еще в Англии в одном из интервью он сказал: *«В совершившемся у нас перевороте нет ничего случайного. Его первыми предвестниками были декабристы девяносто лет тому назад… Революция у нас в России развивается целое столетие и возврат к прежнему… безусловно невозможен».*

Он снова проезжает через скандинавские страны, к которым у него давняя симпатия - все-таки это родина его далекого предка Рюрика и главный центр великого оледенения, изучением следов которого он с увлечением занимался. В шотландском порту Абердине он сел на пароход охранявшийся двумя миноносцами (ведь шла война) и прибыл в Берген. Из Бергена - через тоннели и заснеженные перевалы пересеченных железной дорогой Скандинавских гор поезд доставил его в Христианию. Оттуда он отправил телеграмму в Стокгольм лидеру социал-демократической партии Швеции Ялмару Брантингу. В шведской столице, принимавшей в 1864 году предшественника Кропоткина Михаила Бакунина, его очень тепло встретили - там анархистов такого масштаба не боялись. Состоялась короткая дружеская беседа с Брантингом и его коллегами, освещенная шведской печатью, речь в которой шла главным образом о положении в России. И Кропоткин отправился дальше на восток, вспоминая, как он вышагивал когда-то, осматривая карьеры, по шпалам еще только строившейся железной дороги.

Именно тогда им было принято решение, круто изменившее всю жизнь, но благодаря которому его так тожественно готовятся встретить в столице; об этом пишут газеты. Уже опубликовано его открытое обращение к русскому обществу: *«Трудно выразить словами чувства, переживаемые нами при возвращении на родину после долгих лет изгнания. Еще труднее выразить счастье возвращения в обновленную, свободную Россию, - не по милости монарха, а по воле русского народа…»*

Поезд с большим опоздание прибыл на пограничную станцию Белостров. Во время недолгой стоянки Кропоткин обращается с речью к собравшимся на перроне, стоя в дверях вагона. В ту же ночь, 14 июля, в 2 часа 30 минут Кропоткин был уже на Финляндском вокзале Петербурга. Офицеры Семеновского полка,

взявшись за руки, образовали ограждение вокруг приехавших, провели их на привокзальную площадь. Торжественная «белая ночь». Площадь заполнена огромной толпой (газеты писали: пришло 60 тысяч человек), оркестр играет «Марсельезу», ставшую и гимном новой России.

Встретить Кропоткина пришли министры Временного правительства, среди них - будущий его председатель А. Ф. Керенский. С ним Кропоткин не был знаком, но волею судеб адвокату Керенскому, возглавлявшему комиссию по расследованию обстоятельств Ленского расстрела в 1912 году, довелось побывать в тех местах, откуда началась Олекминско-Вимикая экспедиция Кропоткина. Пришел также старый друг Петра Алексеевича Николай Чайковский, уже несколько лет живший в России и занимавшийся организацией кооперативного движения, избранный председателем старейшего в России, независимого от государства, Вольного экономического общества. Пришла и дочь Александра.

У нее, на Рыночной улице, и поселился Петр Алексеевич. Сразу же его начали осаждать репортеры. Одному из них он сказал: *«Я всецело в распоряжении родины. Я стар, но работать хочу и по мере моих сил работать буду…»*

В газетах называли Кропоткин то «серебряным князем», то «дедушкой» русской революции. Екатерина Брешко-Брешковская, соответственно, была «бабушкой». Популярный журнал «Нива» поместил ее портрет на обложке с такой подписью: «Старейший из мучеников русской революции. Более половины жизни истинный борец за свободу провел в изгнании. Теперь, спустя сорок лет после своего бегства из заключения, П. А. Кропоткин вернулся на родину, чтобы стать в ряды созидателей новой жизни России».

Действительно, готов стать в ряды… Как? Да так же, как всегда - как в Швейцарии, во Франции, в Англии. По мере сил он участвует в митингах рабочих, матросов, офицеров. Первое выступление - перед уходящими на фронт выпускниками Академии Генерального штаба. Оно посвящено необходимости ведения войны до победного конца. Кропоткину казалось чрезвычайно важным не допустить распространения в народе очень опасной «психологии побежденной страны».

Он предупреждал об этой опасности еще в своих «письмах о текущих событиях». Свершившаяся революция обострила положение. Ведь так же было и во время Великой революции во Франции: страна терпела поражение все от той же Германии, и на гребне революции к власти пришел незаметный поначалу корсиканец Наполеон Бонапарт, сделавшийся «императором

французов» и завоевателем мира. Предотвратить назревавшую в России гражданскую войну, можно было, по мнению Кропоткина, объединившись в борьбе с внешним врагом, оккупировавшим часть территории страны. Путь к освобождению не может быть проложен через болото национального унижения, вызванного подчинением военной силе. Интуитивно он чувствовал, что ослабление отпора внешнему насилию компенсируется усилием его внутри страны.

Спасаясь от репортеров, Кропоткин с женой и дочерью переехал в особняк на Каменном острове, предоставленный в его распоряжение голландским послом. В этот дом пришло однажды письмо от Керенского: перед отъездом на фронт ему хотелось бы встретиться с Петром Алексеевичем. Сохранился ответ на письмо, написанный на обороте визитной карточки министра-председателя: *«Глубоко сожалею, многоуважаемый Александр Федорович, что не могу приехать пожать Вам руку. Когда Вы вернетесь, непременно приду к вам».*

По возвращении Керенский сам заехал к Кропоткину и предложил ему войти в правительство, вплоть до того, чтобы занять пост его председателя.

Кропоткин решительно отказывается: анархист не может входить в правительство. Тогда лидер демократической России предложил ему поехать послом в Англию, так хорошо ему знакомую. Но и от этого предложения Кропоткин отказался. Как и от предоставленного в его распоряжение для поездок на митинги личного автомобиля Керенского. При этом он сказал, обращаясь к дочери: «Нет, уже мы лучше на извозчике…»

Невольно приходит аналогия со знаменитым норвежцем Фритьофом Нансеном, сыгравшем большую роль в своеобразной норвежской революции, в результате которой страна разорвала унию со Швецией и стал независимой. Ему предложили стать королем Норвегии, но он отказался, сказав: «власть - не мое дело». Но, в отличие от Кропоткина, в Англию послом поехал - для молодого государства очень важно было наладить контакты со странами Запада. В России, конечно, ситуация была иной. Да и каждый из них был совершенно неповторимой, уникальной личностью. И все же их объединяло то, что оба они были великими гуманистами. Нансен, будучи прославленным ученым-путешественником, на время составил науку, почувствовав необходимость отдать все силы служению обществу, решению его проблем. После Второй мировой войны он стал известен миру не только своими героическими полярными походами и научными трудами, но и «нансеновскими паспортами» для военнопленных и беженцев, а также борьбой за оказание помощи голодающим в

Советской Росси, куда он, лауреат Нобелевской премии мира, неоднократно приезжал.

В России после Февральской революции П. А. Кропоткин, считавшийся (и не без оснований) крайне левым, не примыкал теперь ни к одной из политических партий, хотя его пытались к себе привлечь и правые, не забывшие, что он по происхождению аристократ, и левые, видевшие в нем старейшего революционера. И даже приверженцы его идей - анархисты - не могли понять позиции своего идейного лидера; некоторые из них называли его отступником и даже предателем «идеи анархии».

Между тем, революция развивалась «сверху» и «снизу», в стране сложилось двоевластие. С одной стороны - коалиционное Временное правительство, считавшее своей задачей созыв Учредительного собрания, с другой - Советы, руководимые эсерами эсдеками (меньшевиками); быстро нарастала в обществе и третья сила - большевистская часть социал-демократической рабочей партии во главе с Лениным. От них-то и исходила угроза гражданской войны. Еще в апреле началось формирование вооруженных отрядов Красной гвардии, к июню 1917 года объединивших более десяти тысяч человек. Готовился насильственный захват власти.

Советы призвали к разоружению этих отрядов, но большевики не подчинились и 3(16) июля организовали в Петрограде и некоторых других городах вооруженные демонстрации под лозунгами «Долой министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!» Произошли столкновения с правительственными войсками, в результате которых было убито более пятидесяти человек. Последовал очередной кризис в правительстве: из него ушли правые - конституционные демократы (кадеты). Временное правительство, которое возглавил А. Ф. Керенский, приняло на себя чрезвычайные полномочия, став единственным правителем страны. Двоевластие было устранено. Приняты и другие мены: запрещена Красная гвардия, арестованы некоторые большевики, Ленин привлечен к суду как немецкий шпион, укреплена дисциплина в армии, для заготовок хлеба отправлены комиссары в деревню… Но, несмотря на все это, дела шли все хуже. Социальные преобразования (даже обещанная эсерами крестьянская реформа) откладывалась на неопределенное время. Страна продолжала катиться к гражданской войне, к экономическому и политическому краху.

В этих условиях решено было созвать Всероссийское демократическое совещание представителей всех государственных и общественных организаций.

II. Новая реальность

«Обращаюсь и к правым, и к левым…

Это была попытка собрать все силы общества и объединить их вокруг правительства Керенского. Совещание назначено на 14 августа в Москве, где для него предоставляется Большой театр.

Большевики, также получившие приглашение, отказались участвовать в совещании, подтвердив тем самым, что имеют свои особые цели.

Они снова провозгласили снятый после 3 июля лозунг «Вся власть Советам!», надеясь завоевать большинство в Советах, где преобладали меньшевики и эсеры.

Анархист Кропоткин был приглашен на совещание в составе «группы русской истории», состоявшей из оставшихся в живых первых народников, зачинателей революции, увенчавшейся, наконец, победой. В «группу истории» вошла и Екатерина Брешко-Брешковская, судившаяся во «процессу 193-х», и находившаяся на каторге и в ссылке почти те же сорок лет, что Петр Алексеевич прожил в эмиграции. Вместе с Кропоткиным они - старейшие среди участников совещания, немногим их моложе Николай Морозов, Вера Фигнер, Николай Чайковский, Герман Лопатин, Георгий Плеханов.

Петру Алексеевичу было приятно встретиться с давно знакомыми учеными. От высших учебных заведений приглашены академики: медик Владимир Бехтерев, историк Евгений Тарле, биолог Михаил Мензбир. От научных учреждений и обществ - географ Дмитрий Анучин, художник Леонтий Бенуа, химик Иван Каблуков. Географ и ботаник Владимир Комаров и океанолог Юлий Шокальский присутствовали как представители русского географического общества. Но основная масс приглашенных - промышленники, купцы, банкиры, высшие армейские чины. Они тоже за революцию, во всяком случае, против реставрации самодержавия.

На вечернем заседании 14 августа выступил самый знаменитый русский банкир Павел Рябушинский. Он сказал: «Тогово-промышленный мир приветствовал свержение презренной царской власти и никакого возврата к прошлому, конечно, быть не может…»

Возврата быть не может - тут большинство согласно. Но куда же идти? Очень многие видят спасение в диктатуре, которая противостояла бы стихийность народного движения, как всегда

именуемой страшным словом «анархия». Когда председательствующий Керенский обратился к верховному главнокомандующему Лавру Корнилову: «Ваше слово, генерал!», зал встал, аплодируя. В левом же секторе продолжали сидеть. Справа послышались возмущенные крики: «Хамы! Встаньте!» Правые уже сейчас требовали покорности будущему диктатору. Слева в ответ летело: «Холопы!» Наконец все затихли. Генерал Корнилов произнес речь, в которой заверил собравшихся, что с анархией в армии ведется беспощадная борьба и она будет подавлена, что необходимо поднять престиж офицеров и принять решительные меры…

Этот красивый стройный генерал недолго будет скрывать свои планы: уже через неделю он двинет на Петроград войска под знамением с эмблемой смерти: черепом и костями. Но ему не удастся захватить власть, и он войдет в русскую историю как «несостоявшийся диктатор». В борьбе с корниловщиной на короткое время объединятся все социалистические партии, и мятеж будет подавлен. Но консолидация сил, ради которой и было создано Государственное совещание, сохранялась недолго.

Второй день совещания был отмечен выступлениями «левых». От «Группы истории» первой вступила Брешко-Брешковская. Она, как и все (или почти все) участники совещания, говорила о необходимости защитить родину от наступающих германских армий, продолжив войну, но как социалистка, просила правительство обратить самое энергичное, самое строгое внимание на внутренних врагов России - капиталистов и торговцев.

Речь вступившего вслед за ней вроде бы еще более «левого» революционера (куда дальше - анархиста!») Кропоткин удивила своей умеренностью: *«Граждане и товарищи!- начал он. - Позвольте и мне тоже присоединить мой голос к тем голосам, которые звали весь русский народ… стать дружной стеной на защиту нашей родины и нашей революции… Родина сделала революцию, она должна ее довести до конца… Если бы немы победили, последствия этого для нас были бы так ужасны, что просто даже больно говорить о них… Продолжать войну - одно великое предстоящее нам дело, а другое, одинаково важное дело - это работа в тылу. Репрессивными мерами тут ничего не сделаешь… Нужно, чтобы русский народ во всей своей массе понял и увидел, что наступает новая эра… Разруха у нас ужасная. Но знаете, господа, что и в Западной Европе наступает новый период, когда все начинают понимать, что нужно строительство новой жизни на новых, социалистических началах…»*

Справа зашумели - трудно поверить в эти «начала», особенно

сейчас…

«Да, да, - как бы согласился Кропоткин. - Мы все неопытные в деле общественного строительства… Мы многое не знаем, многому еще должны учиться. Но, господа, у вас есть… - оратор обратился с сидящим справа, - я не говорю про ваши капиталы - у вас есть то, что важнее капитала, знание жизни. Вы знаете жизнь, вы знаете торговлю, вы знаете производство и обмен. Так умоляю вас, дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и советов, соедините и то, и другое и приложите их к строительству новой жизни…»

Призвав присутствующих сделать все возможное, чтобы «уменьшить размеры назревающей братоубийственной гражданской войны», Кропоткин обратился к собравшимся с такими словами: *«Мне кажется, нам в этом Соборе русской земли следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой… При этом, граждане, республикой федеративной!… Пообещаем же, наконец, друг другу, что мы не будем более делиться на левую часть этого театра и на правую. Ведь у нас одна родина».*

Возгласы «браво!» и буря оваций были ответом зала на речь Кропоткина.

К тем, кто призывал довести войну до конца, до победы, присоединился и выступивший вслед за Кропоткиным Георгий Плеханов, полагавший, что только отношение к войне может объединить все силы общества.

Под бурную овацию всего зала и критики «Да здравствует революция!», «Да здравствует Керенский!» совещание уже глубокой ночью1.

1ГАРФ, ф. 1129, оп. 1., ед. хр. 734.

Возможно, чествования Керенского не понравились тогда Кропоткину, относившемуся отрицательно к попыткам возвеличивать отдельную личность до королевского уровня, и он подумал, что дальнейшее развитие революции должно выдвинуть других людей.

В сентябре разразился очередной кризис внутри правительства. Опять произошла смена министров. Новый состав назвали «правительством спасения революции», а его председателя Керенского наделили «чрезвычайными полномочиями». При этом предполагалось развитие демократии. Наконец, были назначены выборы в Учредительное собрание, создан Временный Совет республики (предпарламент) под председательством Николая Авксентьева. В состав совета вошли Николай Чайковский и Марк Натансон, тот самый, с которым Кропоткин отправился в эмиграцию в 1876 году. Оба - из

старшего поколения революционеров, из тех, кто начал в России дело революционной пропаганды. То, что они возглавили победившую революцию, было естественно. Но Кропоткина не оставляла мысль, что наверху власти происходит не совсем естественный процесс: демократию пытаются совместить с диктатурой, в то время как основные массы народа в систему власти никак не вовлечены. Революция опять, как во времена Александра II, идет «сверху».

В газетах все чаще мелькают призывы к твердой и сильной власти. Все чаще говоря и пишут о большевиках, популярность которых очень быстро растет среди рабочих и солдат.

Но то, что 25 октября (7 ноября) власть в Петрограде перешла к Военно-Революционному комитету Петроградского Совета, сформированному в основном из большевиков, для многих оказалось неожиданностью. Правительство Керенского, кроме его председателя было арестовано. Его место заняло Временное рабоче-крестьянское правительство, объявившее себя органом власти до созыва Учредительного собрания. Оно состояло из народных комиссаров, образующих Совет (Совнарком). Второй Всероссийский съезд Советов, собравшийся на следующий день после переворота, утвердил первые декреты новой власти, которая стала называться советской.

«Хоронят русскую революцию»

Кропоткин к тому времени переселился в Москву. Жил он на Большой Никитской, в самом центре города и был свидетелем событий революционных событий Московскому Военно-революционному комитету не удалось сразу овладеть положением. Серьезное сопротивление оказали верные Временному правительству воспитанники военных юнкерских училищ (юнкера). Им удалось захватить Кремль, но красногвардейцы, используя тяжелую артиллерию, после нескольких дней боев заставили все же противника сложить оружие. Друг Кропоткина Александр Атабекян вспоминал, что, услышав начавшийся артиллерийский обстрел Кремля, он сказал: «Это хоронят русскую революцию». Но вот из Петрограда пришли первые декреты новой власти: «декрет о мире», «Декрет о земле»… В этих декларациях большевиков Кропоткин обнаружил близкие ему идеи: земля передавалась крестьянам, заводы и фабрики - рабочим, власть - советам, то есть, как он понимал, местным органам самоуправления народа.

Надо сказать, что в период между июлем и октябрем 1917 года анархисты были ближайшими союзниками большевиков.

Они приняли участие в вооруженном выступлении 25 октября в Петрограде, двое их представителей входили в состав Военно-Революционного Комитета, бывшего штабом восстания, но когда образовалось Советское правительство, обнаружились расхождения во взглядах. Многое в программе этого правительства соответствовало анархистскому идеалу Кропоткина, однако он всегда считал, что стремясь к осуществлению высокого общественного идеала - народовластия, нельзя от него отступать, опасаясь того, что народ еще не готов взять власть в свои руки. Нельзя, дав народу свободу, тут еж ее отнимать. Беспокойство Кропоткина было вполне конкретно: при отчетливой тенденции к концентрации новой власти в центре, партия, обладающая этой властью, не делала ее ни с кем делить, а главное - опасалась отдать ее народу, в то время как революция должна стать делом всенародным, всеклассовым. Только тогда она достигнет благородной цели, приблизит идеал, а не превратится в свою противоположность.

После возвращения на родину Кропоткин, конечно, интересовался деятельностью анархистских групп в стане. Они присылали ему издававшиеся ими книги, газеты, листовки. Но он ни разу прямо не высказывал своего отношения к тому, что делали эти организации. Либо их деятельность казалась ему недостаточно серьезной, либо он не хотел выказывать предпочтения ни одной из групп, чтобы не внести этим раздор между ними и не проявить таким образом совершенно ему не свойственное стремление кем бы то ни было управлять. По-видимому, имели значение и давно возникшие разногласия с теми анархистами, которые продолжали отстаивать право на террор как оружие политической борьбы. Кропоткин же давно осудил террор, считая его совершенно неприменимым в анархистском движении.

Террор отрицали анархисты синдикалистского направления, возникшего на Западе и распространившегося на Россию еще в пору революции 1905 года. Тогда Даниил Новомирский основал первую синдикалистскую группу «Новый мир», за которой последовало возникновение объединений рабочих по профессиональному признаку и потребительских кооперативов. Свободные ассоциации производителей пытался организовать Лев Черный (Турчанинов). Анархистскими по сути были толстовские «коммуны». Индивидуалистический анархизм Алексея Боровского не признавал ни классовой борьбы, ни какой бы то ни было «организованной общественности», имея дело только со свободной личностью. Мистических анархизм проповедовал в своем журнале «Факел» поэт Георгий Чулков и его последователи,

среди которых особенно выделился А. А. Солонович, рассматривавший мир как «совокупность различных сознаний». Кроме того, были еще «чернознаменцы», «безначальцы», «безмотивники»…

Анархические группы действовали в 130 городах и поселках, они издавали около 40 газет и журналов. В Петрограде существовало крупное издательство «Голос труда»; в Москве - «Почин»; в Харькове - «Вольное братство». Основной продукцией их и издательств в других городах были книги Кропоткина, главным образом публиковавшиеся прежде на Западе. С большинством его работ революция познакомила Россию впервые. Только в 1917-1918 г. г. появилось более 100 публикаций, преимущественно в отдельных изданиях. Автор заново пересмотрел переводы своих работ на русский язык, снабдил некоторые из них предисловием или послесловием, примечаниями, стараясь связать свои давние идеи с современной действительностью, для которой многое из того, что он высказывал двадцать и даже тридцать лет назад, выглядело в высшей степени актуальным.

В газетах и в речах ораторов на митингах словосочетания «диктатура пролетариата», «революционных террор» употреблялись тогда особенно часто. И вот появляется статья Кропоткина «Революционная идея в эволюции», впервые опубликованная в 1891 году, где можно было прочитать: «Каждый революционер мечтает о диктатуре,… о революции, как о возможности легального уничтожения своих врагов,… о завоевании власти, о создании всесильного, всемогущего и всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников… Якобинская традиция давит нас… будучи оружием правителей, террор служит прежде всего главам правящего класса, он подготовляет почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти…»1

1Кропоткин П. А. Век ожидания. Пг.-М. 1925, С. 56.

Петр Алексеевич внимательно следил за ходом событий. И не все вызывало у него одобрение. Первые два месяца после Октябрьской революции прошли относительно спокойно. Наступил 1918-й года. Первое важнейшее его событие - созыв по постановлению Советского правительства. Учредительного собрания, вопрос о необходимости которого для установления формы правления и выработки конституции был еще в 1903 году включен в программу Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРА).

После Февральской революции практически все партии - от

кадетов до большевиков - выступали за выборы в Учредительное собрание. Озабоченное проблемой укрепления собственной власти, Временное правительство откладывало выборы, назначив их на 12 (25) ноября 1917 года. Они состоялись уже при новом правительстве.

Кропоткин отказался от сделанного ему предложения баллотироваться в депутаты. Он не верил в возможности парламента и надеялся на то, что снизу начнется движение за создание местного самоуправления, которое и возьмет в свои руки продолжение революционного процесса. Но развитие событий пошло по другому пути.

Результаты выборов, впервые проведенных в России на основе прямого, равного и тайного голосования, оказались неблагоприятными для парии большевиков. Крестьянство отдало свои голоса эсерам, которые получили наибольшее число мест в Учредительном собрании. Большевики овладели лишь четвертью депутатских мест. Речь могла бы идти о формировании коалиционного правительства.

5(18) января 1918 года Учредительное собрание открылось в Петрограде в Таврическом дворце. Председателем был избран эсер-центрист Виктор Чернов. Он выступил с речью и призвал все социалистические партии к консолидации в строительстве демократической республики.

Но наутро власть Советов распустило не поддерживавшее ее Учредительное собрание. Отряд красногвардейцев принудил депутатов покинуть зал.

На следующий день в Петрограде и Москве прошли организованные эсерами демонстрации в защиту демократии и Учредительного собрания, при разгоне которых были жертвы.

Становилось ясно, что расколотое враждой общество стремительно катилось к гражданской войне. Советское правительство не получило всеобщей поддержки и сохранить власть оно могло только с помощью насилия и террора.

Приняв «Декрет о мире», правительство приступило к сепаратным переговорам с Германией и ее союзниками. 3 марта 1918 года в Бресте был заключен мирный договор, по которому Германия получила возможность оккупировать Прибалтику, Белоруссию, а также Украину, объявленную независимой от России. Условия мира были грабительскими, но Советское правительство получило мирную передышку, позволившую обратить внимание на внутренние проблемы. А к осени оправдался расчет на революцию в Германии, и 13 ноября Брестский договор был аннулирован.

К этому времени война внутри страны приняла грандиозные

размеры. В борьбе с Советской властью объединились как крайне правые силы, среди которых были и монархисты, так и левые, где наиболее активными были эсеры. В марте 1918 года на Лондонской конференции представители стран Антанты и США приняли решение перейти к открытой интервенции против Советской России. Вскоре был высажен англо-американский десант в Мурманске, летом оккупирован Архангельск. Во главе марионеточного правительства Северной области оказался старый друг Кропоткина Николай Чайковский.

Человек, с имеем которого связано название кружка первых народников, превратившегося в большое общество социалистической пропаганды, оставался на позиция умеренного демократического социализма. Но он не был ни контрреволюционером, ни «агентом империализма», как его представляли в официальных исторических изданиях в нашей стране.

Кропоткин хорошо знал Чайковского и особенно сблизился с ним в пору их совместной эмигрантской жизни в Англии. Чайковский вернулся в Россию еще в 1910 году. Какое теплое письмо прислал он Кропоткину к 70-летию! «Милый Петр!… Старость, как и юность, имеют свою зарю. И ничего я так не желаю тебе, как провести остаток твоей блестящей жизни вблизи к обновленной, глубоко изменившейся родине. Могу по собственному опыту сказать тебе, что она полна кипучей творческой жизни, к сожалению, все еще прикрытой топкой коркой паутины и искусственной спячки…»

Пожелание исполнилось. Оба они в России, но события в ней повернулись так, что разбросали старых друзей по разные стороны лини фронта гражданской войны. После разгона Учредительного собрания Чайковский входил то в одно, то в другое оппозиционное центральному правительство, пока не стал председателем архангельского Верховного управления Северной области, поддержанного англо-американскими интервентами. Потом на одном из политических процессов 20-х годов он был заочно приговорен к расстрелу, которого избежал, эмигрировав снова в Англию. Там он и умер через пять лет после смерти Петра Алексеевича.

Те, кто знал Кропоткина на Западе в годы его эмиграции, были уверены, что он не мог не оказаться в оппозиции к большевикам, а потому наверняка является «заложником Советов», подвернут репрессиям. Распространился слух о его аресте; в ряде городов Англии и скандинавских стран прошли митинги протеста. Когда Кропоткин узнал об этом он опубликовал открытое письмо, в котором просил не верить

ложным измышлениям врагов революции: *«они рады воспользоваться любым предлогом, как аргументом против большевистского правительства, с которым нельзя согласиться по многим вопросам, но которому тем не менее принадлежит честь заявить и частично применить на практике принципы социализма».*

Некоторые анархисты считали подобную защиту Кропоткиным Советского правительства проявлением вполне объяснимого возрастом оппортунизма - отходом от своих принципов, «поправением» теоретика анархизма. Однако на самом деле Кропоткин, возможно благодаря огромному жизненному опыту, хорошо понимал реальную ситуацию, сложившуюся после Октября, и считал, что Октябрьская революция была неизбежна она сделала следующий шаг после Февральской. Но режим подчинения центральной власти ужесточался. И первый удар был нанесен по анархистским группам Москвы.

При подготовке переезда в Москву из Петрограда Советского правительства было обнаружено, что сеть анархистских организаций пронизывает весь город. В 25 особняках расположились клубы Московской федерации анархических групп, охранявшиеся вооруженными отрядами. Собственно, эти отряды и вызывали беспокойство. Соседство «безгосударственников» с учреждениями органов управления молодого Советского государства было нежелательно. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) приняла решение о разоружении московских анархистов. В ночь на 12 апреля была проведена эта достаточно сложная операция. Анархисты оказали отчаянное сопротивление. Лишь к 10 часам утра прекратилась перестрелка; в результате ее убито 30 анархистов, ранены 12 чекистов, около пятисот человек задержано…

Одновременно началось разоружение анархистов и в других городах - почти повсюду с боями. Но так называемых «идейных» анархистов тогда не трогали.

В мае 1918 гола в Москве появился 29-летний «независимый» анархист Нестор Махно, год назад вышедший из Бутырской тюрьмы, где провел восемь лет за участие в террористическом акте. Махно задумал организовать на Украине восстание против немецкой оккупации, а на освобожденных землях - анархистскую коммуну, в которой воплотить кропоткинские идеи. Он зашел к Кропоткину, который жил тогда на Новинском бульваре у известного философа и публициста Сергея Трубецкого, и уже собирался уезжать в Дмитров.

Кропоткина план практической реализации его теории не очень воодушевил. То ли он не верил в возможности этого

смелого, но недостаточно образованного человека, то ли сомневался вообще в том, что остров анархистского общества может существовать внутри жесткой государственной системы.

От Кропоткина Махно пошел в Кремль, где добился, что его приняли Ленин и Свердлов.

Вернувшись в родное село Гуляй-Поле, Махно сумел сколотить отряд из двадцати человек, который очень быстро превратился в многотысячную крестьянскую армию, развернувшую партизанскую войну в тылу германских оккупационных сил.

И на освобожденной территории при помощи нескольких «идейных анархистов» Махно предпринял попытку организации «безвластной республики» на основе самоуправления. Из этого ничего не вышло, потому что практически все время приходилось воевать. Трижды махновские части вливались в состав Красной Армии, и, в частности, оказали ей немалую помощь при прорыве в Крым и разгроме войск генерала Врангеля. Но затем командование Красной Армии потребовало от Махно разоружиться; он отказался, желая сохранить свою армию, и после кровопролитных боек, в августе 1921 года, с остаткам своего «войска» ушел в Румынию. Умер Нестор Махно в Париже в 1934 году.

В конце августа 1918 года анархисты-синдикалисты провели конференцию в Москве. Собрались 16 делегаций от десяти городов. В принятой декларации конференция выступила «за восстановление вольных советов рабочих и крестьянских депутатов», против института народных комиссаров и руководства партии большевиков, которую назвали «партией застой и реакции». Кропоткина приглашали на эту конференцию, но он не приехал, так же как ни на одну из последующих, даже на Первый Всероссийский съезд анархистов-коммунистов, состоявшийся в конце 1918 года. Конечно, нездоровье было очевидной причиной, но ведь и в эмиграции он тоже не очень-то жаловал подобные «форумы».

«Дмитровский отшельник»

Для советского правительства независимая позиция ветерана революционного движения была весьма благоприятна. И Кропоткин получил его поддержку. Ему предложили квартиру в Кремле, кремлевский паек, причем народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский написал Софье Григорьевне письмо, где просил воздействовать на Петра Алексеевича, чтобы тот не отвергал помощи, исходящей от государственной власти.

Но Кропоткин твердо отказался. И чтобы быть подальше от суеты московской и постоянных переездов - трижды ему пришлось менять квартиру, поскольку дома «бывших буржуев», в которых он поселялся, реквизировали - Кропоткин уезжает в Дмитров, в тихий, старинный городок недалеко от Москвы (на таком же примерно расстоянии, как Брайтон от Лондона). Друг Льва Толстого граф М. А. Олсуфьев (уездный предводитель дворянства) продал ему за символическую плату пустующий дом на бывшей Дворянской улице, переименованной в Советскую (теперь это Кропоткинская улица).

В июле 1918 года Кропоткин поселился с женой в Дмитрове получив «охранное» удостоверение, подписанное Предсовнаркома В. И. Ульяновым-Лениным. В нем говорилось: «Дано сие удостоверение… известнейшему русскому революционеру в том, что советские власти в тех местах…, где будет проживать Петр Алексеевич Кропоткин, обязаны оказывать ему всяческое и всемерное содействие… представителям Советской власти в этом городе необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича была бы облегчена возможно более…»

От местных властей Кропоткин получил разрешение возделывать огород на двух сотках приусадебного участка, его снабжали дровами и сеном для коровы, доставшейся ему от Олсуфьева вместе с домом. Жил он в небольшом доме с застекленной террасой, за ней - маленькая темная передняя, уютная столовая, из которой дверь вела в кабинет. Больше всего места в нем занимал рояль все остальное пространство было заполнено книгами: полторы тысячи томов было в его библиотеке. Книги лежали и на рояле, и на подоконнике, и на столе, и на стульях…

А вокруг Дмитрова - типичный ледниковый ландшафт; морена древнего ледника - Клинско-Дмитровская гряда…

Приехав в Дмитров, Кропоткин прежде всего заинтересовался краеведческим музеем, организованным местными кооператорами: «Третьего дня я осматривал зачаточный музей в нашем Дмитрове, - говорил он, выступая 30 августа на съезде учителей Дмитровского уезда, - и радовался, видя, как разумно отнеслись к своему делу наши три молодые сотрудницы музея: геолог, ботаник и зоолог, в какой интересной и поучительной форме сумели они представить собранный материал… и я порадовался за новое поколение… Пусть только будет у нас несколько лет свободы, и во множестве городов у нас вырастут такие же и еще лучшие музеи. Они будут неоценимым подспорьем для преподавания теории Земли и жизни…»

Кропоткин счел своим долгом оказать поддержку этому

начинанию. Он участвовал в заседаниях сотрудников музея, в обсуждении таких тем, как «Болота Дмитровского уезда» или «Следы языческих верований». Под Новый 1919 год написал, а в январе прочитал на двух заседаниях небольшому коллективу сотрудников музея доклад «О ледниковых и озерном периодах» - последнюю свою географическую работу.

Доклад продолжали его книгу «Исследования о ледниковом периоде». В нем повторены основные ее положения, но добавлены и обобщены новые факты, касающиеся пределов распространения былого оледенения и объясняющие причины колебания климата на Земле. Если раньше Петр Алексеевич считал, что ледники на Северную Европу наступали только один раз, а затем постепенно растаял, то теперь он признал возможность существования в ледниковый период ряда холодных эпох. Они разделялись временным потеплениям, когда ледники сильно сокращались в размерах, а то и вовсе исчезли.

И к такому выводу пришла теперь и наука о ледниках - гляциология.

В докладе подробно рассмотрена проблема образования рек и цепочки озер, возникающих на месте растаявшего ледника. Кропоткин доказывает, что долины всех больших рек Европы и Америки состоят из последовательно располагающихся расширений, соединенных как бы узкими протоками…

Но, как всегда, он не может ограничить себя занятием одной наукой. Его Волнуют, например проблемы перестройки народного образования, о необходимости которой он говорил на том же съезде учителей: «Задача эта громадная, трудная - вполне это сознаю, но задача неотложная… Совершится эта перемена не в один день и не по указам свыше, а только посредством свободной работы десятков тысяч учителей и учительниц в свободной школе, где есть место личному творчеству».

Он предложил развивать в школе «дух обещественности» и использовать для этой цели всевозможные школьные общества, переписку между школами, обмен коллекциями.

Конечно, мысль Кропоткина о том, что члены нового общества сначала должны отдать некоторое количество часов физической работе, нужной обществу, чтобы потом заняться таким трудом, который способствует развитию собственной личности, может показаться заимствованной из арсенала утопистов - проповедников того самого «казарменного коммунизма», против которого он решительно выступал. Но надо не забывать, что нигде Кропоткин не говорит о принуждении. Ему казалось, что люди сами захотят так работать, удовлетворяя тем самым свои потребности в разнообразном труде. Наличие в

каждом человеке таких потребностей - вопрос его нравственности. В самом деле, многие городские жители мечтают о работе в огороде или саду - их не над принуждать покупать дома в сельской местности с приусадебным участком. Он и сам, где бы ни жил, всегда имел при доме такой участок и с удовольствием занимался столярным и переплетным делом, огородничеством. Так было и в Дмитрове.

Кропоткину было присуще, занимаясь очень важными, можно сказать, глобальными вопросами, не отказываться и от решения любых других дел возникающих в том реальном жизненном пространстве, в котором он находился. Живя в уездном городке, он общался с его жителями, вникая в их нужды, стараясь помогать им по мере сил. Сохранилось, например, воспоминание почтового работника Петра Злотина, обслуживавшего в Дмитрове телефонную связь, который устанавливал телефон и Кропоткину. Злотин рассказал за чаем о бедственном материальном положении связистов города. Петр Алексеевич попросил подробно письменно изложить суть дела от имени рабочего комитета. Представители комитета такую записку составили. Внимательно ее прочитав Кропоткин тут же написал письмо председателю Совнаркома В. И. Ленину. Дмитровцы отвезли его в Кремль. Через две недели было получено распоряжение наркома продовольствия Александра Цюрупы об улучшении быта почтово-телеграфных служащих по всей стане. Вместе со всеми улучшение своего продовольственного снабжения ощутил и связисты-дмитровцы.

Как и в далекой юности, Кропоткин проводил в Дмитрове метеорологические наблюдения - просто так, для души. В «Записной книжке кооператора на 1919 г.» им записаны ежедневные данные о температуре воздуха, состоянии атмосферы, направлении ветра, ходе таяния снежного покрова.

Это необычное возвращение к географии в последние годы жизни знаменитого анархиста отметил профессор Московского университета, географ и этнограф Дмитрий Анучин. В помещенной в «Русских ведомостях» статье «К юбилею П. А. Кропоткина как ученого», которому в 1917 году исполнилось 75 лет, Анучин писал, что Кропоткин и по сей день «не утратил интереса к наукам о Земле, его продолжают занимать те научные вопросы, над которыми он думал все свои юные годы». Это вообще была первая статья, рассматривавшая естественнонаучный аспект деятельность П. А. Кропоткина. Появилась и вторая: геолога Владимира Афанасьевича Обручева (будущего академика) в журнале «Природа». Через 30 лет после Кропоткина Обручев исследовал Олекминско-Витмискую горную

страну, район Ленинских золотых приисков и назвал именем первопроходца горный хребет.

В. А. Обручев сетовал на то, что такой талантливый географ отвлекается на политическую деятельность, и наука потеряла в результате крупнейшего ученого. Эта точка зрения существует и сегодня. Может быть, Обручев и прав. Если б состоялась задуманная Кропоткиным полярная экспедиция, которая могла бы продлиться не один год, он не пришел бы к «чайковцам», и судьба его сложилась по-иному.

Хотя вряд ли, ведь Фиртьоф Нансен пришел в политику как аз после большой полярной экспедиции. Так что скорее всего Кропоткин остался бы верен себе, и другим он бы не был.

Работу в Дмитрове над рукописью «Этики» в достаточно трудных бытовых условиях тех лет - надо добавить еще преклонный возраст и плохое здоровье - следует считать тем «саморасточением», о котором Кропоткин в ней писал. До мая 1920 года с ним работала машинистка Дмитровского союза кооператоров, но когда она уехала, ему пришлось перепечатывать рукопись самому. Он не мог работать в библиотеках и использовал лишь свои многочисленные выписки из книг, которых много накопил за долгую жизнь.

Неоконченная «Этика» Кропоткина - его «лебединая песнь». В ней - последние его мысли, последние обобщения… Это как бы дань родине, которую он покинул беглым узником более сорока лет назад и куда наконец вернулся. Это и завещание ей.

В феврале 1919 года в письме к Александру Атабекяну в Ковров Петр Алексеевич писал о жизни в Дмитрове: *«Мы живем понемногу. Здоровы. Воздух здесь чудный зимой. Небо подчас чисто итальянское. В безветренные морозные дни - просто восхитительные прогулки, особенно с тех пор, как ношу валенки, в которых нога не скользит. Каждый день выходим часа на полтора. День теплый. Работаю недурно - два с половиной часа утром и столько же после обеда. Больше не могу…»*

Два с половиной года прожил Кропоткин в небольшом городе Дмитрове. Мало кто из его жителей представляет себе, что приветливый белобородый старик, встречающийся им на улице - знаменитый во всем мире теоретик анархизма, сокрушитель государственных устоев.

Федерализм и кооперация.

Возвращаясь в Россию, Кропоткин думал о том, по какому пути пойдет формирование ее нового государственного и общественного устройства. Собственно, у него уже давно

сложились определенные представления об этом, и он их уже неоднократно высказывал. Он не предлагал, как можно было ожидать, и, в чем некоторые из его последователей были уверены, немедленной отмены государства и «введения анархии». Кропоткин напоминал, что идеи Великой Французской революции, разгромленной и побежденной, стали основой эволюционного развития, продолжавшегося целое столетие. Таковы судьбы всех революций: хоть и побежденные, они дают содержание эволюций, следующей за ними. И вот его совет новой власти в России: «Вместо того, чтобы пытаться перестроить общество сверху вниз, от центра к периферии, дай ему свободно развиваться от форм простых к сложным через свободный союз свободных групп. Теперь стесненный, этот ход и является истинным ходом развития общества. Не пытайся мешать ему, не поворачивайся спиной к прогрессу, шествуя вместе с ним!»1

1П. Кропоткин. Анархия и ее место в социалистической эволюции. М., 1917., С. 28

За три года до революции, в вышедших отдельной книгой «Письмах от текущих событиях», посвящаемых в основном событиям мировой войны, он дает более конкретный совет: «Убедительно рекомендую всем любящим Россию и вдумчиво относящимся у ее будущему, серьезно познакомиться с федеративным строем Канады и Соединенных Штатов. Россия неизбежно должна будет пойти поэтому же пути… Нужно привлечение местных общественных организаций… десятки тысяч работников изо всех классов общества, поощряя образование профсоюзов и создавая производительные и потребительные кооперативы в неслыханных прежде размерах… Нужно творчество всенародное людей в повседневной жизни… Иначе как крупным самостоятельным общим делом ее (Россию - В. М.) нельзя пробудить»1.

1П. А. Кропоткин. Письма о текущих событиях. М., 1914, С. 79, 96.

А в 1918 году он организует в Москве Лигу федералистов, на заседании которой 7 января говорит. «…Все яснее становится невозможность управлять из одного центра 180 миллионами людей, расселившимися на чрезвычайно разнообразной территории, гораздо большей, чем вся Европа… Все яснее становится сознание, что истинна творческая сила этих миллионов людей проявится только тогда, когда они почувствуют полную свободу вырабатывать свои бытовые особенности и строить свою жизнь сообразно со своими стремлениями, физическими особенностями своей территории и со своими историческим прошлым…»2 В этой же речи Петр Алексеевич

произнес свою пророческую формулу: «Централизация - язва не только самодержавия…»

2П. Кропоткин. Федерация - путь к объединению. Голос минувшего, N1, М. 1922, С. 15-16.

В Дмитрове Кропоткин увидел проявление революционной перестройки, обратив внимание на возникновение и успешную деятельность местной кооперации.

Собственно, кооперативный путь строительства социализма привлекал его давно. При этом Кропоткин обращал внимание на бурное развитие кооперации в России в начале века. В письме к Марии Гольдсмит он отмечал в декабре 1912 года: «Крупное движение в России - это кооперация. Я получил из Кургана Томской губернии газету Союза маслодельных артелей. Это нечто поразительное… В 625 селах - кооперативные лавки, около 1000 артелей…»

Идею кооперации Кропоткин «вывез» из Англии. Собственно, там она и родилась. В 1844 году 28 ткачей образовали «Общество рочдельских пионеров», по сути потребительский кооператив. Они опубликовали свой манифест, положив начало движению, на исходе XIX века охватившему большинство стран мира.

Основанное на началах солидарности, самоуправления и независимости от государства, оно ставило перед собой не только экономические, но и нравственные цели, следуя учению фабриканта Роберта Оуэна, и было очень близко анархическому движению. К началу XX столетия в России имелось уже немало кооперативов. Особенно славились сибирские производители масла. Это производство оказалось очень эффективным, а продукция исключительно высокого качества.

Все дело здесь, как понял Кропоткин, - в следовании присущим от природы человеку качествам - общительности, солидарности, взаимопомощи. В кооперации видел Кропоткин воплощение своих этических идей.

О необходимости ослабления централизации власти Кропоткин говорил в последней своей речи, в ноябре 1920 года на съезде уполномоченных дмитровских кооперативов, и в первом своем выступлении в Дмитрове на съезде учителей. Слова Кропоткина «Пусть только будет у нас несколько лет свободы…» звучали как заклинание: не может победить революция, которая не принесла с собой свободу. Свобода же властей определять, кто является контрреволюционером и врагом народа, а потому подлежит уничтожению, не имеет ничего общего с тем пониманием свободы, которое провозглашено было Великой Французской революцией.

В конце декабря 1920 года Петр Алексеевич написал

открытое письмо VIII-мы Всероссийскому съезду Советов в связи с тем, что дело шло к закрытия всех кооперативных издательств.

Обращаясь к высшему органу Советской власти, Кропоткин считал, что нельзя допустить полной централизации печати в Российской Советской республике:

«Нет найдет ли президиум возможным предложить на обсуждение Съезда вопрос чрезвычайной важности для России - вопрос о предполагаемом закрытии всех вольных кооперативных и товарищеских издательств…» Перечислив, что издательства успели сделать для народа, он подчеркнул их преимущества: «И что всего важнее, в этих издательствах, где сами писатели становились издателями своих трудов, создавалось единство между процессом творчества и производством книги, которого отсутствие так вредно отзывается на большинстве капиталистических издательств и тем более отзовется на издательствах государственных…» И дальше: «Не даром человечество целую тысячу лет боролось за свободу путем невероятных жертв. Убить эту свободу и отдать громадную, вольную культурную работу в распоряжение государственных канцелярий значило бы заставить вас, представителей рабоче-крестьянской России, быть слепыми орудиями мрачного прошлого и связать высокие стремления социализма с прошлым насилием и торжеством абскурантизма - властью тьмы…»1

1Витязем П. Частные издательства в России. Пг. 1920.

Диалог с Лениным

Конечно, Кропоткин не мог предположить, что один из тех русских социал-демократов, которых он слушал в Лондоне в 1907 году и презрительное отношение которых к крестьянству его просто возмутило, возглавит Россию, толк что vосвободившуюся о самодержавия. Но так получилось в результате разгоревшейся борьбы за власть. Впрочем, ее почти не было: просто большевики вырвали эту власть у слабо державшегося за нее Керенского. Кропоткин видел непоследовательность политики Временного правительства, его медлительность в решении проблем, связанных с землей и организацией местного самоуправления. Большевики же с их лозунгами «Землю - крестьянам!» и «Вся власть Советам!» обещали решительные действия в этих направлениях.

Советы были впервые созданы во время революции 1905 года творчеством народных масс и Кропоткину показалось, что ассоциация этих рожденных на местах органов самоуправления сможет заменить централизованную власть государства и

обеспечить обществу политическую свободу. Надежды на торжество экономической свободы он связывал с кооперативным движением, тоже зародившемся «снизу». Все получалось не совсем та. Но не сразу это было ясно, и первоначально Кропоткин, хотя и очень сдержанно, поддержал произведенный большевиками при содействии левых эсеров и анархистов переворот в октябре семнадцатого.

Разочарование наступило достаточно быстро, но все же у него оставалась надежда на то, что сама жизнь заставит приступить к строительству общества подлинного народовластия, а не возвращаться к централизованному самодержавному государству. Обстоятельства, однако, складывались крайне неблагоприятно. Провозглашенная большевиками диктатура пролетариата, разгон ими Учредительного собрания, в котором они не получили большинства, устранение из правительства представителей других социалитических партий, - все это вызвало протесты в широких кругах общества. В 1918 году Советское правительство приняло ряд мер, получивших название «политики военного коммунизма». Была национализована вся крупная, средняя и большая часть мелкой промышленности, управление которой строилось на основе строгой централизации, запрещена частная торговля введено нормированное снабжение и система обязательной сдачи излишком продовольствия (продразверстка). Дело завершилось введением цензуры и закрытием нелойяльных правительству газет и журналов, в том числе старейших в России журналов «Русская мысль», «Нива», «Русское богатство». Шли массовые аресты. Все это свидетельствовало о том, что в стране утвердилась жесткая диктатура одной партии, возродилось своего рода самодержавие, о чем еще много лет назад предупреждал Кропоткин в своих «Речах бунтовщика».

Разгорелась гражданская война, в которой против новой власти выступили и монархисты, и сторонники капиталистического развития страны, и либералы, и эсеры, и социал-демократы (меньшевики). Поддерживая противников режима, страны Антанты начали открытую интервенцию.

Противники «диктатуры пролетариата», среди которых оказались и социалист-революционеры (эсеры), наследники «Народной Воли», возродили применявшуюся ими при царизме тактику индивидуального террора. В Петрограде убиты председатель ЧК Урицкий и комиссар по печати Володарский, а 30 августа 1918 года в Москве совершено покушение жизнь Ленина. Как было сообщено, в вождя стреляла эсерка, бывшая анархистка, прошедшая каторгу Акатуя Фанни Ройд (Каплан).

Две недели в газетах публиковались бюллетени о состоянии

здоровья Ленина. А параллельно им шел материал о похоронах Урицкого в Петрограде, во время которых звучали призывы: «На белый террор контрреволюционеров ответим красным террором революции!», «За каждого нашего вождя - тысячи ваших голов!». И вот появился приказ, разосланный наркомом внутренних дел Григорием Петровским всем Советам, в котором было немало грозных слов: «Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников… При малейших попытка сопротивления безоговорочно массовый расстрел…» Вслед за приказом в органе Советов газете «Известия» была опубликована статья ведущего большевистского публициста Карла Радека «Красный террор», провозгласившая: «Пусть будет поднят красный меч массового террора и пусть беспощадно падет он на головы контрреволюционной буржуазии во имя победы народных масс!»

На следующий день «Известия» сообщили о публикации в петроградской газете «Северная Коммуна» первого списка заложников. Его возглавили пять великих князей - родственников царя, министры Временного правительства, банкиры, промышленники. Подобные этому списки стали составляться во всех губерниях, во всех уездах. И газеты запестрели сообщениями о приведенных в исполнение приговорах местных Чрезвычайных комиссий. Эти сообщения не оставляли сомнений в том, что при таком упрощенном раздирательстве в ряд «контрреволюционеров, подлежащих ликвидации», попадало немало невинных людей.

Наконец, в «Известиях» появилось сообщение: «Тов. Ленин почти поправился, ему разрешено заниматься делами». И вот тогда Кропоткин, допускавший, что Ленин в первые дни после ранения газет не читал и о развернувшемся «красном терроре» ему не все известно, счел необходимым обратиться к нему с письмом. Кропоткин выделал Ленина среди других вождей революции и надеялся на возможность взаимопонимания. Вот его письмо:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Я прошу у Вас свидания, чтобы поговорить об очень серьезном вопросе - «красном терроре».

Я уверен, что Вы сами много об этом думали не с легка на него решились, но тем не менее я решился высказать Вам, какое у меня, любящего Родину и революцию, сложилось отношение к террору после пережитого и передуманного об этом…

Озлобление, вызванное в рядах Ваших товарищей после покушения на Вас и убийства Урицкого, вполне понятно. И, как и следовало ожидать от массы людей, мало знающих и мало думающих о таких вопросах, у них неизбежно заговорило

прошлое и явилась мысль об ответном терроре. Но, к несчастью, и вожаки Вашей партии ответили не лучше массы…»

Далее Кропоткин обратился к опыту Великой Французской революции и напомнил, что террор Комитета общественной безопасности погубил эту революцию: *«Не сознавая того, что они делают, Ваши товарищи-террористы подготавливают то же самое в Советской республике… В русском народе большой запас творческих, построительных сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязнанности полицейского сыска, возложены на них террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных ук нему людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем, она становится теперь державной власть в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции…*

Открыть эру красного террора значит признать бессилие революции идти далее по намеченному ею пути…»

Ответа не было.

Но вообще Ленин хорошо относился к Кропоткину, ценя, по-видимому, оказанную им, хотя и не без серьезных оговорок на первых порах, поддержку советскому правительству, отказ эмигрировать и призыв к рабочим западно-европейских стран не участвовать в интервенции против советской республики. Так же он был терпим и к В. Т. Короленко, тоже выступавшему с критикой новой власти, и к В. Н. Фигнер.

Еще в 1918 году Ленин подписал охранную грамоту, устанавливающую, что дом в Дмитрове, занимаемый Кропоткиным и его семьей, «не подлежит никаким ни реквизициям, ни уплотнению»: «…как имущество его, так и покой старого, заслуженного революционера должны пользоваться покровительством советских властей». По личному распоряжению председателя Совнаркома в Дмитров Кропоткину доставлялись медикаменты и продовольствие, в том числе присланное с Украины Нестором Махно. Кропоткин встречался с Лениным и не однажды (по-крайней мере два раза, а может быть, и три), сохранились и его письма к Ленину.

Вторая встреча, состоявшаяся 3 мая 1919 года, была записана по памяти Бонч-Бруевичем, предоставившим для нее свою квартиру в Кремле.

…Узнав о желании Ленина встретиться с ним, Петр Алексеевич собрался в Москву. Остановился, как всегда, в Леонтьевском переулке у сестер Выдриных. Позвонил в Кремль Бонч-Бруевичу о своем приезде: «Мне нужно о многом

переговорить с Лениным».

В назначенный день за ним был прислан автомобиль. Поехали в Кремль.

…Когда по крутой лестнице на второй этаж поднялся человек, которого именовали в газетах «серебряным князем русской революции», Ленин вышел ему навстречу, взял под руку, проводил в комнату, и усадил в кресло. Сам сел за стол напротив.

Еще до приезда Кропоткина Ленин говорил с Бонч-Бруевичем о его книгах, публицистической силой которых всегда восхищался. Считая их очень нужным и полезным: «Нет более ничего зловредного, как думать, что история нашей страны начинается с того дня, когда свершилась Октябрьская революция».

Кропоткин сразу же перешел на свою излюбленную тему - о кооперации. В ней он видел единственно верный путь строительства новой жизни на социалистических началах. Ленин согласился, но указал на то, что пока идет гражданская война, вопросы классовой борьбы стоят на первом плане, и надо иметь в виду, что такая форма, как кооперация, может быть использована врагами трудящихся - кулаками, торговцами. Этой опасности Кропоткин не видел, не разделяя классового подхода к кооперации.

Затем он повел речь о излишних жертвах в условиях гражданской войны… Ленин встал из-за стола и заходил по комнате, заговорил взволнованно: «В белых перчатках революцию не сделаешь! Мы прекрасно знаем, что мы сделали много ошибок. Все, что можно исправить - исправим»

Ленин убеждал, что о нормальной построительной работе можно говорить только после окончательной победы в гражданской войне. А пока нужна борьба беспощадная, бескомпромиссная…

А Кропоткин снова свое: «Конечно, вы правы, без борьбы дело не обойдется… Но вот вы говорите, что без власти нельзя, а я говорю, что можно… Вы посмотрите, как всюду и везде разгорается безвластное начало… Кооперативное движением огромно и в высшей степени важно по своей сущности».

Ленин насмешливо блеснул глазами, как бы недоумевая, что это он все о кооперации да о кооперации: «Это все прекрасно. Конечно, кооперативное движение важно… Что об этом говорить! Это совершенно очевидно, раз оно будет настоящее кооперативное движение, связанное с широкими народными массами населения…»

Очевидно, в беседе Кропоткин напомнил Ленину о своих опасениях относительно возможного превращения Советской

власти в подобие самодержавия в случае, если она будет опираться не на народную инициативу, а на диктатуру одного класса и террор. Об этом Бонч-Бруевич умолчал, но вспомнил, что по дороге Ленин сказал ему: «Как он писал раньше, как свежо и молодо думал! И как устарел… Ведь если только послушать его на минуту, у нас завтра же будет самодержавие, и мы все, и он между нами, будем болтаться на фронтах, и он только за то, что называет себя анархистом…» А потом добавил: «И все-таки он для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым и теми работами, которые он сделал… Вы, пожалуйста, не оставляйте его, смотрите за ним и его семьей, и обо все, сто только для него нужно, сейчас же сообщайте мне, и мы вместе обсудим все и поможем ему».

А Кропоткин, вернувшись на квартиру в Леонтьевском переулке, по словам встретившего его там А. Атабекяна, спросил его: «Не осуждаете ли меня? Виделся с Лениным по расстрелам заложников. Уже расстреляны многие великие князья…»

Атабекян сказал, что по такому делу даже к царю пошел бы.

- Так, значит, не осуждаете… Я их немного припугнул…

И в самом деле (может быть, по иной какой причине) газеты на время перестали публиковать списки расстрелянных заложников, ЧК занялся главным образом борьбой с бандитизмом.

Этика человечности

Петр Алексеевич всегда помнил, что Михаил Бакунин к концу жизни мечтал написать «Этику».

О взаимоотношениях людей между собой любой мыслящий человек думает всю жизнь. И когда жизнь завершается, возникает потребность подвести итог этим размышлениям, выделить наиболее важное самое существенное в этой жизни.

«Я взялся за этику, потому что считаю эту работу безусловно необходимой, - писал Кропоткин в начале мая 1920 года Александру Атабекяну. - Я знаю, что не книги создают направление, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли… Надо подготовить почву, и раз мой ум меня влечет и в этой области искать новых путей, надо это сделать; хоть наметить пути. Жить мне осталось немного - сердце отрабатывает число биений, на которое оно было способно… Так вот на этику положил теперь я свои силы» *

Когда его спрашивали, не хочет ли он написать этику революционную, он отвечал, что нужна этика «просто

человеческая», реалистическая, лишенная мистики, присутствующей во всех религия, общая для всех людей. Кропоткин признавал, что вечные идеалы нравственности нашли наиболее яркое выражение как в учении Христа, так и в буддизме: *«Вместо жестоких и мстительных богов, велениям которых должны были покоряться люди, эти две религии выдвинули - в пример людям, а не в устрашение,- идеального богочеловека».*

«В словах «не мсти врагам своим» - истинное величие христианства», - писал он в 1920 году, когда в России еще не отбушевала самая беспощадная из всех войн - гражданская.

Принимая христианский идеал нравственности, Кропоткин считал его все-таки недостаточно всеобъемлющим. Поскольку главные нравственные принципы всех религий очень близки, то очевидно, думал он, у них единая основа, общий источник. С позиции естествоиспытателя он видел эту основу в природе.

Кропоткин больше склонялся к философии позитивизма. В работах Огюста Конта, Джона Стюарта Миля и Герберта Спенсера его привлекали идеи синтеза наук на естественнонаучной основе. Но если позитивисты, касаясь этических проблем, не связывали истоки нравственности с природой, то Кропоткин свою концепцию построил целиком на природном фундаменте.

Первый том «Этики» состоит из 13 глав. Три первых - теоретические, остальные - исторические. Первая глава - «Современная потребность в выработке основ нравственности» - начинается с обзора последних достижений естественных наук. Они очень велики: ведь создан целый ряд новых отраслей знаний, а прежне учения о происхождении жизни, о положении человека в мире, о сущности разума измены коренным образом.

И в то же время, замечает автор, не совсем верно было бы говорить, что в всех отраслях наука имеет в XIX веке больше успехов, чем на протяжении прежних веков. И чтобы подтвердить это свое положение, он возвращается на две с половиной тысячи лет назад, ко времени расцвета философии в Древней Греции. Тогда пробуждение ума было столь же могучим, как в XI веке. Здравая философия природы создана именно тогда. И к ней нужно вернуться, чтобы осознать и суметь использовать тот «дерзкий, смелый дух изобретательности», что вызван к жизни недавними успехами наук. А эти успехи привели к резкому росту производительности труда, и появилась возможность заметного увеличения благосостояния народов. С другой стороны, Кропоткин обращает внимание на сделанные в конце XIX столетия открытия в области физики - мира бесконечно малых частиц, взаимодействующих друг с другом и образующих основу всего мироздания, всей Вселенной. Этот принцип Кропоткин

переносит на человеческое общество: «Современная наука дала человеку очень ценный урок скромности. Она учит его считать себя лишь бесконечно малой частицей Вселенной. Она выбила его из узкой эгоистической обособленности и рассеяла его самомнение, в силу которого он считал себя центром мироздания…»

Целостность общества определяется взаимодействием многих составляющих его единиц - личностей.

Именно изучение природы, заложившее основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, должно дать естественное объяснение источников нравственного начала личности и указать, «где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство для все большей и большей высоты и чистоты».

Вторая глава «Намечающиеся основы новой этики» отвечает на вопрос, что мешает прогрессу нравственности, рассказывает о том, как развивался инстинкт общительности в животном мире и в человеческом обществе, и утверждает в качестве основной, реалистической этики Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность.

Именно эта этика призвана совместить два противоположных стремления, присутствующих в каждом человеке - к общительности, с одной стороны, и к становлению и развитию личности, - с другой: *«Такое двойственное стремление - отличительная черта жизни вообще. Она всегда присуща ей и составляет одно из основных свойств жизни (один из ее атрибутов), какой бы вид ни принимала жизнь на нашей планете или где бы то ни было».* Вместе с тем Кропоткин указывает на одно важнейшее условие современной теории нравственности: «Она не должна сковывать самодеятельности личности, даже ради такой высокой цели, как благо общества или вида».

Здесь замечается существенное отличие этики Кропоткина от той, которую до недавнего времени именовали коммунистической, утверждавшей беспрекословное подчинение личности обществу, сегодняшней жизни высоким целям будущего.

Исследуя происхождение нравственного чувства у человека, Кропоткин ссылается на идеи Дарвина, в книге которого «Происхождение человека» он нашел слова, указывающие на то, что создатель теории «борьбы за существование» рассматривает возникновение нравственности исключительно сточки зрения естествознания, а именно) - из чувства общительности, врожденного и у высших животных и у человека, полученного ими от природы. Дарвин отметил этот особый инстинкт, отличный от других, но мысль свою не развил, и она осталась

многими незамеченной.

Происхождение нравственности пытались объяснить древнегреческие философы, средневековые схоласты, лучшие мыслители XVII века в Англии, французские материалисты и энциклопедисты XVIII столетия, позитивисты и эволюционисты столетия минувшего: Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Коперник, Галилей, Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Мишель де Монтель, Адам Смит, Джон Стюарт Милль, Огюст Конт, Чарльз Дарвин… Множество имен, за которыми стоят десятки систем этики, рассмотренных Кропоткиным. «Философия надежды» Жанна Мари Гюйо оказалась ему ближе всего.

В книге «Очерк нравственности без обязательства и без санкции» Гюйо утвердил, что жизни присуще стремление к беспредельному расширению и постоянному развитию; только в этом случае она плодотворна в самоутверждении. Все живое едино, и каждый индивидуум проникается влияниями других, солидарных с ним созданий. «Тяготение чувствований и воль», солидарность ума, взаимная проницаемость сознания объединяет человечество. Поэтому для того, чтобы поступать нравственно, человек не нуждается ни в каком принуждении.

«Мы чувствуем, что у нас больше энергии, чем ее нужно для обыденной жизни, и мы отдаем эту энергию другим: отправляемся в отдаленное путешествие, служим делу просвещения и образования и любому другому общему делу».

В природе человека - расходовать свои силы за пределы личного бытия. Борьба и риск необычайно привлекательны потому как раз, что дают возможность выплеснуть свою жизнь «за край», не спасаясь гибели.

Итак нравственность - внутренняя гармония человеческого существования, в то время как безнравственность - отсутствие этой гармонии, раздвоение, неуравновешенность противоречий.

«Нет никакого сомнения, что наибольшее счастье общества… - первая основа всякой этики». А оно зависит от счастья каждого, и наоборот, счастье каждого не может не быть связано со счастьем всех. Сделав этот вывод, Кропоткин подходит к решению вопроса о совести, который считает очень важным: *«Между тем, если нравы создаются историей развития данного общества, то совесть, как я постараюсь доказать, имеет свое происхождение гораздо более глубже в сознании равноправия, которое физиологически развивается в человеке, как и во всех общительных животных…»*

Но доказать не пришлось. Рукопись оборвалась на этой фразе в начале февраля 1921 года…

Остались наброски отдельных глав второго тома, по которым

можно представить себе содержание всей книги. В основе ее лежит спор Кропоткина с социал-дарвинистами по вопросу об «аморальности природы». Глубоко убежденный в том, что природа нравственна, он именно в ней находил истоки всех самых высоких нравственных устремлений человека. Именно природа на заре человечества дала ему первые уроки нравственности. Последующая эволюция их закрепила. В этом смысле этика Кропоткина может быть названа и натуралистической, элементы которой обнаруживаются еще у Руссо, а потом ук Дарвина и Бюхнера. Эти философы отрицали сверхъестественное происхождение нравственности. С таким же отрицанием выступил и Петр Кропоткин.

Человек порожден природой, неотделим от нее и подчиняется ее законам, в том числе и моральному. А он гласит: для каждого индивидуума злом является то, что препятствует прогрессивному развитию вида, добром - то, что ему способствует. Ну а как Кропоткин установил уже в своих биосоциологических работах, фактором прогрессивного развития в природе оказывается не столько борьба, сколько общительность, взаимная помощь, поддержка, солидарность.

Нравственный закон природы проявляется не в форме абсолютно присущего всем живым существа образа поведения, а как «совет» основанный на длительном опыте, превращающийся в привычку, без которой «никакое общество не могло бы прожить, никакой вид животных не мог бы выжить». Те, кто не следует совету природы, погибают.

Кропоткин признает наличие и противоположных тенденций. Они обусловили «стремление к преобладанию личности над близкими или над многими». Так, наряду с «этикой равноправия и, следовательно взаимного благоволения» существует в человеческом обществе «этика грабежа, насилия и рабства».

Но она, по мнению Кропоткина, не имеет будущего, не может восторжествовать, так как это привело бы к деградации человечества, к его самоуничтожению. Зародившись еще в животном мире, чувство социальной симпатии в человеческом обществе, *«постепенно развиваясь вместе с усложнением общественной жизни, становится все более и более разнообразным, разумным и свободным в проявлениях… При помощи разума мы создам из прирожденных нам чувств и сконностей то, что мы называем нравственными понятиями».*

То, что это так, подтверждает принцип, общией, по сути, для всех религий и впервые записаны еще за две тысяч лет до новой эры в древнем индийском эпосе «Махабхарата»: «Обращайся с другими так, как хотел бы, чтобы обращались с тобой; относись к

соседу так же, как к самому себе». Его Кропоткин провозглашает высшим нравственным правилом (максимой) своей этической системы.

Конечно, известной схематичности у прощения Кропоткину избежать не удалось. Но даже самые строгие критики находили в его «Этике» немало привлекательного.

Этика Кропоткина активна, революционна по своей сути. Она направлена против искажений во взаимоотношениях между людьми, против уродливых форм управления, навязанных государством: *«Мы вступаем в борьбу со всем этим грязным потомком обмана, хитрости, эксплуатации, развращения, порока, - со всеми видами неравенства, которые влиты в наши сердца управителями, религиею и законом. Мы объявляем войну их способу действовать, их форме мышления!»*

Однако, он призывал к борьбе не с людьми, а лишь с формами общественной жизни, в которые люди оказались вовлеченными. Необычайно доверяя человеку, он как будто даже не замечал таящейся в нем бездны пороков, которую обнажил Достоевский. Совершенно отрицая эффективность наказания за реальные и мнимые проступки, в которых проявляется насилие общества над личностью, Кропоткин признавал неизбежность революционного насилия, хотя и с очень большими ограничениями: он выступал против подавления побежденных революцией классов, против введения диктатуры в какой бы то ни было форме. Да, принудительная эксплуатация - первый шаг революции, без которого она невозможна. Но в т же время он был убежден, что продолжение насилия после победы революции неизбежно приведет к ее гибели. И он не снимал ответственности с лиц, прибегающих к насилию, какими бы высокими целями оно не объяснялось: они должны быть готовы к расплате собственной жизнью. Примером в этом отношении для него был его друзья по кружку «Чайковцев».

Нравственный идеал Кропоткина располагался на двух уровнях. Нижний уровень - справедливость: отношения между людьми строятся на основе свободы, равенства и взаимопомощи. На высший уровень - собственно нравственности - человек понимается, когда мера взаимности превзойдена «без меры и счета», ощущая тем самым высшее счастье.

«Индивидуальность развивается, - писал он в одном из писем Черкизову еще в 1902 году, - только в столкновении со множеством людей, окунаясь в жизни всех близких и мировую - чувствуя, борясь, работая…» 1 необходимо лишь дать личности свободу, самостоятельность, снять с нее давление власти.

1Кропоткин П. А. Этика, т. 1., М., 1922, С. 252.

Чувствуя, борясь, работая… Сам он жил именно так.

Самый последний год

В 1920 году изгнанием Врангеля из Крыма завершилась гражданская война в России. Победу одержали большевики: наиболее радикальное крыло российских социал-демократов, с которыми Кропоткин познакомился в Лондоне почти полтора десятилетия назад. Тогда ему больше всего не понравилось их пренебрежительное отношение к крестьянству, ни и исключительная нетерпимость к иным взглядам, «византийщина». Конечно, их партия оказалась наиболее решительной в ситуации кризиса Временного правительства и сумела захватить власть. Провозглашена социалистическая революция, но курс взят на жесткую диктатуру, предельную концентрацию власти, подавление других, тоже социалистических партий и главное - народной инициативы. Получается, что его прогноз оправдывается. Но экономика страны - в состоянии поной разрухи, более 30 млн ее жителей охвачено голодом. Рабочие бастуют, крестьяне протестуют против гибельной для них системы продразверстки. В конце лета крестьянское восстание, возглавленное эсером А. С. Антоновым, охватило Тамбовскую губернию. На его подавление были брошены войска Красной армии под командованием М. Н. Тухачевского, с артиллерией, танками, самолетами… Война с защитниками царского режима сменилась войной с крестьянской массой, с нардом.

Наметивший было вернуться к естественно-научным исследованиям, разработав в конце 11919 года проспект книги «Озерный и ледниковый период» П. А. Кропоткин счел необходимым продолжить работу над вторым томом «Этики». Ее он признавал особенно важной в сложившейся обстановке. В то же время он участвует в общественной жизни Дмитрова: выступает на уездных съездах кооператоров и учителей, помогает местным краеведам обустраивать городской музей. В выступлении на «съезде учащих» (так он официально называется) в сентябре 1920 года, как и в предыдущем - в августе 1918 года значительное место отведено вообще образовательному значению музеев. Еще в письме сибирским кооператорам в июне 1918 года он вспомнил, как много, ему, начинающему естествоиспытателю, дал небольшой музей при Сибирском отделе Русского географического общества: «учиться геологии и физгеографии во всем Иркутске не было никаких руководств, и я нашел случайно попавшее в Сибирь… наставление по геологии и минералогии «Путешественникам пешком», изданное английским

географическим обществом, и в нем были поразительно умные наставления о геологической разведке гениального Дарвина»1.

1Бюл. ВсероС. обществ. комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина. М. 1924, N 1 С. 5-6.

Российские географы предпринимают попытки вовлечь его в научную жизнь. В апреле 1920 года Петр Алексеевич получает от профессора Московского университета М. С. Бондарского приглашение выступить в число преподавателей на кафедре географии, «предоставив право читать любой курс из географии, какой Вам будет угодно избрать. «26 апреля отправлен ответ: «…к сожалению, должен сказать, что мое здоровье - особенно после пережитых двух зим - не позволяет регулярного труда, требуемого профессурой.»2. Приглашение подтвердил академик Д. Н. Анучин, крупнейший российский ученый, по-кропоткински разносторонний (географ, антрополог, этнограф, археолог). И ему 25 мая направлен отказ: «…Конечно, с радостью, хотя бы одни год прочел курс физической географии. Но, увы, ни годы, ни состояние здоровья не позволили бы этого!»1

2РО РГБ, ф. 410, к. 3, ед. хр. 1

1Цит. По Изв. ВГО, т. 100, в. 2, 1968.

Из Петрограда приходил письмо директора только что организованного большого и уникального по своему содержанию Центрального Географического музея В. П. Семенова-Тян-Шанского, сына «патриарха российской географии» Петра Петровича Семенова, под руководством которого работал Кропоткин в Географическом обществе России полвека назад и которых ему хотел передать свой пост секретаря Общества. Вениамин Петрович напомнил, что в раннем детстве, когда Петр Алексеевич был частым гостем в их семье, он много с ним общался. Теперь он сообщил, что музейный Совет постановил присвоить П. А. Кропоткину звание почетного члена Музея. В ответ в месте с благодарностью из Дмитрова от старейшего члена Русского географического общества пришла поддержка смелой «мысли Музея» и пожелание успеха: «Он будет приучать нас смотреть на Земной шар как на живое целое».

Примерно в то же время Петр Алексеевич получил письмо из Швеции, в котором содержалось приглашение от Шведской младосоциалистической партии переехать в их страну, а месте с ним - обращение к правительству Советской России с просьбой не препятствовать его выезду с семьей за границу. Несмотря на то, что Кропоткину жилось тогда очень тяжело (кроме того, что не хватало продовольствия, работать над «Этикой» ему приходилось без библиотеки, машинистки, электричества), его ответ был вполне определенным. Он решительно отказался покинуть

Россию, несмотря на то, что за три года пребывания на родине существенно изменил свои взгляды на положение в стране. К середине 1920 г у него сложилось определенно отрицательное отношение к происходящему процессу формирования централизованного государства. Оно изложено им в письме-послании, переданном делегации английских лейбористов, посетивший его в Дмитрове в июне 1920 года.

Делегация из 9 человек была направлена Лейбористской партией Великобритании в Россию с целью определить характер происходивших в ней событий. Ей удалось проехать по стране, посетить горда Поволжья и Центральной России, встретиться с руководителями правящей и оппозиционных партий и с частными лицами, среди которых и был prince Kropotkin, как называли его на Западе в годы эмиграции. Послание (Kropotkin's Message) в качестве одного из приложений к отчету о поездке было опубликовано в Лондоне в том же 1920году.

Сравнение текста отчета и послания Кропоткина убеждает в том, что именно мнение «дмитровского отшельника» английским лейбористам показалось более всего отвечающим действительному положению дел в России.

«Россия переживает революцию, такой же глубины и такой же важности, - писал Кропоткин, - как Британия в 1639-48 и Франция в 1784-94 гг. Россия продолжила две эти великие революции, но попытка следующего шага с того места, на котором остановилась Великая Французская революция (установление экономического равенства), к несчастью, не удалось». Причина неудачи - установление диктатуры одной партии. Новое централизованное государство «естественным образом, унаследовало все зло» тысячелетия господства в России самодержавия. Кропоткин подчеркивает, что *«низвергнуть слабое временное правительство и занять его место было нетрудно», но «к строительству новых форм жизни всесильное централизованное правительство, стремящееся обеспечить каждого жителя ламповыми стеклами и спичками, вместо того, чтобы позволить народу проявить свою инициативу, окажется неспособным»* 1.

1«British Labour Delegation to Russie», London, 1920. С. 89-92.

Под послание стоит дата - 10 июня 1920 г. До кончины П. А. Кропоткина осталось 8 месяцев. Именно в этот период произойдет дальнейшее изменение его понимания положения в России.

Оценка положения в стране, которая дана П. А. Кропоткиным в переданном лейбористам послании, развернута в его заметках, датированных 23 ноября того же 1920 года. Это, по-видимому, последняя рукопись Кропоткина, опубликованная под названием

«Что же делать?» в 1923 году в берлинском журнале «Рабочий путь» (N 5) как его политическое завещание.

Кропоткин рассматривает революция в Росси как стихийный процесс, подобный землетрясению или тайфуну, *«набегающему на берега Восточной Азии».* Это - катастрофа, которую подготовили *«все предшествовавшие революции…»* Этому стихийному движению ничто и никто не может противостоять.

Любопытна также мысль Кропоткина: *«В таком положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 100 раз сильнее ее».* Пять месяцев назад в послании, переданном лейбористам, совершенно определенно говорилось, что именно правящая партия, подавляя инициативу масс и прибегая к командно-бюрократическим методам управления, мешает развитию революции, строительству снизу и т. д.

Он писана ситуация хаоса, в котором должны были возникать признаки самоорганизации. Веривший совсем еще недавно в неизбежность победы местных творческих сил, теперь он убежден в том, что время упущено, остановить стихийное развитие событий оказалось невозможным, и *«роковым образом придет реакция».* Ее приход абсолютно неизбежен. *«Точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны…»*

П. А. Кропоткин предсказал наступивший за этим длительный период тоталитаризма («самодержавия в худшем его виде»), хотя он не смог проанализировать два события, пришедшиеся как раз на последние месяцы его жизни и первые - после его кончины. Повстанческое движение крестьян в Тамбовской губернии в 1920-21 гг. и Кронштадский мятеж в марте 1921 года, жестоко подавленные властью, выдвигали требования устранения партийных руководителей из советов, восстановления свободной торговли, отменены продразверстки. Реакция восторжествовала над хаосом революции, уничтожив последние надежды на творчество новых форм жизни.

Кооперация, на которую он так надеялся, к концу года полностью была разгромлена. Даже дмитровских кооператоров и сотрудников краеведческого музея (среди них - Анна Шаховская) в ноябре 1920 года без какой-либо причины арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму.

21 декабря Кропоткин отправляет письмо старому другу Вере Николаевне Фигнер, которая интересовалась, сможет ли он приехать в Москву, чтобы прочитать лекцию.

«Насчет моего приезда, - пишет Петр Алексеевич,- должен сказать, что здоровье мое за последнее время так ненадежно, что и думать не могу о поездке. Сердце беспрестанно мучает, и

притом должно быть, еще малярия через день. В придачу случились еще невралгии - жестокие каких я не помню с Женевы, больше сорока лет тому назад…

Ну а лекцию - подавно не прочесть! Недавно я говорил на юбилее Дмитровского союза кооператоров. Еле договорил минут 20, с отчаянной болью в сердце…» 1

1ГАРФ, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 173.

На собрании кооператоров, где Кропоткин выступил с речью, которая окажется его последним публичным выступлением, «вышел большевик и спокойно сказал, что это, мол, похороны союза…». Свободно сложившийся союз решено превратить в бюрократическую организацию, в одну из канцелярий губернского продкомитета. Говоря об этом с горечью, Петр Алексеевич вспоминает: *«Начиная с 1-го Интернационала (с 1872 г.), мы постоянно боролись против правила социал-демократов: раз не наше - пусть лучше не существует! Таков неизбежный лозунг Государственной революции…».* И вот дошло дело до кооператоров. А ведь совсем недавно доказывал он Ленину, насколько важно сохранить эту форму народного творчества. И он вроде бы соглашался, но назвал это все мелочами, пустяками, переключившись на свою главную тему - беспощадной классовой борьбы. В ушах звучал его резкий, напряженный голос:

«Борьба прямая и открытая, борьба до последней капли крови - вот что нам нужно!… от подпольной работы до красного массового террора… до гражданской войны, до войны на всех фронтах, до войны одних против всех…». Вспомнился Петру Алексеевичу человек из далекого прошлого - Сергей Нечаев, иезуитскому катехизису которого пытался противопоставить свою, ненасильственную, программу кружок чайковцев. Всю жизнь разрабатывал он нравственные основы анархизма, а теперь завершает «Этику» - анархическую, а значит общечеловеческую реалистическую, гуманистическую, этику взаимопомощи и солидарности… Но какова будет ее судьба? Ведь Ленин говорил ему: «Только такая борьба увенчается успехом. Все остальные способы, в том числе и анархические, сданы историей в архив, и они никому не нужны, никуда не годятся, никого не привлекаются только разлагают тех, кто так или иначе завлекается на этот старый, избитый путь…» В тот же день им написано последнее его письмо к Ленину, в котором поднимается вопрос о практикуемом ЧК захвате заложников с последующим их расстрелом. Оно было доставлено в Кремль, но никакого ответа не последовало.

Завершался двадцатый год…

В самом начале наступившего 1921 года к постоянно

мучавшей болезни сердца добавилось воспаление легких. В. Д. Бонч-Бруевич сообщил об этом Ленину, который распорядился отправить в Дмитров для Кропоткина, специальный поезд с продовольствием с указанием, что он не подлежит осмотру и конфискации, а также лучших врачей во главе с наркомом здравоохранения Н. Я. Семашко и профессором Д. Плетневым. Состоялся консилиум, после чего врачи уехали и с больным остался его друг, врач по специальности, Александр Атабекян. «Известия ВЦИК» стали каждый день публиковать бюллетени о состоянии здоровья больного. 23 января наступило улучшение и появилась надежда на выздоровление. Петр Алексеевич смог заняться корреспонденцией, а в прессу попали его слова: *«Меня огорчает, что людям, столь занятым и заваленным работой, пришлось пожертвовать драгоценным для них временем и, быть может, отдыхом… Я не понимаю, от чего меня лечат…»* . Но улучшение было недолгим. Через неделю внезапно снова поднялась температура - начался второй этап воспаления.

Теперь с каждым днем ему становилось все хуже. Он надолго терял сознание, периоды просветления становились все короче и короче. В один из таких моментов Петр Алексеевич принялся рассказывать о своей самой большой сибирской экспедиции, и на конверте Общества сближения с Англией начертил свой Олекминско-Витимский маршрут: от лены на Витим, потом на юг, через Мую к Чите. По-видимому, ему вспомнилось наиболее яркое впечатление жизни…

П. А. Кропоткин скончался в ночь на 8 февраля, в 3 часа 10 минут. Через день прибыл специальный поезд, на котором гроб с тело был доставлен в Москву и установлен в Колонном зале Дома Труда (потом - Дом Союзов), в том самом зале Дворянского собрания, где семьдесят лет назад мальчик Петя в восточном костюмчике заснул на коленях российской императрицы и был пожалован монаршей милостью - определен учиться в Пажеский Его Величества корпус…

Совершенно невероятное совпадение отметило столь же невероятные повороты судьбы этого человека. Можно было предположить, что этот мальчик, облагодетельствованный царем, станет крупным государственным деятелям или дипломатом, вполне возможно, писателем или ученым. Но чтобы провожать его в последний путь придет так много людей, позабывших о том, что он князь и рюрикович, и называвших его «товарищ Кропоткин», при том, что он не имел никаких официальных званий и должностей, а к новой власти, отменившей сословные привилегии, находился в оппозиции, - это представить было невозможно.

Три дня шло прощание с покойным в Колонном зале. 13 февраля состоялись похороны. И снова парадокС. Похоронную процессию, растянувшуюся во всю длину Волхонки, Пречистенки, Б. Царицинской (Б. Пироговской), в которой участвовали и представители правящей партии, возглавляли заключенные Бутырской тюрьмы - анархисты. Они отпущены были по просьбе дочери Кропоткина и разрешению, данному Дзержинским и Лениным, только на время похорон своего идейного вдохновителя, под честное слово. К условному часу все они вернулись в тюремные камеры.

И еще один момент, тоже необычный. Когда траурный кортеж подошел к дому Льва Николаевича Толстого на Пречистинке, работники музея вынесли бюст великого писателя, а хор Большого театра исполнил фрагмент православного канона «Вечная память», что было не в новых, советских обычаях.

Более двух часов двигалась траурная процессия к Новодевичьему кладбищу: семикилометровый путь… Был ясный, морозный день, и зимнее солнце освещало заполненные народом улицы, множество красных и черных знамен, десятки венков.

А потом…

Утвердилось посредство насилия и террора на территории Российской империи новое государство, хотя и облаченное поначалу в новые одежды, по сути, не отличавшееся от старого; в нем очень быстро возродились те же бюрократические методы управлением народом. Все это противоречило идеям Кропоткина предостерегавшего от такого развития событий. И тем не менее, его имя не было вычеркнуто из истории страны. Правда, парадоксальным образом сохранилось только имя, а т, что с ним связано, а именно - его идея, предавались забвению. И это, несмотря на достаточное долгое существование Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, возглавлявшегося В. Ф. Фигнер и вдовой Петра Алексеевича С. Г. Кропоткиной (почетным председателем), в ведении которого находился мемориальный музей Кропоткина в доме, где он родился, (Кропоткинский переулок, 26).

В начале 30-х годов С. Г. Кропоткина съездила в Лондон и организовала перевозку в Москву остававшегося там архива: он размещен был в музее, который предполагалось превратить в научно-исследовательский центр. Здесь время от времени проходили собрания памяти Кропоткина, но с ограниченным количество участников, да и посещаемость была не очень высокой. Музей часто закрывался по разным причинам.

Хотя формально запретов не было, но неодобрительное отношение власти чувствовалось. А затем, осенью 1930 г.,

начались аресты членом Кропоткинского комитета и примыкающих к музею активистов. Были арестованы последние остававшиеся на свободе после ряда «чисток» анархисты, и среди них - Алексей Боровой, наиболее яркий представитель индивидуалистического анархизма, высоко образованная многогранная личность, профессор, автор нескольких книг, «оратор милостью божьей», по выражению В. Н. Фигнер.

После передачи Музе в ведение государства его деятельностью практически прекратилась, и в 1940 году он был закрыт.

П. А. Кропоткин.

Взаимная помощь в современном обществе 1

1 Фрагмент главы VII из книги П. А. Кропоткина «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса», пер. с англ. В. Батуринского под ред. автора (пересмотренное и дополненное издание). Пб.-М., Изд. «Голос труда», 1922. Первое издание этой книги под названием «Mutual Aid: factor of volution» вышло в Лондоне в 1908 году. Прим ред.

Склонность людей ко взаимопомощи имеет такое отдаленное происхождение, и она так глубоко переплетена со всею прошлою эволюцией человеческого рода, что люди сохранили ее вплоть до настоящего времени, несмотря на все превратности истории. Эта склонность развилась, главным образом, в периоды мира и благосостояния; но даже тогда, когда на людей обрушивались величайшие бедствия, - когда целые страны бывали опустошены войнами и целые населения их вымирали от нищеты или стонами под ярмом тирании, - так же склонность, так же потребность продолжала существовать в деревнях и среди беднейших классов городского населения; она все-таки скрепляла их и в конце концов оказывала воздействие на то правящее, войнолюбивое и разоряющее меньшинство, которое относилось к этой потребности как к сентиментальному вздору. И всякий раз, когда человечеству приходилось вырабатывать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его развития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы для нового выступления на пути прогресса все из той же самой, вечно живой склонности к взаимно помощи…

Поглощение всех общественных отправлений государством неизбежно благоприятствовало развитию необузданного узкого индивидуализма. По мере того, как обязанности граждан по отношению к государству умножались, граждане очевидно

освобождались от обязанностей по отношению друг к другу…

«Практически» люди и теоретики, люди науки и религиозные проповедники, законоведы и политические деятели все согласны в одном, а именно, что индивидуализм в его наиболее грубых проявлениях можно, конечно, смягчать благотворительностью, но что он является единственным надежным основанием для поддержания общества и его дальнейшего прогресса. Казалось поэтому делом безнадежным - разыскивать институции и практические проявления начала взаимной помощи в современном обществе. Что можно ожидать от них? И все же, как только мы начинаем присматриваться, как живут миллионы человеческих существ, и изучаем их повседневные отношения, нас поражает, прежде всего, огромная роль, которую играет в человеческой жизни, даже в настоящее время, начало взаимной помощи и взаимной поддержки… Поступки, при совершении которых люди руководятся своею склонностью к взаимной помощи, составляют такую огромную часть нашего повседневного обихода, что если бы возможно было внезапно положить им конец, то этим немедленно был бы прекращен весь дальнейший нравственный прогресс человечества…

Все эти ассоциации, общества, братства, союзы, институты и т. п., которые можно насчитывать десятками тысяч в одной Европе, причем каждый из них представляет собою огромную массу добровольной, бескорыстной, бесплатной или очень скудно оплачиваемой работы - разве все они не являются проявлениями в бесконечно-разнообразных формах все той же, вечно живущей в человечестве потребности взаимной помощи и поддержки?… Они начинают приобретать международный характер, и несомненно способствует… ломке международных преград, воздвигнутых государствами… Сознание международной солидарности растет как среди отдельных передовых людей, рак и среди рабочих масс с тех пор, как они завоевали себе право международных отношений…

Благотворительные общества, которые в свою очередь представляют целый своеобразный мир, должны быть также упомянуты здесь. Нет ни малейшего сомнения, что громадным большинством членов этих обществ двигают те же чувства взаимной помощи, которые присущи всему человечеству…

Короче говоря, ни сокрушающие силы централизованного государства, ни учения взаимной ненависти и безжалостной борьбы, которые исходят, украшенные атрибутами науки, от услужливых философов и социологов, не могли вырвать с корнем чувства человеческой солидарности, глубоко коренящегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было

воспитано всею нашею предыдущею эволюциею. То, что было результатом эволюции, начиная с ее самых ранних стадий, не может быть уничтожено одной из преходящих фаз той же самой эволюции. И потребность во взаимной помощи и поддержке, которая скрывалась, было, в узком круге семьи, среди соседей бедных улиц и переулков, в деревне или в тайных союзах рабочих возрождается снова даже в нашем современном обществе и провозглашает свои права - стать, как это всегда было, главным двигателем на пути дальнейшего прогресса…

В практике взаимной помощи, которую мы можем проследить до самых древних зачатков эволюции, мы таким образом, находим положительное и несомненное происхождение наших этических представлений, и мы можем утверждать, что главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. В широком распространении принципа взаимной помощи, даже и в настоящее время, мы тоже видим лучший задаток еще более возвышенной дальнейшей эволюции человеческого рода.

1908- 1922 г. г.

Послесловие к русскому изданию книги «речи бунтовщика» 1 *(1919)*

1Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. М 1919, С. 1-154

Очень скоро по выходе из тюрьмы я вынужден был покинуть Францию и поселился в Англии, где имел возможность изучать хозяйственную жизнь большой промышленной страны - на деле, а не только из книг, в которых экономисты повторяют вот уже более стал лет все те же ошибки своих предшественников. Читая лекции в разных городах Англии и Шотландии, я пользовался этими разъездами как для долгих бесед с рабочими, так и для осмотра всяких фабрик и заводов - крупных и мелких, угольных шахт и больших корабельных верфей, не забывая при этом мелких мастерских в таких больших центрах кустарного производства, как Шеффилд и Бирмингам. Посещал я также и громадные кооперативные центры для распределения, как Оптовой кооператив в Манчестере… Знакомясь таким образом с реальной жизнью, я постоянно имел в виду вопрос: «Какие формы сможет принять социальный переворот, чтобы наиболее безболезненно перейти от личного и компанейского производства с целью наживы к производству и товарообмену, организованным самими производителями и потребителями для наилучшего удовлетворения всех нужд населения?»

Из этого исследования получилось два вывода: «первый из

них был тот, что производство пищи и всякого товара, а затем товарообмен представляют такое сложное дело, что планы социалистов-государственников - неизбежно ведущие к диктатуре партии - окажутся безусловно неудовлетворительными, как только их начнут прилагать к жизни.

Никакое правительство не будет в силах, - утверждали мы, наладить производство, если за это дело не возьмутся вами рабочие чрез посредство своих профессиональных союзов в каждой отрасли производства, в каждом ремесле; - потому что в каждом производстве есть и ежедневно будут возникать тысячи трудностей, которых никакое правительство не может ни разрешить, ни предвидеть.

Заранее предначертать все невозможно: нужно, чтобы сама жизнь и усилия тысяч умов на местах содействовали развитию нового строя и находили наилучшие условия для удовлетворения тысячи проявлений местных потребностей. Теоретические планы перестройки, конечно, не бесполезны в подготовительно периоде. Они будят мысль и заставляют вдумываться в сложные организмы, представляемые цивилизованными обществами.

Но вместе с тем, они слишком упрощают предстоящую человечеству задачу; и если начать осуществлять эти программы, то - жизни им не наладить. Произойдет от них такая разруха, которая может привести к самой злой реакции…

Мы все должны понять, что едва в стране начинается революционное движение, - единственный разумный исход состоит в том, чтобы фабричные рабочие, крестьяне и все граждане, *сами,* с самого начала движения взяли в свои руки все народное хозяйство, организовали его сами и направили в свои усилия к *быстрому* увеличению всего производства. *Но убедиться в этой необходимости* они смогут только тогда, когда всеобщие заботы о народном хозяйстве, предоставленные теперь по старой привычке целой ораве всяких министров и комитетов, *будут представлены в простой форме перед всякой фабрикой и заводом* как их собственное дело и будут представлены им в их собственное заведывание.

5 декабря 1919 г.

Из предисловия к книге «Завоевание рынка» *

«…Везде, во всем нам необходимо усилить производство. Люди Запада считают русский народ нищим, и мы действительно народ нищих, несмотря на дворцы, выстроенные в столицах, несмотря на пышные наши степи, покрытые хлебами, и на богатства в недрах земли! Нам все нужно: от хлеба и кровати с

одеялом для крестьянина и рабочего до обучения и образования - для всех; от дешевого гвоздя для трактора, от сельской дороги до железных путей, от деревенской школы до политехникумов и университетов! При высоких умственных задатках наших народных масс мы остаемся нищими.

И вот теперь всем на предстоит дружно взяться за дело общественной перестройки, чтобы выйти из отчаянного положения, в которое мы попали…»

Москва, май 1918

Из переписки

*П. А. Кропоткин - В. Г. Черткову**

Дмитров Московской губернии

Советская, д. Олсуфьева,

24 июля 1919

Дорогой Владимир Григорьевич!

Сейчас пришел ко мне врач земской больницы в Дмитрове - Сергей Васильевич Боголепов - прося, нельзя ли чем-нибудь помочь отцу, Василию Васильевичу Боголепову - престарелому священнику села Мышенского Серпуховского уезда, которого хотят судить в Серпухове революционным трибуналом.

Священник на сходке крестьян просил вернуть его церкви отобранные земли, и его обвиняют в том, что он после сходки говорил с крестьянами против Советской власти - и грозит за это суровым наказанием.

В настоящую минуту, когда страсти так разгораются с обеих сторон, всякое такое дело легко принимает опасный оборот, и доктор Боголепов просит в той или ной форме помочь его отцу. Я, лично, конечно, ровно ничего не могу сделать. Не поможете ли вы, дорогой Владимир Григорьевич?

Крепко жму вашу руку. Сердечный привет вам и Анне Константиновне от нас обоих.

П. Кропоткин.

*П. А. Кропоткин - Георгу Брандесу**

Дмитров, 28 апреля 1919 г.

Диктаторская система якобинцев была ошибочной. Она не могла создать устойчивой организации и неизбежно привела к реакции…

Нечто подобное происходит в России. Большевики стремятся посредством диктатуры части социал-демократических партий ввести социализацию земли, промышленности и торговли. Перемены, которые они стремятся осуществить, являются основным принципом социализма. К несчастью, способ, которым

они пытаются ввести в чрезвычайно централизованном государстве форму коммунизма, напоминающую теории Бабефа, парализуя при этом созидательную работу народа, делает успех… совершенно невозможным. А это подготовляет почву для воинствующей и злобной реакции. Последняя уже теперь старается организовать своих сторонников, чтобы восстановить старый режим. Она пробует извлечь для себя выгоду из общего истощения, вызванного сначала войной, а затем голодом, испытанным Центральной Россией, и из совершенной дезорганизации торговли и промышленности, являющейся неизбежной в революции такого масштаба при проведении ее путем указов.

Запад толкует о восстановлении порядка в России посредством военного вмешательства со стороны союзников. Вам, мой друг, хорошо известно мое мнение о том, насколько пагубным для всего социального процесса Европы было поведение тех, кто стремится подорвать силу сопротивления России. Это поведение на год продолжило войну…

Некоторые воображают, быть может, что в лице Колчака и Деникина они поддерживают либеральную республиканскую партию. В этом они безусловно ошибаются. Каковы бы ни были личные намерения этих двух полководцев, большинство объединившихся вокруг них преследуют совершенно отличные цели. Они неизбежно приведут нас к монархии, реакции и кровавой бойне.

В виду этого, те из союзников, которые разбираются в положении, должны отвергнуть всякую мысль о военном вмешательстве, тем более, что у них не будет недостатка в работе в ином направлении, если они действительно желают оказать помощь России…

*П. А. Кропоткин - А. М. Атабекяну 1**

1Почин. М. 1922, N3, С. 4.; ОР РГБ, ф. 520, к. 3, ед. хр. 87

Дмитров, 2 мая 1920 г.

…Верю я, наконец, что, разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них бесгосударственные формы жизни… когда люди избавятся от теперешнего кумира - государственной централизации и «сильного государства»…

Дмитров, 9 мая 1920 г.

…Я взялся за этику потому, что считают эту работу, безусловно, необходимой: я знаю, что не книги создают направление, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли, в обширно разработанной форме. И чтобы положить

основы нравственности, свободной от религий и метафизики, и более высокой, чем религиозная, ждущая награды на том свете, необходима помощь хорошо разработанных книг.

В такой разработке теперь, когда люди бьются между началом и концом, т. е. между Ницше и христианством (так как нравственность Канта осталась религиозной, сколько бы ни прикрывалась философией), надобность чувствуется неотложная.

Замечательно, - я узнал это недавно, что Бакунин, когда после поражения Коммуны он удалился в Локарно, точно так же почувствовал необходимость выработать новую этику. Кто-нибудь непременно это сделает. Но надо подготовить почву, и раз мой ум меня влечет и в этой области искать новых путей, надо это сделать; хоть наметить пути.

Жить мне осталось очень немного - сердце отрабатывает число биений, на которое оно было способно. Вот сегодня чуть не случился обморок - без ясной причины: сердце пошаливает.

Так вот на этику положили я теперь свои силы…

*П. А. Кропоткин - В. П. Семенову-Тян-Шанскому 1**

1РО РГБ ф. 410, к. 3, ед. хр. 40.

г. Дмитров, 8 сентября 1920 г.

Многоуважаемый Веньямин Петрович.

Благодарю Вас очень за Ваше милое письмо, за Положение и Записки об открываемом Вами и вашими сотрудниками Географическом Музее и за то еще, что Вы направили к нам нашего милого Илью Яковлевича. Так отрадно было увидеть его бодрым и свежим.

Мысль Музея - смелая и, наверно, она будет богата ценными результатами в Землеведении. Музей, конечно, расширит знание и понимание различных видов земной поверхности, их распределение, их происхождение, а, следовательно, и жизнь Земли, и историю ее населения, его передвижений и т. д. Он будет приучать нас смотреть на Земной шар как на живое целое. А это, как превосходно понимал Ваш отец - отец современной географии в России и любимый нами вдохновитель наших работа, - и как понимаем теперь мы, его ученики и последователи, - будет содействовать любви обитателей Земли к своей общей родине и - к уяснению высших философских задач в жизни человечества. Тем более, что Музей, очевидно, будет вместе с тем и Географическим институтом, т. е. центром новых исследований, как об этом мечтал Элизе Реклю.

Если я могу в чем бы то ни было быть полезным Музею - требуйте от меня работы, как от товарища. Всегда рад буду выполнить - увы, прибавляя «постольку, поскольку смогут устаревший за эти годы силы»…

Задания ваши **очень** обширны. Но, несомненно, мало-помалу определяется несколько направлений, в которых преимущественно будет идти работа. А в одном направлении - пробудить желание исследования, дух бродяжничества с научной целью, любовь к Ansichten der Natur1 и смелость необходимых обобщений, вместе с их **научно-индуктивной** обоснованностью - в этом направлении Музей, несомненно, **будет** двигателем.

1Наблюдения природы (нем.).

С Вашей работой в «России» я, к стыду своему, или вернее, вследствие разобщенности с Россией, познакомился, только прочтя первый ее том, а один из последующих томов увидел только недавно и почувствовал я сразу большую к ней симпатию. Прекрасная работа. Продолжаете ли Вы ее? Закончили ли Вы ее? Удалось ли Вам выполнить совет Фарадея: «travailler, terminer, publier»?…2 А в картах, нельзя ли найти способы гравировать их горы и реки интернационально, а надписи отдельно?

2«Разработать, завершить, издать» (франц.).

Надеюсь, что скоро встретимся как-нибудь в Москве? Мне **очень** приятно было бы познакомиться лично с вами и вашим братом. Надеюсь, что это удастся еще до начала зимы, когда переезд Москва - Дмитров становится очень неприятен.

Примите уверения в искреннем уважении,

П. Кропоткин

Так что же делать? (1920)

23 ноября [1920] Бурный разговор с Софьей и Сашей. Все те же вечные упреки - зачем не выступаю с определенной программой - чего? Действия? - нет: «взгляда, общего взгляда на современные события!»

Вот мой взгляд.

Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное - не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии.

Тысячи причин, при которых работа отдельного человека и даже партии, являющейся одной из крупинок, одним из маленьких местных вихрей, содействовала, чтобы сложилось великое стихийное явление, - великая, либо разрушающая, либо обновляющая катастрофа.

Все мы - и я в том числе - подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествовавшие революции: 1793, 1848, 1871 гг., все писания якобинцев, социалистов, политиканов… все успехи науки, промышленности,

искусства и т. д. - словом, миллионы стихийных причин, как миллионы движений частиц воздуха или воды производят налетевшую бурю, которая топит сотни кораблей или разрушает 1000 домов, - как сотрясение почвы в землетрясении, вызванном тысячами мелких сотрясений и подготовительных движений частиц.

Люди, вообще не представляющие себе явления конкретно, вечно мыслящие больше словами, чем продуманными образами, не имеют никакого представления о том, что такое революция, какие миллионы причин работали, чтобы дать ей теперешний характер, а поэтому они склонны придать непомерное значение в ходе революции своей личности и положению, которое они или их друзья и единомышленники займут в этом громадном перевороте…

Они не понимают, что если началось такое великое явление природы, как землетрясение или, вернее, - налетевший тайфун, то оказать какое бы то ни было влияние на ход событий отдельные люди бессильны. Партия еще может кое-что сделать - гораздо меньше, чем это думают, но все-таки, хотя на поверхности набегающих волн ее влияние еще может быть чуть-чуть заметно. Но отдельные волны, не составляющие довольно многочисленной партии, безусловно, бессильны; их силы, безусловно, равны нулю…

Если к этому сводятся такие силы, то тебе остается одно: переживать тайфун.

И в этом положении стою я, анархист. Но в очень похожем на это положение стоят сейчас в России даже более крупные партии. Скажу больше. В таком положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, а ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее ее.

Вот была плотина, державшая массу воды. Мы все подтачивали ее. И я внес в это свою долю.

Одни мечтали направить воду по тесному каналу на свою мельницу, другие мечтали проложить при помощи прорыва воды новые пути запруженной реке. Теперь она несется ни на мельницу - она снесла уже мельницу, ни по предназначенному руслу, - почему произошел прорыв, не в силу наших усилий, а в силу множества гораздо более крупных причин, сделавших возможным прорыв плотины.

И вот спрашивается: что же делать? Запруживать плотину - нелепо. Поздно!

Пролагать прорвавшейся воде новые пути - невозможно! Мы готовили ей путь, который считали наилучшим. Но он оказался еще недостаточно глубок, недостаточно подготовлен, когда

случился прорыв, и вода не пошла по нему. Она рвется и ломает по другому пути.

Что же делать?

Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили, но не успели достаточно подготовить. Что же делать теперь? Мешать революции - нелепо! поздно. Революция будет идти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия.

Теперь русская революция стоит в таком положении.

Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: потому-то она и есть революция, а не мирный прогресс, что она ломает не глядя…

и мы бессильны пока направить ее по другому пути до тех пор, пока она не изживает себя. Нужно, чтобы она изжила свои силы.

А тогда?

Тогда - роковым образом придет реакция.

Такой закон истории, и легко понять, почему иначе и быть не может.

Воображают, что мы можем изменить ход революции - детская мечта. Революция - такая сила, что ее хода не изменить. А приход реакции абсолютно неизбежен, точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны, как неизбежен в человеке упадок сил после лихорадочного возбуждения.

А потому все, что мы можем сделать, это направить наши усилия на то, чтобы уменьшить рост и силу надвигающейся реакции.

Но в чем могут состоять наши усилия? Умерить голос страстей, с той и другой стороны? кто же нас станет слушать? Во всяком случае, даже если есть дипломаты, способные сделать что-нибудь в этой роли, - то время их выступления еще не наступило; ни та, ни другая сторона еще не расположена их слушать.

Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться построительной работой, среди каждой из своих партий, после того, как революция изживет свои силы. Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, несъедаемых самолюбием работников-анархистов. И если бы я был моложе и мог видеть сотни людей - конечно, так как это следует делать, если хочешь подбирать людей для общего дела…

Если такие «собиратели» анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать… - но гораздо больше перепиской и личными связями, чем путем печати.

П. А. Кропоткин
23 ноября 1921 г.

Свидетельства современников

А. А. Боровой (историк, публицист-анархист):

«Петр Алексеевич Кропоткин был редким живым воплощением аполлинического духа. С ног до головы он был вооружен солнечной трезвостью, постоянством, непоколебимой уверенностью в своих целях и средствах… Он послушный, почти благоговейный ученик природы».

Ж. «Пробуждение», N15, 1931, С. 15.

И. А. Бунин (писатель):

Вспомнил почему-то князя Кропоткина (знаменитого анархиста). Был у него в Москве. Совершенно очаровательный старичок высшего света - и вполне младенец, даже жутко».

Окаянные дни. М., 1990, С. 86.

В. И. Вернадский (академик):

«Работы Кропоткина… совершенно выдающиеся по самостоятельности и глубине мысли».

Вернадский В. И. Статьи и речи. Пг., 1922 г., т. 2, С. 85.

Эмма Гольдман (публицист-анархист):

«…Он был полон очарования и доброты, которые одинаково пленяли и друзей, и врагов, и пожалуй, в большей мере, чем его огромная эрудиция и прекрасная воспитанность».

«Пробуждение, N 15, Детройт, С. 224.

П. К. Козлов (географ, путешественник):

Я не только хорошо познакомился, но и сдружился с П. А. Кропоткиным, ведя с ним непериодическую, живую переписку. И, наконец, осенью 14910 года я встретился с Кропоткиным в Лондоне и был его ежедневным гостем на протяжении целой недели… С благоговением смотрел я на его оригинальную фигуру… в Кропоткине сочетались черты русского человека, талантливого географа и живого декабриста».

А РГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 313.

А. П. Кропоткина:

«Это было в Дмитрове вечером 23 ноября 1920 г. Отец мой позвал меня и мою мать, чтобы мы выслушали то, что он написал. Он был сильно взволнован и голос его дрожал… его глубокая и активная любовь ко всему человечеству сделала крайне мучительным для него переживание чужих страданий, которых он не был в силах ни облегчить, ни предупредить. Неизбежность развития революции, шедшей с первых же шагов по ложному пути и ведущему лишь к поражению и к реакции, была для его

трезвого ума трагическим испытанием».

Б. Л. Личков (геолог):

«Удивительно интересный и тонкий наблюдатель был все же Петр Алексеевич Кропоткин».

Переписка В. И. Вернадского и Б. Л. Личкова. М., 1980, т. 2, С. 47.

И. И. Майский:

«Это была, конечно, самая популярная фигура среди лондонской политической эмиграции»…

Путешествие в прошлое. М., 1960, С. 126.

Энрико Малатеста (публицист, анархист!:

«Кропоткин был одновременно и ученым, и социалистом-реформатором. Им владели две страсти: желание знать и желание работать для блага человечества. Ум систематически хотел все объяснить, исходя из одного принципа, все свести к единству.

… Однако мне кажется, что ему чего-то недоставало, чтобы быть настоящим человеком науки: способность забывать свои желания и предрассудки, чтобы с беспристрастной объективностью изучать факты. Он казался мне скорее тем, что я охотно назвал бы поэтом науки…Он угадывал истину силой гениальной интуиции. Кропоткин был слишком страстен, чтобы быть точным наблюдателем… Кропоткин связывает склонность человека к справедливости с симметрическим устройством полушарий мозга. У материалистов механистическое понимание Вселенной. Воли нет. Все опрочиненно, необходимо. Но тогда идеи свободы и справедливости не имеют значения.

Анархизм и коммунизм Кропоткина: прежде чем быть вопросом мысли, были результатом его чувствительности. В нем сначала говорило сердце, а потом являлось рассуждение для оправдания и обоснования влечений сердца.

Основной сущностью его характера были любовь к людям, сострадание к бедным и угнетенным… Приписывая народу, массе все добродетели и способности, упрощал дело. Не видел препятствий в виде невежества, отсталости… Видел вещи такими, какими он желал бы, чтобы они были и какими, как мы все надеемся, они когда-нибудь будут…

Кропоткин понимал Природу как некое провидение, благодаря которому повсюду должна царить гармония, в том числе и в человеческих обществах».

«Пробуждение», N 5, Детрост, 1931, С. 69-73.

Еще замечательное - отношение ко всем инакомыслящим. Подчеркивает то, что соединяет этих людей…

В его письмах есть еще кое-что более глубокое. Читая их, мы чувствуем, что здесь перед нами совесть человечества. Я называю

этим словом тот предел человеческого сознания, с высоты которого это последнее неопровержимо, отчетливо и бескорыстно отсортировывает добро от зла, справедливость от несправедливости, истину от лжи, красоту от безобразия… Вот эту настоящую, неподдельную совесть человечества и умел так четко, красиво и оригинально выявить П. А. Кропоткин в каждом своем произведении, будь это большая книга или же маленькое частное письмо…

«Пробуждение», Детроит. 1931, N 15, С. 51-54.

Элизе Реклю (географ, анархист);

«Самый честный и гордый среди нас голос - Кропоткина».

Предисловие к кн. «Речи бунтовщика». Птб.-м., 1921.

Л. Н. Толстой:

«…больше чем привет Кропоткину. Недавно читал его мемуары и очень сблизился с ним (1903).

Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. М., 1957, т. 88, С. 296.

«…Мой больше чем привет Кропоткину… Жаль, что умру, не познакомившись с Кропоткиным. Судя по его книгам, это очень интересный человек (1906).

В. Поссе. Воспоминания. Птб., 1923, С. 96.

Оскар Уайльд:

«К числу самых законченных жизней, какие я только встречал и насколько простирается мой опыт - принадлежит жизнь Верлена и жизнь князя Кропоткина. Оба эти человека годами сидели в тюрьмах. Верлен - единственный христианский поэт после Данте, а другой с душой Христа, прекрасного, белоснежного, пришедший, как говорят, из России».

«Памяти Уайльда». Изд. «Гримф», М., 1905.

М. Мензбир:

«Я бы сравнил биологические этюды П. А. Кропоткина по определенности проводимых в них взглядов, по их цельности, по заложенной в их основе критике с биологическими этюдами Спенсера.

…я прежде всего должен отметить их строгую научность как по методу, так и по обилию собранного в них фактического материала».

Петр Кропоткин. Сб. статей. М., 1982, С. 107.

П. Н. Милюков (историк, политик):

«Я понял пропасть, отделяющую теоретика анархизма от практика… Идеал отодвигался в такую бесконечную даль, что между ним и его осуществлением образовался громадный промежуток, в котором оставалось место и для самых смелых исторических реконструкций - в будущем и для житейских компромиссов - в настоящем…

В душе Кропоткина противоречия просто не чувствовалось, оно не мешало равновесию, гармонии, которыми было проникнуто все его существо».

П. Н. Милюков. Воспоминания. М. 1991, С. 154.

В. И. Ульянов (Ленин):

«…Человек, полный мысли и огня… Но как устарел! Вот живет в стране, которая кипит революцией, в которой все поднято от края до края, и ничего другого не может придумать, как говорить о кооперативном движении… если только послушать его на одну минуту, у нас завтра же будет самодержавие, и все мы, и он между нами, будем болтаться на фонарях, и он только за то, что называет себя анархистом…Он очень стар, и о нем нужно заботиться изо всех сил… он все-таки для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым…»

В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1969, С. 443-444.

А. Е. Ферсман (геолог):

«…Светлая память…останется навсегда в мыслящих кругах России о великих заслугах Петра Алексеевича перед русской наукой и обществом.»

ПО А РАН, ср. 55, оп. I, ед. хр. 109.

Макс Нетлау (историк, анархист):

«Человек редкой и огромной активности, раз принявшись за работу, он отдавался ей с большой напряженностью. Многие причины поставили его на рубеже между ученым и пророком».

Пробуждение, N 15, Детройт, С. 54.

Ромен Роллан, писатель:

«С глубоким чувством вызываю я в своей памяти святую личность Кропоткина. Я хотел бы передать, чем была для меня его книга «Записки революционера», какой яркий след оставила она в моей душе. Я не могу думать об этом иначе, как с чувством сыновней благодарности.

Я очень люблю Толстого, но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чем Толстой только писал. Он просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного, ясного самоотречения и совершенной любви к людям, которой мятущийся гений Толстого хотел достичь во всю свою жизнь и достигал только в искусстве…

Я присоединяюсь к благоговейному чувству любви, с которой вы отдаете последний долг нашему великому другу».

Н. А. Рубакин (писатель)

«Такие люди не бросают своих фраз на ветер, и за каждым словом в процессе его кристаллизации, наверное, скрывался целый вихрь бесконечно сложных, глубоких и

многознаменательных психических явлений…

Как известно, Петру Алексеевичу выпало на долю величайшее счастье - принадлежать к числу тех, относительно очень немногих гениев и друзей человечества, ум которых прямо-таки всеобъемлющ и вмещает в себя не какую-либо одну специальность, а все главнейшие отрасли человеческого знания, и при этом вовсе не представляет, так сказать, их склад, а их химическое соединение - их синтез. И не только синтез без всякой социальной и нравственной оценки, а именно с нею, и она-то и освещает и одухотворяет, и углубляет такой ум, как ум П. А. Кропоткина, и манит, и зовет, и толкает человека и человечество вперед и вверх…

Он кристально честный ученый и мыслитель с синтетическим складом ума, особенно подчеркивает значение синтетической точки зрения… Дает понять, что Космос (Природа, Вселенная) и человечество и человек словом сказать, все существующее, до последнего атома нашего тела, представляют собой единое и неразделимое целое…

Н. В. Чайковский:

«…В духе своего анархизма Кропоткин был не разрушитель. Он был творец в науке так же, как и в общественной жизни его родины, и из этого источника - его очаровательная красота и сила его души…

…Отличительную черту его ума всегда составляла кристальная ясность и определенность мысли. С ее выводами можно согласиться или нет, но им нельзя не любоваться: такой безграничной искренностью, такой глубокой любовью к простому, обездоленному люду они проникнуты… необыкновенно смелый мыслитель, непреклонный в деле принципа и бесконечно деликатный, терпимый… инициатива его оригинальной мысли просто феноменальна. Работоспособность изумляла».

Н. В. Чайковский. О П. А. Кропотнине. Газета «Речь» N 325, 26.11.1912.

В. Г. Чертков:

«Я почувствовал с его стороны то искреннее доброжелательство, на которое знаешь, что можешь в случае нужды всегда положиться… Несомненно чувствовалось, что в глубине своей души Петр Алексеевич был совсем не материалистом, но идеалистом чистой воды».

«Пробуждение», Детройт, 1931, N 15, С. 298.

Е. В. Шанцер (геолог):

«Труд Кропоткина совершил подлинный переворот в представлениях о ледниковом периоде… и современный исследователь может почерпнуть в нем немало ценных для себя

фактов и мыслей».

Бюлл. МОИП, 1976, вып. I, С. 76.

А. Д. Шаховская (секретарь В. И. Вернадского):

«Добродушное лицо, совсем без морщин, и ясные глаза были совсем не стариковские. А в движениях было столько живости, подвижности, иногда почти мальчишеской резвости, что после первой встречи с ним забывалось, что он старик. казалось, что он стоит вне возраста, и молодой, и старый в одно и то же время».

Науч. арх. Дмитр. краевед. музея, ф. 123, д. 3.

И снова на рубеже веков

Встречая XX век, П. А. Кропоткин, родившийся еще в первой половине девятнадцатого столетия, с оптимизмом смотрел в будущее, хотя и не без тревоги. Он верил в то, что Россия станет следующей после искренне любимой им Франции страной великой социальной революции, которая коренным образом изменит ход ее исторического развития, да и всего человечества. Он понимал, что эта революция, как и все предыдущие, не выполнит всех поставленных ею задач; они будут решаться в ходе последующей эволюции на протяжении десятилетий, а, возможно, и столетия.

Но если будут повторены ошибки Великой французской революции, к власти придет одна партия (он имел в виду конкретно российских социал-демократов) и, подавляя другие партии и народную инициативу, займется укреплением государства, как бы оно не было названо, неизбежным станет восстановление самодержавия в еще более худшей форме. Прошло менее двух десятилетий нового века и стало ясно, что пророчество сбывается, причем даже Кропоткин не сразу поверил в это.

За свою долгую жизнь П. А. Кропоткин корректировал свои взгляды, всегда оставаясь при этом убежденным антиэтатистом. В последние годы жизни он, видимо, был готов к новой коррекции, о чем можно судить по некоторым его послереволюционным высказываниям.

В составленной им почти полвека назад подчеркнуто антинечаевской программе для кружка чайковцев усматриваются черты «казарменного коммунизма», решительно отвергавшегося им в последующем. Определенная эволюция обнаруживается и в его критике капитализма и рыночных отношений. Достаточно сравнить его «речи бунтовщика» со статьями о сельскохозяйственных фермах Канады и с миролюбивым выступлением на Государственном совещании в августе 1917 года.

Он смог убедиться и в том, что идеализировал народную «массу», пренебрегая проблемой личности. В своем последнем письменном документе, названном «Что же делать?», он, признавая катастрофу, в которую ввергла страну диктатура одной партии, выход видит в собирании «людей, способных заняться построительной работой…, честных, преданных, не съедаемых самолюбием работников-анархистов». До конца жизни он остается верен своей концепции безгосударственного общества, полагая, что отказ от «властвования» людей над людьми легко может быть заменен их добровольным соглашением, в котором учтены будут интересы всех.

Базирующаяся на естественно-научных основах эта концепция не разработана в деталях и порой противоречива («И Кропоткин из противоречий соткан…», - вспомним еще раз слова поэта Леонида Мартынова. Выступая, например, решительным противником частной собственности и капитализма, он в то же время решительно защищал право каждого человека на свободу, как политическую, так и экономическую, но экономическое уравнивание и свобода несовместимы. Безгранична была его вера в присущие изначально, природой данные народной массе высоконравственные качества. Человечество для него было так же едино, как Природа. Между тем самые жестокие тотолитарные режимы устанавливаются именно при поддержке масс, ими по сути порождаются.

Недостатки теории Кропоткина продолжают его достоинства как человека, а они настолько велики, что долгое время недоработки его теории как бы и не замечали; ее либо целиком отвергали, либо полностью принимали. Но вот на новом рубеже столетий становится ясным, какая именно часть наследия Кропоткина пережила время и остается живой и в третьем тысячелетии.

По мнению академика Л. И. Абалкина, кстати, председателя комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина Российской Академии наук, проведенная в 90-х гадах в России ваучерная приватизация была попыткой воплотить именно анархо-коммунистический идеал П. А. Кропоткина - распределение государственной собственности между всеми членами общества. План этот оказался в условиях постсоветской России абсолютно нереальным. Провозглашение торжества социализма в условиях укрепления государственности и подавления свободы, оказалось, как и предсказывал Кропоткин, ложным. На основе этого «социализма» на родине Кропоткина легко возродились частная собственность и капитализм. Кооперативное же движение, начавшееся в первые годы перестройки, не получило в России

достаточного развития. Между тем, говорить о несостоятельности его идей было бы неверно.

Миновало уже 80 лет со дня смерти Петра Алексеевича Кропоткина, но имя его не забыто, а идеи продолжают жить, оказавшись созвучными нашему времени. Понемногу они реализуются, притом в разных странах мира.

Например, он предсказал неизбежность перехода в России от унитарного государства к федеративному, выражающего в постепенном ослаблении властных полномочий центра, вмешательства государства в экономику и в личную жизнь людей. Он предсказал укрепление взаимосвязей между людьми, установление самоуправления в регионах всех масштабов, замену администрирования свободным взаимным соглашением и сотрудничеством, постепенное замещение вертикальной структуры управления государством переплетением многоуровенных горизонтальных связей в обществе. Не все и не везде это происходит, но тенденция явно наметилась именно в этом направлении.

У Кропоткина были последователи, есть они и сейчаС. Его теория получила новое развитие и воплощена во множестве попыток создания самоуправляющихся общин. Наиболее удачными оказались автономные кооперативные поселения в Израиле (кибуцы), организаторы которых руководствовались идеями Кропоткина и его продолжателей Густава Ландауэра и Мартина Бубера, причем некоторые из них существуют уже десятки лет. В этих поселениях осуществлено самоуправление, сельскохозяйственное производство соединено с промышленным, практикуется взаимопомощь. И, что особенно важно, экономическая эффективность достаточно высока1.

1Наука и власть: Сборник. М.: Наука, 2000. - С. 25.

Мне кажется возможным сопоставить П. А. Кропоткина с человеком следующего за ним поколения, родившимся как раз в год его смерти. Это - Андрей Дмитриевич Сахаров. Есть некоторое сходство и в их биографиях, и в их нравственном облике, но главное - в их взглядах на развитие общества. А. Д. Сахаров отказался от научной карьеры, в которой достиг уже высоких ступеней, и от личного благополучия, посвятив себя борьбе с тоталитарным государством, за правду и справедливость. Он не мог заниматься одной только наукой, когда не были решены социальные проблемы, и подвергся репрессиям и поруганию, но вступился за права человека и новые формы отношений между людьми, исключающие конфронтацию и насилие. Так же и Кропоткин, отказавшись от сословных привилегий и руководящей роли в науке, пройдя через две тюрьмы и тяготы подполья и

эмиграции, сохранил верность своим идеям свободы и справедливости.

В речи по случаю получения Нобелевской премии мира, прочитанной его женой Еленой Боннар в Стокгольме, так знакомом Кропоткину, 1 декабря 1975 года, академик Сахаров высказался за «гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, недогматического использования достижений всех социальных систем, лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок»1. По существу, П. А. Кропоткин всю свою жизнь утверждал такие же принципы общественной жизни. Разница лишь в том, что жили два этих великих человека, очень, безусловно, несхожих и по происхождению и по жизненному пути, в разное время. Во времена Кропоткина разрыв между идеалом и действительностью был настолько велик, что преодолеть его казалось невозможным без решительного переворота всех общественных структур, без революции. Результат же революции ему представлялся таким: «Общество, которое… ищет гармонии в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности, свободно проявляются и взаимно уравновешиваются и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять всю свою энергию в этом направлении. Это общество - самоорганизующееся, саморегулирующееся, самоуправляющееся, это общество народоправства»2.

1 Октябрь. 1900. N 1.

2 Кропоткин П. А. Анархия и ее место в социалистической эволюции. - М., 1917. С. 29.

После падения монархии в России Кропоткин видел в ней лишь федеративную организацию; он был страстным приверженцем федерализма.

И Кропоткин и Сахаров выступали за соглашение как основную форму человеческих отношений и внутри страны, и на международном уровне, за равенство прав всех людей и взаимопомощь. Кстати, и о взаимопомощи говорил А. Д. Сахаров, хотя и не ссылался на Кропоткина.

Каким бы ни было сильным централизованное государство, оно не может вырвать с корнем, как писал П. А. Кропоткин, «чувства солидарности, глубоко коренявшегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было воспитано всею нашею предыдущей эволюциею»3. Уже в первые годы XX века Кропоткин предвидел, что потребность во взаимной помощи и

поддержке постепенно становится «главным двигателем на пути дальнейшего прогресса». И, несмотря на постоянные срывы, торможение, возвраты назад, процесс продолжается в том направлении, на которое указывал П. А. Кропоткин. Его вера основывалась на глубоком знании и понимании природы, от которой он не отрывал ни человека ни человечество.

3 Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. - Харьков, 1919. - С. 176.

Если представить творческое наследие Кропоткине в виде архитектурного сооружения, то венчать его будет концепция самоорганизующегося, динамичного общества, свободно развивающегося без власти и принуждения, фундаментом же следует признать глубокое им понимание природы (в самом широком значении этого слова).

Великий химик Д. И. Менделеев, всерьез занимавшийся вопросами экономики России, считал очень важным посмотреть на них «глазами естествоиспытателя». В полной мере это относится к П. А. Кропоткину, не противопоставлявшему природе человека и верившему поэтому в возможность самоорганизации общества по образцу природы, смотревшему на проблемы общества «глазами естествоиспытателя». Эти его идеи стали наиболее ориентированными в будущее. П. А. Кропоткина не случайно то, что по крайней мере три отрасли науки, сформировавшиеся в последние два-три десятилетия, называют Кропоткина в числе своих основоположников. Это, во-первых, - радикальная география, называемая еще социальной географией или географией качества жизни; вышедший в Лондоне в 1978 г. первый сборник статей по этому направлению «Radical Geagraphy» был посвящен Петру Кропоткину. Выступая против антропоцентризма, воспринимая природу как нечто неизмеримо большее, чем человек и общество, Кропоткин подошел к истокам того научного направления, которое получило название «Deep ecology» (глубинной экологии). И, наконец, такая наука, как эволюционная этика, утверждает через своего теоретика Майкла Рыоза именно вслед за Кропоткиным природное происхождение морали и то, что людям от природы присуще этическое поведение1. Взгляд естествоиспытателя помог П. К. Кропоткину еще столетие назад увидеть в глобальной эволюции общества тенденции, все более и более заметные на рубеже веков, к разгосударствлению экономики, децентрализации власти, к развитию местной инициативы, самоорганизации и самоуправлению. Эти предвидения Кропоткина позволяют назвать его «Человеком XXI века».

1 Вопросы философии. 1989. N 8. С. 237.

Даты жизни и деятельности П. А. Кропоткина

1842 г., 17 ноября (9 декабря по нов. ст.) - Петр Алексеевич Кропоткин родился в Москве, в доме N 26 по Штатному (ныне - Кропоткинскому) переулку.

1846 г., апрель - смерть матери Екатерины Николаевны (рожд. Сулима).

1857- 1862 г.г. -учеба в Пажеском корпусе в Петербурге.

1861 г., декабрь - первая публикация, рецензия на работу Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции».

1862 г., 24 июня (6 июля) - отъезд в Сибирь.

сентябрь - приезд в Иркутск. Назначение адъютантом начальника штаба Забайкальской области.

1862 г., октябрь - В приложении к газете «Московские ведомости» «Современная летопись» опубликовано первое письмо «На пуши в Восточную Сибирь».

1863 г., июнь - сентябрь - первое путешествие на Амуру, сплав каравана барж. Возвращение через Газимурский хребет.

сентябрь - февраль- поездка в Петербург с докладом о гибели барж на Амуре. Назначение чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири.

1864 г., апрель - июнь - путешествие из Забайкалья в Благовещенск через Северную Маньчжурию; пересечение хребта Б. Хинган; открытие потухших вулканов в горах Ильхури-Алинь.

июнь - октябрь - второе путешествие по Амуру до Николаевска, с заходом в Уссури.

июль - август - плавание по Сунгари до Гирина в должности «историографа» Сунгарийской экспедиции.

1865 г. - выход в Иркутске книги «Две поездки в Маньчжурию в 1864 году…»

май - июнь - экспедиция в Западный Саян через Тункинскую котловину, с возвращением по долине Оки, через Зиминскую. Открытие потухших третичных вулканов и следов четвертичного оледенения.

декабрь - август - плавание по Амуру и Уссури.

декабрь - первый доклад в Сибирском отделе Императорского Русского Географического общества. Прием в члены Сибирского отдела РГО.

1866 г., май - плавание по Лене до Крестовской. Изучение геологического строения ленских берегов.

июль - сентябрь - переход через Патомское нагорье и

Олекминско-Витимский водораздел. Открытие плоскогорья и системы горных хребтов, скотопрогонного пути с Ленских приисков в Забайкалье.

декабрь - присуждение Малой золотой медали РГО за путешествие в Маньчжурию.

апрель - организация сейсмической станции в Иркутске. Отъезд из Сибири.

май - апрель - изучение геологии Мещевского уезда Калужской губернии.

осень - приезд в Петербург, поступление на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Служба в Центральном статистическом комитете под руководством П. П. Семенова.

14868 г., февраль - избрание секретарем отделения физической географии Императорского Русского географического общества.

1871 г., июль - сентябрь - исследование следов древнего оледенения в Финляндии и Швеции.

1871 г., февраль - доклад на двух соединенных заседаниях отделений физической и математической географии о проекте экспедиции «В русские северные моря», вступление в кружок «чайковцев».

1871 г., осень - смерть отца Николая Петровича.

1872 г., февраль - май - поездка в Швейцарию. Установление контактов с Интернационалом.

июнь - июль - поездка в Бельгию. Возвращение с нелегальной литературой в Россию через Польшу.

1873 г. - выход в свет «Отчета об Олекминско-Витимской экспедиции».

1874 г., 21 марта (2 апреля) - доклад на Совете РГО о следах древнего оледенения в Финляндии. Предложение занять место председателя отделения физической географии.

23 марта (4 апреля) - арест. Заключение в камеру N 52 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.

1876 г., 30 июня (12 июля - побег из Николаевского военного госпиталя.

1876 г., август - сентябрь - прибытие (через Финляндию, Швецию, Норвегию) в английский порт Гулль. Переезд в Глазго, потом в Лондон. Первые заметки в журнале «Natire», выход в свет «Исследования в ледниковом периоде».

1877 гг., январь - переезд в Швейцарию (локарно).

1877 г., апрель - поездка в Испанию.

1878 г., апрель - знакомство в Париже с И. С. Тургеневым.

8 октября - женитьба на Софье Григорьевне Ананьевой-

Рабинович. Экскурсия с И. С. Поляковым к Алческому леднику в Альпах.

14879 г., апрель - издание газеты «La Revolte».

1880 г. - работа с Э. Реклю над «Всеобщей географией» в Кларане (Швейцария) и Тононе (Франция).

1881- 1882 г.г. -высылка из Швейцарии. Жизнь в Лондоне. Возвращение во Францию.

1882 г., 22 декабря - арест в Тононе.

1883 г. - первое издание брошюры «К молодежи» («Что делать?»)

январь - суд в Лионе по обвинению в принадлежности к Интернационалу.

март - перевод в Центральную французскую тюрьму Клерво.

- Работа над статьями для Британской энциклопедии и журнала «The ineteenth centrury» («Девятнадцатый век»). Чтение общеобразовательных лекций для заключенных.

1885 г. - Э. Реклю опубликовал Сборник статей П. А. Кропоткина «Речи бунтовщика».

1886, январь - освобождение из тюрьмы Клерво по амнистии. Переезд через Париж в Англию, в пригород Лондона Харроу.

25 июля - смерть брата Александра Алексеевича Кропоткина.

1886 г., 29 ноября - рождение дочери Александры (умерла в 1966 году в Нью-Йорке).

1888 г. - П. А. Кропоткин приступил к заведыванию разделом «Recent Science» («Современная наука») в журнале «The Nine teenth century». Основание газеты «Treedom» («Свобода»).

1890 г. - появление первых статей по биологии и биосоциологии.

1883 г. - избрание членом Британской ассоциации содействия науке.

1895 г. - участие в VI Международном географическом конгрессе в Лондоне.

1897 г. - поездка в Канаду на съезд Британской ассоциации содействия науке.

- путешествие с австрийским геологом А. Пенком вдоль Канадско-Тихоокеанской железной дороги.

1898 г. - выход в свет английского издания книги «Поля, фабрики и мастерские».

1899 г. - выход английского издания книги «Записки революционера».

1901 г. - поездка в США для чтения лекций в Бостоне по истории русской литературы. Второе посещение Канады. Уход с постоянной работы в журнале «The Nineteenth century».

1902 г. - выход русского издания «Записки революционера» и

английского издания «Взаимная помощь как фактор эволюции».

1906- 1907 г.г. -первое собрание сочинений на русском языке (издательство «Знание»). I-V г.г.

1907 г., апрель - выступление в лондонском Королевском географическом обществе с докладом «Высыхание Евразии».

1909 г. - выход книги «Великая французская революция» одновременно на французском, английском и немецком языках.

1911 г. - переезд в г. Байтон на юге Англии.

1913 г. - выход в свет французского издания книги «Современная наука и анархия».

1917 г. 12 июня - возвращение из эмиграции в Петроград. Встреча на Финляндском вокзале.

август - переезд в Москву, участие в Государственном совещании в Большом театре.

1918 г., июль - переезд в Дмитров. Участие в деятельности Музея Дмитровского края. Работа над «Этикой».

1918 г., август - выступление на съезда учителей Дмитровского уезда.

1919 г., январь - лекция «Ледниковый и озерный периоды» в Дмитровском музее.

3 мая - беседа с В. И. Лениным на квартире В. И. Бонч-Бруевича в Кремле.

1920 г., сентябрь - выступление в Дмитрове с докладом «Образовательное значение местного музея».

1921 г., 8 февраля - кончина П. А. Кропоткина.

13 февраля - похороны П. А. Кропоткина на Новодевичьем кладбище.

Указатель имен

Агассиц Жан Луи Рудольф (1807-1873) - швейцарский естествоиспытатель, автор монографии «Этюды о ледниках», один из первых развивавший теорию о распространении в прошлом горных ледников на равнины. С 1846 г. жил в США.

Анучин Дмитрий Николаевич (1843-1923) - русский географ, антрополог, этнограф и археолог. Академик, профессор Московского университета, создатель московской географической школы.

Атабекян Александр Моисеевич (1869-1933) - друг П. А. Кропоткина в последние годы его жизни, врач. В 1919 году организовал издание анархического журнала «Почин».

Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) - русский революционер-анархист, философ, публицист. Родился в Тверской губернии в дворянской семье. В 1840-1842 г.г. учился в Берлинском университете. За участие в восстании (Дрезден) в 1849 году приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Переданный русским властям, был отправлен в ссылку в Сибирь, откуда совершил побег. В Женеве вступил в I Интернационал и в 1872 году был исключен. Умер и похоронен в Берне. Автор книг «Кнуто-германская империя и социальная революция», «Государственность и анархия».

Барбот де Марни Николай Михайлович (1829-1877) - русский геолог, профессор Горного института в Петербурге.

Бастилан Адольф (1826-1905) - немецкий этнограф, разработавший теоретические основы этнологии. Совершил путешествие во многие страны мира. Автор книг «Человек в истории» (3 тт, 1860) и «Народа Азии» (6 тт, 1866-1871). В 1864 г., на пути через Сибирь останавливался в Иркутске, где с ним встречался П. А. Кропоткин.

Берви (Н. Флеровский) Василий Васильевич (1829-1918) - публицист-народник, автор «Азбуки социальных наук» (1871). 12 лет находился под гласным надзором полиции в Архангельской губ. В 1893-1896 гг. жил в Лондоне, а вернувшись на родину, - в Костроме и на Кавказе.

Берг Лев Семенович (1876-1950) - русский географ, климатолог, зоолог, биолог-эволюционист, историк науки. Проводил экспедиционные работы в Западной Сибири и Средней Азии. В 1915 г. награжден Большой золотой медалью РГО, президентом которого становится в 1940 г. Поддерживал идеи П. А. Кропоткина о взаимопомощи как факторе эволюции, но не соглашался с его теорией высыхания Евразии.

Бокль Генри Томас (1821-1862) - английский социолог-позитивист, принадлежавший к географической школе в социологии. Автор «Истории цивилизации в Англии», вышедшей в русском переводе в 1861 г., когда с ней и познакомился П. А. Кропоткин, на которого «географизм» Бокля произвел большое впечатление.

Брандес Георг (1842-1957) - датский литературный критик. Оказал большое влияние на развитие скандинавской литературы. Был дружен с П. А. Кропоткиным.

Брешко- Брешковская Екатерина Константиновна (1844-1934) -участница народнического движения, много лет провела в сибирской ссылке, член партии эсеров.

Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821-1866) - основатель общества, обсуждавшего планы демократических и социалистических преобразований в России на основе утопических теорий Ш. Фурье. Участником этих обсуждений был Ф. М. Достоевский. В 1849 г. осужден на вечную каторгу, которую 7 лет отбывал на Забайкальских заводах, оставшись затем на поселении в Иркутске.

Леопольд фон Бух (1774-1853) - немецкий геолог и географ, сторонник теории катастроф в истории Земли.

Веймар Орест Эдуардович (1845-1885) - врач-ортопед, содержал клинику на Невском. В 1879 г. арестован по подозрению в содействии покушению на Александра II. А. Соловьева. Приговорен к 15 годам каторги. Умер в Каре от туберкулеза. Главный организатор побега П. А. Кропоткина.

Вернадский Владимир Иванович (1863-1945) - геохимик, минеролог, геолог, эколог, создатель теории биосферы и ноосферы. Академик с 1912 г. Был включен в состав комиссии по увековечению памяти П. А. Кропоткина.

Воейков Александр Иванович (1842-1916) - русский климатолог и географ, один из ведущих деятелей Русского географического общества. В 1872-1876 гг. путешествовал по Европе, Америке, Азии, в 1884 издал обобщающий труд «Климаты земного шара», за который награжден Большой золотой медалью ИРГО.

Врангель Фердинанд Петрович (1797-1870) - один из учредителей Русского географического общества, мореплаватель, дважды совершивший кругосветное плавание, адмирал, почетный член Петербургской академии наук, исследователь восточного участка побережья Северного ледовитого океана, в 1829-1835 гг. - главный правитель Русской Америки.

Гед Жюль (1845-1922) - французский революционер, примыкал к бакунинцам, потом стал марксистом. В 1879 основал

Французскую Рабочую партию.

Гедин Свен Андерс (1865-1952) - шведский географ и путешественник, исследовавший Тибет, Гималаи, Китай и Монголию, в одном из своих путешествий достиг бессточного озера Лобнор в бассейне р. Тарим. Встречался с П. А. Кропоткиным в Лондонском Королевском географическом обществе.

Гельмерсен Григорий Петрович (1803-1885) - русский геолог, академик Петербургской Академии наук (с 1850 г.), директор Горного института, первый директор Геологического комитета (с 1882 г.). Проводил исследования в Европейской России, на Урале, Алтае, в Восточной Сибири. В 1829 г. сопровождал А. Гумбольдта в его поездке по Уралу. Составил первую геологическую карту Европейской России. Был дружен с П. А. Кропоткиным.

Геккель Эрнст (1839-1919) - немецкий биолог-эволюционист, последователь Ч. Дарвина и пропагандист его идей. В 1866 г. ввел термин «экология» и определил основные задачи новой науки.

Гексли Томас Генри (1825-1895) - английский естествоиспытатель, соратник Ч. Дарвина и популяризатор его идей. С 1883 г. - президент лондонского Королевского общества.

Герцен (Яковлев) Александр Иванович (1812-1870) - русский писатель, революционный публицист, философ, один из основоположников народнического движения в России. Окончил Московский университет, где организовал революционный кружок. На 6 лет был сослан. С 1842 г. жил в Москве, в 1847 г. эмигрировал. Организовал в Лондоне Вольную русскую типографию, в которой печатались газета «Колокол» и журнал «полярная Звезда», нелегально распросстранявшиеся в России. Умер в Париже.

Гумбольдт Александр Фридрих фон (1769-1859! - крупнейший естествоиспытатель XIX в. Совершил пятилетнее путешествие по Америке, в 1829 г. - по России. Разработал принципы комплексного подхода к исследованию природы во всем ее многообразии, основывающемся на всеобщих взаимосвязях всех явлений и процессов.

Гюго Виктор Мари (1802-1885) - французский романист, поэт, публицист. После государственного переворота в 1851 г. эмигрировал. 19 лет провел в изгнании, вернулся на родину в 1870 г. Участвовал в движении за освобождение П. А. Кропоткина из французской тюрьмы.

Гюйо Жан Мари (1854-1888) - французский философ - позитивист, автор «Очерка нравственности без обязательства и без санкции», высоко оцененного П. А. Кропоткиным. Разрабатывал теорию естественной этики *«как учения о средствах,*

при помощи которых достигается цель, поставленная самой природой - рост и развитие жизни» (П. А. Кропоткин).

Дарвин Чарлз Роберт (1809-82) - английский биолог, антрополог, геолог. Сын врача, учился на медицинском факультете Эдинбургского университета и на богословском факультете в Кембридже. Несколько лет провел в кругосветном плавании на корабле «Бигль». Сделал ряд открытий в различных науках. Своей теорией происхождения видов и эволюции жизни на Земле, изложенной в книге «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859) произвел революцию в науке.

Достоевский Федор Михайлович (1820-1864) - русский писатель и публицист. За участие в кружке петрашевцев в 1849 г. отправлен на каторгу и в ссылку, где провел почти 10 лет. По возвращении создал основные свои произведения. Стоял на позициях христианского социализма. Осудил «нечаевское» направление в революционном движении в романе «Бесы».

Жорес Жан (1859-1914) - франц. социалист. Преподаватель философии в лицее и университете, становится депутатом парламента от Рабочей партии, завоевывает широкую популярность как оратор, основывает Социалистическую партию Франции и ее газету «Юманите», ведет активную борьбу по предотвращению войны. Буквально накануне ее начала был убит.

Засулич Вера Ивановна (1848-1919) - участница народовольческого движения с 1860-х гг. В 1878 г. стреляла в градоначальника Петербурга генерала Трепова, но была оправдана судом присяжных. Жила в эмиграции, где вошла в марксистскую группу «Освобождение труда». После раскола РСДРП примкнула к меньшевикам. С 1905 г. жила в России.

Зенон (ок. 333-565 до н. э.) - др. греч. философ, основоположник стоицизма, трактовавшего мир как единый организм, где все взаимосвязано, а пронизывающий мир *творческий огонь* создает всеобщую космическую симпатию. В раннем сочинении «О государстве» высказал представление о природном происхождении этики. Один из первых теоретиков анархизма.

Золя Эмиль (1840-1902) - франц. романист и публицист. В своих романах выступил как реалист и республиканец, обличитель, буржуазного общества, приверженец социалистических идей. Прообразом одного из персонажей романа «Жерминаль» послужил Кропоткин.

Ишутин Николай Андреевич (1840-1879) - основатель революционного кружка (1864). По делу Каракозова приговорен в смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую

отбывал в Забайкалье.

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840-1866) - сын помещика Саратовской губ., студент, исключенный из Московского университета за участие в студенческих волнениях. В 1865 г. вступил в революционный кружок Ишутина. 4 апреля 1866 г. совершил покушение на Александра II, 5 сентября казнен на Смоленском поле в Петербурге.

Келти Джон Скотт (1840-1927) - английский географ, помощник редактора, а затем редактор журнала «Nature», библиотекарь, помощник секретаря, а с 1889 г. - секретарь Королевского географического общества, друг П. А. Кропоткина.

Керенский Александр Федорович (1881-1970) - как адвокат выиграл ряд процессов, в том числе политических, в 1912 г. расследовал дело о Ленском расстреле. Лидер фракции эсеров-трудовиков в Государственной думе, в 1917 г. во Временном правительстве - министр юстиции, военный и морской министр, с 8 июля - министр председатель, с 30 августа - верховный главнокомандующий. После Октябрьского переворота скрывался в подполье, эмигрировал, жил в США.

Кесслер Карл Федорович (1815-1881) - зоолог, профессор Киевского, а затем Петербургского университетов, член-корреспондент Петербургской Академии наук, основатель Общества естествоиспытателей и врачей в эволюции животного мира на Земле.

Классовский Владимир Игнатьевич (1815-1877) - профессор Петербургского университета, в 1861-1867 гг. преподававший русскую словесность в Пажеском корпусе, автор книг по истории и психологии.

Клеменц Дмитрий Александрович (14848-1914) - участник народовольческого движения, географ и этнограф. Высланный в 1879 г. под надзор полиции в Сибирь, провел ряд комплексных научных экспедиций. В 1897 г. вернулся в Петербург, стал директором этнографического отдела Русского музея Александра III.

Козлов Петр Кузьмич (1863-1935) - исследователь Центральной Азии, сподвижник Н. М. Пржевальского, а затем организатор собственных больших экспедиций в Монголию, Китай, Тибет. Открыл в пустыне Гоби остатки древнего города Хара-Хото.

Контский Антон (1825-1879) - польский композитор и пианист. В 1853-60 - придворный музыкант в Петербурге. С 1861 г. руководил Музыкальным институтом в Варшаве.

Корсаков Михаил Семенович (1826-1871) - генерал, с 1848 г. служил в Восточной Сибири, командовал амурскими войсками. С

1862 г. - генерал - губернатор Восточной Сибири, с 1870 г. - член государственного совета. Содействовал основанию Сибирского отделения ИРГО и организацию ряда научных экспедиций.

Кравчинский (Степняк) Сергей Михайлович (1851-1895) - участник народнического движения, освободительного движения славян на Балканах, редактор газеты «Земля и Воля». С 1878 г. жил за границей, один из организаторов «Общества друзей русской свободы» в Лондоне (1890). Писатель и публицист.

Кропоткин Александр Алексеевич (1841-1886) - брат П. А. Кропоткина. Философ, литератор, астрофизик. Жил в Швейцарии, приехал в Россию, узнав об аресте брата. Сосланный в Сибирь, много сделал для организации краеведческого музея в Минусинске. Получив разрешение вернуться из ссылки, где провел 12 лет, отправил семью и застрелился.

Кропоткин Николай Алексеевич (1834-1862) - старший брат П. А. и А. А. Кропоткиных. В 1854 г. ушел из Московского кадетского корпуса добровольцем на Крымскую войну. Был определен отцом в монастырь, откуда бежал в 1862 г. и пропал без вести.

Кропоткина Александра Петровна (1884-1968) - дочь П. А. Кропоткина. Училась в Англии. В 1917-1921 гг. жила в Росси, затем в США, где вышла замуж за журналиста Лоримера Хаммера.

Кропоткина Софья Григорьевна (1856-1942) - урожд. Рабинович, дочь киевского купца, сосланного за помощь польским повстанцам в Томск. Уехала в Женеву, где в университете изучала биологию. В мае 1878 г. познакомилась с П. А. Кропоткиным, в августе стала его женой. В Англии выступала с лекциями, участвовала в организации помощи политзаключенным в России. После смерти мужа занималась собиранием его архива, организацией мемориального музея в Москве.

Лавров Петр Лаврович (1823-1900) - преподаватель Артиллерийской академии, опубликовавший «Исторические письма» с высказываниями против самодержавия. За подпольную издательскую деятельность был сослан в 1867 г. в Вологодскую губернию. С помощью Германа Лопатина совершил в 1870 г. побег за границу, жил в Париже и Лондоне, редактируя журнал «Вперед!», а затем «Вестник народной Воли».

Лаврова Софья Николаевна (1840-1916) - дочь польского повстанца О. Чайковского, сосланного в Сибирь. Воспитывалась в семье Н. Н. Муравьева-Амурского. Сестра жены А. А. Кропоткина. Училась в Цюрихе. Участвовала в организации побега П. А. Кропоткина. В 1878 г. арестована. За распространение нелегальной литературы заключена в Петропавловскую крепость,

в 1880 г. выслана в Вятскую губернию. Затем жила в Париже. Умерла в Петербурге.

Лайель Чарльз (1797-1875) - английский естествоиспытатель, геолог, автор книг «Принципы геологии» в 3 тт. (14830-1833), «Геологические доказательства древности человека» и др., ставших классическими в геологии. Первоначально отрицая возможность обширного распространения покровного оледенения на равнинах, в 1863 г. признал факт существования ледникового периода.

Левашов Александр Константинович (1851-1902) - участник кружка «чайковцев»; с его паспортом П. А. Кропоткин уехал после побега за границу. В 1876 воевал добровольцем в Сербии, через два года арестован и выслан под гласный надзор полиции. Во время побега П. А. Кропоткина выполнял роль кучера.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924) - юрист по образованию, приверженец марксизма, один из основателей Российской социал-демократической партии (РСДРП), осуществившей в ноябре 1917 г. государственный переворот в России (социалистическую революцию), в 1917-1922 гг. - глава первого советского правительства.

Маак Ричард Карлович (1825-1886) - русский географ, исследовавший Восточную Сибирь и Дальний Восток в составе экспедиции Академии наук. Его книга «Путешествие на Амур…» оказала влияние на решение П. А. Кропоткина ехать по окончании Пажеского корпуса на службу в Амурское казачье войско.

Маркс Карл (1818-1883) - экономист, философ, один из основателей и руководителей Международного товарищества рабочих (1-го Интернационала), провозгласившего своей целью осуществление всемирной социалистической революции. В фундаментальном труде «Капитал» (1867) всесторонне исследовал капиталистический способ производства.

Мечников Лев Ильич (1838-1888) - русский географ, брат известного микробиолога И. И. Мечникова. Жил в Японии, преподавал в университетах, потом переехал в Швейцарию. Автор книги «Цивилизации и величие исторические реки», в которой исследовано влияния географической среды на развитие человеческого общества.

Миддендорф Александр Федорович (1815-1894) - русский естествоиспытатель, предпринявший в 1842-1845 гг. экспедицию в Сибирь и на Дальний Восток, результаты которой изложены им в двухтомной книге «Путешествие на Север и Восток Сибири». С 1850 - член Петербургской Академии наук.

Миклухо- Маклай Николай Николаевич (1846-1888) -русский

антрополог, этнограф, географ, член ИРГО. Несколько лет провел на острове Новая Гвинея, изучая природу и население, путешествовал в Индонезии, на Филиппинах, островах Океании, жил в Австралии. Утверждал родство рас человечества.

Миль Хью Роберт (1861-1950) - английский географ и метеоролог, в 1892-1900 гг. - библиотекарь Королевского географического общества. Руководил реорганизацией Британской метеорологической службы, читал лекции по географии в Лондонском и Оксфордском университетах.

Мишель Луиза (1830-1905) - активная участница Парижской Коммуны. После отбывания каторги в Новой Каледонии включилась в анархистское движение.

Мэйвор Джеймс (1854-1925) - канадский экономист, профессор университета в Торонто. Участвовал в осуществлении предложенного Л. Н. Толстым и П. А. Кропоткиным плана переезда русских духоборов в Канаду.

Нансен Фритьоф (1861-1930) - норвежский полярный исследователь, биолог, океанолог, писатель, публицист, политический деятель, лауреат Международной премии мира (1922). В 1898 г., по завершении трехлетнего плавания на вмерзшем в лед судне «Фрам» через Северный ледовитый океан, избран почетным членом Российской Академии наук. В 1913 г. совершил путешествие по Сибири. Сыграл значительную роль в борьбе за независимость Норвегии, а после Мировой войны - за возвращение на родину военнопленных и международную помощь голодающим в России.

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847-1882) - организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера». Умер после десятилетнего одиночного заключения в Петропавловской крепости.

Норденшельд Нильс Альфред Эрик (1832-1901) - шведский полярный исследователь, член Королевской Шведской Академии наук. Родился и учился в Финляндии, входившей в состав России. В 1870 г. первый поднялся по склону ледникового щита Гренландии, провел многолетние исследования на Шпицбергене, в 1978-1979 гг. впервые в мире совершил на судне «Вега» плавание (в две навигаци) по Северному морскому пути из Атлантического океана в Тихий.

Олар Альфонс (1849-1928) - французский историк, исследовавший историю Великой Французской революции. Очень высоко оценил книгу П. А. Кропоткина на эту же тему.

Оуэн Роберт (1771-1858) - английский социалист-утопист. Будучи управляющим прядильной фабрикой в Шотландии, самоуправляющиеся коллективы рабочих. Попытки организовать

на подобных принципах колонии в Америке были неудачными, но первые возникшие в 50-х гг. кооперативы использовали идеи Р. Оуэна.

Пенк Альбрехт (1858-14945) - австрийский геоморфолог, профессор Венского университета, специалист по геоморфологии и гляциологии древнего оледенения.

Пржевальский Николай Михайлович (1839-1888) - выдающийся русский путешественник, исследователь Уссурийского края (в 1867-1869 гг.) и огромной по площади горно-пустынной области Центральной Азии, включая Тибет.

Прудон Пьер Жозеф (1809-1865) - франц. философ, социолог и экономист. В книгах «Что такое собственность?» (1840) и «Философия нищеты» (1846) предлагал путь мирного переустройства общества путем чисто экономических реформ при условии уничтожения централизованного государства, которое он считал главным тормозом развития общества. Позже развивал идеи федерализма и передачи крупных предприятий ассоциациям производителей, сохраняя мелкую частную собственность. П. А. Кропоткин называл Прудона «отцом анархизма».

Реклю Жан-Жак Элизе (1830-1905) - французский географ, социолог, теоретик анархизма. Проводил исследования в джунглях Амазонки. Участник Парижской Коммуны. Был приговорен к изгнанию, бежал в Швецарию. Автор фундаментальных книг по всемирной географии, в работе над которыми участвовал П. а. Кропоткин, его близкий друг и единомышленник.

Рулье Карл Францевич (1814-1858) - русский естествоиспытатель, биолог - эволюционист, профессор Московского университета. Один из основоположников экологии, развивавший идеи о единстве живых организмов со средой их обитания. Одним из первых в России высказал представление о том, что валуны могли быть принесены на равнину ледниками.

Сажин (Арман Росс) Михаил Петрович (1845-1934) - участник народнических кружков 1860-х гг. В 1869 г. бежал из России. Участник Парижской Коммуны и член Интернационала, сторонник М. А. Бакунина. В 1875 г. участвовал в антитурецком восстании в Герцоговине. По возвращении в Россию арестован, по процессу «193-х» приговорен к пяти годам каторги.

Салтыков (Н. Щедрин) Михаил Евграфович (1826-1889) - писатель-сатирик и публицист, не соглашавшийся с революционными демократами лишь в вопросе о необходимости восстания. По окончании Царскосельского лицея служил в военном ведомстве. Посещал кружок петрашевцев, за что провел 8 лет в ссылке в Вятке, по возвращении занимал должность вице-

губернатора в Рязани и Твери. В своем творчестве обличал крепостничество и самодержавие. Сообщил П. А. Кропоткину о готовившемся на него в окружении Александра III покушении.

Свердруп Отто (1854-1930) - норвежский полярный исследователь. Сподвижник Ф. Нансена капитан «Фрама», совершившего в 1893-1896 гг. пересечение Северного Ледовитого океана, в 1898-1902 гг. руководил исследованиями на «Фраме» в проливах Канадского Арктического архипелага, в 1914-1915 гг. участвовал в поисках пропавших во льдах русских полярных экспедиций.

Северцов Николай Алексеевич (1827-1885) - русский зоолог и географ, член ИРГО, один из первых исследователей горных районов Средней Азии - Тянь-Шаня и Памира, описанных в фундаментальных трудах.

Семенов- Тян-Шанский Петр Петрович (1827-1914) -географ, энтомолог, статистик, ботаник и историк науки. В 1873-1914 гг. - вице-председатель Императорского Русского географического общества. В 1856-1857 гг. первым из европейцев совершил путешествие на Тань-Шань. Участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г. был членом Государственного Совета.

Семенов- Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870-1942) -сын П. П. Семенова - Тян-Шанского, географ и статистик, профессор Ленинградского университета. Организованный им Центральный географический музей существовал в Ленинграде в 1932-1938 гг.

Сидоров Михаил Константинович (1823-87) - сибирский золотопромышленник, проявлявший интерес к научному исследованию и освоению Арктики. Жертвовал ИРГО, избравшему его своим членом, большие средства на организацию экспедиций в Арктике. В частности, в значительной степени финансировал экспедицию А. Э. Норденшельда на судне «Вега». Кропоткин встречался с ним в Географическом обществе.

Спенсер Герберт (1820-1903) - английский философ и социолог. Позитивист, основоположник «органической школы» в социологии, рассматривающей общество по аналогии с живым организмом. Оказал большое влияние на формирование философских и социологических взглядов Кропоткина.

Теплов Алексей Львович (1852-1921) - активный участник народнического движения, основатель бесплатной русской библиотеки в Лондоне.

Тихомиров Лев Александрович (1852-1929) - участник кружка «чайковцев». По процессу «193-х» приговорен к ссылке в Сибирь, замененной гласным надзором. Потом жил нелегально, участвуя в народовольческом движении, редактировал газету «Народная

Воля». В 1882 г. эмигрировал, в 1888 г., вернувшись на родину, стал монархистом. Написал книгу «Почему я перестал быть революционером?».

Толстой Лев Николаевич (1828-1910) - русский писатель.

Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883) - русский писатель, большую часть жизни прожил во Франции.

Фурье Франсуа Мари Шарль (1772-1837) - франц. социалист-утопист. Его идеальный «строй гармонии» основывался на коллективном труде и системе ассоциаций, исключающей классовые и экономические различия между людьми.

Чайковский Николай Васильевич (1850-1926) - по образованию химик, закончил Петербургский университет. Названный его именем кружок самообразования покинул в 1874 г., увлекшись идеей богоискательства. Уехал в Америку, потом жил в Париже, Лондоне, занимаясь революционной публицистикой. Вернувшись в Россию, вступил в партию эсеров. В 1917 г. возглавил антибольшевистское правительство в Архангельске. На процессе эсеров заочно приговорен к расстрелу. Последние годы жизни провел в Англии.

Черкезов Варлаам Николаевич (1846-1925) - участник кружков Ишутина и Нечаева в 60-х гг. XIX в. Осужден по процессу нечаевцев в 1871 г. В 1876 г. бежал из Сибири за границу. Сотрудничал в журналах «Вперед» (П. Л. Лаврова), «Община» (М. А. Бакунина) и «Revolte» (П. А. Кропоткина).

Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889) - один из идеологов народнического движения, философ, писатель, публицист, редактировал журнал «Современник». В июле 1862 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Выслан в Сибирь, где провел более 20 лет.

Чирков Владимир Григорьевич (1854-1936) - русский общественный лдеятель, излдатель, редактор полного собрания сочинений Л. Н. Тольстого.

Шварц Леопольд (Юлиус) (1822-1894) - астроном и геодезист, профессор Дерптского университета. В академической Сибирской экспедиции 1855-1858 гг. возглавлял математический отдел, выполнил маршрутную съемку на расстоянии около 20 тыС. верст.

Шиллинг Николай Густавович (1828-1910) - русский морской офицер, к концу жизни - адмирал. В своей статье, опубликованной в «Морском сборнике» в 1866 г., на основании замеченных им отклонений морских течений в Северном Ледовитом океане, впервые предположил существование еще не открытой земли к северо-востоку от архипелага.

Шишко Леонид Эммануилович (1852-1910) - бывший

артиллерийский офицер, член кружка, «чайковцев», арестован в 1874 г. и по «процессу 193-х» приговорен к 9 годам каторги. В 1890 г. эмигрировал.

Шмидт Федор (Фридрих) Богданович (1832-1908) - русский геолог, академик, исследователь геологии Сибири в 1859-1862 и 1866 гг.

Щуровский Григорий Ефимович (1803-1884) - русский геолог и минеролог, профессор Московского университета, основатель Московского общества испытателей природы (МОИП). Поддерживал представления о ледниковом происхождении валунов на Русской равнине.

Ядринцев Николай Михайлович (1842-1894) - публицист, этнограф, исследователь природы Сибири. Арестован в 1864 г. как приверженец сибирской автономии. Провел 10 лет в ссылке в Архангельской губернии.

Автор благодарен исследователям творчества П. А. Кропоткина, материалы которых в той или иной степени использованы в этой книге. Прежде всего - автору наиболее полной библиографии П. А. Кропоткина Е. В. Старостину, а также А. В. Бирюкову, А. В. Гордону, С. В. Ударцеву, П. И. Талерову, Р. Ф. Хохлову, работникам архивов, подбиравшим документы, и В. А. Маркиной, оказавшей большую техническую помощь.

Список сокращений

(И)РГО - (Императорское) Русское географическое общество.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации.

ОРРГБ - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ПОАРАН - Петербургское отделение архива Российской Академии наук.

Даты, относящиеся к событиям вне России и к российским событиям после 1917 года, приводятся по григорианскому календарю; относящиеся к России до 1917 года - по юлианскому (старый стиль).

ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАЛИ - Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЛТМ - литературный музей Л. Н. Толстого.

Об авторе

Вячеслав Алексеевич Маркин - географ, историк науки, журналист. Окончил географический факультет МГУ, кандидат географических наук.

Принимал участие в гляциологических экспедициях на ледники Арктики, Восточной Сибири, Тянь-Шаня, Памира, Кавказа и др.

Автор книг «В стране ледяных куполов» (М., 1963), «Там, где умирает Гольфстрим» (Л., 1968), «Планеты ледяной венец» (Л., 1981), «Петр Алексеевич Кропоткин» (М., 1985), «Петр Кропоткин» (Иркутск, 1992), «Великие путешествия» (М., 1999), «100 великих географических открытий» (соавтор Р. К. Баландин, М., 2000) и др.

Многие годы автор занимается исследованиями жизни и творчества Кропоткина. Экспедиционная и журналистская работа позволила ему побывать в местах, где проходили кропоткинские экспедиции, а в Англии - даже встретиться с человеком, лично его знавшим…